

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тertyчный, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бабкина М. И.</i> ТВОРЧЕСКАЯ АВТОРЕФЛЕКСИЯ В ПИСЬМАХ ОЛДОСА ХАКСЛИ	5
<i>Грибоедова Е. А.</i> ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА НЕИЗДАННОГО ТЕКСТА А. И. ЭРТЕЛЯ «СКАЗАНИЕ О БОГОУГОДНОМ СИЛАЧЕ ХРИСТОФЕРЕ»	9
<i>Жбанкова М. С.</i> ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТРАТЕГИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	14
<i>Жужгина-Аллахвердян Т. Н.</i> ВОЖДЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В РОМАНТИЗМЕ: ОТ ЭГОЦЕНТРИЗМА К ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ГЮГО И А. ДЕ ВИНЬИ)	19
<i>Карпов Д. Л.</i> АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В ЭКСПЕРТИЗАХ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ	26
<i>Кукатова О. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ УМОЛЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	29
<i>Нагина К. А.</i> ЗООМОРФНЫЕ ДВОЙНИКИ ГЕРОЕВ Л. Н. ТОЛСТОГО	32
<i>Пархоц Э. О.</i> АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ МИКРОТОПОНИМОВ ВЕРХНЕХАВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	37
<i>Пивоварова Е. Л.</i> ПРИНЦИП ЦИКЛИЗАЦИИ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРОЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	40
<i>Попова Е. А., Аль-Хамдани С.</i> «ЧУЖОЙ — СВОЙ»: ЭТНОНИМ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	44
<i>Пыльнев Ю. В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В РОССИИ И ШКОЛАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918—1920)	47
<i>Розенфельд М. Я., Фаустов А. А.</i> АССОЦИАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ МАРКЕМ (КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ) И АВТОРСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР	49
<i>Третьякова Д. В.</i> СЕКУЛЯРИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА СЕКТАНТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)	52
<i>Удодов А. Б.</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА В ДИАЛОГЕ С МИРОМ И ЧЕЛОВЕКОМ (К 150-ЛЕТИЮ М. ГОРЬКОГО)	55
<i>Хворова Л. Е.</i> РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ «СВЕТ-ТЬМА», «ВОДА» И «ЗЕМЛЯ» В ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОЗЫ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО (РАННИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ЭПОПЕЯ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ») ...	58
<i>Чыонг Тхи Фыонг Тхань</i> ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»	63
<i>Шпилева Г. А.</i> «ИСПАНОФИЛЬСТВО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: О «ФИЗИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ» НОСИТЕЛЯ СЛОВА	67
<i>Яровая Т. Ю.</i> ЯВЛЕНИЕ ЛАКУНАРНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ИНОСТРАННОМ ВУЗЕ	70

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Авдони́на Н. С.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОРТФОЛИО ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ.....	73
<i>Богданова О. А.</i> МЕДИАСТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГРЕЦИИ (2001—2017 ГГ.)	76
<i>Бучнева Е. В.</i> СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО О РОССИИ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ	84
<i>Вольф О. А., Лимбах В. А.</i> ОНЛАЙН-РАДИОВЕЩАНИЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ	88
<i>Гладышева С. Н.</i> ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ	91
<i>Дабержа В. В.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИРУСНОЙ И ЯДЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРИДНЕСТРОВСКОМ СЕГМЕНТЕ «ФЕЙСБУКА»	95
<i>Киселева П. А.</i> ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКИХ СМИ	99
<i>Кройчик Л. Е.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА В ПУБЛИЦИСТИКЕ	102
<i>Лай Линчжи</i> «МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»: МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС.....	106
<i>Лебедева Т. В.</i> ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИКА Сороковых годов XX века в публицистике Б. И. Николаевского	110
<i>Литвинова Н. В.</i> ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РЕСУРСОВ РУНЕТА.....	113
<i>Нгуен Тхи Хуен Чанг</i> ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ К ВЬЕТНАМУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	118
<i>Ряжских Е. А.</i> ГРАФОДЕРИВАТЫ В НАЗВАНИЯХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	121
<i>Страшнов С. Л.</i> К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ	124
<i>Ткаченко Ю. В.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭФИРЕ ПРИДНЕСТРОВСКИХ РАДИОСТАНЦИЙ.....	129
<i>Тулупов В. В.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	133
<i>Тулупов В. В., Щекина И. А., Браславец Л. А.</i> ПРАКТИКА РЕДИЗАЙНА САЙТА СТРУКТУРНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВУЗА	135
<i>Фатеева И. А.</i> ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ОТ КИЖА К ГИЖУ, ОТ ИНСТИТУТА К УНИВЕРСИТЕТУ	139
<i>Фролов В. В.</i> ОБРАЗ АВСТРО-ВЕНГРИИ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИЗДАНИЯ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914—1917 ГГ.»	143
<i>Цао Юй</i> ТЕЛЕАУДИТОРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТЕЙ ТРЕХЛЕТНЕГО — ШЕСТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА В КНР.....	147
<i>Чан Ван Ле</i> ТУРИЗМ КАК СПОСОБ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ВЬЕТНАМА В НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ.....	152
<i>Шевелева Е. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РАДИО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	156
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	159

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2018. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Babkina M. I.</i> THE ARTISTIC AUTO-REFLECTION IN ALDOUS HUXLEY'S LETTERS	5
<i>Griboedova E. A.</i> THE PLOT PECULARITIES OF THE UNPUBLISHED TEXT WRITTEN BY A. I. ERTEL «THE TALE OF CHARITABLE ATHLET CHRISTOFER».....	9
<i>Zhbankova M. S.</i> IVAN GROZNY AND HIS REPRESENTATION IN RUSSIAN FOLKLORE	14
<i>Zhuzhgina-Allahverdian T. N.</i> CHIEFTAIN AND HISTORICAL LEADER IN ROMANTICISM: FROM EGOCENTRISM TO HERO'S DEPERSONALIZATION (AFTER V.HUGO AND A. DE VIGNY WORKS).....	19
<i>Karpov D. L.</i> THE RESEARCH ALGORITHM OF TEXT IN ANTI-CORRUPTION INVESTIGATION.....	26
<i>Kukatova O. A.</i> SOME FEATURES OF SPEECH DEFAULT TACTICS IN MODERN RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE.....	29
<i>Nagina K. A.</i> THE ZOOMORPHIC COUNTERPART OF THE HEROES OF THE L. N. TOLSTOY	32
<i>Parhots E. O.</i> THE ANTHROPONYMS AS A COMPONENT OF THE MICROTOPYMS OF VERHNEHAVSKY DISTRICT OF VORONEZH REGION: THE HISTORICAL ASPECT	37
<i>Pivovarova E. L.</i> PROSE CYCLISATION AS A GENRE EXPERIMENT IN LITERATURE IN THE BEGINNING OF XX CENTURY	40
<i>Popova E. A., Al'-Hamdani S.</i> «FRIEND AND FOE» AS AN ETHNONYM OF RUSSIAN LINGUAL CONSCIOUSNESS.....	44
<i>Pylnev Y. V.</i> FORMATION OF NEW RUSSIAN ORGANOPHOTOGRAPHY IN RUSSIA AND SCHOOLS OF VORONEZH REGION (1918–1920).....	47
<i>Rozenfeld M. J., Faustov A. A.</i> MARKEMAS' (KEY WORDS) ASSOCIATIVE ACTIVITY AND AUTHOR'S LEXICAL RANGE.....	49
<i>Tretyakova D. V.</i> SECULARIZATION OF WORD'S RELIGIOUS SEMANTICS (DYNAMICS OF CHANGES IN A WORD «SECTARIAN» IN RUSSIAN LANGUAGE).....	52
<i>Udodov A. B.</i> LITERARY CLASSIC IN THE DIALOGUE WITH THE WORLD AND A MAN (TO THE 150 ANNIVERSARY OF M. GORKY).....	55
<i>Hvorova L. E.</i> THE DEVELOPMENT OF EDUCATION – SYMBOLS «LIGHT – DARK», «WATER» AND «EARTH» IN THE POETRY-PHILOSOPHICAL SPACE OF PROSY S.N.SERGEYEVA-TSENSKY (EARLY WORKS, EPIC «THE TRANSFIGURATION OF RUSSIA»).....	58
<i>Truong Thi Phuong Thanh</i> ONOMASTIC FEATURES IN A. PLATONOV'S STORY «THE RIVER POTUDAN»	63
<i>Shpilevaia G. A.</i> «HISPANOPHILIA IN THE XIX CENTURY RUSSIAN LITERATURE: ON THE «PHYSICAL STANDPOINT» OF THE SPEAKER»	67
<i>Iarovaia T. Y.</i> THE PHENOMENON OF LACUNARITY IN THE PROCESS OF STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE AT A FOREIGN UNIVERSITY	70

JOURNALISM

<i>Avdonina N. S.</i> THE USE OF TECHNOLOGY PORTFOLIO FOR ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK JOURNALISM STUDENTS.....	73
<i>Bogdanova O. A.</i> MEDIA STRATEGIES OF THE ORTHODOX CHURCH IN GREECE	76
<i>Buchneva E. V.</i> MODERN FOREIGN DOCUMENTARY FILMS ABOUT RUSSIA ON RUSSIAN TELEVISION	84
<i>Volf O. A., Limbakh V. A.</i> ONLINE BROADCASTING IN THE MEDIA OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA	88
<i>Gladysheva S. N.</i> OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN D. S. MEREZHKOVSKY'S EMIGRE PUBLIC WRITING.....	91
<i>Dabija V. V.</i> INTERACTION OF VIRAL AND CORE INFORMATION IN THE TRANSNISTRIAN SEGMENT OF FACEBOOK... ..	95
<i>Kiseleva P. A.</i> MARKET TRENDS TOURISM MEDIA	99
<i>Kroychik L. E.</i> ORGANIZATION OF DIALOGUE IN PUBLICISTICS.....	102
<i>Lai Lingzhi</i> «SOFT POWER» OF CHINA IN THE IMPLEMENTATION OF THE INITIATIVE «ONE BELT AND ONE ROAD»: MEDIA DISCOURSE	106
<i>Lebedeva T. V.</i> EURASIAN POLICY OF THE FORTIES OF THE TWENTIETH CENTURY IN JOURNALISM B. I. NIKOLAEV.....	110
<i>Litvinova N. V.</i> SUBJECT FEATURES INVESTIGATIVE RESOURCES OF RUNET	113
<i>Nguyen Thi Huyen Chang</i> THE ATTITUDE OF THE AMERICAN MEDIA TO VIETNAM: HISTORICAL ASPECTS	118
<i>Ryazhskikh E. A.</i> GRAPHODERIVATIVES IN THE NAMES OF THE MEDIA	121
<i>Strashnov S. L.</i> INTERPRETATION OF THE CHARACTERS IN JOURNALISM	124
<i>Tkachenko Y. V.</i> SOCIAL ISSUES IN THE AIR TRANSNISTRIAN RADIO STATIONS.....	129
<i>Tulupov V. V.</i> THE REFLECTION VALUES IN SPORTS JOURNALISM.....	133
<i>Tulupov V. V., Shekina I. A., Braslavets L. A.</i> PRACTICE SITE REDESIGN STRUCTURAL DIVISIONS OF THE UNIVERSITY.....	135
<i>Fateeva I. A.</i> JOURNALISM INSTITUTE IN LENINGRAD: FROM THE COMMUNIST INSTITUTE TO THE STATE INSTITUTE, FROM THE INSTITUTE TO THE UNIVERSITY	139
<i>Frolov V. V.</i> THE IMAGE OF AUSTRIA-HUNGARY ON THE PAGES OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY EDITIONS «CHRONICLE OF THE WAR OF 1914–1917»	143
<i>Cao Yu</i> TELEVISION PREFERENCES CHILDREN THREE YEARS TO SIX YEARS OF AGE IN CHINA	147
<i>Tran Van Le</i> TOURISM AS A WAY TO PROMOTE IMAGE OF VIETNAM IN THE NATIONAL MEDIA.....	152
<i>Sheveleva E. A.</i> THE PATH OF THE DEVELOPMENT OF THE RADIO EXPRESSIVE MEANS: STAGES AND PROSPECTS	156
SUBMISSION GUIDELINES.....	159

ТВОРЧЕСКАЯ АВТОРЕФЛЕКСИЯ В ПИСЬМАХ ОЛДОСА ХАКСЛИ

М. И. Бабкина

Уральский Федеральный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются письма О. Хаксли как релевантный ключ к его творчеству и отражение его авторефлексии. В статье отдельно рассматриваются случаи эпистолярной рефлексии Хаксли (как параллельной по времени, так и ретроспективной) по поводу таких его романов, как «Желтый Кром», «Шутовской хоровод», «Контрапункт», «После многих лет умирает лебедь», «Время должно остановиться», «Обезьяна и сущность», «Остров».

Ключевые слова: Хаксли, письма, эпистолярное наследие, авторефлексия, эволюция, «положительная программа», ретроспектива.

Abstract: the article treats A. Huxley's letters as the relevant key to his creative activities and to his auto-reflection also. The article treats the separate cases Huxley's "epistolary" reflection (both synchronous and retrospective) of his novels "Chrome Yellow", "Antic Hay", "Point Counter Point", "After Many a Summer Dies the Swan", "Time Must Have a Stop", "Ape and Essence", "Island" and some other Huxley's texts including some essays.

Keywords: Huxley, letters, epistolary heritage, auto-reflection, evolution, "positive program", retrospective.

Олдос Хаксли принадлежит к числу писателей с богатым эпистолярным наследием — тщательно задокументированным и систематизированным. В наиболее авторитетном издании 1969 года опубликовано 943 письма Хаксли, самое раннее из которых датировано приблизительно 1899-м или 1900-м годом, а самое позднее — 17 ноября 1963-го года (т.е. написано Хаксли за пять дней до смерти). Письма Хаксли можно рассматривать как своеобразное продолжение его творчества; многие из них трудноотличимы по содержанию от его статей и трактатов, поскольку содержат интенсивную авторскую рефлексия по поводу разных проявлений реальности, науки, философии, искусства, а также собственного образа мира и творчества (в опубликованных в издании 1969-го года письмах содержится свыше 600 обращений Хаксли к собственным текстам, и даже последнее предсмертное письмо содержит комментарии писателя по поводу возможной экранизации его ранней новеллы «Банкет в честь Тиллотсона» и театральных постановок по роману «После многих лет умирает лебедь» и книге «Дьяволы Лудена» [см. об этом 1, 964]).

Соответственно, в разных контекстах эпистолярное наследие Хаксли многократно анализировалось или упоминалось во многих научных источниках. В отдельных работах оно систематизируется или каталогизируется (см. В. Nügel, 2008 [2]); другие посвящены анализу на содержательном уровне отдель-

ных его частей (см. J. Sexton, 2005 [3]). Разумеется, не могли не обращаться к письмам Хаксли авторы биографических исследований (см. L. A. Huxley, 1968 [4], S. Bedford, 1974 [5], S. Bedford, vol. I, 1973 [6], S. Bedford, vol. II, 1974 [7], R. W. Clark, 1968 [8], P. Thody, 1971 [9]). В многочисленных работах, где рассматриваются отдельные репрезентации образа мира Хаксли и его творчества, также упоминаются письма Хаксли, подтверждающие или иллюстрирующие авторские концепции (см. S. Marovitz, 2005 [10], P. Firchow, 2006 [11], G. Moroz, 2011 [12]). В отечественном литературоведении к эпистолярному наследию Хаксли обращались И. Головачева (см. I. Golovacheva, 2007 [13]) и В. С. Рабинович (см. В. С. Рабинович, 2001 [14]).

Исходя из вышесказанного, письма Хаксли можно рассматривать как ключ к интерпретации ряда мотивов, образов и смыслов его творчества, а также его авторефлексии.

Письма Хаксли, в которых присутствует его творческая авторефлексия, могут быть классифицированы по временной отнесенности. Чаще всего такая авторефлексия осуществлялась в письмах, примерно совпадающих по времени с написанием соответствующих произведений (непосредственно после возникновения замысла, параллельно работе над текстом или сразу после публикации). Однако к сюжетам и смыслам отдельных своих произведений Хаксли возвращался и много лет спустя после их появления на свет, порой переосмысляя их содержание в контексте своего изменившегося мирознания.

Среди синхронных по времени с соответствующими произведениями писем Хаксли можно выделить те, в которых кратко, аннотационно излагается замысел, а также в которых Хаксли уточняет отдельные смыслы, допускающие неоднозначное толкование, расшифровывает возможные неясности, порой вступает в диалог с читателями или критиками.

Так, после написания одного из первых своих романов, «Шутовской хоровод» (1923), Хаксли в письме от 1923 года своему отцу, Леонарду Хаксли, критически оценившему содержание романа, обсуждает причины различий в восприятии этого романа представителями разных поколений. «Эта книга, — пишет О. Хаксли, — написана представителем того поколения, которое я могу назвать поколением войны — для подобных ему; и то, что я хотел выразить <...>, — это жизнь и образ мыслей тех, кто увидел насильственное разрушение почти всех стандартов, принципов и ценностей предшествующей эпохи» [1, 224. Здесь и далее перевод данного источника наш. — М. Б.]. Отсюда — констатация в письме изначального допущения писателем возможного неприятия его романа, даже со стороны собственного отца: «Я не могу сказать, что я предполагал, что тебе понравится эта книга» [1, 224]. Отсюда — и ориентация писателя на собирательного «адресата», принадлежащего к его поколению: «Но, с другой стороны, я ожидал, что моим сверстникам она понравится» [1, 224].

«Программный» роман Хаксли 1920-х годов «Контрапункт» (1928) также нашел отражение в синхронных по времени с написанием романа письмах Хаксли. Так, из письма от 17 июля 1928 года, адресованного С. Х. С. Прентис, следует, что О. Хаксли, оказывается, не был до конца доволен тем, как он изобразил «автобиографического» Филипа Куорлза. Хаксли, в частности, просит включить в уже отправленный, очевидно, в печать вариант романа поправки, которые уточняют образ «автобиографического героя»: «Дополнения сделают характер Филипа Куорлза немного яснее. Такой, каким я его изобразил, он недопустимо бесчеловечен» [1, 300]. Содержание этого письма, очевидно, свидетельствует о незаконченности, незавершенности в глазах Хаксли конца 1920-х годов собственного «я»-образа — как личности и как писателя.

Из письма от 1 мая 1928 года, адресованного Р. Николсу, мы также узнаем, что изначально Хаксли планировал озаглавить роман «Контрапункт» по-другому — это название он, оказывается, не считал оптимальным [1, 296]. Выбранный в итоге и ставший каноническим вариант («Point Counter Point» — «Контрапункт») указывает на определяющую содержание романа «музыкальную» метафору жизни как оркестра, «где все одинаково правы и одинаково не правы, и никто из них не слушает остальных» [15, 56. Пер. с англ. И. Романовича]. Однако Хаксли, очевидно, более важным в своем романе считал рефлек-

сию по поводу разнообразных закономерностей человеческого бытия, а не «музыкальную» метафору, что и отразилось в поиске оптимального названия: «“Diverse Laws” — это то, что я хочу. <...> или — “The Diverse Laws”? Я думаю, что последнее слишком близко к “Those Barren Leaves”» [1, 296]. Очевидно, более точно, по мнению Хаксли, отражающее смысл романа название не было принято им, чтобы избежать возможной автопародии, так как оно на уровне звукописи ассоциировалось бы с названием незадолго до этого вышедшего в свет романа «Эти бесплодные листья» («Those Barren Leaves» — ср. «The Diverse Laws»).

Судя по письму от 7 декабря 1943 года, адресованному К. Канфилд, подверглось пересмотру и название романа Хаксли «Время должно остановиться» (1945) [здесь и далее см. 16]. Как пишет Хаксли, изначально он планировал взять в качестве названия нового романа цитату из шекспировской комедии «Мера за меру» — «Glassy Essence» («стеклянная сущность») [16, 498]. «К сожалению, — пишет Хаксли, — “Glassy Essence” звучит немного шипяще» [1, 498]. Оба варианта не случайны. Так, фрагмент шекспировской комедии, откуда позаимствована вышеупомянутая цитата, имеет концептуальное значение для творчества Хаксли этого периода и присутствует также в романе-антиутопии «Обезьяна и сущность» (1948), написанном через несколько лет. Более того, этот процитированный шекспировский пассаж явно позиционируется как смысловой центр романа «Обезьяна и сущность», актуализируя смысл хрупкости человека и бездумного игнорирования им этой данности: «Но гордый человек, что облечен // Минутным кратковременным величием // И так в себе уверен, что не помнит, // Что хрупок, как стекло [в шекспировском тексте — *glassy essence*]. — М. Б., — он перед небом // Кривляется, как злая обезьяна, // И так, что плачут ангелы над ним, // Которые, будь смертными они, // Наверно бы до смерти досмеялись» [цит. по: 17, 628. Пер. с англ. И. Русецкого]. Таким образом, шекспировская цитата, приведенная в письме Хаксли в смысловой связи с романом «Время должно остановиться» и фигурирующая в более поздней «Обезьяне и сущности», является маркером смысловой родственности этих произведений. Выбранное в конце концов название — «Time Must Have a Stop», также имеет шекспировское происхождение (см. «King Henry IV», Part 1 [18]) и актуализирует важную для Хаксли этого периода ценность освобождения от времени.

Как это ни странно, Хаксли, рационалист по складу мысли, обосновывает в своих письмах преимущество религиозной, «мистической» [1, 483] веры перед различными «политическими религиями» [1, 483]. Выглядит необычным то, что Хаксли в число этих вредных или потенциально вредных «политических религий» [1, 483] включил и «гуманизм» [1, 483]. Как явствует из его уже процитированного выше

письма от 23 ноября 1942 года, адресованного брату Джулиану Хаксли, Олдос Хаксли считал опасным для общества и отдельного человека утопические социальные учения, базирующиеся на убеждении, что люди «гипотетически должны стать лучше, счастливее и умнее году так в 2000-м» [1, 483]. Соответственно, в этом письме Хаксли к таким угрожаящим цивилизации «политическим религиям» [1, 483] относит как уже реализовавшие себя на практике коммунизм и нацизм, так и «сегодня безвредные, потому что неорганизованные и не наделенные силой, формы гуманизма и утопизма» [1, 483]. Соответственно, и в романе «Время должно остановиться» выходящая за пределы времени и «человеческого уровня» концепция жизни Бруно Ронтини противопоставлена двум внешне противоположным, но по существу родственными именно своей гуманистической основой позициям — отца Себастьяна, «гуманиста-энтузиаста» Джона Барнака, приверженца социальных преобразований, и «гуманиста-гедониста» Юсташа Барнака. По существу, их позиции различаются отношением к символическому Вечернему Костюму как олицетворению гедонистического наслаждения жизнью: один — Юсташ — благословляет Вечерний Костюм, другой — Джон — запрещает его. А «герой-резонер» Бруно Ронтини дает ему «вневременную альтернативу».

Отразилась в эпистолярном наследии Хаксли и рефлексия по поводу содержания его последнего утопического романа «Остров»: собственно, замысел этого еще не написанного текста освещается уже в письмах второй половины 1950-х годов. После же публикации «Острова» в 1962 году отклик в письмах Хаксли нашла неоднозначная реакция критиков и читателей на этот роман: некоторые из них отказывались видеть в «Острове» художественную ценность, рассматривая его исключительно как своеобразную «проповедь». В последних письмах Хаксли можно найти рефлексию — порой критическую по отношению к самому себе — по поводу проповеднического и художественного в «Острове». Как явствует из письма от 1 марта 1962 года, Хаксли отчасти признает преобладание в своем последнем романе идеи над художественной формой, что рассматривает как определенный изъян: «Слабость этой книги — в дисбалансе между замыслом и исполнением. История слишком весомая в плане идей и размышлений. Увы, я не знаю, как преодолеть этот недостаток» [1, 930].

К отдельным своим произведениям Хаксли возвращался в письмах и много лет спустя после их публикации, сопровождая это своеобразной ретроспективной авторефлексией. В некоторых случаях Хаксли при этом актуализирует эволюцию своего взгляда на мир, оценивает ранее написанное через призму изменившегося мирознания, в чем-то соглашаясь, в чем-то полемизируя с самим собой в прошлом, а также осмысляя, в частности, свои антиу-

топические модели в контексте новой реальности. Наиболее представительны в этой связи многочисленные обращения в поздних письмах Хаксли к его антиутопическому роману «О дивный новый мир». К другим своим произведениям Хаксли обращался в письмах значительно реже — однако обращался.

Так, в письме от 30 декабря 1945 года, адресованном Дж. Хэйер, Хаксли делает своеобразное обобщение по поводу своего раннего творчества и, в частности, романа «Контрапункт» (1928). Собственно, свое творчество 1920-х годов Хаксли помещает здесь в контекст обретенной позже «положительной программы» — как своеобразное предвестие этого нового «проповеднического» этапа своего творчества. Представляется парадоксальным, что, если, например, Л. Н. Толстой, чья эволюция творчества была отчасти родственна эволюции творчества Хаксли (от «художества» — к «проповеди») после духовного «перелома» 1881 года фактически дистанцировался от всего своего прежнего творчества как «ложного», Хаксли после родственного «перелома» середины 1930-х годов все же воспринимал свое прежнее творчество как своеобразное предвестие этого «перелома». Соответственно, в письме от 30 декабря 1945 года, подразумевая «выводы, которые следуют из “Контрапункта”» [1, 538], — он пишет: «В любом случае, именно через эстетическое я пришел к духовному, начав с отрицания духовного в пользу эстетического <...>. Стимулирующим мотивом здесь было ощущение, что даже высочайшее искусство здесь недостаточно, и, если бы все ограничивалось только им, это было бы бедновато для человека с точки зрения конечных целей его существования» [1, 538]. Примечательно в этой связи, что Л. Н. Толстой в своих поздних работах (см. «Что такое искусство» [19]) фактически ниспровергал искусство и «эстетическое» как своеобразную ненужную для подлинного духовного развития «игрушку». В рассуждениях героя-резонера мистера Проптера из «проповеднического» романа «После многих лет умирает лебедь» (1939) [20] также присутствует рефлексия по поводу ограниченности искусства перед лицом высших целей человечества, однако само искусство при этом не отрицается, но просто признается его недостаточность. Соответственно, и в письме Хаксли от 30 декабря 1945 года искусство — в том числе, и его собственное «эстетическое» творчество 1920-х годов — не отрицается, но просто трактуется с точки зрения его «недостаточности» и одновременно рассматривается как своеобразная опора для последующего выхода к «духовному».

Далее, в письме доктору Х. Осмонду от 19 августа 1962 года Хаксли актуализирует основной смысл своего написанного четырнадцатью годами ранее романа «Обезьяна и сущность»: «Цели выбираются обезьяной, только средства человечески, как я отмечал в романе “Обезьяна и сущность”. Может быть, мы можем что-

то сделать, чтобы гуманизировать цели» [1, 936]. Это свидетельствует о пересмотре Хаксли своих убеждений более раннего периода жизни и творчества относительно будущего человеческого социума: если в антиутопии «Обезьяна и сущность» Хаксли приводит человечество к ядерной катастрофе и деградации, то позже его прогнозы становятся более оптимистичными, включают в себя вероятность позитивного выхода, что отразилось в его поздней утопии «Остров».

Исходя из вышесказанного, письма Хаксли можно рассматривать в качестве авторитетного источника, уточняющего отдельные важные смыслы его произведений, а также в качестве достаточно надежного основания для интерпретации его авторефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Letters of Aldous Huxley / Edited by Grover Smith.— L.: Chatto & Windus, 1969.— 995 p.
2. Nugel B. A Preliminary Catalogue of Aldous Huxley's Manuscripts, Typescripts and Proofs at Saura Huxley's Residence / B. Nugel.— Aldous Huxley Annual.— Vol. 6 (2006).— 2008.— P. 177—198.
3. Sexton J. Aldous Huxley's Letters to Mary Hutchinson: A Partial Preview to a coming collection. The Perennial Satirist Essays in Honour of Bernfried Nugel / J. Sexton.— Lit Verlag Munster, 2005.— P. 313—325.
4. Huxley L. A. This Timeless Moment: a personal view at Aldous Huxley / L. A. Huxley.— N.-Y.: Farrar, 1968.— 332 p.
5. Bedford S. Aldous Huxley: a biography / S. Bedford.— N.-Y.: Knopf: Harper and Row, 1974.— 400 p.
6. Bedford S. Aldous Huxley: a biography: в 2 т. / S. Bedford.— L.: Chatto & Windus and William Collins Sons: Vol. I., 1973.— 378 p.
7. Bedford S. Aldous Huxley: a biography: в 2 т. / S. Bedford.— L.: Chatto & Windus and William Collins Sons: Vol. II., 1974.— 400 p.
8. Clark R. W. The Huxleys / R. W. Clark.— L.; Melbourne; Toronto; Cape Town; Auckland: Heineman, 1968.— 398 p.
9. Thody P. Aldous Huxley: a biographical introduction / P. Thody.— L.: Studio Vista, 1971.— 144 p.
10. Marovitz S. Brave New World: A Drama of 1938 / S. Marovitz // The Perennial Satirist Essays in Honour of Bernfried Nugel. Lit Verlag Munster.— 2005.— P. 211—220.
11. Firchow P. Nancy (Myra, Lucy); Carrington (Mary, Anne); and Aldous (Theodore, Walter): Fact and Fiction / P. Firchow // Aldous Huxley Annual.— Vol. 5 (2005).— 2006.— P. 95—115.
12. Moroz G. The Narrative Personal of Aldous Huxley's Travel Books / G. Moroz // Aldous Huxley Annual.— Vol. 9 (2009).— 2011.— P. 145—182.
13. Golovacheva I. Theories of the Mind and Psychotherapy in the Works of Aldous Huxley / I. Golovacheva // Aldous Huxley Annual. Proceedings of the Third International Aldous Huxley Symposium.— Riga, 2004.— 2007.— P. 123—139.
14. Рабинович В. С. Олдос Хаксли: эволюция творчества / В. С. Рабинович.— Екатеринбург: — Уральское литературное агентство, 2001.— 448 с.
15. Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы: [пер. с англ.] / О. Хаксли.— М.: АСТ, 2009.— 986 с.
16. Huxley A. Time must have a stop / A. Huxley.— N.Y.; L.: Harper & Brothers, 1944.— 314 p.
17. Хаксли О. Обезьяна и сущность / О. Хаксли // Утопия и антиутопия XX века. Вып. 1. / Пер. И. Русецкого.— М.: Прорпесс, 1990.— С. 489—617.
18. Shakespeare W. King Henry IV. Part I. / W. Shakespeare; Ed. D. Berington.— Oxford: Oxford University Press; 1998.— 315 p.
19. Толстой Л. Н. Что такое искусство? / Л. Н. Толстой.— М.: Современник, 1995.— 593 с.
20. Huxley A. After many a summer dies the swan / A. Huxley.— London; Toronto; Sydney; New York, 1980.— 254 p.

Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Бабкина М. И., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института УрФУ

E-mail: mar-babkina@yandex.ru

The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Babkina M. I., Postgraduate Student of the Russian and Foreign Literature Department

E-mail: mar-babkina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА НЕИЗДАННОГО ТЕКСТА А. И. ЭРТЕЛЯ «СКАЗАНИЕ О БОГОУГОДНОМ СИЛАЧЕ ХРИСТОФОРЕ»

Е. А. Грибоедова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются сюжетные особенности неизданного текста А. И. Эртеля «Сказание о богоугодном силаче Христофоре», хранящегося в архиве писателя. Выявлены возможные источники легенды, определена степень их сходства с различными текстами. «Сказание» несет в себе одну из главных мыслей всего творчества А. И. Эртеля о смысле жизни человека — идею самопожертвования как путь к Богу.

Ключевые слова: А. И. Эртель, сказание, легенда, святой Христофор, Яков Воразинский, мотивы, жанровые особенности, самопожертвование.

Annotation: the article deals with the plot features of the unpublished text written by A. I. Ertel "The Legend of the God-pleasing strength athlete Christopher", stored in the writer's archive. The possible sources of the legend are revealed and the degree of their similarity with different texts is determined. "The Legend" carries in itself one of the main thoughts of Ertel's entire work about the meaning of human's life — the idea of a self-sacrifice as a way to God.

Keywords: A. I. Ertel, tale, legend, St. Christopher, Jacob Vorazinsky, motives, genre features, self-sacrifice.

Александр Иванович Эртель — один из представителей писателей 80—90-х годов XIX века, чье появление в печати вызвало неоднозначную реакцию критиков и писателей. Свое творчество писатель посвятил размышлению о судьбе крестьянства на рубеже XIX—XX веков. Авторское осмысление этой темы вызывало как положительные, так и отрицательные отклики современников. К середине XX в. сложилось представление об А. И. Эртеле как о писателе народнического направления. Вдумчивый анализ произведений писателя доказывает внимание автора к крестьянству, его радостям и бедам, однако А. И. Эртель далек от его идеализации. В духе традиций русской литературы внимание писателя привлекают философские и религиозные искания героев. Особенно ярко этот интерес проявился в романе «Гарденины» в создании образа Ивана Федотыча — деревенского книжника, философа, правдоискателя. Средством выражения мыслей этого героя становится легенда. В поисках материалов, рассказывающих о процессе создания этого образа, мы обратились к архиву писателя.

В архиве А. И. Эртеля хранятся личные письма, рукописные варианты некоторых повестей и рассказов, существенную часть составляют многочисленные тексты народных песен, сказок и легенд, записанных А. И. Эртелем во время его поездок в Тверскую и Самарскую губернию. Среди рукописных авторских текстов мы находим «Сказание о богоугодном силаче Христофоре». Легенда повествует о некоем бога-

тыре Христофоре, обладающем невероятной силой. В поисках применения своей силы Христофор идет от царя к дьяволу, от дьявола к Богу. В конце концов он находит применение своей силе — в помощи людям при переправе через реку. Однажды, перенося через реку Христа в образе младенца, Христофор погибает. Приведем текст легенды полностью.

Сказаніе о богоугодномъ силачѣ Христофорѣ.

Жилъ въ землѣ Ханаанской мужъ исполинскаго роста и богатырской силы. Звали его Христофоромъ. И не зналъ онъ куда дѣвать свою силу могучую. И порѣшилъ онъ поступить на службу къ самому сильному и знатному царю на свѣтѣ.

И пошелъ Христофоръ по бѣлу свѣту самаго великаго царя искать. Долго ходилъ онъ по людямъ и все выпрашивалъ про царя такого. И наконецъ указали ему люди одного царя. «Сильнѣе и славнѣе его, говорятъ, нѣтъ на свѣтѣ». Обрадовался Христофоръ, отыскалъ этого царя и попросился къ нему на службу. И какъ увидалъ царь мощный складъ Христофора, тотчасъ принялъ его къ себѣ въ тѣлохранилище.

Зашелъ разъ къ царю во дворецъ гусярь. Призвалъ его царь къ себѣ, велѣлъ пѣсни играть. Сталъ гусярь разныя пѣсни играть и въ одной пѣснѣ много про дьявола поминалъ. И какъ помянетъ гусярь лукаваго, такъ царь и перекрестится. Удивился этому Христофоръ и спросилъ у царя: «Зачѣмъ ты крестишься, государь?» Ничего не отвѣчалъ ему на это царь. Тогда Христофоръ сказалъ: «Коли не скажешь, то уйду я отъ тебя». И сказалъ царь: «Для того крещусь, чтобы оборониться отъ дьявола. Велика вражья сила, и боюсь я, чтобы не овладѣлъ мною лукавый». Тог-

да Христофоръ сказалъ: «Значить дьяволъ-то этотъ сильнѣ тебя, коли боишься ты его. Обманули меня, видно, люди: не ты самый великій изъ всѣхъ царей. Пойду отыщу я дьявола этого и ему буду служить».

И ушелъ Христофоръ отъ царя того и сталъ опять ходить по бѣлу свѣту, дьявола искать. И проходилъ онъ разъ безлюдную пустыню и встрѣтилъ великое полчище воиновъ, и впереди ихъ съ видомъ побѣдителя шагало страшное, безобразное чудовище. И остановило чудовище Христофора и спросило: «Куда, человѣче, путь держишь?» — И отвечалъ Христофоръ: «Иду искать дьявола: онъ самый сильный царь, и я хочу ему служить». — И сказала чудовище: «Вѣрно, что дьяволъ самый сильный царь и нечего тебѣ больше искать его: я — самъ дьяволъ. Коли хочешь служить мнѣ, иди за мною». Обрадовался Христофоръ, поклонился дьяволу въ землю и пошелъ за нимъ.

Шли, шли войска и пришли къ перекрестку, гдѣ четыре дороги расходились. Около того мѣста стояла большой деревянный крестъ. И какъ увидалъ лукавый тотъ крестъ, великій страхъ овладѣлъ имъ, и затрясся онъ весь съ головы до ногъ. И повернулъ онъ обратно свои войска и сдѣлалъ большой обходъ, чтобы миновать тотъ крестъ. Удивился Христофоръ и спросилъ: «Чего такъ оробѣлъ, Владыко?» Ничего на это не отвѣтилъ дьяволъ. И сказалъ Христофоръ: «Коли не скажешь, — уйду отъ тебя». И сказалъ тогда дьяволъ: «Какъ не бояться мнѣ креста! Ведь на немъ Христосъ былъ распятъ, боюсь я гнѣва божьего. Вотъ почему, при видѣ креста, смертный страхъ нападаетъ на меня, и мнѣ приходится бежать». И еще пуще удивился Христофоръ и воскликнулъ: «Такъ ты Христа какого-то боишься. Видно, сильнѣ онъ тебя. Обманщик ты, значить, нечего мнѣ больше идти за тобою. Пойду я, разыщу Христа и ему одному буду служить».

И оставилъ Христофоръ дьявола, и пошелъ Христа искать. И долго ходилъ онъ по разнымъ мѣстамъ и всѣхъ спрашивалъ, гдѣ Христа найти. Но никто сказать не могъ. И дошелъ онъ до кельи одного отшельника и сталъ просить старца указать ему путь къ Христу. «И вравду, сынъ мой, сказалъ старецъ, нѣтъ в мірѣ сильнѣе и славнѣе Господа нашего Иисуса Христа, царя небеснаго. Но нелегко путь к нему, — такъ учить наша вѣра. Кто хочетъ служить Ему, на того накладываетъ онъ много трудныхъ подвиговъ. По правиламъ церкви нашей, придется тебѣ строгий постъ соблюдать...» — Но Христофоръ сказалъ: «Не стану я тѣло истязать: отъ поста проподетъ вся сила моя богатырская». — Старецъ же продолжалъ свое наставленіе: «И нужно тебѣ усердно и неустанно творить молитву». А Христофоръ съ грустью воскликнулъ: «Не понимаю я ничего въ молитвѣ, да и не вижу въ ней никакой силы. Не по мнѣ это служеніе, и не стану я связывать себя молитвой». Тогда задумался старецъ, помолчалъ немного и сказалъ: «Есть тутъ широкая рѣка. Въ хорошую погоду люди пере-

ходятъ это рѣку въ бродъ. Но когда дождь идетъ, она внезапно разливается и бушуетъ, и много отъ этого погибаетъ путниковъ. Ну вотъ, коли не желаешь ты ни поститься, ни молиться, то иди ты на эту рѣку людямъ помогать. Много ты можешь народу со своею силою спасти, многимъ — переправу облегчить. Кто знаетъ, можетъ стать, и приметъ Господь служеніе такое и откроется тебѣ Самъ». И возрадовался Христофоръ словамъ старца, и воскликнулъ: «Вотъ это дѣло я могу исполнить. Любо сердцу моему служеніе такое».

И исполнилъ Христофоръ указаніе старца-отшельника, пошелъ къ рѣкѣ той и на высокой сторонѣ, около самой переправы устроилъ себѣ шалашъ. И сталъ онъ съ того дня проводить путниковъ черезъ бродъ. Престарѣлыхъ и слабыхъ онъ поддерживалъ, а дѣтей и хворыхъ переносилъ на своихъ плечахъ. Въ непогодицу онъ день и ночь не спалъ, все на берегу сидѣлъ, прислушивался. И когда доносился до него крикъ утопающего, тотчасъ бросался онъ въ бурныя волны и спасалъ отъ гибели брата. И прожилъ онъ за дѣломъ этимъ десять лѣтъ, и много людей онъ спасъ отъ лютой смерти. И никогда не унывалъ онъ, ни разу не падалъ духомъ, всегда охотно и радостно совершалъ онъ свое служеніе ближнему. И когда удавалось ему спасти погибавшего, радовалось сердце его, и великою любовью наполнялось оно.

И полюбилась Господу жизнь Христофора. Взглянулъ на него Христосъ съ своего небеснаго престола и подумалъ: «Вотъ человѣкъ — не знаетъ, какъ поклоняться Мнѣ, но нашелъ путь для служенія Мнѣ».

И на десятомъ году служенія своего, въ одну бурную ночь, услышалъ Христофоръ крики утопавшего ребенка. Въ мгновеніе ока бросился онъ въ темныя волны и поплылъ туда, откуда крики доносились. И доплылъ онъ до ребенка и хотелъ взвалить его къ себѣ на плечи. Но ухватился ребенокъ ему за голову, вцѣпился въ волосы его и замеръ. Захлебнулся Христофоръ, не смогъ головы своей освободить, и пошли они оба ко дну. И нашло на Христофора сомненіе, и подумалъ онъ: «Нѣтъ, видно, не всемогущъ и небесный Царь, коли не въ силахъ онъ своего вѣрнаго слугу спасти». И только подумалъ такъ Христофоръ, — совсѣмъ захлебнулся онъ.

И вдругъ стало свѣтло и спокойно кругомъ. И слышалось Христофору, будто около самага уха его тихо заговорилъ ребенокъ дивнымъ голосомъ: «Нѣтъ, не безсиленъ Я и не покинулъ тебя, вѣрнаго раба своего. Мужайся: мы побѣдили. Богъ есть любовь, и любовь не знаетъ смерти». И понялъ Христофоръ, что самъ Христосъ явился ему. И возрадовался Христофоръ великою радостью, и просвѣтлѣла душа его, и замѣтилъ онъ, какъ вылетѣла она изъ тѣла его.

Сюжет легенды вызывает закономерный вопрос о его источнике. Мы рассмотрим несколько текстов о святом Христофоре и попытаемся определить, который из них наиболее близок к легенде А. И. Эртеля,

то есть рассмотрим возможные источники, а также степень авторской переработки.

Обращаясь к церковной традиции, мы находим сведения о святом мученике Христофоре, жившем в III веке при императоре Декии (249—251). О жизни и чудесах его существует много различных сказаний, память его чтится и в восточной, и в западной христианской традиции. При этом следует отметить, что образ этого существует не только в канонических житиях святых, но и в народных западно- и восточноевропейских легендах, которые приводят в своих трудах Ф. И. Буслаев [1], А. Н. Веселовский [2], А. Н. Афанасьев [3]. Внимание ученых привлекает необычность образа святого: в ряде легенд Христофор описывается как человек огромного роста с песьей головой, то есть как кинокефал — зооморфный персонаж, существующий в культуре разных народов, имеющий человеческое тело и голову собаки, волка, шакала или гиены. Е. Н. Максимов в статье «Образ Христофора кинокефала» [4] приводит ряд легенд, ссылаясь и на древние тексты, и на исследования российских ученых, в которых отражаются разнообразные версии появления песьей головы у святого Христофора. Часть источников утверждает, что Христофор изначально был рожден таковым, вторая часть легенд указывает, что Христофор, напротив, был очень красив, но он попросил у бога сделать его облик отталкивающим и, таким образом, приобрел голову пса. В Средневековой Европе наиболее распространена была легенда, размещенная в книге житий святых «Золотые легенды» (1260 г.). Книга была написана доминиканцем Яковом Ворагинским (ок. 1228—1230—1298), епископом Генуи, и была очень популярна. В этом варианте легенды внешняя

характеристика ограничивается огромным ростом и необыкновенной силой Христофора: «Christophe était Chananéen; il avait une taille gigantesque, un aspect terrible, et douze coudées de haut» («Христофор родом хананеец был великанского роста и ужасного вида, рост же его достигал 12 локтей») [5].

Русские источники (Пролог [6], «Жития святых» Д. Ростовского [7]) отмечают огромный рост и песью голову Христофора, а также его происхождение из страны людоедов [6]: «И ѿсемь преславномоучениць глѣтся нѣкое чюдно и преславно, ꙗко песью главою имѣаше, ѿ страны челоукоядецъ».

И ѿсемь преславномоучениць глѣтся
нѣкое чюдно и преславно, ꙗко песью главою
имѣаше, ѿ страны челоукоядецъ.

Это указание сближает их с греческими текстами легенд, которые приводит в пример А. Н. Веселовский.

Сравнение текстов, которые могли бы послужить источником легенды А. И. Эртеля, позволяет утверждать, что писатель обращался не к русским и греческим житиям, поскольку в них отсутствуют мотив песьей головы и эпизоды поисков хозяина Христофором, его служение на реке. Эти мотивы мы встречаем у Якова Ворагинского, однако в этом тексте Христофор не погибает на переправе, а идет к императору, где проповедует, обращает воинов в христиан и гибнет мученической смертью. И, тем не менее, именно этот текст наиболее близок к сюжету, изложенному А. И. Эртелем.

В целом сравнение сюжетных мотивов различных легенд о святом Христофоре можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 1):

Таблица 1.

Основные мотивы легенд о Святом Христофоре.

Основные мотивы легенды	Ворагин-ский	Пролог	Ростов-ский	Эртель	Амфитеат-ров
Имя Репрев		+	+		
Богатырь большого роста	+	+	+	+	+
Песья голова		+	+		
Искал, кому служить	+			+	+
Царь крестился при имени дьявола	+			+	+
Дьявол обходил крест на дороге	+			+	+
Отшельник подсказывает три способа служить Христу	+			+	+
Набрал сапог земли и высыпал на могилу матери — холм Христофора					+
Служение у переправы	+			+	+
Нес младенца	+			+	+
Утонул				+	+

Посох зацвел	+	+			
Отправился в другой город	+				
Молился, чтобы господь дал ему возможность говорить на чужом языке	+				
Обличал христианских гонителей		+	+		
Был биен Вакхом	+	+	+		
Царь послал за ним воинов	+	+	+		
Дал хлеб воинам		+	+		
Обратил в христианство 200 воинов	+	+	+		
Был крещен святым Вавилою из Антиохии получил имя Христофор		+	+		
Царь, увидев Христофора, упал в обморок	+	+	+		
Акилина и Калиника	+	+	+		
Всех огню предаша, а Христофора в медный сосуд и пригвоздить там	+	+	+		
Приказал стрелять в Христофора стрелами	+				
Одна стрела ранила царя, исцелился кровью Христофора	+				
Камень на шею и в колодец — остался невредим		+	+		
Отрубили голову		+	+		

Рассмотрим подробнее текст А. И. Эртеля и Я. Ворагинского. Мы видим, что тексты, имея общее начало и разный финал, тем самым получают разное смысловое наполнение. Рассмотрим подробнее композицию двух текстов. Эпизоды поиска Христофором «самого великого царя» и встреча с Иисусом Христом у Я. Ворагинского являются предысторией для главных событий в жизни Христофора: его проповеднической деятельности и мученической смерти, которые и являются кульминацией этой легенды. У А. И. Эртеля эпизоды поисков являются развитием действия, и кульминацией становится служение Христофора людям, его помощь в переправе через реку и встреча с Иисусом Христом. Такое смещение акцентов позволяет выявить авторский замысел легенды. Для христианской легенды, изложенной Я. Ворагинским, монахом-доминиканцем, главным является проповедническая деятельность Христофора и его мучения от рук противников христианства. А. И. Этель, останавливаясь на служении Христофора на реке, тем самым утверждает, что служение людям и служение Иисусу Христу равнозначны. Особенно эта мысль подтверждается сравнением легенды А. И. Эртеля с текстом с аналогичным сюжетом А. Амфитеатрова «Богатырь Христофор (Амальфитанская легенда)¹ [8]. Этот текст использует сюжет, сходный с тем, что видим у А. И. Эртеля, с некоторыми расхождениями (см. таблицу). Однако автор, подробно описывая жизнь героя, акцент делает на небывалой силе Христофора, а также на стремлении Христофора отыскать Христа. Кульминацией данной легенды является смерть героя, которая совмещается с окончанием его поисков Христа.

¹ Легенда была впервые опубликована в 1902 г. В предисловии к книге автор указывает: «Легенда о св. Христофоре записана лично мною в Амальфи».

Еще одной особенностью текста А. И. Эртеля, обращающей на себя внимание, является стилистика повествования. А. И. Этель, излагая историю силача Христофора, использует традиционные элементы стиля русской агиографической литературы: начинает фразы с союза «и»: «И не зналъ онъ куда двѣвать свою силу могучую. И порѣшилъ онъ поступить на службу къ самому сильному и знатному царю на свѣтъ». Для сравнения обратимся к тексту о святом Христофоре, помещенном в Прологе, встречаются такие обороты: «...й коснѹса оустомѣ егѡ, ѥ тогѡ глѣти оустрѡи» [6].

и конѣмъ
ѡутрѣмъ ѥгѡ ѥ тогѡ глѣти ѡутрѣи .

А. И. Этель широко использует и книжные выражения «великое полчище, великая любовь, небесный престолъ, дивный голосъ, великій страхъ, царь небесный».

В речи Христофора писатель использует просторечные выражения «оборониться, порѣшилъ, лукавый, оробѣлъ, хворый», некоторые традиционные эпитеты: «бѣлый свѣтъ», «силушка моя богатырская».

Также следует обратить внимание на заключительную мысль, высказанную самим Иисусом Христом: «Богъ есть любовь, и любовь не знаетъ смерти». Это высказывание мы встречаем в 1-м Послании Иоанна [9]. Русская литература неоднократно пытается осмыслить это высказывание: эту мысль высказывает Сонечка Мармеладова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», неоднократно эта мысль звучит в творчестве Л. Н. Толстого. Эти слова заставляют нас обратиться и к роману А. И. Эртеля «Гарденины», где автор вкладывает их в уста Ивана Федотыча, одного из главных героев романа: «Бог, Николушка, всему держава. А бог есть любовь» [10; 62, 144]. В целом и главная мысль легенды, и стиль ее изложения близок к тем легендам и былям, ко-

торые излагает Иван Федотыч. В рассказе о первой любви Ивана Федотыча, в легенде о Фаустине Премудром А. И. Эртель проводит мысль о всеобъемлющей силе любви, о ее первостепенной важности. Кроме этого, устами Ивана Федотыча утверждается важная мысль о служении Богу через служение людям. Мы можем высказать предположение, что легенда могла быть включена в роман «Гарденины» в качестве легенды-притчи Ивана Федотыча. Идея самопожертвования как путь к Богу близка Ивану Федотычу, и свою жизнь он строит в соответствии с этой мыслью.

Таким образом, «Сказание о богоугодном силаче Христофоре», которое мы находим в архиве А. И. Эртеля, можно соотнести с легендой Я. Ворагинского и считать ее одним из возможных источников. Сюжет легенды изменен писателем и утверждает мысль о служении Богу через служение людям, о любви к ним. Эта же мысль прослеживается в образе Ивана Федотыча, героя романа «Гарденины». Вполне возможно, что «Сказание» предполагалась как одно из вводных повествований героя романа. Кроме того, легенда иллюстрирует размышления А. И. Эртеля о смысле жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев. Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Соч. Ф. Буслаева. — СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. — Т. II. СПб.: Древнерусская литература и искусство, 1861. — С. 418.
2. Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования / [Соч.] А. Н. Веселовского. — СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1886—1888. — Вып. 1: Греко-Византийский период. — С. 453—475.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: Т. 1—3 / А. Афанасьев — М.: К. Солдатенков, 1865—1869. — Т. 2. — Репринт. изд. 1868 г. — 1994. — С. 653, 667, 741, 770.
4. Максимов Е. Н. Образ Христофора Кинокефала (опыт сравнительно-мифологического исследования) / Е. Н. Максимов // Древний Восток. Сб. 1. — М.: Наука, 1975. — С. 76—89.
5. La légende dorée de Jacques de Voragine nouvellement traduite en français avec introduction, notices, notes et recherches sur les sources par l'abbé J.-B. M. Roze, chanoine honoraire de la cathédrale d'amiens — Édouard Rouveyre, éditeur, Paris MDCCCII — Режим доступа: <http://www.abbaye-saint-benoit.ch/voragine/tome02/101.htm>
6. Пролог, сиречь всеполное писание всех древних святых отец и святых жен от житий их и мучения в кратце сложенные словеса и повести чудны от отец же. ПРОЛОГ, вторая половина (март — август). — 6.XII.1643 (15.XII.7151—6.XII.7152). Михаил; Иосиф. Переиздание кон. XIX — нач. XX — Режим доступа: <http://sobornik.ru/text/prolog/prolog03—05/prolog03—05.htm>
7. Жития Святых святителя Димитрия Ростовского. Полное собрание. Репринтное издание 1904 года. — Режим доступа: http://www.k-istine.ru/sants/our_sants_all_sant.htm
8. Полное собрание. Репринтное издание 1904 года. Амфитеатров А. «Богатырь Христофор (Амальфитанская легенда)» / А. Амфитеатров Святочная книжка. — С. Петербург, 1902 г. — С. 3—17.
9. 1-е послание Иоанна, 4:16
10. Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: роман / А. И. Эртель; послесл. К. Ломунова. — М.: Художественная литература, 1987. — 365 с.

Воронежский государственный университет
Грибоедова Е. А., заведующий музеем народной культуры и этнографии ВГУ
E-mail: folk@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Griboedova E. A., Head of the Museum of Folk Culture and Ethnography
E-mail: folk@phil.vsu.ru

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТРАТЕГИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. С. Жбанкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: предметом исследования в статье является образ Ивана Грозного в русском фольклоре и древнерусской литературе. Автор определяет основные тенденции изображения Ивана IV в народном творчестве, что позволяет выстроить типологию образов царя в фольклорных текстах. Данная типология основывается на тех социальных ролях, которые Иван Грозный играет в том или ином произведении.

Ключевые слова: Иван Грозный, русский фольклор, литературная типология, древнерусская литература, художественный образ.

Abstract: the subject of the study in the article is the image of Ivan the Terrible in Russian folklore and ancient Russian literature. The author determines the main trends in the image of Ivan the IV in folk art, which allows to build a typology of images of the tsar in the folklore texts. This typology is based on those social roles that Ivan the Terrible plays in a particular creation.

Keywords: Ivan the Terrible, Russian folklore, literary typology, ancient Russian literature, artistic image.

Изучение образа исторической личности в фольклоре зачастую вызывает ряд трудностей. Еще А. Н. Веселовский поставил вопрос о соотношении народных преданий и исторической действительности, отраженной в них. Именно в фольклоре наиболее ярко воплощаются народная память и исторический опыт страны. Но в то же время в жанровом и сюжетном многообразии устного народного творчества бывает сложно выделить единую концепцию отношения к героям прошлого.

Особый интерес представляет личность Ивана IV и его восприятие народным сознанием XVI века. В отечественной истории трудно обнаружить правителя, которому уделено столько народного внимания в устном творчестве. Про него слагаются песни, былины, сказки, повести, колыбельные, анекдоты. И жанровое разнообразие произведений об Иване Грозном переплетается с разнообразием оценок его личности и деятельности.

При попытке структурировать фольклорные тексты о Грозном по жанровому признаку единая концепция не выявляется, так как в каждой жанровой группе он представлен во множестве образов и с разной оценкой. В первую очередь, необходимо учитывать, что перед нами реально существовавший человек, и большую роль в его изображении играет сюжетная составляющая, которая прикрепляется к исторической личности. Подобные тексты представляют собой синтез реакции на современность и подчинение полученных в ходе исторического

анализа сведений «канонам народной поэзии» [2, 8]. «Бессознательное творчество народа отличается верным тактом, побуждающим его приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию исторического лица» [3, 311]. Таким образом, жанр, безусловно, влияет на формирование образа Ивана IV, подчеркивая и оттеняя стороны его личности, однако не является принципиально определяющим.

Проблему представляет сложность охвата всех текстов XVI—XVII вв. об Иване Грозном, однако изучение основных доступных произведений позволяет определить некоторые тенденции, связанные в основном с теми социальными ролями государя, которые доминируют в том или ином сюжете. К примеру, будучи в статусе царя, можно одновременно исполнять роль мужа, полководца и т.п.

Первая группа представлена произведениями, в которых Иван Грозный изображен как *царь — освободитель русских земель, царь — покоритель врагов*. Этот ряд можно дополнить тождественными понятиями: защитник, полководец. Преимущественно это произведения ратной тематики, посвященные успешным военным походам Ивана Грозного. Здесь явно ощущаются характерные для фольклора явления: эпически-наивное восприятие исторических фактов, героизация образа главного персонажа. Как правило, в жанровом отношении это исторические песни и повести («Поход на Казань», «Взятие Казанского царства», «Набег крымского хана», «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»

и др.). Причиной распространенности именно этих жанров могут служить успешные военные походы Ивана Грозного, которые после объединения Руси в централизованное государство воспринимаются народом как освободительные. Также популяризации исторической песни способствуют и царские «заказы». Современники Ивана Грозного отмечают, что он любил на пирах слушать песни о своих военных подвигах. Особо выделяются песни о Казанском походе, так как в народном сознании победа в нем знаменует становление Ивана IV как царя-самодержца, наделенного Божественной властью и силой. Так, в одном из вариантов «Песни о взятии Казани» видна трансформация из московского князя в царя:

*Он царский костыль в руки принял
И во время князь воцарился
И насел в Московское царство.*

В этих песнях в основном акцентируется конкретный эпизод захвата крепости с подрывом стен, когда Иван Васильевич злится на пушкарей:

*Воспалился тут великий князь Московский...
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.*

Причина царского гнева — неправильный расчет времени взрыва и насмешки врагов. Эпизод свидетельствует, что в народе знали сильные и слабые стороны характера своего царя. Он показан вспыльчивым, подозрительным, скорым на расправу, но и отходчивым, справедливым, готовым признать свою неправоту.

Часто исторические песни стилистически сближаются с былинами, в связи с чем царь-завоеватель отождествляется с богатырями:

*Скопляя силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.*

Недвусмысленные параллели с Ильей Муромцем только подчеркивают значение Ивана Грозного как народного защитника.

Казанский поход высоко оценивается не только в русском творчестве. Так, преимущественно мордовское население оставило много легенд и преданий о царе-спасителе. Положительное отношение к царю отражает легенда «о мордовской девушке, предупредившей Ивана IV о готовящемся против него заговоре и ценой собственной жизни спасшей царя» [4, URL].

В эту группу произведений также включены истории о внешнеполитической деятельности царя. Иван Грозный изображен искусным политиком и ярким защитником своего государства. Например, в «Легендарной переписке Ивана Грозного с турецким султаном» царь предстает единственным противником магометанских правителей. Он первым из современных ему государей отказывается платить дань султану и уверенно заявляет о своей военной мощи. В этой стилизованной переписке сила царя подкреплена Божьей волей: «*Могу все это сотворить, ибо*

Господь и Бог мой, Иисус Христос, поможет в борьбе с неверными, покорит их царства мне».

Вторая группа включает в себя тексты, где доминирует изображение Ивана IV как *царя-тирана*. В основном это творчество жителей Новгородских земель и Псковских. Сюда же примыкают сказания народов, которых насильно крестил царь.

В XVI веке многие новгородские тексты посвящены военному походу на город в 1570-м году и его последствиям. В них Иван Грозный не просто жестокий тиран, а бесчестный и безбожный разоритель. Пример тому — «Повесть о разгроме Новгорода», имеющая около восьмидесяти вариантов. Вначале жестокий поход царя оправдывается неподтвержденной клеветой бояр о предательстве новгородцев: «*И от сих неистовых ложных глагол ожесточи бог сердце благочестивому государю*», однако дальнейшее повествование затеняет этот эпизод. По сути, он трансформируется из оправдательного в объяснительный: раскрывается коренная причина похода — гнев царя на вольное решение города. Также существуют варианты повести, в которых отсутствует момент «оправдания» царя. Таким образом, описываемые в тексте бесчинства Ивана IV и опричников становятся главной трагедией для народа.

Постоянная номинация правителя «*благочестивый/благочестивый государь царь и великий князь*» диссонирует с описанием бессмысленного разорения города и казней взрослых и детей: «*...и повеле государь их пред собою горце и люте и безчеловечне различными муками мучити... повеле государь телеса их... мудростию огнею поджигати*».

Точечные события новгородского погрома, как например, потопления новгородцев в реке Волхов и разорение церквей, находят отражение в историях «Приехал грозный царь в Новгород» и «Казнь колокола», реализующих традиционный для фольклорных текстов сюжет о справедливом суде над антигероем. В первой сказке против царя восстают как силы природы (река Волхов), так и карающие Божественные силы: «*В то самое времечко стало царя огнем палить: стал огонь из земли кругом Грозного выступать. Поскакал царь Иван Васильевич прочь — огонь за ним. Он скачет дальше — огонь все кругом!*» В «Казни колокола» очистительная сила церковного колокола убивает коня Ивана. Таким образом, в XVI веке на фольклорные тексты новгородской области значительное влияние оказывают события 1570-го года. Соответственно в сознании жителей близлежащих земель доминирует образ не великого полководца-царя, а образ жестокого царя-убийцы, посягнувшего на права и свободы Новгорода.

В Псковской области также бытуют сказки о царе-разорителе. Помимо гневных порицаний Ивана Грозного и обвинения его в жестокости и кровожадности в них часто транслируется сюжет трансформации самонадеянного узурпатора в униженного труса. Так,

в повести «Грозный царь и архимандрит Корнилий» Иван IV, пытаясь взять крепость, отсекает голову священнику. Пойдя против церкви, а значит, и против Бога, антигерой несет мгновенную расплату: *«Корнилий взял свою голову в руки да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий преподобный за ним, а в руках все держит голову»*. Иван настолько испуган, что вынужден с позором бежать *«в чем был, все оставил: коляску, седло, ложки... кошелек с деньгами забыл... После того под Опсков и не ездил»*. Возможно, что подобные сказки возникли непосредственно во время осады Иваном Грозным Пскова, и цель их — вселить боевой дух в жителей города.

Такие критические по отношению к царю тексты относительно всего фольклора XVI в. остаются в меньшинстве. Однако их значение настолько велико для народного сознания и прочно укоренились в нем, что отголоски этих песен и повестей находят даже в апологетических и оценочно нейтральных произведениях. Например, в «Гневе Ивана Грозного на сына» о Новгородском погроме напрямую не говорится, но через описание действий царя и опричников становится очевидно, о каком событии идет речь:

*На воротах мы записи повывисали,
По углам номера выставливали,
Что эти улицы плененные-казненные.*

Третья группа представляет собой фольклорные произведения, где Иван Грозный изображается как *царь-отец, царь-муж*. В таких текстах демонстрируются события из семейной жизни правителя: смерть жены, молитва о сыне, выбор невесты. Произведения этой группы примечательны глубокой политизированностью всех действий царя и членов его семьи. Иван IV остается верен царскому долгу, даже исполняя другие социальные роли (муж, отец). В первую очередь, подобные произведения затрагивают проблему искоренения измены на Руси. Необходимо разъяснить, что в XVI веке «измена» понималась как «смысл и характер действий боярской оппозиции, начиная от скрытого недовольства политикой Ивана IV и кончая заговорами и предательством» [5, 7]. Здесь показательна одна из самых популярных песен конца XVI в. «Гнев Ивана Грозного на сына».

Во всех вариантах «Гнева» Иван Васильевич изображен вспыльчивым, гневливым и скорым на расправу правителем, который без разбирательства по первому навету готов казнить своего сына. Однако подобные отрицательные черты царя меркнут относительно главного конфликта песни: это не злоба отца на сына, а деятельность правителя в защиту своего государства от деструктивных поступков бояр. В фольклоре традиционный образ «царя-батюшки» соотносится только с отцом государства.

Тема противоречий между царем и боярской верхушкой неоднократно всплывает в дальнейшем сюжетном развитии песни и трактуется всегда совершенно определенно: царь и бояре — враги, которых

ничто не примирит. Песня «Иван Грозный молится по сыну» продолжает эту традицию: бояре не понимают царя и не сочувствуют его горю, соответственно воспринимаются как враги.

Немаловажны в данном контексте произведения о женах Ивана IV. Большой любовью народа пользовалась первая супруга царя Анастасия. В народном сознании она предстает хранителем нравственности и моральных устоев Грозного. В песне «Смерть царицы Анастасии» ее утрата становится настоящим государственным горем, так как теперь никто не сможет следить за выполнением ее наказов:

*Ты постой-ко-се за веру православную...
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
До чужих-то до деточек...*

Особое отношение недоверия устанавливается к черкешенке Марии Темрюковне. Даже умирающая Анастасия в «Смерти царицы» просит Ивана Грозного не связываться узами брака с иноземкой. Женитьба на ней в устном творчестве воспринимается поначалу как повторное вторжение иноверцев на русские земли. Однако в разнообразных вариантах «Повести о женитьбе на Марии Темрюковне» царь оправдывается выгодным союзом, который помог присоединить к русским землям Астрахань.

Интимная жизнь царя-мужа в народном творчестве никак не затрагивается. Он может испытывать симпатии, ревность к своим женам, но в остальном он асексуален. Всякий семейный сюжет имеет политическую подоплеку, подразумевающую выбор царя между государством и семьей. В народном сознании XVI в. для Ивана Грозного этот выбор определен в пользу государства.

Четвертая группа характеризуется изображением Ивана IV как *царя-правителя*. Социальная роль правителя в данном случае раскрывается в коммуникации с подданными, представителями Божественных или сказочных сил и в ведении внутренней политики. Именно в коммуникации раскрываются личностные качества царя: вспыльчивость и в то же время отходчивость, хитрость и доверчивость, щедрость и суровость, жесткость и добросердечие.

Слово правителя приобретает волшебную и неоспоримую мощь, которая защищает простой народ от темных сил. В истории «Сороки-ведьмы» излишняя набожность Ивана Грозного выступает главной силой, избавляющей Москву от колдовства.

*«Разгневался тогда Грозный-царь и послал им
вслед проклятие:*

*— Чтобы вам, — говорит, — отныне и довеку
остаться сороками!*

*Так все они и теперь летают сороками, питаются
мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского
проклятия пуще острого ножа».*

В сказках царь наделяется способностью укрощать стихии ради благополучия своих подданных. Так, в истории «Наказание Волги» Иван IV ударами

хлыста усмиряет реку, мешающую его войску переплыть на другой берег. По сути, так народ воспринимал и реальные царские наказания людей: физическая расправа становится единственным методом успокоения «измены», которая угрожает жизни государства:

После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца на три толщины — совсем присмирела тогда Волга.

— Довольно, — сказал Грозный-царь, — вот как вас надо проучивать!

В этом предании реализуется бродячий сюжет наказания реки, который отмечается еще в произведениях о Ксерксе, Александре Македонском, царице Тамаре, Петре I. В этом мотиве гнев правителя на препятствующую стихию всегда оправдан.

Помимо сурового нрава в народном творчестве выделяется и мудрость, справедливость и честность царя. Это и прямое восхваление качества: «Уж он, наш белой царь, он хитёр был, мудёр, / Он хитёр и мудёр, мудрей в свете его нет», и сами сюжеты преданий и сказок. Так, в сказках «О Горшене», «О царе Иване и старце», «О Шибарше», «О лапотнике», «О воре Барме» говорится о том, как Иван Грозный ценит людскую мудрость. Он постоянно проверяет персонажей, оценивает силу их ума, и мудрые всегда получают от него награду.

Подобные «ситуативные» произведения повествуют и о негативных качествах Ивана Грозного. Для произведений конца XVI века характерна тема подозрительности, мнительности царя, которые не оправдываются в народном сознании. Одна из самых ярких историй на эту тему «Почему завелась на Руси измена». Царь обманывает старца, через которого с ним говорит Бог, проявляя большую заботу о своей войске (символе защиты царя от врагов), чем о простом народе. А. Н. Веселовский объясняет существование такого негативного по отношению к Ивану IV предания существованием «народной редакции и боярской» [3, 152]: «Бояре не любили его, и боярская сказка о неравном дележе явилась подходящим выражением этой неприязни» [3, 164]. Этот текст особо выделяется на фоне других сказок, где царь всегда на стороне народа и никогда его не обманет. Он легко идет на контакт с бедняками, старцами и ремесленниками. В целом, царь-правитель представлен «народолюбцем, искоряющим боярскую крамолу» [3, 153].

В XVII в. в народном творчестве наблюдается усиленная идеализация царя. Она связана с тяжелыми внешне- и внутривнутриполитическими ситуациями, и время правления жесткого и сурового Ивана кажется лучшим, прогрессивным. П. И. Мельников-Печерский в комментарии к песне «Гнев Ивана Грозного на сына» отмечает, что «добрый народ наш не помнит лиха про своих государей» [4, URL]. Показа-

тельно, что песни и плачи о смерти Ивана IV носят апологетический характер. В них вспоминаются его достижения во благо Руси, сила и суровость в принятии решений (которые обеспечивали защиту народа).

Все описанные стратегии практически не пересекаются в произведениях. Примечательно, что образ Грозного-тирана не соотносится в народном творчестве с образом царя-освободителя. Но царь-правитель может совмещаться с царем-мужем или царем-полководцем. В любом случае всегда на передний план выступает одна социальная роль царя, остальные служат фоном, дополняющим ее.

Несмотря на разнolikое изображение Ивана IV в русском фольклоре, большинство исследователей считают, что апологетическое отношение к царю доминирует во всем народном творчестве. Правитель Руси суров, вспыльчив, но справедлив, поэтому простой люд всегда видит в нем защитника и помощника в решении проблем.

Выделенные основные фольклорные инварианты образа Ивана Грозного накладываются на авторские интерпретации: литературные тексты перенимают концепции, сложившиеся в народном сознании. В зависимости от сюжета, наполненного определенной эмоциональной оценкой, формируется соответствующее восприятие Ивана Грозного. Например, в текстах XVIII века представлен образ царя-покорителя («Россиада» М. М. Хераскова, «Покорение Казани» Г. Р. Державина). Яркий пример царя-тирана дан в текстах А. К. Толстого («Князь Серебряный», «Василий Шибанов», «Старицкий воевода»). Царь-муж изображен в «Смерти Ивана Грозного» А. К. Толстого и драме Островского «Василиса Мелентьева». А пример царя-правителя обнаруживается в комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич».

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины и исторические песни / В. Ф. Миллер. — Т. 3. — М.: Мосполиграф, 1928. — 360 с.
2. Горелов А. А. Иван Грозный в сборнике Кириши Данилова // А. А. Горелов // Русский фольклор. Материалы и исследования. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 6—24.
3. Веселовский А. Н. Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Т. 16 [Сер. 5: Фольклор и мифология. Т. 1. Статьи о сказке. 1868—1890]. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. — 379 с.
4. Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края / Ю. А. Курдин. — Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/history/35740.php?ELEMENT_ID=35740&SHOWALL_1=1.
5. Путилов Б. Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына / Б. Н. Путилов // Русский фольклор. Материалы и исследования. IV. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. — С. 5—32.
6. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записан-

ные Гильфердингом летом 1871 года / А. Ф. Гильфердинг.— Изд. 4-е.— М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.— 812 с.

7. Изборник. Сборник произведений литературы

Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев.— М.: Художественная литература, 1969.— 800 с.

8. Легенды, предания, бывальщины / сост. Н. А. Кри-
ничная.— М.: Современник, 1989.— 286 с.

*Воронежский государственный университет
Жбанкова М. С., аспирант кафедры истории и типоло-
гии русской и зарубежной литературы
E-mail: jurnalist31@yandex.ru*

*Voronezh State University
Zhbankova M. S., Postgraduate Student of the History and
Typology of Russian and Foreign Literature Department
E-mail: jurnaist31@yandex.ru*

ВОЖДЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В РОМАНТИЗМЕ: ОТ ЭГОЦЕНТРИЗМА К ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ГЮГО И А. ДЕ ВИНЬИ)

Т. Н. Жужгина-Аллахвердян

Национальная горная академия (Днепропетровск, Украина)

Поступила в редакцию 8 сентября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена проблемам романтической интерпретации роли исторического лидера и народного вождя в творчестве В. Гюго и А. де Виньи, некоторым вопросам антропоцентризма, индивидуализации и деперсонализации героя; изучаются особенности функционирования и ассимиляции символики вождизма и героизма в романтическом мифопоэтическом контексте.

Ключевые слова: Гюго, Виньи, исторический лидер, герой, вождь, проводник идей, эгоцентризм, деперсонализация, романтический символ, мифопоэтика, рабство, величие, падение.

Abstract: the article is devoted to the romantic interpretation of the national leader in French romantic literature, to the issues of egocentrism and depersonalization of the hero; the functioning and assimilation of symbols of personality, leadership and heroism in the romantic mythopoetical context.

Keywords: Hugo, Vigny, leader, hero, national leader, conductor of ideas, egocentrism, depersonalization, romantic symbol, romanticism, mythopoetics, servitude, grandeur, fall.

Проблема эгоцентризма и деперсонализации все чаще ставится и исследуется в ее генетической связи с романтизмом и романтическим героем на разных уровнях – от историко-литературного и социокультурного [15, 210–223; 16, 90–101] до психоаналитического и патографического [4; 13; 25], так как вопросы, связанные с романтической личностью, ментальностью, состоянием «романтической души», казалось бы, глубоко изученные, продолжают волновать исследователей разного толка. Причем в изучении романтизма и романтического творчества вновь набирают остроты вопросы об измененных формах сознания, природе и истоках воображения, мифопоэтических фантазиях, «аффективных расстройств» и особенностях их проявления и отражения в художественном тексте [4].

В данной статье мы обращаем внимание на связь эгоцентризма и деперсонализации героя с проблемой вождизма, которая занимает в романтической исторической литературе едва ли не центральное место, основываясь на концепции последнего десятилетия, в которой понятия «лидер» и «вождь» разведены, при этом «вождь» рассматривается как один из типов лидера [10].

В 1820-е гг. во французском романтизме на первое место вышли истории взлетов и падений народов и их героев, реальных, исторических, а не мифических личностей, среди которых видное место занял поэт как народный водитель. Особое внимание в литературе было приковано к проблемам греха, престу-

пления и наказания, возмездия и раскаяния. Миф о «естественном человеке» уступил место мифу об эгоцентрике и индивидуалисте [9, 66–81], на смену сатире пришел анализ души молодого человека и ментальности молодого поколения, порожденного «новым» миром. Романтики сознательно идут от эгоцентристского понимания личности к деперсонализации, означающей на языке романтизма внутреннюю разбалансированность и раздвоенность человека современной эпохи. В нащумевшем романе «Адольф» (1806, опубл. в 1816 г.) Бенжамен Констан препарировал «душу» юноши, для которого внутренний мир стал настоящим полем брани, когда вступили в противоборство его низменная «атомическая» и высокая человеческая сущности. Адольф богат, красив, щеголеват, образован и умен, склонен к самоанализу, но это не дает ему преимуществ в жизни и в любви. Он ведет бесплодную борьбу с самим собой, демонстрируя душевную «расщепленность», метания между величием чувства и падшестью. Но безропотно приняв свою судьбу, согласившись со своим жалким существованием, он не может признать ни то, что бессилён изменить себя и свою жизнь к лучшему, ни то, что своей жалостью и нерешительностью приносит страдания женщине, которую соблазнил из тщеславия и разлюбил. Карой за столь жалкое поведение становится признание обоюдной обреченности на страдание и отказ от простого человеческого счастья. Для большей достоверности описания эгоцентризма, ведущего к гнетущим последствиям и деперсонализации героя, усилены подробным анализом меланхолии и жертвенности, на

которую идет Адольф ради женщины, уже не любя ее и боясь в этом признаться не только ей, но и самому себе. История набирает трагизма с развитием физической болезни Элленор, ее угасанием и смертью от осознания того, что полюбила недостойного ее, безвольного и нерешительного человека. Включение в общий портрет элементов клинической деперсонализации не сводит многоликость явления к упрощенным клишированным типам «ярких представителей общества», отдельных социальных групп, а лишь показывают путь, по которому следует идти, изучая эпоху новых отношений и молодого человека, уже значительно отличающегося от представителей «легкомысленного века» [17, 321]. В байронической традиции нового человека часто показывали бесчувственным и невозмутимым, наделенным холодным, расчетливым, отстраненным умом, а его антиподом выступал изгой, отшельник и мизантроп, бунтарь и социопат. Адольф не был ни бесчувственным, ни мизантропом, ни социопатом, ни тем более бунтарем, но он позволил жалости и безволию завладеть его сердцем и умом. Трагедия Адольфа в том и заключалась, что, имея в себе высокий культурный потенциал и лидерские качества, он не сумел ими воспользоваться, чтобы построить свое счастье и сделать счастливой любящую его женщину, в силу своей безнравственности, слабости и жалости, которая заменила ему любовь и сострадание,

В «Расине и Шекспире» Стендаль противопоставил «молодым парижским франтам» героев из числа сильных духом «дикарей и варваров», «великие образцы которых одушевляли энергические поэмы первых суровых сочинителей» [17, 321]. К этому второму типу Стендаль отнес «мрачную натуру» Гяура и «гораздо более трогательного» Корсара Байрона. С популярностью Байрона и Вальтера Скотта, стали изображать лидеров и вождей в гуще событий или на фоне исторических катастроф, широко используя мистификации и по-раблезиански заботясь не о достоверности факта, а о «художественной правде». Байронически настроенный Альфред де Виньи ставил проблему вождизма, гениальности, предводительства в мистериях «Моисей» и «Элоа», в историческом романе «Сен-Мар» и лирико-философском романе «Стелло, или Голубые бесы», в пьесе «Чаттертон» и недописанном романе «Дафна». Виктор Гюго обращался к проблеме господства и лидерства, власти и бунта, преступления и божественного возмездия в «Небесном Огне» («Восточные мотивы»), в «Гане Исландце», «Бюг-Жаргале», в книгах «Девяносто третий год» и «Отверженные».

Могучие символические фигуры отдельных исторических персонажей в изображении романтиков порой затмевали саму историю, подобно античным богам и героям, возвышаясь над миром, природой и барахтающейся внизу толпой. Мизантропия и социопатия, приобретшие в более поздних романти-

ческих произведениях очевидные классовые черты, переносились авторами если не на весь народ и нацию, то на ее активную или творческую часть, приведенную в движение некой стихийной силой, пребывающей как «вовне», так и «внутри», и неизменно влияющей на исход великих событий.

В начале романа «Девяносто третий год» Гюго ужасается разрушительным последствиям революции в Бандее: «Le bois de la Saudraie était tragique. C'était dans ce taillis que, dès le mois de novembre 1792, la guerre civile avait commencé ses crimes; Mousqueton, le boiteux féroce, était sorti de ces épaisseurs funestes; la quantité de meurtres qui s'étaient commis là faisait dresser les cheveux» («Трагической славой пользовался Содрейский лес. Здесь в этих дебрях в январе 1792 года началась гражданская война. Волосы становятся дыбом, как подумаете, сколько совершено здесь убийств. Нет на свете места страшнее...») [23, 16]. Автор называет этот период в истории Франции «временем эпических битв» («temps des luttes épiques»). Но на этот раз речь идет не о войнах времен великого переселения племен и народов, а о беспощадной борьбе за жизнь диаметрально противоположных политических систем и идеологий, враждебных друг другу мировоззрений. В романе их символизируют революционно-пестрый, буржуазно-республиканский Париж и взбунтовавшаяся дворянско-крестьянская Вандея. Размышляя над тем, что есть свобода, власть, справедливость, Гюго отдавал симпатии нищему старику, носителю народной мудрости и сострадания. Писатель устами старика утверждал, что все несчастья в мире происходят из-за богатства и бедности, так как бедные хотят стать богатыми, а богачи не хотят потерять свои богатства. Нищий высказывает мнение автора, когда сожалеет об убийстве короля. Постепенно в романе складывается обобщенный символический портрет фанатично преданного королю и сеньорам вандейского крестьянства, возглавляемого маркизом де Лантенаком. Интересна сцена, в которой Лантенак, впервые оказавшись лицом к лицу со взбунтовавшейся массой, «вандейской бандой», сумел укротить ее, напомнив о верноподданничестве и преданности сеньору. Колонопреклоненные, одетые в прикрывавшие голый торс куртки из козьей шерсти, они напомнили ему некогда обитавших в тюрингских лесах «странных существ» («etres étranges»), легендарную «расу великанов» («race des geants»), в которых цивилизованные римляне видели только «ужасных животных» («animaux horribles»), а германцы разглядели «божественные воплощения» («incarnation divines») [23, 131]. Гюго мыслит по-романтически непримиримыми контрастами и устанавливает роковую зависимость индивида и целого народа от необузданных стихий, отыскав древние корни и связав человеческие деяния с местами мистической силы. При этом восставшим вандейцам Гюго противопоставил парижан, веселя-

щихся и пирующих «на костях» побежденных врагов, в чем, по его мнению, было не меньше фанатизма, жестокости и ненависти, но исходили они главным образом из ребячливого невежества и наивности.

На контрастах построено описание Парижа революционных лет до и после 9 термидора. В честь победы над феодальной тиранией на площадях и в разоренных монастырях плясали карманьолу, бойко постукивая каблуками на могильных плитах. Демократизм новой жизни проявлялся не только в неуважении к смерти и к религии, но и в том, что даму стали называть «гражданкой», кавалера – «гражданином», а женщины, надев красный колпак, утверждали, что он им к лицу [23, 148]. Народное гулянье в честь победы над республиканцами-якобинцами отлучалось от празднований 1789 г. только тем, что одно безумие уступило место другому и прежние победители заняли место побежденных: «эйфория смерти» пришла на смену «эйфории жизни», а «трагический Париж Сен-Жюста сменил циничный Париж Тальена» [23, 154]. Подобные политические параллели и аналогии, привычные во французской романтической литературе послеиюльского периода, свидетельствовали о стремлении писателей, соотнеся внутренние и внешние события, повлиять на них. Гюго один из первых выступил против смертной казни во Франции. В своих сочинениях «Последний день приговоренного к смерти», «Клод Ге» он высказывался против любых форм насилия – казни, убийства, гражданских войн и революций, а в «Отверженных» выразил философию непротивления злу как выхода из порочного жизненного круга, в котором заточенным оказался человек, осознавший себя личностью.

Классическая романтическая концепция вождизма складывалась не только под влиянием «бурного гения» Байрона и его преклонения перед сильной личностью, но также вопреки «мрачной» философии католического мыслителя Жозефа де Местра (1753–1821), изложенной им в «Размышлениях о французской революции», «Санкт-Петербургских вечерах» и «Петербургских письмах». В «Истории одного террора» Альфреде де Виньи гений Жозефа де Местра символизирует политическую систему, состоящую из «метафизических догм, софизмов и мрачных предсказаний» [5, 321]. Подобно Сфинксу он возвышается над землей и подобно Духу витает над ней, воплощая устрашающую силу опустошительной мощи, которая управляет разъяренной толпой, призывая ее к порядку и слепому подчинению. Робеспьер и Сен-Жюст, как позже Наполеон, в трактовке романтика Виньи – это вожди, в которых нуждается безлика масса, «множество», потерявшее веру в Бога, забывшее о своем божественном происхождении и естестве. «Множество» – это собирательный образ людей, толпы, сплотившейся перед лицом неизведанной опасности и превратившейся в жестокую и неумолимую машину. Перед лицом

этой опасности Виньи, аристократ крови, не скрывая ни сожаления, ни апатии, искал замену уходящему «благородному сословию», развивая свои мысли о духовном аристократизме. Он не мог не сожалеть об уходе с политической сцены дворянина, который, по словам Н. Бердяева, впервые в человеческом обществе почувствовал личное достоинство и честь, хотя и «только для своей касты» [3, 106]. «Идеалист» Виньи, как называли его еще современники, искал выход из этих ограничений и настаивал на перенесении «аристократизма свободы, личного достоинства и чести» на всех людей.

В «Опыте персоналистической метафизики» (1939 г.) Бердяев заметил: «Тип аристократа всегда нисходит, тип *parvenu* всегда пробивается вверх» [3, 106]. В этом смысле особенно привлекательной для романтиков была личность Наполеона, *parvenu* в глазах многих, особенно аристократов, уже потому, что не был французом, а происходил из корсиканского рода и, как говорили, добился столь головокружительного успеха благодаря своей наглости. Пройдя путь от простого капрала до генерала и консула Французской республики, а затем до императора Франции, Наполеон стал ее символом. Отношение современников к Бонапарту было неоднородным. Шатобриан и Жермен де Сталь изображали его то Юпитером, то плутом Скапеном. У Ламартина и Виньи Наполеон становится персонификацией зла [20, 150]. Оба поэта сыграли значительную роль в распространении антинаполеоновского мифа, черпая материал из устных рассказов, услышанных в роялистских салонах, из памфлетов, написанных эмигрантами или англичанами, из мемуаров Бурьена, мадам де Ремюза и др., в которых особенно популярным был миф о Наполеоне-Аттиле – «грубом, вульгарном, тщеславном эгоисте и тиране» [20; 145, 150]. Военное поражение Наполеона при Ватерлоо привело его к падению, а разоблачение культа личности усилило поляризацию точек зрения о нем среди современников, республиканцев и аристократов. Причем обе стороны видели в Наполеоне предателя интересов Франции, под которыми одна сторона понимала республиканские ценности, другая – дворянские. В обоих случаях мифопоэтизация исторической личности вела к деперсонализации, к стиранию в образе военного лидера его индивидуальных качеств, к превращению вождя, гения, великого человека в национальный символ трагического отрицания.

Ламартин в стихотворении «Наполеон», не принося величия национальному герою (*majesté muette*) и его славу, настаивает на правде (*vérité*). А правда в том, что в Наполеоне нет ничего от обычного человеческого. Он уподоблен осветившей мир молнии во время грозы (*pareil à l'éclair tu sortis d'un orage*). Он, повергший богов и опустошивший троны, нарушивший нравы и традиции, подобно «гордому Иакову», «боролся с тенью» (*pareil au fier Jacob tu luttas contre*

une ombre), разрушал святыни, играл величественными именами, подобно тому, как «преступная рука» опрокидывает вазы алтаря. Среди кошмара «старшего века» (un siècle vieilli), призывов к свободе, среди пепла и пороха родился герой, павший перед правдой под тяжестью своего скипетра [с. 279–280]. Символический воин, безжалостный и неустрашимый полководец, безудержно устремленный к победе и к славе, не знающий ни любви, ни ненависти, напоминает поэту хищного орла, сжимающего в когтях землю:

Comme l'aigle régnant dans un ciel solitaire,
Tu n'avais qu'un regard pour mesurer la terre,
Et des serres pour l'embrasser ! [с. 281–282]

А. де Виньи, мыслящий сходно, но «земными» образами, записал после Июльской революции в «Дневнике Поэта»: «Бонапарт – это человек; Наполеон – это роль. Первый носит редингот и шляпу, второй – лавровый венок и тогу» [26, 82]. Именно таким романтик показал Наполеона в новелле «Камышовая трость», вошедшей в «книгу воспоминаний» под названием «Рабство и величие военной службы» (другой перевод: «Неволя и величие солдата»). В новелле императору Наполеону, игроку, которому чуждо понятие чести, противопоставлен Бонапарт-солдат, уставший от войны. В полной гротеска сцене встречи Наполеона с папой римским (в 1804 г. встреча действительно имела место), Наполеон в зависимости от обстоятельств ведет себя то как трагик, то как комедиянт и в конце доводит папу до слез. На самом деле отношения между папой и Наполеоном стали ухудшаться только к 1813 г. после русской кампании, а повод для гротеска дал Альфреду де Виньи памфлет «Антинаполеон», появившийся в 1815 г. и повлиявший на образ *Comediante* и *Tragediante* у Виньи [20, 143]. Этой сценой Виньи восполнил пробел в антинаполеоновской мифологии и в своем собственном сознании, хотя проявил к Наполеону больше снисходительности, чем Шатобриан. Шатобриан пошел еще дальше и изобразил Наполеона разгневанным «чудовищем»: во время ссоры он хватается старца за волосы [20, 142].

В двойственном изображении Наполеона-Бонапарта сказалась личная позиция Виньи: он перенес на великого полководца ответственность за иллюзии своего поколения, горечь собственных поражений и разочарований из-за неудавшейся военной карьеры [20, 145]. Сходный образ поколения создала Жорж Санд в статье «"Оберман" Э. П. Сенанкура». Она отметила, что в течение пятнадцати лет самовластия, наполеоновских походов и побед в молодых людях подстрекали честолюбие, не давая ему развиваться, поддерживали «слепое повиновение» и состояние «непрерывного младенчества» [14, 35]. К этому поколению принадлежит и фанатически преданный Бонапарту капитан Рено из «Камышовой трости» Виньи. Писатель называет воинский фанатизм сеи-

дизмом под влиянием Вольтера, герой которого по имени Сеид дает пример восточного верноподданничества и безоговорочного подчинения повелителю («Магомет»). Однако, как утверждал Б. Г. Реизов, «Виньи видит в сеидизме нечто прямо противоположное» [12, 160], а Ф. Жермен заметил, что сеидизм у Виньи – сложное понятие, вобравшее все недостатки и пороки, угрожающие военному [22, 49–52]. «Человек – существо несовершенное, в нем есть сходство с собакой и обезьяной», – записал Виньи, обратив внимание на материально-низменное, животное начало в человеке, предрасположенном к «слепому повиновению». Утверждая, что рабское подражание и сеидизм «есть в самых гордых», он пояснял: великому вождю подражают по долгу службы и в полном восхищении перед своим кумиром стараются сами преуспеть и подняться до его уровня [22, 49–52]. Повиновение, как результат военной дисциплины, переходит в страсть, а страсть ведет к самопожертвованию. Но такого рода энтузиазм не бескорыстен в полной мере, ибо имеет обратную сторону – честолюбие, порожденное желанием нравиться вождю и пользоваться его расположением. Так преданность и корыстолюбие соединяются с унижением и гордостью и переходят на новую ступень, ведущую к религии чести. Виньи оспаривает утверждение философа Ламенне о том, что солдат при любых обстоятельствах только палач, а честь – всего лишь безжалостная карикатура [22, 49–52]. Путь Рено от слепого поклонения одному человеку к религии чести состоял из трех этапов. По мере того, как Рено освобождался от сеидизма и возвышался до самоотверженного выполнения долга и служения нации, развенчивался миф о Наполеоне как великом человеке. Прозрению предшествовали три ключевые сцены – встреча императора с папой римским, когда Наполеон вел себя неподобающим образом; плен капитана Рено и его беседы с английским адмиралом Коллинвудом, преподавшим своему пленнику урок воинской чести, и последняя встреча Рено с императором после освобождения из английского плена. Прозрение и обретение себя в религии чести, по мнению Виньи, ведет солдата от рабства к воинскому величию, которые в терминах Н Бердяева можно охарактеризовать как «два качества, две разные силы в человеке». Эти слова можно отнести и к императору, и к его подчиненным, в истолковании Виньи, когда готовность к самоотречению проявляется и как рабство, и как величие. Такая двойственная трактовка вошла в общий авторский замысел о солдате-парии, страдающем под властью тирана и обманутом им. Религия чести – еще одно основание для опровержения укоренившейся в литературоведении необоснованной идеи о романтическом противостоянии идеала и реальности, борьбе между ними. Противопоставление Наполеона Бонапарту, двух ликов исторического персонажа, как и противопоставление

Наполеона адмиралу Коллинвуду, исповедующему религию чести, как и мотив трагической обреченности героического и самоотверженного солдата. усложняют романтическую концепцию вождизма, лидерства и гениальности. В этом проявился один из парадоксов Виньи, его *mensonge romantique* [21], но «могучий субъективизм» поэта позволил воссоздать историческую и художественную правду (*vérité romanesque*) о поколении времен наполеоновских походов, страдающем от гордости и разрушенных надежд, которую оттенила и усилила неполная, односторонняя роялистская «правда» о возвышении «высочки». Такое противоположение иллюстрируют контрасты истории и судеб исторических вождей, а также воплощенную в этих историях и судьбах идею «от великого до смешного один шаг». Размышляя в предисловии к пьесе «Кромвель» над участью Бонапарта, Гюго писал: «От великого до смешного один шаг», – сказал Наполеон, убедившись, что и он человек; и этот луч света, который вырвался из приоткрывшейся пламенной души, озаряет одновременно и искусство, и историю; этот крик смертельной тоски определяет сущность драмы и сущность жизни» [7, 97]. Гюго размышлял над этим изречением, выстраивая художественный образ «великой перипетии» в пьесе «Кромвель». Концепция вождизма Гюго во многом скрестилась с концепцией Виньи. Как и Виньи, Гюго вписал ее в общую концепцию драмы, каковой, по его мнению, является сама жизнь, но в целом поддержал наполеоновскую легенду. В «Отверженных» (Часть вторая. Козетта. Книга первая, гл. IX) Гюго осмысляет факт поражения Наполеона в битве при Ватерлоо: «Il était temps que cet homme vaste tombât. L'excessive pesanteur de cet homme dans la destinée humaine troublait l'équilibre. Cet individu comptait à lui seul plus que le groupe universel» («Пришло время падения этого могучего человека. Чрезмерный вес его в человеческой судьбе нарушал равновесие. Этот индивид один перевешивал все человеческое сообщество») [24, 362]. Ламартин прямо осуждал Наполеона за пролитую кровь, Гюго – опосредованно. Он говорит, что жалобы за пролитую кровь и многочисленных убиенных достигли небес, а материнские слезы стали грозными обвинителями. Теперь его падение было неизбежно: «Он мешал самому Богу» («Il gênait Dieu») [24, 362]. Как Бальзак, как Стендаль, который участвовал в наполеоновском походе в Россию, Гюго до конца остается приверженцем Наполеона, как и Стендаль, принявший участие в наполеоновском походе на Москву и таким образом разделивший его поражение. Потому, вероятно, Стендаль в некотором роде разделял рецепцию Шатобриана и точку зрения Жермен де Сталь, ибо отчетливо различал человеческие «недостатки» своего кумира [11, 82]. Гюго же настаивал на роковом стечении обстоятельств: Наполеон – тот самый могучий человек, который мешал Богу и стал ему неуютен. У Гюго Наполеон

– гигант (*geant*), гений-громовержец, сверхчеловек, равновеликий божеству, «величайший образец всех этих цельных людей» [7, 97]. Гюго, как Виньи и Бальзак, подчеркивал биологическое начало в человеке и только этим объяснял падение Наполеона, его путь от великого до смешного, утверждая, что могучей его личности было тесно в XIX веке.

В драме «Кромвель» (1827), ни разу не представленной в театре и оставшейся пьесой для чтения, Гюго создал образ гениального вождя иного революционного типа. В пуританском предводителе, англичанине Оливере Кромвеле он увидел не только «простой и зловещий силуэт», знакомый из биографий и мемуаров Боссуэ с его «монархической и католической точкой зрения», но «причудливую и колоссальную личность». Основываясь на сведениях, почерпнутых из хроник и английских мемуаров XVII в., со свойственной ему романтической объективностью Гюго вышел за рамки общего представления о Кромвеле как «фанатике-цареубийце и великом полководце» и показал в нем одновременно «Робеспьера и Наполеона Английской революции» [2, 152–152]. По признанию автора предисловия, ему открылись «великолепная фигура», «совершенно новый образ» гиганта, «редкий и поразительно целостный», во всем его разнообразии и противоречиях – «тирана Европы» и «игрушки в руках своей семьи»; «старого цареубийцы», «богослова, педанта, скверного поэта, духовидца, комедианта, отца, мужа, человека-Протея, словом – двойного Кромвеля», в котором «было много дурного и много хорошего». В нем был и гений, и грубый солдат, и тонкий политик; и лицемер, и фанатик, и мечтатель, гротескный и возвышенный [7, 97]. Однако представление Гюго о цельности человеческой натуры строилось на контрастах и диссонансах. Образ пуританского вождя в версии Гюго во многом напоминал Наполеона в версии Виньи. Однако, в отличие от Виньи, Гюго был свободен от ненависти, презрения и желания принизить тирана. Он переносит свое восхищение величием и мощью предводителя пуритан также на его противоречия, и именно этими противоречиями в глазах романтика, мыслящего контрастами, подпитывалась сила этой великой личности, дерзкого цареубийцы и узурпатора. В глазах Гюго величие «необыкновенного человека» тем значительнее, чем решительнее он может отказаться от власти, достигнутой огромными усилиями. Потому падение Кромвеля представлено в пьесе как величайшая победа над собой, собственным тщеславием, когда он, «владыка» Англии, Шотландии, Ирландии и всей Европы, пытался стать королем, но в последний миг отказался от короны, преподав всем большой урок под видом «великой драмы». У Гюго это едва ли не ключевая сцена в его истории Кромвеля: Кромвель уже «протягивает руку к скипетру и вновь опускает ее»; «укладкой подбирается к трону, с которого он смел правившую династию», но «в

присутствии народа, своих войск, общин, в большом зале Вестминстера» отказывается от королевского звания. Гюго выдвигает предположение по поводу такой «необычной развязки» и возможных ее причин: они не в пробуждении совести и чести в душе мечтающего о престоле цареубийцы, а о молчании и ропоте народа, свидетеля казни короля. Гюго видит в отказе от короны «прозорливость гения, инстинкт осторожного, хотя и безудержного честолюбца, который знал, как один лишний шаг может изменить положение человека» [7, 97]. «Великая перипетия жизни Кромвеля» заканчивается, как наполеоновские планы, которые терпят крах в тот самый момент, когда «химера ускользает», а когда ускользает химера, заканчивается и великая игра. Для Кромвеля – это была игра между ним и Англией [7, 97], для Наполеона – между ним, Францией и Европой.

В 1830-е гг. Гюго и Виньи, не без влияния сенсимонизма, противопоставляют политическим лидерам поэта, возлагая на него великую миссию проводника народа. В романе Виньи «Стелло, или Голубые бесы» жизнь поэта, рожденного под самой счастливой звездой, но несколько дней в году испытывающего жестокие боли и сомнения, осмысливается в полутрагическом, в полукомическом тоне. Ирония очевидна в проведении параллели с евангельской историей рождения Христа, но рассуждения о великой миссии поэта – пророка и вождя вполне серьезны. Стелло видит во сне плывущий по морю корабль – образ, знакомый из греческой мифологии и средневековой литературы. Он символизирует внутреннее перерождение, обновление и поиск истины. Здесь и романтический лейтмотив сказочной птицы Феникс, символа бессмертия, пришедшего из египетского мифа. Уже у П. Балланша Феникс, сгоревший в «таинственном пламени» и возродившийся из своего «нетленного пепла», символизировал искусство как «достойное украшение общества» [1, 93]. Романтики нового поколения переносят качественности бессмертия на поэзию и поэта, проецируют на образ священной поющей птицы идею нетленности поэзии. Стелло, как Одиссей, о котором Р. Штайнер сказал, что он достиг «степени свободно-творческого, но еще непосвященного духа и гонится за мечтами, от власти которых должен освободиться» [18, 64]. На пути новых открытий Стелло должен преодолеть испытания судьбы и прийти к божественному через душевные переживания, боль и страдания: «После долгого изгнания поэзия возвратилась не как священный дар, воодушевляющий человека, но как острая, пронизательная боль, как раздражение нервов, которое ведет за собой тайную горечь сердца» [5, 274]. Сенсимонисты, выдвигая поэта на роль вождя, имели в виду и его религиозную миссию на пути духовных свершений. Близкую к сенсимонистской точку зрения высказывает в начале XX в. В. Жирмунский, приписывая романтичному

герою миссию «исполнителя религиозного смысла истории», который в «озарении мистического света» ведет «мир и людей к божественному по предназначению пути» и потому «нельзя по отношению к романтикам говорить о какой-то противоположности идеала и действительности или о столкновении идеала и действительности или о противоречии между ними», ибо «сама действительность понимается романтиками как идеал, она прекрасна...» [8; 110, 142]. У Виньи поэт, посвященный в таинства поэзии, носитель пророческого слова, священных идей и духовного аристократизма, обречен пережить «мировую драму», которая развивается в его душе и выйíti из темного лабиринта, ведя за собой людей навстречу забрезжившему впереди свету. Отвечая на вопрос Черного доктора «Поэт ли вы?», Стелло излагает свое кредо и сравнивает душу поэта с неугасимой лампадой, пламя которой «дрожит и колеблется, когда скудеет питающее ее масло и, напротив, стремится под самую кровлю храма лучи, сияние и свет, когда доверху наполнена горячим веществом». «... точно так же я чувствую, – говорит Стелло, – как угасает во мне пламя вдохновения и мысли, когда иссякает любовь, непостижимая сила, согревающая мои дни своим мощным огнем; когда же она струится у меня по жилам, моя душа озаряется ею, мне кажется, что я разом постигаю все: вечность, пространство, судьбу, творение в целом и каждое существо в отдельности; в такие минуты иллюзия, этот златоперый Феникс, спускается ко мне и поет» [5, 274]. Этот поэтический образ, рожденный в муках и в физической боли, приходит из самой глубины романтической души, «чуткой к дуновениям бесконечности», но взвалившей на себя «слишком великое бремя» и потому раздвоившейся, но «не от слабости душевной, а от полноты, от многообразия жизни, от зовов бесконечности, звучащих отовсюду» [8, 107–108]. Позже это состояние самосозерцания назовут интуицией, своего рода инстинктивным овладением различными содержаниями, в том числе иррациональных, своего рода мистическим соучастием в процессе поиска матрицы нового развития, нового человека и новой поэзии и в сходных терминах будут говорить об отрешенности от мира и абсолютной деперсонализации.

В заключение отметим, что романтические дебаты о личности, о свободе и справедливости, их роли в обществе, о добре и зле, о поэте и поэзии повлияли на всю последующую культуру и литературу, создали основу как для персоналистической философии, так и для деперсонализованного письма XX в., психоанализа и литературного экзистенциализма, учения об абсурде и теории «очуждения», в которых мифопоэтизация личности и деперсонализация достигли своей высшей точки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балланш П. Опыт об общественных установлениях в их отношении к новым идеям / П. Балланш // Эсте-

тика раннего французского романтизма. – М.: Искусство, 1982. – С. 70–93.

2. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.

3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / сост. и предисл. П. В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 4–162.

4. Бологов П. Эдгар По и Всеволод Гаршин: одна болезнь, одна судьба. – Режим доступа: http://www.characterology.ru/patographia/artists/item_4071.html

5. Виньи А. де. Избранное. – М.: Искусство, 1987. – 606 с.

6. Гюго В. Девяносто третий год / В. Гюго // Гюго В. Собр. соч. в 15 т. Т. 11. – М.: Худож. лит., 1956.

7. Гюго В. Избранные драмы в двух томах / В. Гюго. – Л.: Худож. лит., 1937. – С. 3–65.

8. Жирмунский В. Немецкий романтизм и современная мистика / В. Жирмунский. – СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. – 207 с.

9. Жужгина-Аллахвердян Т. Н. Французский романтизм 1820-х гг.: структура мифопоэтического текста / Т. Н. Жужгина-Аллахвердян. – Днепропетровск: НГУ, 2008. – 280 с.

10. Ольшанский Д. В. Вожди и лидеры. Вождизм. Политическая психология. / Д. В. Ольшанский. – М., 2002. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/lider6.htm>

11. Реизов Б. Г. Стендаль. Философия. История. Политика. Эстетика / Б. Г. Реизов. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. – С. 82.

12. Реизов Б. Г. Военные повести Альфреда де Виньи / Б. Г. Реизов // Виньи А. де. Неволя и величие солдата. – Л.: Наука, 1968. – 188 с.

13. Руднев В. П. Поэтика деперсонализации (Л. Н. Толстой и В. Б. Шкловский). – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/06.htm

[ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/06.htm](http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/06.htm)

14. Санд Ж. «Оберман» Э. П. Сенанкура / Ж. Санд // Санд Ж. Собр. соч. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1974. – С. 629–642.

15. Соколова Т. В. От романтизма к символизму. Очерки истории французской поэзии / Т. В. Соколова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 308 с.

16. Соколова Т. В. Ступени деперсонализации героя в поэзии от романтизма к символизму (Виньи и Малларме) / Т. В. Соколова // Автор. Герой. Рассказчик. Сб. ст. – СПб, 2003. – С. 90–101.

17. Стендаль. Расин и Шекспир // Стендаль. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1978. – Т. 7. – С. 217–362.

18. Штайнер Р. Мистерии древности и христианство / Р. Штайнер. – М.: Интербук, 1990. – 125 с.

19. Albouy P. La Création mythologique chez Victor Hugo / P. Albouy. – P.: Librairie José Corti, 1963. – 539 p.

20. Descotes M. La légende de Napoléon et les écrivains français du XIX siècle / M. Descotes. – P.: Lettres modernes Minard, 1967. – 278 p.

21. Girard R. Mensonge romantique et vérité romanesque / R. Girard. – P.: Grasset, 1995. – 351 p.

22. Germain F. Introduction / F. Germain // Vigny A. de. Servitude et Grandeur militaires. – P.: Garnier-frères, 1965. – P. 1 – 52.

23. Hugo V. Quatrevingt-treize / Hugo V. Oeuvres complètes. – P.: Edition Nelson, sd. – 565 p/

24. Hugo V. Les Misérables. T. I. – P.: Garnier-Flammarion, 1967. – 510 p.

25. Pierrot J. Merveilleux et fantastique. Une histoire de l'imagination dans la prose française du romantisme à la décadence (1830 – 1900) / J. Pierrot. – Lille, 1975. – P. 86–139.

26. Vigny A. de. Journal du Poète. Noté par L. Ratisbonne / A. Vigny. – P.: C. Lévy, 1882. – P. 82.

Днепропетровск, Украина. Национальная горная академия

Жужгина-Аллахвердян Т. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и педагогической психологии
E-mail: allahverdian.tamara3@rambler.ru

Dnipropetrovsk, Ukraine
Zhuzhguina-Allahverdian T. N., Doctor of Philology, Professor of the Interpretation Department
E-mail: allahverdian.tamara3@rambler.ru

АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В ЭКСПЕРТИЗАХ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ¹

Д. Л. Карпов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Поступила в редакцию 14 октября 2017 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка создания алгоритма экспертного анализа текста в расследовании дел о коррупции, основанный на опыте работы с материалами реальных судебных дел.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, взятка, методология исследования, алгоритм анализа.

Abstract: the article attempts to create an algorithm for expert analysis of the text in the investigation of corruption cases, based on the experience of working with materials of real court cases.

Keywords: linguistic expertise, bribe, research methodology, analysis algorithm.

В последнее время значительно вырос интерес к методологии экспертного исследования текста, связанного с коррупционными делами. Появился ряд работ, посвящённых разным аспектам лингвистической экспертизы этого вида, но нужно констатировать, что единого алгоритма выработано не было, это подчёркивается почти всеми исследователями, работы которых посвящены этой теме.

В настоящее время уже подробно описаны компоненты коррупционной ситуации, которые могут быть описаны лингвистическими средствами, значительно разработаны элементы анализа коммуникативной составляющей диалогов о взятке, способы сокрытия информации в подобных ситуациях.

Из практики экспертной деятельности также можно понять, что актуальным является вопрос о методологии исследования. Так, в вышедшей в 2015 году монографии «Судебная лингвистика» (Барнаул), авторы уделяют значительное место рассмотрению методологии антикоррупционного анализа текста, предлагая целую систему методов, используемых экспертами: аудитивно-перцептивный анализ, анализ структурной и тематической организации текста, референциальный анализ, метод дефиниционного анализа, метод контекстуального анализа, компонентного анализа, метод грамматического анализа, метод анализа пресуппозиций, метод функционально-прагматического анализа, метод дискурс-анализа (1, 265—268). Также этот список может быть дополнен указанием на тематику исследуемого диалога о взятке, что может значитель-

но дополнить и уточнить ответы на заданные эксперту вопросы [2].

При этом авторы предлагают алгоритмы решения различных экспертных задач, связанных с антикоррупционными делами, но, лишь обозначая круг вопросов, предлагаемых эксперту, не создают единого алгоритма, который, по нашему мнению, может быть предложен для упрощения работы филолога.

Предлагаемый алгоритм опирается на анализ материалов экспертных исследований дел о взяточничестве, возбуждённых в 2013—2015 гг., в ходе работы над которыми появилось предположение, что, несмотря на разнородность предлагаемых на исследование эксперту материалов, филолог вынужден каждый раз обращаться к одним и тем же операциям, даже если перед ним не ставят соответствующего вопроса. Тщательность анализа строится прежде всего на всестороннем рассмотрении переданных для анализа текстов, что в итоге помогает эффективно решить задачи, поставленные следствием, а кроме этого обобщив полученные результаты, при необходимости дополнив выводы следствия, пользуясь правом, данным статьёй 204 УПК РФ.

Опираясь на общую методику подготовки заключения специалиста (эксперта), предложенную в пособии И. А. Стернина «Основы лингвокриминалистики» [3, 80], предложим следующий алгоритм анализа текста.

1. Прочитать спорный текст ознакомительным чтением.

2. Ознакомиться с постановлением (определением) о назначении экспертизы (для подготовки лингвистической экспертизы), с обращением о проведении лингвистического исследования (для подготовки заключения специалиста).

3. Выделить поставленные перед экспертом (специалистом) вопросы.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, реализуемого на средства «Проект-победитель» Грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017.

4. Прочитать спорный текст повторно медленно и внимательно.

5. Определить понятия, необходимые для подготовки заключения, посмотреть их в специальной литературе (для заключения специалиста), оформить научное описание понятий в виде раздела «Исследование» (для заключения эксперта).

6. Предположительно определить, руководствуясь собственными знаниями и предварительным ознакомлением с текстом, как вы ответите на поставленные вопросы.

7. Тематический анализ спорного текста.

Несмотря на то, что некоторые эксперты против проведения тематического анализа [4], мы считаем, что далеко не во всех случаях это справедливо. Именно тематический анализ, вкуче с анализом скрытых смыслов, помогает выявить задачи коррупционера, облегчает поиск необходимой информации в спорном тексте.

Кроме этого, нужно отметить, что тематический анализ позволяет обратить внимание заказчика (чаще всего в подобных делах это следственные органы) на важные факты, которые могут быть не замечены при первичном следствии.

Так, например, в деле о взятке инструктору одной из автошкол в предлагаемых на экспертизу материалах не было выявлено прямого указания на виновность задержанного, им лишь была произнесена фраза «Ж1 — за что? М1 — не знаю, по ходу то, что я *договорился*, прикинь!», но из контекста разговора не было понятно, каково конкретное значение этой фразы. При этом, в процессе изучения записей телефонных разговоров и СМС за несколько месяцев было обнаружено, что к подозреваемому в этот период неоднократно обращались за помощью в «решении вопроса» о сдаче экзамена на права, сам подозреваемый предлагал такие услуги, причём в том числе обещает сдачу с «гарантировано», «с первого раза». Кроме того, в разговоре с подставным лицом подозреваемый не раз сообщает о договорённости с автоинспектором о сигналах, которые он будет давать ученице.

Таким образом, тематический анализ помогает выявить дополнительные сведения, которые могут помочь следствию собрать необходимый материал для расследования.

8. Поиск в тексте «слов-сигналов».

Обнаружение «слов-сигналов» также важный этап анализа текста по антикоррупционным делам. Можно предположить, что существует лексика, которая в русском языке имеет потенциально коррупционное значение, эти слова имеют более высокую частотность употребления в текстах с коррупционной тематикой, а, следовательно, могут служить одним из маркеров появления её в тексте. Выявление таких слов-сигналов может помочь при следственных действиях, а также при экспертизе текста по таким делам.

Попытка предложить круг таких понятий была предпринята в статье «Понятие «взятка», «премия», «подарок», «гостинец», «благодарность», «подкуп» в лингвокриминалистической практике: сопоставительный анализ» [5], а также «Всё нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением» [6]. Перечисляя маркеры коррупционного диалога, И. А. Стернин указывает: «Важно при этом, чтобы контекст спорного текста подтверждал коррупционную направленность выявленных выражений, поскольку многие фразы могут быть истолкованы в буквальном смысле — например, *мы будем вам благодарны* может иметь и чисто этикетный смысл» [7].

9. Изучение стратегии взяткодателя.

Коррупционный текст может быть описан с точки зрения речевых стратегий. Важную роль в этом случае будет играть анализ речевой деятельности инициатора коррупционного общения. Так, например, в диалоге о приостановке следствия (случай рассмотрен в статье [8]) неоднократно повторяется просьба узнать и сообщить телефон свидетеля. Однозначность выражаемого смысла («Только нужен номер телефона и всё», «Просто номер нужен», «Ты просто телефон узнай» и подоб.) доказывается языковой формой используемых выражений прямыми, краткими вопросами о номере телефона, адресе и фамилии свидетельницы, не допускающими иного толкования. Многократное повторение одних и тех же лексем указывает на категоричность высказываний.

Важной составляющей диалога о взятке является стратегия сокрытия предмета разговора: «давайте, может, премию», «я заплачу штраф вам, большой штраф, там пять тысяч», «выпишите штраф», «я искуплю», «давайте я вам помогу, не помогу, а ... решу и искуплю, заплачу как положено».

10. Анализ стратегии взяткополучателя (получающего).

Стратегии взяткополучателя также строятся на сокрытии предмета разговора: «Ну так, смотрите — вы единицу находите, это аванс будет», «Мы сейчас сделаем первый шаг» и подоб.

Сокрытие передачи денежных средств: «Вот. Давай двадцать пять. ... А когда? Ты потом будешь отдавать?! Когда поедем что ли?!»++ё

Особым случаем в оперативной практике является провоцирование экспликации намерений взяткодателя. Подобные речевые акты уже неоднократно были описаны в научной литературе [9]. В таких случаях используются речевые тактики «игра по правилам», «прямое и косвенное обвинение», «наведение темы» и пр.

11. Установление значения отдельных фраз.

Когда установлены основные элементы коррупционного общения, следует описать значение отдельных фраз, иллюстрирующих, прямо или косвенно, ситуацию передачи денежных средств. Обычно на них указывается в постановлении об экспертизе

и эти фрагменты выносятся в отдельные вопросы. Например, «Каково значение следующих фраз: «...не знаю, по ходу то что я договорился, прикинь», «взял на себя, что же делать».

В этой части анализа эксперт может конкретизировать значение отдельных фраз, указывающих на причастность подозреваемых к коррупции: цели, модальность или иные характеристики речевых актов взяткополучателя.

12. При подготовке текста заключения при ответе на вопрос сначала приводятся лингвистические факты и лингвистические маркеры, а уже затем формулируется ответ на вопрос, вытекающий из приведенных лингвистических фактов и маркеров.

13. В Заключении эксперта формулируется отдельный раздел «Заключение», в котором перечисляются вопросы и на каждый дается краткий ответ.

14. Подготовленное заключение оформляется по требованиям к заключению специалиста или заключению эксперта.

Предложенный алгоритм анализа поможет эксперту выстроить заключение, обратив внимание на важнейшие элементы коррупционных диалогов. Но в любом случае последовательные шаги напрямую зависят от вопросов поставленных перед экспертом, а также анализируемой ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебная лингвистика: монография / Под ред. О. Н. Матвеевой. — Барнаул: Концепт, 2015. — 310 с.
6. Карпов Д. Л. «Всё нормально решим»: слова с потенциальным коррупционным значением / Д. Л. Карпов

// Социальные и гуманитарные знания. 2016. — № 1 (5). — Т. 2. — С. 48—52.

2. Карпов Д. Л. Тематический анализ в экспертном исследовании текста по антикоррупционным делам / Д. Л. Карпов // Социальные и гуманитарные знания. — 2017 — С. 380—384.

3. Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики: учебное пособие / И. А. Стернин. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. — 243 с.

4. Вязигина Н. В. Судебная экспертиза по делам антикоррупционной направленности: презентация вебинара 19.02.2017. / Н. В. Вязигина, О. Н. Матвеева. — Режим доступа: <http://lingva-expert.ru/news/vebinar-sudebnaya-eksperiza-po-delam-antikorruptsii-onnoy-napravlenosti/> (дата создания: 19.02.2017).

5. Карпов Д. Л. Понятие «взятка», «премия», «подарок», «гостинец», «благодарность», «подкуп» в лингвокриминалистической практике: сопоставительный анализ / Д. Л. Карпов, Д. Е. Морозова // Сопоставительные исследования 2016. — Воронеж: Истоки, 2016 — С. 195—201.

7. Стернин И. А. Языковые маркеры коррупционного текста / И. А. Стернин // Психолингвистика и лексикография. — Вып. 4. — Воронеж: РИТМ, 2017. — С. 210—213.

8. Стернин И. А. Премия или взятка / И. А. Стернин, Д. Л. Карпов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. — № 2. — С. 115—117.

9. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / С. В. Доронина // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. — Вып. 3 (53). — С. 245—250.

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

Карпов Д. Л., доцент кафедры общей и прикладной
филологии

E-mail: karpovdl@yandex.ru

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov
Karpov D. L., Assistant Professor of the General and Applied
Philology Department
E-mail: karpovdl@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ УМОЛЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Поступила в редакцию 6 декабря 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу речевой тактики умолчания в современном русском дипломатическом дискурсе. Материалом исследования послужили интервью, выступления и ответы на вопросы кадровых дипломатов, размещенные на официальном сайте МИД РФ (www.mid.ru). Рассматриваются содержательная сторона и средства языкового выражения данной тактики.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, стратегии и тактики, коммуникативная цель, тактика умолчания.

Annotation: the article is devoted to the analysis of speech tactics of silence in modern Russian diplomatic discourse. The material of the study was interviews, speeches and answers to questions of personnel diplomats, posted on the official website of the Russian Foreign Ministry (www.mid.ru). The content side and means of linguistic expression of this tactic are considered.

Keywords: diplomatic discourse, strategy and tactics, communicative goal, tactic of silence.

Особенности речевой коммуникации в рамках публичного дипломатического дискурса представляются недостаточно изученными по причине определенной закрытости дипломатического дискурса, а также отсутствия работ, дающих полную и исчерпывающую характеристику конститутивным признакам дипломатического дискурса. В рамках данной работы дипломатический дискурс будет рассмотрен как особая форма коммуникативной деятельности. Специфика контекста и специфика адресата в дипломатическом дискурсе — широкая массовая аудитория либо равный, подготовленный и обладающий информацией партнер — определяет социальную модель взаимодействия, возможность реализации поставленных целей. Выбор речевых стратегий и языковых средств непосредственно зависят от степени развития языковых личностей, участвующих в общении [1, С. 48—49].

Целью работы является выявление репертуара языковых средств, репрезентирующих тактику умолчания в рамках митигативной стратегии в публичном дипломатическом дискурсе. Вслед за целым рядом исследователей, под речевой стратегией мы понимаем общую направленность речевого поведения говорящего, ведущую к достижению той или иной коммуникативной цели, под тактикой — необходимые шаги для достижения данной коммуникативной цели [3, 18; 4, 54; 5, 8—9].

Одна и та же речевая стратегия, представленная в различных дискурсах, в частности, стратегия митигации (термин был введен в 1980 году американским

лингвистом Б. Фрейзером и трактовался им как процесс модификации речевого акта, направленный на уменьшение возможных нежелательных эффектов (unwelcome effects) в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою или даже конфликту), может иметь различные формы своего языкового проявления. По мнению С. С. Тахтаровой, митигативная стратегия направлена «на сохранение коммуникативного баланса в межличностной коммуникации» [6, 6], который в потенциально конфликтной ситуации может быть сохранен за счет снижения уровня конфликтности и категоричности.

Одной из тактик, направленных на достижение коммуникативной цели в рамках митигативной стратегии, является *тактика умолчания*.

Е. Иванян определяет умолчание следующим образом: «*мнимая неопределенность, поскольку при употреблении названного значения адресант совершенно определенно знает, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определённости*» [7]. Абсолютное понимание говорящим умалчиваемого в речи говорит о *намеренной недосказанности*.

Говорят о двух видах умолчания: 1) собственно умолчания и 2) умолчания-намека [7]. Собственно умолчание приравнивают к недоговариванию конца фразы, «предполагающее для слушающего или читающего догадаться, что именно осталось невысказанным» [8: 485]. Например: **Вопрос:** *Препятствует*

ли тема транскаспийского газопровода (ТКГ) поиску согласия по правовому статусу Каспия? **Ответ:** Видеть в теме ТКГ главный камень преткновения на переговорах по Конвенции — это расхожее заблуждение. По нашим ощущениям, проблематика строительства магистральных трубопроводов на Каспии искусственно раздувается. **Но только не самими прибрежными государствами**», где тактика собственно умолчания реализуется с помощью использования отрицательной конструкции **не + субъект действия, а ...**, вторая часть которого (**а ...**) имплицитирована. Таким образом, мы наблюдаем отрицание субъекта переговорного процесса, а настоящий субъект действия (тот, который искусственно раздувает) не назван. Правильное понимание таких высказываний, как правило, требуют наличия у адресата фоновых знаний, связанных со знанием описываемой проблематики (в данном случае, проблематики правового статуса Каспия).

Другой пример прямого эксплицитного отрицания: дипломат совершенно обоснованно использует тактику прямого отрицательного ответа по причине его некомпетентности в данном вопросе: *Более подробно ответить на вопрос, касающийся складывающейся в Македонии ситуации, не могу, поскольку он выходит за рамки моей компетенции и его следовало бы адресовать послу России в Скопье.*

ТАКТИКА УМОЛЧАНИЯ-НАМЕКА

Намек — ‘слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята лишь по догадке’ [9]. Как видно из словарной дефиниции, намек заставляет слушающего догадываться, о чем же на самом деле идет речь или кто (что) имеется ввиду) традиционно относят к числу способов косвенной передачи информации, где в качестве обязательного содержится имплицитный смысл, который при правильном понимании должен быть извлечен слушающим [10, 669; 11, 48].

Вслед за И. Ю. Артемовой мы будем придерживаться широкого понимания термина *намек* как способа, направленного на передачу «интенциональных смыслов от говорящего к слушающему с расчетом на их извлечение последним в виде импликаций» [12, 8].

В публичном дипломатическом дискурсе умолчание-намек используется как одно из средств митигации, позволяющих дипломату избежать напряженности либо категоричности в оценке событий, фактов, опираясь на фоновые знания коммуникантов прежде всего с целью 1) неявного **указания** на каких-либо участников дипломатической коммуникации, положение дел, 2) их **неназывания**, 3) смягчения ситуации **осуждения**.

Анализ материала показывает, что способами выражения тактики намека в устной форме публичного дипломатического дискурса является ряд языковых средств.

Одним из способов создания умолчания-намек является употребление неопределенных и указательных местоимений типа **кто-то, где-то, у кого-то, какой-нибудь, тех, кто, не то, те, кто, некие, от тех, кто, эти** и многих других, а также прилагательных и словосочетаний с неопределенной семантикой типа **другие, различные, некоторые, группа избранных, всяческое содействие, целый ряд + Рп., простые вещи, конкретные моменты**, безусловно, содержащих имплицитный компонент и указывающих на лицо либо положение дел. Например: *Получается, что если где-то что-то происходит не то, первым делом хватаются за санкции* — намек на многочисленные примеры незаконной санкционной политики в отношении стран, не входящих в коалицию, возглавляемую США // *Франция сделала 7 мая свой выбор, и мы с уважением относимся к решению французских избирателей. ...Как вы знаете, в последние годы не по нашей вине была приостановлена деятельность некоторых институтов двустороннего сотрудничества* — намек-указание на приостановку деятельности Большой российско-французской межпарламентской комиссии, формата два плюс два — совместные встречи министров иностранных дел и обороны.

Другим способом создания намека является употребление видоизмененных прецедентных высказываний, крылатых выражений, отсылающих к контекстам и ситуациям, помогающим восстановить имплицитный компонент. Например, в высказывании *На эту «особенность» борьбы с терроризмом по-американски мы неоднократно указывали ... как на яркий пример проявления «двойных стандартов» в антитерроре*, где словосочетание **«особенность» борьбы с терроризмом по-американски** (сравните с прецедентными высказываниями **«охота по-русски», «любить по-русски», «баня по-русски»** — прим. автора) содержит достаточно прозрачный критический намек на то, что «с международным терроризмом в Сирии борется РФ «вместе с самими сирийцами, а американцы борются с ИГИЛ» (Смотрите в этой связи Интервью директора Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России И. И. Рогачева агентству «Интерфакс», 4 августа 2017 года // http://www.mid.ru/web/guest/vistupleniya_rukovodstva_mid/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2832521, где г-н И. И. Рогачев отмечает: *«Вспомните, президент Б. Обама сформировал не «антитеррористическую», а именно антиигиловскую коалицию и назначил своего спецпредставителя в целях политической поддержки ее действий»*).

Способами выражения тактики собственно умолчания и умолчания-намек в публичной форме дипломатического дискурса являются: недоговаривание конца фразы, употребление неопределенных местоимений, имен существительных и атрибутивных конструкций с неопределенной и обобщающей

семантикой, видоизмененных прецедентных высказываний, а также метафорическое контекстно обусловленное употребление глаголов. Каждый из способов имплицитно определяет определенный компонент смысла высказывания, позволяя говорящему (дипломату) в ходе профессионального общения избегать прямого указания на конкретных лиц, факты, ситуации, тем самым следуя основополагающим принципам дипломатического общения: некатегоричность, сдержанность, бесконфликтность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М. Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010 — № 1.
2. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Вебер. — Иркутск, 2004. — 18 с.
3. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Ключев. — М.: 2002. 314 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: УРСС. — 2002. — 284 с.
5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ...

док. фил. наук. — Саратов, 2005. — 325 с.

6. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) / С. С. Тахтарова // Автореф. ... канд. фил. наук. — Волгоград, 2010. — 40 с.
7. Иवानян Е. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке / Е. Иवानян // Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica. — 2015. — № 11. — С. 49—56. — Режим доступа: <http://docplayer.ru/43680550-Znachenie-umolchaniya-kak-funkcionalno-semanticheskaya-kategoriya.html> (дата обращения 31.08.2017)
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
9. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
10. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004» / И. Б. Шатуновский. — М., 2004. — С. 666—670.
11. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла / А. Н. Баранов // Труды международной конференции «Диалог 2006». — М., 2006. — С. 46—50.
12. Артемова И. Ю. Намек в русском устном межличностном дискурсе: прагматический аспект / // Дис. ... канд. фил. наук. — СПб, 2014. — 175 с.

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Кукатова О. А., доцент кафедры русской филологии
E-mail: kukatova.olga@mail.ru

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Kukatova O. A., Associate Professor of the Russian Philology
Department
E-mail: kukatova.olga@mail.ru

ЗООМОРФНЫЕ ДВОЙНИКИ ГЕРОЕВ Л. Н. ТОЛСТОГО

К. А. Нагина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье исследуется антропологическая семантика образа лошади, которая выступает в роли зооморфного двойника героинь Л. Толстого. В художественном мире писателя лошадь является воплощением женского, манящего обещанием любви и счастья. Кардинальным образом ситуация меняется в повести «Крейцерова соната», где лошадь воплощает стихию пола, влекущую к гибели.

Ключевые слова: бестиарий Л. Толстого, лошадь, «Анна Каренина», «Крейцерова соната», мифопоэтика.

Abstract: the article examines the anthropological semantics of the image of the horse, which acts as the zoomorphic double of the heroines of Tolstoy. In the art world of the writer horse is the epitome of feminine, alluring promise of love and happiness. Dramatically the situation is changing in the story «The Kreutzer Sonata», where the horse embodies the nature of gender, which involve the death.

Keywords: bestiary of L. Tolstoy, horse, «Anna Karenina», «The Kreutzer Sonata», mythopoeitics.

Лошадь — неотъемлемый атрибут художественного мира Льва Толстого, поскольку мир этот — по большей части усадебный или военный — априори располагает к повседневному ее участию в жизни человека. На этом общем фоне выделяются знаковые обращения к фигуре лошади: сравнение / сопоставление ее с какими-либо персонажами, наделенными «лошадиными» чертами, или превращение лошади в главного героя произведения, как это происходит в «Холстомере». Первая из названных художественных стратегий реализуется в произведениях Толстого, относящихся к разным периодам его творчества: в «Казаках», в «Анне Карениной» и «Крейцеровой сонате», где лошадь превращается в зооморфного двойника героинь Л. Толстого. Придание «лошадиных» черт облику героя мужского пола также имеет место в произведениях писателя, но встречается реже. «Лошадиные» черты могут выступать в качестве незначительных деталей, дополняющих облик второстепенных персонажей: к примеру, «некрасивого, худенького, мозглявого» [1, 3, 176] Назарки из «Казаков», во время гуляния напоминающего «разыгравшегося жеребца, который, взвив хвост и фыркнув, остановился как вкопанный всеми ногами» [1, 3, 199], или нового начальника Стивы Облонского, «работающего, как лошадь, и требующего такой же работы от подчиненных» [1, 8, 411]. Но могут обнажать характерологически важные подробности в образах героев первого ряда, как это происходит с Вронским, чья улыбка или «гримаса отвращения» [1, 8, 195] обнажает — «сплошные зубы»: «Что? — сердито сказал Вронский, делая гримасу отвращения и показывая

сплошные зубы» [1, 195]; «Он весело засмеялся, показывая свои сплошные зубы, и, надвинув фуражку на лысину, вышел и сел в коляску» [1, 8, 200].

Связь лошади с женщиной у Толстого обнаруживается на глубинных уровнях, начинаясь все в тех же «Казаках» сравнением Марьянки с «кобылкой»; «дикий взгляд» ее «блестящих глаз» лежит в основе этого сравнения: «Вишь, и девка такая же дикая, — сказал Ванюша, еще возившийся у повозки, — ровно кобылка табунная! Лафам! — прибавил он громким и торжественным голосом и захохотал» [1, 3, 192]. Это торжественное ванюшино: «Лафам!», как бы ставящее окончательную точку в уравнивании женщины с лошадью, становится претекстом для развернутого сопоставления Фру-Фру и Анны во втором романе Толстого.

Воплощением женского, манящего обещанием любви и счастья, в поисках которого пребывает толстовский автореферентный герой, «табунная кобылка» становится и в позднем творчестве писателя. Происходит это в «Холстомере», где Толстой подчеркнуто строг к представителям человеческого сообщества и нарочито антиэстетичен в описании заглавного героя. В первых четырех главах, являющихся прелюдией к истории пегого мерина, мир природы, подчиняющийся простым и понятным законам естественного отбора, воспроизведения и продолжения рода, предстает разумным и гармоничным. В нем юность имеет явное превосходство над старостью, в нем нет места человеческим чувствам милосердия и сострадания. В нем «правы были всегда только те, которые были сильны, молоды и счастливы, те, у которых было все впереди, те, у которых от ненужного напряжения дрожал каждый мускул и колом поднимался хвост кверху» [1, 12, 16].

«Первой красавицей» [1, 12, 14] в лошадином мире является «шалунья бурая кобылка» (заметим, что «первой красавицей» среди «гурьбы красавиц» Толстой называл Марьянку в «Казаках», которая сравнивалась с «кобылкой»). Она, бурая кобылка, не только счастлива сама, но обещает счастье — счастье любви:

«... она затеяла вскружить голову чалой лошади, на которой далеко за речкой по рвам проезжал мужичок с сохой. Она остановилась, гордо несколько набок, подняла голову, встряхнулась и заржала сладким, нежным и протяжным голосом. И жалость, и чувство, и некоторая грусть выражались в этом ржанье. В нем было и желанье, и обещанье любви, и грусть по ней.

Вон дергач, в густом тростнике, перебегая с места на место, страстно зовет к себе свою подругу, вон и кукушка и перепел поют любовь, и цветы по ветру пересылают свою душистую пыль друг другу.

“И я молода, и хороша, и сильна,— говорило ржанье шалуньи...” <...>

Ежели от одного звука этого голоса чалая лошади могла ошалеть так, что забыла свою должность, что бы было с ней, ежели бы она видела всю красавицу шалунью, как она, насторожив уши, растопырив ноздри, втягивая в себя воздух и куда-то порываясь и дрожа всем своим молодым и красивым телом, звала ее» [1, 12, 15].

Квинтэссенцией в описании бурой кобылки являются красота, молодость, природная сила и обещанье счастья. Это и есть те черты, которые Толстой выделяет в облике своих любимых героинь и которыми они привлекают мужчин. «Твердая, молодая походка, дикий взгляд блестящих глаз из-под белого платка и стройность сильного сложения красавицы ... поразили Оленина» [1, 3, 191]. Марьяна для Оленина — «единственно возможное на свете счастье» [1, 3, 173].

Наташа Ростова также обещанием счастья привлекает Денисова, Болконского и Безухова. В юности ничто не напоминает в ней Марьяну, но после замужества на первый план в ее внешности выдвигаются все те же здоровье и сила: «Она пополнила и поширила, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. <...> Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка» [1, 7, 278].

В позднем творчестве писателя, несмотря на его нравственный ригоризм, обнаруживается все тот же идеал красоты. Теперь это крестьянка Степанида — «дьявол» Евгения Иртенева: она «свежая, твердая, красивая» [1, 12, 216]; «ему представлялись... те самые черные, блестящие глаза, тот же грудной голос, <...> тот же запах чего-то свежего и сильного и та же высокая грудь, поднимающая занавеску» [1, 12, 219].

Менее подробно описывается Катюша Маслова («Воскресение»), однако остается общее ощущение

«чисто(го), свежо(го), нетронуто(го), приятно(го)» [1, 13, 57]. Черные глаза — теперь «как мокрая смородина» [1, 13, 58]. Сохраняется ожидание и обещание любви: «чистота девственности любви <...> ко всем и ко всему» [1, 13, 62]; «... как только Катюша входила в комнату <...> так все для него (Нехлюдова. — К. Н.) как бы освещалось солнцем, все становилось интереснее, веселее, значительнее; жизнь становилась радостней» [1, 13, 50]. В описании Катюши, встреченной Нехлюдовым в зале суда, на первый план выдвигаются «выступающая под халатом высокая грудь», «черные глянцево-блестящие глаза» на «особенной белизны» лице и «колечки вьющихся черных волос» [1, 13, 9], отсылающих к образу Анны Карениной.

И, наконец, сама Анна. Запоминающейся в ее облике деталью являются «своевольные короткие колечки кудрявых» черных волос, «всегда выбивавшиеся на затылке и в висках» [1, 8, 191]. У Анны «тонкая крошечная кисть» [1, 8, 91] с «тонкими в конце пальцами» [1, 8, 84], в «выражении миловидного лица» «что-то особенно ласковое и нежное». Когда речь идет о ее глазах, всякий раз Толстой отмечает их оживленный блеск, свет, исходящий из них, порою переходящий в огонь: «Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его (Вронского. — К. Н.) лице <...>. В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами <...>. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли...» [1, 8, 72]. Движения героини грациозны, «решительны» и энергичны. «Энергичность» — еще одна из повторяющихся характеристик Анны: она «энергически» пожимает руку Вронскому при первом знакомстве [1, 8, 74], сочувственно берет руку Долли «своею энергическою маленькою рукою» [1, 8, 79]. Анна, как и все любимые героини Толстого, черноволосая, темноглазая, имеет «полные плечи и грудь», «округлые руки», что указывает на ее физическое здоровье. Для Вронского — она само «обещание счастья»: «... таинственная, прелестная, любящая, ищущая и дающая счастье» [1, 9, 378].

Все эти знаковые для Толстого черты, маркирующие «вечно женственное», обнаруживаются в зооморфном двойнике Анны — лошади Вронского Фру-Фру. Эта лошадь караковой масти: темно-коричневой, почти черной. Ее темная масть, как и масть юной кобылки-шалуньи из «Холстомера», совпадает с темным цветом волос перечисленных героинь Толстого. В облике Фру-Фру, как и в облике Анны, «соединяются сила и нежность, тонкость и крепость» [2, 92]: «Кости ее ног ниже колен казались не толще пальца, глядя спереди, но зато были необыкновенно широки, глядя сбоку <...> Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой и тонкой, подвиж-

ной и гладкой, как атлас, кожи, казались столь же крепкими как кость. Сухая голова ее с выпуклыми блестящими, веселыми глазами расширялась у храпа в выдающиеся ноздри с налитой внутри кровью перепонкой. Во всей фигуре и в особенности голове ее было определенное энергическое и вместе нежное выражение» [1, 8, 202].

Блестящие глаза, сдержанное веселье, грациозность, энергичность и главное — способность погружать толстовского героя в особое состояние, сопутствующее ожиданию счастья, объединяют Анну и Фру-Фру: «Волнение лошади сообщилось и Вронскому; он чувствовал, что кровь приливала ему к сердцу и что ему так же, как и лошади, хочется двигаться, кусаться; было и страшно и весело» [1, 8, 203].

Одним из первых на бросающееся в глаза сходство обратил внимание Д. С. Мережковский: «Если правда, <...> что Вронский кажется жеребцом во флигель-адъютантском мундире, то лошадь его кажется прелестною женщиной. И недаром выступает сначала едва уловимое, потом все более и более углубляющееся, полное таинственных предзнаменований, сходство “вечно-женственного” в прелести Фру-Фру и Анны Карениной» [2, 92]. Отмечая почти эротическое притяжение, возникающее между Фру-Фру и Вронским («Между ними странная, не только телесная, стихийно-животная, но и как бы душевная связь. Она (Фру-Фру — К. Н.) знает и любит любовь его, желает и боится этой любви» [2, 93], Д. С. Мережковский объявляет женщину и лошадь заложницами «смертоносного Эроса», в «детскую игру» которого их втянул «хищный, грозовой, оргийный избыток животной жизни» [2, 93].

Очевидность этой параллели усиливает и сам Толстой, называя лошадь Вронского прозвищем героини модной французской комедии Анри Мельяка и Людовика Галеви Жильберты, бросающей мужа и ребенка, а затем раскаивающейся и умирающей от чахотки (в русском театре пьеса шла под названием «Ветерок»). Толстой, несомненно, жесток к в общему симпатичному Вронскому, дважды ставя его в ситуацию безысходной вины. Первый раз — с Фру-Фру: «И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь» <...>. В первый раз в жизни он испытал самое тяжелое несчастье, несчастье неисправимое, и такое, в котором виною сам» [1, 8, 222]. Второй раз — с Анной, с ее «свершившейся угрозой никому не нужного, но неизгладимого раскаяния» [1, 9, 378].

Эту ситуацию вины Толстой усугубляет, заставляя героя заглядывать в некогда блестящие прекрасные глаза своих невольных жертв:

«... перед ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом. <...> С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущею нижнею челюстью, Вронский ударил ее каблуком в живот <...>. Но она не

двигалась, а <...> только смотрела на хозяина своим говорящим взглядом» [1, 8, 221];

«Ему вдруг вспомнилась она <...>: на столе казармы бесстыдно растянутое посреди чужих окровавленное тело, еще полное недавней жизни; закинутая назад уцелевшая голова с своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на висках, и на прелестном лице с полуоткрытым ртом, застывшее странное, жалкое в губах и ужасное в остановившихся глазах, выражение, как бы словами выговаривавшее то страшное слово — о том, что он раскается, — которое она во время спора сказала ему» [1, 9, 378].

Сближение Анны и Фру-Фру происходит и на уровне символических сцеплений, особенно важных для второго романа Толстого. На скачках лошадь Вронского переживает ряд метафорических трансформаций. Она превращается то в птицу, то в рыбку. Все лошади, участвующие в скачках, похожи на «странных огромных птиц» [1, 8, 215]. Преодолевая первое препятствие — реку — они «перелетают на другую сторону»; и Фру-Фру, «как бы летя, взвилась за ними» [1, 8, 219]. «Канавку она перелетела, как бы не замечая. Она перелетела ее, как птица» [1, 8, 221]. И в этот момент полета Вронский, «не поспев за движением лошади ... сам не понимая как, сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло» [1, 8, 221]. В следующий миг «она затрепыхалась на земле у его ног, как подстреленная птица. <...> Все еще не понимая того, что случилось, Вронский тянул лошадь за повод. Она опять вся забила, как рыбка, треща крыльями седла» [1, 8, 221].

Вполне традиционное сближение лошади с птицей в контексте сцены скачек выдвигает на первый план в облике Фру-Фру хрупкость и одухотворенность ее красоты, а также актуализирует тему жертвенности: Фру-Фру веряет себя своему господину, целиком и полностью полагаясь на его волю и искусство наездника. Здесь лошадь и человек, интуитивно понимая друг друга, действуют заодно, превращаясь в неделимое целое. Но искомая гармония не достигнута: «неловкое движение» Вронского разрушает не только хрупкое очарование полета, но и жизнь Фру-Фру. «Ужас» [1, 8, 233] происходящего передается Анне. Она в бинокль смотрит «на то место, где упал Вронский», но ничего не может разглядеть. Сравнение Анны с птицей явно отсылает к гибели Фру-Фру: Анна «совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси» [1, 8, 233]. Стоит заметить, что Толстой не прибегает к «птичьей» метафорике в описании свих героинь; ситуация с Анной скорее исключение, чем правило. От этого близость Анны и Фру-Фру становится особенно очевидной. Вписывается в эту параллель и «рыбка». Пребывающая в стихии воды, являющейся символом женского начала, рыба, как и птица, в этой сцене актуализирует жертвеннические коннотации. Именно водные мо-

тивы включают этот образ в символическое поле Анны: помимо мотивов чистоты / грязи, связанных с героиней, самый момент ее гибели сопровождается мотив воды, ритуального омовения. По пути к железнодорожной станции она вспоминает поездку на Мытищинские колодцы, а перед тем, как упасть на рельсы, испытывает чувство, «подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду» [1, 9, 364], и крестится. Напомним, что в раннем христианстве рыба была принята как символ Христа, а крестильные купели уподоблялись рыбному садку.

Не только трагический финал объединяет два романа Вронского — с Фру-Фру и с Анной. Эти романы имеют общее начало: Вронский знакомится с Анной, вступает с ней в связь и примерно в это же время покупает «английскую кровную кобылу». Он «страстный охотник» до лошадей, говорит Толстой и добавляет: «Две страсти эти не мешали одна другой. Напротив, ему нужно было занятие и увлечение, не зависимое от его любви, на котором бы он освежался и отдыхал от слишком волновавших его впечатлений» [1, 8, 194]. Сильные впечатления — это о романе с Анной. Напомним, что предыдущим эпизодом в линии Анны и Вронского до эпизода посещения последним конюшни Фру-Фру является описание первой близости героев, в момент которой Алексей чувствует себя так, как «должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни». Мотив стыда, пронизывающий эту сцену, выступает в качестве одного из «сцеплений» явно рифмующихся эпизодов: «Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценою стыда. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему» [1, 8, 167].

Страсть Вронского к лошадям и скачкам получает у Толстого метафорическое название — «конская охота» [1, 8, 201], которое также выполняет роль «сцепления», но уже линий Вронского и Левина. В число страстных увлечений Константина Дмитрича входят две «охоты»: «медвежья» и «пчелиная», и обе связаны с Кити, в бестиарной символике Толстого выступающей в роли медведицы. И если Левину «медвежья» и «пчелиная» «охоты» приносят свои благотворные плоды и поддерживают идею домостроительства, то «конская» охота Вронского приводит к трагической развязке. С помощью этих «сцеплений» Толстой предлагает читателю обнаружить и раскрыть парность сюжетов. «Медвежьи» коды, согласно которым охотник на медведей Левин «добывает» «медведицу» Кити, работают в семантическом поле свадебного, семейного и духовного благополучия, а «лошадиные» коды, в которых одержимый «конской охотой» Вронский оказывается невольным виновником гибели любимых существ, актуализируют мысль Толстого о разрушительном влиянии страстей на человеческую жизнь.

Толстой покидает Левина, когда он вглядывается в звезды, среди которых его взгляд ранее всегда находил созвездие Большой Медведицы — и этот эпизод завершает не только линию Левина, но роман в целом. Вронского Толстой оставляет на железнодорожной станции, когда он мучается от зубной боли. Об этой боли писатель сообщает четырежды. По платформе Вронский ходит, «как зверь в клетке, на двадцати шагах быстро поворачиваясь» [1, 9, 376]. Кознышев вглядывается в его «очевидно страдающее лицо». Глаза имеют «сердито-страдающее выражение». Всею виной — «неперестающая, ноющая боль зуба, мешавшая ему даже говорить с тем выражением, с которым он хотел» [1, 9, 377]. «Щемящая боль крепкого зуба, наполнявшая слюною его рот, мешала ему говорить» [1, 9, 377]. Но неожиданно, при виде «подкатывавшегося тендера», эта боль сменяется «общей мучительной внутренней неловкостью», связанной с воспоминаниями о гибели Анны: «Он перестал чувствовать боль зуба, и рыдания искривили его лицо» [1, 9, 378].

Крепкие «сплошные зубы» Вронского как раз и были той необходимой деталью, которая позволяла назвать героя «жеребцом во флигель-адъютантском мундире» (Д. С. Мережковский). Теперь здоровое, «стихийно-животное» начало, доминирующее в «лошадином» коде Толстого, заменяется страдательным, человеческим. В этом смысле обращение к больным зубам Вронского — гениальная находка Толстого — смыкает круг бестиарной символики линии Анны — Вронского.

Совершенно смыкается этот большой «лошадиный» круг, начатый в «Казаках», в повести «Крейцеров соната». В экспозиции, в разговоре попутчиков, собравшихся в вагоне поезда, неоднократно звучит сравнение человека с животным: «Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин захочет», — говорит эмансипированная дама. «... Животное скот, а человеку дан закон» [1, 12, 126], — парирует купец. Ему же принадлежит и сравнение женщины с лошастью: «Не верь лошади в поле, а жене в доме» [1, 12, 127], — резюмирует он. Речь явно идет о стихийной силе пола, без должного контроля подчиняющей себе поведение женщины. Это сравнение продолжает уже Позднышев, рассказывая о своей жене, по совету докторов отказавшейся от деторождения: «... она физически раздобрела и похорошела, как последняя красота лета. Она чувствовала это и занималась собой. В ней сделалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силе тридцатилетней нерожавшей, раскормленной и раздраженной женщины. Вид ее наводил беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала их взгляды. Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду. Узды не было никакой, как нет никакой у 0,99 наших женщин. И я чувствовал

это, и мне было страшно» [1, 12, 164]. Этот пассаж напоминает описание Анны Карениной, увиденной Долли в Воздвиженском: гарцующая на английском кобе Анна поражает Долли своим «молодым кокетством» [1, 9, 218], а после сообщает, что знает средство, позволяющее не иметь детей.

«Крейцера соната», посвященная власти стихии пола над человеком, изобилует бестиарной символикой. Самой выразительной ее частью оказывается соотношение мужчины со свиньей, а женщины с лошастью. То, что в «Казаках» делало женщину прекрасной и проявлялось в сравнении Марьяны с табунной кобылкой, в «Анне Карениной» связывалось с хрупкостью, жертвенностью и грозило гибелью, в «Крейцеровой сонате» превратилось в страшную

неконтролируемую силу, инициирующую преступление и влекущую к смерти. Собственно, как и во всех других случаях бестиарных метаморфоз, трансформации лошади, происходящие в творчестве Толстого, обнажают логику эволюции мировоззрения писателя и позволяют прояснить его художественную антропологию, также претерпевающую существенные изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. / Л. Н. Толстой. — М.: Худ. лит., 1978—1984.. — 478 с.
2. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. — М.: Республика, 1995. — 619 с.

Воронежский государственный университет

Нагина К. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Voronezh State University

Nagina K.A., Doctor of Philology, Professor of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department

E-mail: k-nagina@yandex.ru

АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ МИКРОТОПОНИМОВ ВЕРХНЕХАВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Э. О. Пархоц

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2018 г.

Аннотация: в статье выявляется принадлежность, а также социально-историческая коннотация фамилий, имен и родовых прозвищ, входящих в состав народных и официальных микротопонимов Верхнехавского района Воронежской области.

Ключевые слова: ономастика, лингвокраеведение, микротопонимика, антропонимика, Верхнехавский район, Воронежская область.

Abstract: the article explores the social and historical connotation of the official surnames, names and village surnames as a component of native and formal microtoponyms of the Verhnehavsky district of the Voronezh region.

Keywords: onomastics, linguistic study of local lore, microtoponymics, anthroponymics, Verhnehavsky district, Voronezh region.

Осваивая природу, человек дает ей имена. Сельская микротопонимия в наши дни, как разбитое зеркало, отражает фрагменты различных эпох. Ключевое понятие в истории, в свою очередь, — имя человека.

Антропонимы в составе микротопонимов всегда хронотопичны, являясь зашифрованными отсылками к тому или иному прошлому — от бытовых ситуаций, приобретших фольклорные черты, до глобальных исторических событий.

Расшифровке таких отсылок, сохранившихся в микротопонимии Верхнехавского р-на Воронежской области, посвящены в основном лишь отдельные статьи местных краеведов, школьников, а также сотрудников кафедры славянской филологии ВГУ, работающих над созданием «Ономастической энциклопедии Воронежской области» [1]. Эти сведения предстоит обобщить, упорядочить и дополнить.

Материал собирается в ходе экспедиций, работы с архивами, интернет-источниками и краеведческой литературой.

Среди антропонимов, которые входят в состав **народных, «естественных» микротопонимов** района, можно выделить четыре группы.

Первую группу составляют фамилии землевладельцев — как правило, дворян. Напр., *Паренаго* → *Паринагин сад* — находится в пос. Нескучный [2, 39]: в 1737 г. помещик Паренаго поселил крестьян в этих местах [3, 399]; *Сычѳв* → *Сычѳво* — лесное урочище близ с. Никоново (старожилы поясняют, что помещик был угрюмым, как сыч, однако это официальная фамилия [4, 324]); *Богомолѳв* → *Богомолѳв куст* — урочище близ с. Верхняя Плавица, на карте 1989 г.

обозначенное как *Богомолѳв сад* (диал. куст — «небольшая роща среди поля» [5, 176]); *Кириянов* → *Кириянов сад* (с. Плясоватка); *Потамошнев* [3, 208] → *Потамушкины пруды* (с. Марьевка).

Нередко дворянские фамилии входят в микротопонимию опосредованно — через образованные от них народные названия сел. Напр., *Змеѳвский* — пруд близ с. Нижняя Маза: Змиевкой, а также Новомихайловским 2-м называлась часть Новомихайловки, ныне заброшенной деревни, принадлежавшая, по-видимому, дворянам Змеевым или Змиевым [6]. *Мельгуноѳв куст* (*Мельгуновы кусты*) — роща близ заброшенной деревни Архангельское Верхнеплавицкого с/п, которая в обиходе называлась Мельгуновкой по фамилии владельца. *Дегтярѳвские кусты* — остатки вырубленного леса близ д. Покровка, часть которой до сих пор носит неофициальное название *Дегтярѳвка*: помещики Дегтярѳвы владели этой землей около ста лет [7, 326].

Реже в составе микротопонимов встречаются личные имена землевладельцев: напр., *Евгешин* — пруд близ с. Грушино, принадлежавший дворянке Евгении Евгеньевне Крашенинниковой [8]; *Алимовка* — балка в с. Верхняя Хава, названная по имени зажиточного Алина, арендовавшего землю в тех местах и построившего плотину [1].

Вторую группу антропонимов составляют фамилии, имена и прозвища людей, живших вблизи называемых объектов: напр., *Матюѳхин* (*Матюѳхина гора*) — холм, где жила семья с подворной фамилией *Матюхины* (с. Никоново); *Проскурняѳ* — часть села, где жило несколько семей Проскуриных (с. Верхняя Плавица); *Хайново болото* названо по фамилии жившей рядом семьи Хайновых (с. Углянец); *Похлѳбкина*

посадка — роща, возле которой жил старик по прозвищу *Похлёбкин* (с. Плясоватка); *Чуми́нка* — пруд, вблизи которого жила семья с подворным прозвищем *Чума́* (с. Плясоватка); *Гараськино, Агапово, Шулепово* — озера, названные по подворным фамилиям семей, живших поблизости (с. Верхняя Луговатка); *Подпо́лька* — плотина на маленькой реке под холмом, на котором стоял дом бабушки Поли, — речку и плотину также называют *Полька* (с. Верхняя Пластица).

Третью группу составляют имена людей, погибших или чудом избежавших смерти на обозначаемых объектах. Нередко с этим связаны гидронимические предания. Напр., *Гулякина яма* (*Гу́лина яма, Гулякино*) — купальное место на старице р. Усманка, названное по подворному прозвищу мальчика — *Гу́ля* (с. Никоново). По словам старожила Б. В. Алтухова, мальчик первым нашел это место, с тех пор там стали купаться [4, 323]; однако в пос. Воля Новоусманского р-на приводят другую версию: в 1930-х гг. в том месте на Гулю напал водяной, живший в развалинах мельницы, и мальчик спасся лишь силой молитвы [9, 265].

Четвертую группу составляют имена, входящие в состав фразеологизмов. Напр., *Полтора Ивана* — протяженный пруд близ с. Никольское 3-е: этим словосочетанием обозначают человека высокого роста [10].

Официальные микротопонимы, созданные искусственно и редко используемые в обиходе, представлены названиями улиц. Входящие в них антропонимы можно разделить на три группы.

К **первой группе** относятся фамилии известных деятелей политики, науки и искусства, чьи судьбы не были связаны с Верхнехавским районом. Многие из этих микротопонимов типичны для советской номинации: ул. Ленина (встречается 12 раз), Кирова (6 раз), Комарова (6), Гагарина (5), Калинина (5), Пушкина (5), Чапаева (4), Ломоносова (3), Свердлова (3), Жукова (2), К. Маркса (2), Мичурина (2), М. Горького (2), Тельмана (2), Дзержинского, Маяковского, Некрасова, В. Терешковой, Циолковского и др. Ряд названий возник в последние десятилетия: так, в Углянском с/п «с 1991 года прибавилось 14 улиц, таких как: Пушкина... Высоцкого, Грибоедова, Маршака и др. Названия улиц сельский совет дает по просьбе ветеранов и желанию людей» [12].

Во **вторую группу** входят фамилии известных людей, чье творчество непосредственно или косвенно связано с верхнехавскими селами: ул. Короблинова (в с. Углянец, где родился писатель), Эртеля (улица расположена на одноименном хуторе, где находится имение Эртелей), Станиславского (в пос. Никольское, где жила сестра К. С. Станиславского З. С. Соколова: там был открыт знаменитый народный театр), Никитина (в с. Сухие Гаи поэт гостил у П. И. Савостьянова, но улица в честь Никитина была названа в более крупном селе —

Углянец), Платонова («А. Платонов в 1921—1922 гг. приезжал из Воронежа до станции Углянец и ходил пешком через с. Углянец в Волошино, где работал учителем в сельской школе его возлюбленная» [11, 408]), Кольцова («в окрестностях села Углянец он скупал скот» [11, 408]).

Носители фамилий, составляющих **третью** антропонимическую **группу**, не столь широко известны или неизвестны за пределами сельских поселений: П. Я. Анищенков (1919—1990) — участник ВОВ, Герой Советского Союза, уроженец с. Никольское 3-е (его именем названа улица в близлежащем селе Верхняя Маза — вероятно, потому, что его родное село относится к вымирающим); В. А. Беляев (1918—1994) — участник ВОВ, Герой Советского Союза, уроженец с. Архангельское (ранее ул. Беляева именовалась улицей Победы, это название сохранилось лишь на табличке старого дома); В. С. Георгиев (1912—1942) — летчик, погибший при выполнении задания и похороненный в с. Верхняя Хава; А. Л. Алексеев — лейтенант, погибший в 1942 г. и похороненный в пос. Малиновка (позднее прах перенесен в пос. Вишневка, но название было дано малиновской улице) [13]; В. В. Голомазов — командир автомобильного взвода, погибший в Афганистане в 1985 г. и похороненный в с. Углянец [14, 280]; С. Е. Скачков — председатель Спасского сельского совета, чекист, убитый раскулаченным местным жителем в 1930 г. [15]; Дмитрий Емельянович Харин — председатель Верхнелуговатского сельского совета, убитый, предположительно, в революционные годы при попытке защитить крестьянина от грабежа (в Верхней Луговатке сохранился памятник: «Там кирпичная маленькая пирамидка, полуразрушенная... Старожилы рассказывают, что банда, из Пластицы прибывшая, хотела отнять лошадь у крестьянина. Харин вступился. Спросили, кто он... В само здание, в избу, где у него были документы, тоже направились, начали там всё высыпать, валять. Он пытался помешать, и его застрелили», — рассказывает Г. Н. Власова, учитель истории). Принадлежность некоторых фамилий требует уточнения.

История многих антропонимов, закрепленных в микротопонимии, остается неизвестной, и осколки прошлого, скрытые за ними, возможно, утрачены навсегда. Задача современника — продолжать пытаться восстановить «разбитое зеркало» имен и названий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: [в 2 т.]. — Т. 1. А–Л. / Г. Ф. Ковалев; Воронеж. гос. ун-т, Каф. славянской филологии, Науч. лаб. воронеж. лингвокраеведения им. В. И. Собиенниковой. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. — 410 с.
2. Мочалова Н. А. Микротопонимика сел Спасского сельского поселения / Мочалова Н. А., Павельева О. // Топонимика Воронежского края. Сборник материалов областной конференции обучающихся «Историческая и «легендарная»

топонимика Воронежского края» (24—26 марта 2014 г.).— Воронеж: Тетра Сорю, 2014.— С. 39—42.

3. Березуцкий В. Д. Очерки истории Верхнехавской земли: факты, события, люди / В. Д. Березуцкий, А. А. Зацепин.— Воронеж: Кварта, 2014.— 430 с.

4. Пархоц Э. О. К истории ономастической лексики села Никоново (Верхнехавский р-н, Воронежская обл.) / Э. О. Пархоц // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сб. науч. тр.— Вып. 32.— Воронеж: Истоки, 2014.— С. 315—333.

5. Дьякова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова.— Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009.— 344 с.

6. Горохолец Ю. А. Микротопонимия Верхнехавского района Воронежской области (на материале печатных и электронных источников) / Ю. А. Горохолец, Э. О. Пархоц // Воронежское краеведение: традиции и современность: материалы ежегодной областной научно-практической конференции.— Воронеж, 2016.— С. 199—211.

7. Пархоц Э. О. История топонимов и микротопонимов Плясоватского сельского поселения Верхнехавского р-на Воронежской обл. / Э. О. Пархоц // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр.— Воронеж, 2016.— С. 319—330.

8. История // Официальный сайт администрации Спасского сельского поселения Верхнехавского района.— 23 июня 2011.—Режим доступа: <http://spassk-vh.ru/>

information/history.html (дата обращения: 13.01.18).

9. Былички и бывальщины Воронежского края / Воронеж. гос. ун-т, Лаб. народ. культуры; [сост., вступ. ст. и науч. ред.— Т. Ф. Пухова].— Воронеж: Науч. книга, 2009.— 385 с.

10. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина.— М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.— 785 с.

11. Качановская Н. Микротопонимия села Углянец Верхнехавского района Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 3. Межвузовский сборник научных трудов.— Воронеж: ВГУ, 2016.— С. 407—409.

12. Проект Генерального плана Угланского сельского поселения Верхнехавского муниципального района Воронежской области. Т. 1 // Официальный сайт Администрации Угланского сельского поселения Верхнехавского района.— Режим доступа: <http://uglanskoe.ru/activities/gradostroitelstvo.html?type=primary> (дата обращения: 13.01.18).

13. Информация из списков захоронения: Алексеев А. Л. // Обобщенный банк данных «Мемориал».— Режим доступа: <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=87418861> (дата обращения: 13.01.18)

14. Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане.— Т. 1. А—Л.— М.: Воениздат, 1995.— 720 с.

15. Мочалов Д. Герой или злодей? / Д. Мочалов, Е. Пучкова // Международный Мемориал: Проект «Уроки истории»: XX век.— 14 мая 2016.—Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53208> (дата обращения: 13.01.18).

Воронежский государственный университет

Пархоц Э. О., сотрудник лаборатории Воронежского лингвокраеведения им. проф. В. И. Собинниковой, аспирант кафедры славянской филологии

E-mail: perehodn@mail.ru

Voronezh State University

Parhots E. O., Chief Assistant of Voronezh Laboratory of Regional Linguistics named after professor V. I. Sobinnikova, Postgraduate Student of the Slavic Philology Department

E-mail: perehodn@mail.ru

ПРИНЦИП ЦИКЛИЗАЦИИ КАК ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРОЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Е. Л. Пивоварова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается принцип циклизации прозы в литературе начала XX века как жанровый эксперимент. Дается краткий обзор истории циклизации, ее дефиниция и различие смежных понятий — цикл, цикличность и циклизация.

Ключевые слова: цикл, жанр, короткий рассказ, принцип циклизации, виды циклизации, прозаическое единство, художественная целостность.

Abstract: the article deals with the principle of prose cyclisation in literature in the beginning of XX century which is considered as a genre experiment. An overview of the history of cyclisation is given as well as its definition and the difference between the terms — a cycle, cyclicity and cyclization.

Keywords: a cycle, a genre, a short story, the principle of cyclization, types of cyclization, prose unity, literary unity.

Особый интерес для литературоведения представляют те жанры, которые претерпевают трансформации в момент перехода от одной эпохи к другой, предъявляя миру человека, подвергающегося давлению переломного времени, с обновлённым мироощущением, что актуализирует в литературе поиск новых способов художественного воссоздания мира. Перемены, назревшие в литературе разных стран второго десятилетия XX века, были связаны как с политическими, экономическими, социальными изменениями после Первой мировой войны, когда мир стал непредсказуемым и неустойчивым, а место индивида в мире изменилось, так и с новаторскими представлениями о человеческой психике [2; 17—33].

И отечественная, и зарубежная проза начала XX века отличалась поисками новой формы, пересмотром традиций и попытками создания иных принципов организации художественного текста. Это свойственно как авторам, склонным к модернистскому типу построения произведения, так и писателям, исповедующим реалистические повествовательные приёмы [1; 94]. Одним из таких принципов является циклизация. Принципы циклизации являются основой многих произведений (Н. Гумилёв, «Тень от пальмы»; Ф. Сологуб, «Книга сказок»; Дж. Джойс, «Дублинцы»; Дж. Мур, «Невспаханное поле»), определяя сущность и направленность жанрово-трансформационных процессов в прозе [3; 122].

На рубеже XIX—XX веков эстетические запросы времени перерастают традиционный канон рассказа, что заставляет писателей обратиться к циклу как своеобразному жанровому «мостику» в объединении

сюжетов, героев, идей в целое, когда прежняя модель рассказа исчерпывала себя, а новые принципы ещё только осмысливались (Р. Киплинг, «Простые рассказы с холмов», 1888; О. Уайльд, «Преступление лорда Артура Севиля и другие рассказы», 1891; Г. К. Честертон, «Неведение отца Брауна», 1911).

Эксперименты в области цикла и родственных ему прозаических единств характерны для прозы этого времени, к примеру, циклизация стала основой создания романа XX века (Т. Гарди, «Романы характеров и среды», 1872—1895; Дж. Голсуорси, «Сага о Форсайтах», 1906—1921; Э. Поуэлл, «Музыка времени», 1951—1975). Отметим, что появление циклов произведений независимо от эстетических установок писателей и использование приёма циклизации прозаических текстов наблюдается на протяжении всего XX века. Если говорить более широко, то этот принцип является продуктивным в разные периоды литературного развития. В период постмодернизма также использовался принцип циклизации, о чём свидетельствует, например, трилогия университетских романов Д. Лоджа [5; 28].

На наш взгляд, процесс циклизации необходимо рассматривать как объективную реальность, попытку найти тип художественного единства, воплощающий в себе стремление к художественной целостности при неизбежной фрагментарности реального мира. Писатели различных национальных культур с завидным постоянством обращались к форме цикла той или иной модификации. Более того, влияние цикла на различные прозаические жанры в изучаемый период оказалось столь велико, что его поступательная энергия организует и большую прозу первой половины XX века, в частности, модернистский роман со свойственной ему фрагментарностью [4; 24].

Генетически литературная циклизация восходит к античности — древнегреческим мифам о богах и героях. Далее процесс циклизации можно рассматривать как расширяющий, объединяющий метод [6; 77—96]. Это находит продолжение в литературе средневековья — уландский (ирландский) народный цикл (составляющий легендарную биографию Кухулина — героя древней Ирландии), ирландский воинский цикл сказаний о Финне и цикл о «чудесных плаваниях» — сага «Плавание Брана», скандинавский мифологический цикл «Словесная распря Локки», французский героический цикл поэм о Гильоме д'Оранж, испанские народные циклы романсов о Сиде, инфантах Лары, о Фернанде Гонсалесе, немецкие героические циклы поэм о Дитрихе и Эрманарихе, бретонские (кельтские) циклы романов о святом Граале и артуровские романы (романы Круглого стола).

В эпоху Возрождения циклическая форма находит воплощение в сборнике любовных посланий Петрарки «Канцоньере», в циклах новелл Дж. Боккаччо «Декамерон», в «Назидательных новеллах» Сервантеса, в циклах сонетов В. Шекспира. В поэзии нового времени широко распространены поэтические и прозаические циклы в творчестве И. В. Гёте (роман-диptyх «Годы учения Вильгельма Мейстера», 1795—1796; «Годы странствий Вильгельма Мейстера»), Л. Тика («Странствия Франца Штернбальда», 1798), В. Г. Вагнеродера («Фантазии об искусстве для друзей искусства», 1799), а также Новалиса, А. Шамиссо, Г. Гейне, У. Блейка, Ш. Бодлера, П. Верлена.

В качестве отдельного поэтологического понятия «цикл» стал широко использоваться в европейском искусстве на рубеже XVIII—XIX веков. Многие произведения того периода теоретически соответствовали жанровой форме — «циклу, но таковыми не именовались, поскольку более употребительными считались иные определения, например «особые поэмы» или «лирические романы» (М. Н. Дарвин). Нередко определение носило явно национальный оттенок, как, например, во французской поэзии циклические образования зачастую обозначались «ансамблями стихотворений» (от франц. «ensemble» — стройное целое, совокупность, система), что равносильно, в плане жанровой формы понятию «цикл» (франц. «cycle» — «ensemble» — собрание поэм, стихов), а в английской прозе циклы представлялись «антологиями рассказов» (от англ. «collection» — группа, антология) [13; 256].

Важно отметить тот факт, что жанровое определение цикла состоит в трудности классификации черт, характерных только для лирики или только для эпоса, поэтому циклами именуются как стихотворные, так и прозаические произведения, причём в соотношении с типом речи, а не с лирическим или эпическим началом. Вопрос о родовой дифференциации остаётся открытым, что в определённой степени

объясняет подмену понятий. В центре внимания отечественного литературоведения понятие «цикл» оказывается в 1950-е годы, когда, по выражению И. Фоменко, происходит «самопознание» жанра [7; 252].

Существующие на настоящий момент толкования понятия «цикл» звучат следующим образом: группа самостоятельных и «самоценных» (Ю. Боров) произведений, представляющая собой художественное «многосоставное» (Н. П. Михальская) целое, обладающее относительно устойчивым типом структуры, жанровыми признаками и тяготеющее иногда к большим формам [8; 527], [14; 17].

Цикл появляется в литературе тогда, когда его форма воспринимается как «особая художественная возможность» (В. А. Сапогов), когда отдельное произведение, являясь частью целого, функционирует внутри него как самостоятельное, но теряет часть своей значимости вне цикла.

Большинство ученых сходится во мнении, что цикл формируется в пространстве между отдельными текстами, превосходя по многим параметрам индивидуальное произведение. Именно поэтому цикл рассматривается как «новый жанр» или «сверхжанровое единство» (И. В. Фоменко), «жанровая разновидность или форма» (Н. П. Михальская, Г. В. Аникин), «сверхтекстовое единство» (В. И. Тюпа), новое «жанровое образование» (В. А. Сапогов). В этих характеристиках подчеркивается гибкость цикла («разновидность»), жанровая новизна по отношению к уже существующему тексту («новый жанр») и метажанровая специфика («сверхжанровое единство») [10; 28].

Некоторые исследователи рассматривают термины «цикл» и «циклизация» как равнозначные понятия (Г. В. Аникин). Другие разделяют их, в частности, Л. Ляпина считает циклизацию объективным процессом, порождающим различные типы художественных единств, главным результатом которого является собственно цикл [9; 123].

Нам представляется немаловажным разграничить понятия «цикл», «цикличность» и «циклизация» для объективности исследования. Итак, цикл — это художественное единство, обладающее интегративной целокупностью (М. М. Бахтин), завершённостью, в котором каждая часть художественной общности имеет как точную позицию внутри этой общности, так и определённую степень автономности. Циклизация — это тенденция к группировке разных структур — прозаических, лирических, драматических — в цикл. Цикличность — это приёмы, которые организуют цикл в художественное единое пространство.

Циклы делятся на авторские и неавторские. Авторские циклы (их ещё называют первичными) полностью формируются и создаются самим писателем. Неавторские (вторичные) циклы состояются из отдельных произведений одного автора критиками, издателями, другими писателями и даже читатель-

ской аудиторией. Каждая из вышеобозначенных циклических форм характеризуется индивидуальными принципами построения. Аутентичными считаются авторские циклы, поскольку им присуща реализация авторского намерения. Также выделяют связанные и свободные циклы (Е. Хаев).

Одной из важнейших проблем современного литературоведения является разграничение между циклом и смежными жанровыми образованиями, в первую очередь между циклом и сборником рассказов. Сборник рассказов может иметь циклический характер, но может и не иметь его. Цикл — единство, которое проявляется на различных уровнях, в то время как сборник рассказов — более произвольное соседство художественных текстов. Так, в сборнике Л. Андреева «Повести и рассказы» произведения скомпонованы по следующим принципам: хронологически (с 1898-го по 1912-й годы), тематически, на образном уровне. А циклические взаимосвязи отсутствуют. Возможна другая ситуация, когда цикл выделяется внутри сборника рассказов, например Р. Киплинг в «Книге джунглей» (1894—1895) выделяет цикл рассказов «Маугли».

Прозаический цикл, на наш взгляд, характеризуется устойчивым набором признаков: наличием нескольких произведений, связанных на художественном, идейно-тематическом, стилистическом уровнях; присутствием «вторичной целостности структуры» (М. Н. Дарвин); использованием монтажной композиции (С. Эйзенштейн), при которой осуществляется ассоциативная связь между текстами и формируется метатекст. Порядок расположения произведений в цикле, по мнению многих учёных, характеризует авторское отношение к окружающему миру [12; 181].

Кроме этого, циклу свойственны единство сюжетных линий; общность системных элементов цикла (жанровых, стилистических, ритмических, образно-метафорических, лексико-фразеологических, интонационных и звуковых). На наш взгляд, сильными позициями единого метатекста можно считать повторяющееся из издания в издание заглавие, постоянство группировки текста при нескольких переизданиях, наличие того или иного фрейма [11; 130].

Цикл представляет собой структуру, которая допускает огромное количество вариаций. Х. Ма-стард и К.-М. Орт полагают, что цикл формируется по принципу равноправности: нарративно-эпический (последовательно-событийный) доминирует в структуре «комплексной внутренней упорядоченности отдельного текста», тогда как семантический преобладает в «тематически упорядоченном собрании отдельных текстов» [15; 1]. К.-М. Орт замечает, что циклу свойственно постоянное возвращение значений, повторение смыслов и мотивов. В основе цикла лежит условно-антиномическая концепция личности (циклическое событие), реализуемая в контекстуальных взаимодействиях произведений

по функциональным принципам «интеграции и сегрегации» (В. Киселёв).

Е. М. Мелетинский отмечает, что «цикл рассказов (новелл) может рассматриваться в качестве *замкнутой* структуры и как единое произведение, сопоставимое с отдельными романами» [16; 6]. Подобной точки зрения придерживается Н. Д. Тмарченко, отмечая «определённое родство между структурами больших и малых эпических форм, которое проявляется во встречающихся тенденциях жанрообразования, когда первые членятся на фрагменты-жанры, вплоть до такого предела, на котором произведение становится «циклом»» [17; 42]. Однако романом такой цикл нельзя назвать, поскольку, по мнению Б. В. Томашевского, для первого характерен «переходящий герой из рассказа в рассказ», что зачастую отсутствует в цикле, хотя в истории литературы существуют и противоположные примеры [12; 180]. Сложная структура цикла, которая наделена собственными свойствами и обладает многокомпонентными связями с другими прозаическими формами, требует к себе внимательного отношения в каждом конкретном случае.

Итак, вопрос о том, какие жанры наиболее востребованы той или иной эпохой, всегда интересует литературоведов, потому что их модификации отражают время. Экспериментируя с прозой, используя принцип циклизации, писатели, с одной стороны, искали новую более привлекательную форму в литературе, давали «новую жизнь» своим произведениям, а с другой, рассматривали это как возможность проявить иные, прежде не использовавшиеся варианты выражения авторского мирозерцания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанова И. В. Английский роман тридцатых годов XX века / И. В. Кабанова. — Саратов, 1999.
2. Михальская Н. П. В лабиринтах фрейдизма / Н. П. Михальская // Пути развития английского романа 1920—1930-х годов: утрата и поиски героя. — М., 1966.
3. Егорова О. Г. Циклизация как путь создания новой структуры романа в литературе России и Англии I половины XX века / О. Г. Егорова // Модели успеха: развлекательность, популярность, массовость как явления культуры: материалы XI ежегодной с международным участием конференции российской ассоциации преподавателей английской литературы. — Тамбов: изд-во ТГУ, 2001.
4. Егорова О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О. Г. Егорова. — Волгоград, 2004.
5. Орлова Т. Я. Жанровые аспекты эпического цикла. Трилогия М. Алданова «Ключ. Бегство. Пещера»: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Т. Я. Орлова. — МГУ, 2002.
6. Жирмунский В. М. Литература эпохи развитого феодализма (XI—XIII вв.). Народное творчество и его отражения в письменных памятниках // История зарубежной литературы: Раннее средневековье и Возрождение. — М., 1959.

7. Царёва Е. В. Лондон в книге Питера Акройда «Диккенс» / Е. В. Царёва // XIX Пуришевские чтения: переходные периоды в мировой литературе и культуре: сборник статей и материалов. — М.: МПГУ, 2007.
8. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Боров. — М.: Изд-во «Астрель», 2003.
9. Ляпина Л. Е. Лирический цикл как художественное единство / Л. Е. Ляпина // Проблемы целостности литературного произведения. — Воронеж, 1977.
10. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика / И. В. Фоменко. — Тверь, 1992.
11. Чернец Л. В. Композиция // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. — М.: «Академия», 1999.
12. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. / Н. Д. Тмарченко. — Тверь, 2001.
13. Petit Larousse en Couleurs / Grand Dictionnaire Encyclopedique. — Paris, 1986.
14. Михальская Н. П. Английский роман 20 века / Н. П. Михальская, Г. В. Аникин. — М.: Высшая школа, 1982.
15. Mustard H. The Lyric Cycle in German Literature / H. Mustard. — N.Y., 1946.
16. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. — М.: Наука, 1990.
17. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика / Н. Д. Тмарченко. — Тверь, 2001.

Воронежский государственный университет

*Пивоварова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации
E-mail: pivovarova_e_l@mail.ru*

Voronezh State University

*Pivovarova E. L. Candidate of Philology, Associate Professor of
Translation Theory and Intercultural Communication department
E-mail: pivovarova_e_l@mail.ru*

«ЧУЖОЙ — СВОЙ»: ЭТНОНИМ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Е. А. Попова, С. Аль-Хамдани

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Поступила в редакцию января 2018 г.

Аннотация: статья посвящена анализу устаревшего аллоэтнонима *арап*, обозначающего вначале (XVIII — 1-я четверть XIX в.) представителей «чужого» мира в русском языковом сознании. Позже (XX—XXI вв.) данный этноним и его производные стал использоваться в русском языке для именования Пушкина и его предков, так как великий русский поэт имел арапские корни и арапскую внешность и употреблял этноним *арап* и его производные по отношению к своему прадеду Ибрагиму Ганнибалу и самому себе. *Арап* — единственный из аллоэтнонимов русского языка, который в русском языковом сознании приобрел положительную оценочность и стал частью «своего» мира.

Ключевые слова: аллоэтноним, *арап*, *свой* — *чужой*, А. С. Пушкин, Ганнибал, русское языковое сознание, оценочность.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the out-of-date alloethnonym 'Blackamoor', which at the beginning (XVIII — 1st quarter of XIX century) used to mean the representatives of the "foreign" world in the Russian lingual consciousness. Later (in XX—XXI centuries), this ethnonym and its derivatives began to be used in Russian for the naming of Pushkin and his ancestors, since the great Russian poet had Blackamoorish roots and appearance and used this ethnonym and its derivatives in relation to his great-grandfather Ibrahim Hannibal as well as to himself. It is the only Russian alloethnonym that has acquired a positive evaluation and has become a part of the "own" world in the Russian language consciousness.

Keywords: alloethnonym, Blackamoor, friend and foe, A. S. Pushkin, Hannibal, Russian lingual consciousness, estimate.

Для любого языка и строящейся на его основе национальной культуры важную роль играет оппозиционность такой лингвокультурной пары, как *свой* — *чужой*. Данная универсалия, возникновение которой относится к глубокой древности, прежде всего, противопоставляет представителей своего этноса всем другим, т.е. чужим. Поскольку любой народ живет в системе координат «свой — чужой», то среди русских этнонимов будут как самоназвания, т.е. автоэтнонимы (*русские*), так и названия чужих этносов, с какими русские вступали в разнообразные контакты на всем своем историческом пути, т.е. аллоэтнонимы (*немцы*, *ляхи*, *арапы*, *сарацины* и др.). Как автоэтнонимы, так и аллоэтнонимы в русском языке обладают национальной спецификой, которая может проявляться в оценочности. Интерпретация основного (базового) противопоставления «свой — чужой» в аксиологическом, ценностном плане обычно выражается в виде оппозиции «хороший — плохой», — с отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру. Являющийся предметом нашей статьи устаревший аллоэтноним *арап* первоначально представлял «чужой» мир в сознании русского народа.

Слово *арап* в русском языке известно с XVI в. [см. 1, 83] со значением то «араб», то «негр». «К Петровскому времени, по-видимому, устанавливается знач. "негр".

<...> Во 2-й четверти XIX в. *арап* в смысле "чернокожий", "африканец" вытесняется словом *негр*» [2, 50].

О том, что слова *арап* и *араб* использовались в русском языке XVIII в. для обозначения разных народов (и арабов, и негров), свидетельствует словарная статья из «Словаря русского языка XVIII века»: «**Арапы, арабы, мн.; ед. арап, араб, м., арапка и арабка, ж.** 1. Арабы. **♦ В арапы.** В Аравию, в арабские страны, к арабам. 2. Негры, чернокожие. **♦ Белые арапы.** Негры-альбиносы. 3. **Обычно Арап, Арапка.** Чернокожий слуга, раб» [3, 85]. Такая взаимосвязь значений слов *араб* и *арап* и их взаимозаменяемость в русском литературном языке XVIII в. объясняется тем, что слово *арап* по происхождению связано со словом *араб*. Так, «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской рассматривает слово *арап* как собственно русское, возникшее в результате переоформления слова *араб*, заимствованного из греческого языка [4, 24].

В русском литературном языке XIX в. значения слов *араб* и *арап* уже не пересекаются, относясь к разным этносам. Например, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов употребляют слово *араб* в значении «житель или уроженец Аравии, аравитянин» [5, т. 1, 27]: *И, стан художавый к луке наклона, / Араб горячил вороного коня* (М. Ю. Лермонтов. «Три пальмы»). Несмотря на то, что в русском литературном языке XIX в. слова *араб* и *арап* использовались для обозначения представителей разных этносов, в просторечии XIX в. зна-

чения указанных слов часто смешивались. Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов в «Словаре к пьесам А. Н. Островского» отмечают: «**Арап** — негр, вообще чернокожий. Арабов (уроженцев Аравии), которые не являются чернокожими, в просторечии смешивали с неграми. *Что же мне арабкой что ли ходить прикажешь?* ("Не было ни гроша, да вдруг алтын")» [6, 7]. Хотя в издании сочинений А. Н. Островского в цитируемой фразе печатается *арабка*, но из контекста видно, что речь идет именно об *аранке*.

Во 2-м издании «Словаря современного русского литературного языка» в 20-ти томах (гл. ред. К. С. Горбачевич) значение слова *аран* объясняется следующим образом: «**1. Арап**. Устар. О темнокожем, чернокожем человеке, негре. // Прислужник (обычно чернокожий) в царских дворцах и аристократических домах XVIII и XIX вв.» [7, 215]. Именно в указанных значениях употребляется слово *аран* в русском языке XIX в., в том числе в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других писателей и поэтов. В XIX в. анализируемое слово относилось к активному запасу языка и использовалось для обозначения представителей чужого этноса, которые отличались от русских темным цветом кожи. Значение «прислужник (обычно чернокожий) в царских дворцах и аристократических домах XVIII и XIX вв.» появилось у слова *аран* в результате функционального переноса, слово *аран* в этом значении относится к историзмам. А слово *аран* в «этническом» значении относится к другому разряду устаревшей лексики — к архаизмам, так как имеет синоним среди слов активного запаса (*негр*).

Самым известным арапом в русской истории является прадед А. С. Пушкина по материнской линии — Ибрагим (Абрам) Ганнибал (1697—98—1781), крестник Петра I, его сподвижник, военный инженер и генерал-аншеф. Его часто именуют с помощью крылатого выражения (пушкинизма) *аран Петра Великого*. Своего знаменитого прадеда Пушкин увековечил в незаконченной повести «Арап Петра Великого» (1827), «Начале автобиографии» (1834), ряде стихотворений. Как следует из «Словаря языка Пушкина», в своих произведениях Пушкин употребил слово *аран* 52 раза в «этническом» значении: *аранами* «обыкновенно называют негров и мулатов» [8, т. 1, 44]. Чаще всего Пушкин использовал это слово по отношению к своему прадеду: *В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим* («Арап Петра Великого»); *Как жениться задумал царский арап, / Меж боярынь арап похаживает, / На боярышен арап поглядывает* («Как жениться задумал царский арап...»); *И сходно купленный арап / Возрос усерден, неподкупен, / Царю наперсник, а не раб* («Моя родословная»).

В «Арапе Петра Великого» слово *аран* употребляется Пушкиным наряду со своими синонима-

ми — *негр* и *африканец*: *Молодой африканец любил; Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо <...>* По данным «Словаря языка Пушкина» слова *негр* и *африканец* Пушкин использует гораздо реже, чем слово *аран*: *африканец* — 2 раза [5, т. 1, 38], *негр* — 15 раз [8, т. 2, 777].

Хотя «Словарь языка Пушкина» (и первое, и второе издания) выделяет у слова *аран* только одно «этническое» значение, считая его однозначным [8, т. 1, 44; 5, т. 1, 27, 841—843], но в поэме «Руслан и Людмила» (1817—1820) анализируемое слово употребляется в другом значении — «чернокожий прислужник во дворцах аристократической знати (в данном случае во дворце Черномора)»: *Безмолвно, гордо выступая, / Нагими саблями сверкая, / Арапов длинный ряд идет <...>*

В этом же значении употребляется слово *аран* в письмах и других произведениях Пушкина: «Из Царского Села приехал бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобождение, законный брак Ольги Андреевны, и увез бы тебя в Петербург. То-то бы зажили! Опять бы завелись и *араны*, и карлики, и сотерн и пр.» (П. В. Нащокину. 1 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву) [9, т. 10, 350]; «*Об аране графа С***. У графа С** был *аран*, молодой и статный мужчина» («Table-talk») [9, т. 8, 108].

Большой интерес для изучения слова *аран* в произведениях Пушкина и русском литературном языке XIX в. представляет письмо поэта к П. А. Вяземскому, датированное второй половиной 1835 г. — 1836 г.: «*Араб* (женского рода не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван был разграблен степными арабами*.

Арап, женск. *аранка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые араны*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными аранами*. <...>

А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов» [9, т. 10, 613]. Как видим, Пушкин не только разграничивал значения слов *араб* и *аран*, но и выделял у слова *аран* разные значения, которые авторы «Словаря языка Пушкина» не дифференцируют. В этом письме Пушкин привел образцы хорошо разработанных словарных статей.

Слово *аран* в «этническом» значении и его производные после Пушкина продолжали использоваться в прямом значении, т.е. для именования чернокожего человека, негра. Так, в рассказе К. М. Станюковича «Максимка» (1896) для обозначения чернокожего мальчика, которого спасли русские матросы, употребляется как слово *аранчонок* (оно встречается в речи матросов), так и слово *негр* (больше характерно для авторской речи, в речи матросов употребляется стилистически сниженное слово женского рода *негра*). Негров матросы называют *араны*, см. фрагмент рассказа одного из матросов о гражданской войне

в США: — У их **арапы** будто вроде крепостных! <...> Одни мериканцы, значит, хотя бы все **арапы**, что живут у их, были вольные, а другие на это никак не согласны — это те, которые имеют крепостных **арапов**, — ну и жарят друг дружку, страсть!..

В русской литературе XX—XXI вв. слово *арап* и его производные *арапский*, *арапчонок*, как правило, используются по отношению к Пушкину и его предкам. При этом в конце 40-х гг. XX в. слово *арап* в «этническом» значении и его производные перешли из активного запаса русского языка в пассивный, став устаревшими словами. Например: *И когда она (Мария Алексеевна. — Е. П., С. А.-Х.) выходила замуж, ей все завидовали, хоть и притворялись, что равнодушны, и даже посмеивались, что идет за аrapa (Ю. Н. Тынянов. «Пушкин»); Старый арап спугнул всех гостей и объявил Аннибалом и чуть ли не арапчонок его сына (Там же); Их водили гулять всех вместе <...>. Александр обычно отставал. Мальчишки дразнили его: «Арапчонок!» и убегали в переулок; Александр никогда ни с кем не говорил о деде-арапе и ни у кого не спрашивал, почему его дразнят мальчишки арапчонок (Там же); Гринев Пугачеву нужен ни для чего: для души. Так цыгане любят белых детей. Так русский царь любил арапа Ибрагима (М. И. Цветаева. «Пушкин и Пугачев»); Соседи какое-то время судачат о том, что сынка Ульяновых заезжий арап отлупил палкой по голове <...> (Т. Н. Толстая. «Сюжет»).* В стихотворении В. Ходасевича, написанном на чужбине в 1923 г., именно Пушкин, имеющий арапскую внешность, становится олицетворением России: *Вам нужен прах отчизны грубый, / А я где б ни был — шепчут мне / Арапские святыя губы / О небывалой стороне (В. Ф. Ходасевич. «Я родился в Москве. Я дыма...»).* То, что благодаря Пушкину являющийся представителем чужого мира этноним *арап* становится важной частью своего, демонстрирует стихотворение Эммануила Германа (Эмиля Кроткого) (1892—1963) «Африканец на севере»: *Обогревшийся правнук арапов / Обессмертил чужую страну.*

Темный цвет кожи арапов как один из главных признаков их этнической принадлежности и этнической идентификации становится приметой внешности великого русского поэта Пушкина, что находит отражение в произведениях русской литературы и русской лингвокультуре в целом: **Смуглый отрок**

бродил по аллеям <...> (А. А. Ахматова. «В Царском Селе»); Я вспоминаю курчавого мага / Этих лирических мест. / Вижу его на дороге и в гроте... / Смуглую руку у лба... (М. И. Цветаева. «Встреча с Пушкиным»).

Таким образом, благодаря Пушкину этноним *арап*, изначально, как все аллоэтнонимы, обозначающий «чужой» мир в русском языковом сознании, становится частью «своего» лингвокультурного пространства. Если данный этноним и его производные используются по отношению к Пушкину и его предкам, то он становится мелиоративным этнонимом, т.е. этнонимом с положительной оценочностью, что, как правило, бывает характерно для автоэтнонимов, представляющих в сознании носителей языка «свой» мир. Это, пожалуй, единственный аллоэтноним русского языка, с которым произошли такие метаморфозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. Т. 1 (А–Д) / М. Фасмер. — СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 576 с.
2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 1—2. 2-е изд., стереот. Т. 1 / П. Я. Черных. — М.: Рус. яз., 1994. — 623 с.
3. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1. Гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука, 1984. — 224 с.
4. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. — М.: Учпедгиз, 1961. — 403 с.
5. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 1. — М.: Азбуковник, 2000. — 982 с.
6. Ашукин Н. С. Словарь к пьесам А. Н. Островского / Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов. — М.: Веста, 1993. — 246 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. — М.: Рус. яз., 1991. — 864 с.
8. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. Отв. ред. В. В. Виноградов. Т. 1, 2. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956—1957. — Т. 1. — 806 с.; Т. 2. — 896 с.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 8, 10 / А. С. Пушкин. — М.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 8. — 596 с.; Т. 10. — 902 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Попова Е. А., заведующий кафедрой русского языка и литературы,

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Аль-Хамдани Сура (Султанат Оман, г. Барка), аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: suraalhamadani@gmail.com

Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Popova E. A., the Head of the Russian Language and Literature
Department,

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Al'-Hamdani Sura (Sultanate Oman, Barka),
Postgraduate Student of the Russian Language and Literature
Department

E-mail: suraalhamadani@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В РОССИИ И ШКОЛАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918—1920)

Ю. В. Пыльнев

*Музей истории развития образования Воронежской области,
Воронежский институт развития образования*

Поступила в редакцию 20 сентября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена истории реформирования орфографии в начале XX века и первые годы советской власти, даются примеры её становления в Воронежской губернии.

Ключевые слова: реформа А. А. Мануйлова, первая мировая война, февральская революция, октябрьская революция, новая орфография.

Abstract: the article is devoted to the history of spelling reform in the early XX th century and the first years of Soviet power, provides examples of its formation in the Voronezh province.

Keywords: reform A. A. Manuilov, first world war, February revolution, October revolution, the new orthography.

Отправной точкой реформирования русской орфографии в начале XX века можно считать 1904 год, когда при Императорской академии наук была создана Орфографическая комиссия. В неё вошли крупнейшие лингвисты того времени, а возглавил комиссию Великий князь Константин. Предложения рабочей группы, окончательно сформулированные в 1912 году, сводились к упрощению графики (устранению букв, не обозначающих никаких звуков, как ъ на конце слов, и букв, обозначающих те же звуки, что и другие буквы — «ять», «и десятиричное», «фита»). Прочие изменения были немногочисленны [1,172]. Однако подготовленный проект реформы некоторые ученые и консервативная печать встретили неодобрительно. Не все ученые считали, что трудность освоения орфографии зависит от её сложности. Проф. А. И. Томсон, в частности, полагал, что всё зло состоит в неправильных методах обучения. Половинчато относился к изменениям и член подкомиссии по вопросам реформирования проф. А. И. Соболевский. Он писал, что «воплям ленивых учеников и плохих преподавателей не стоит придавать большого значения» [2].

Реформа орфографии была продолжена в годы первой мировой войны и февральской революции 1917 г. Претворение ее в жизнь взяло на себя министерство народного просвещения Временного правительства во главе с министром А. А. Мануйловым. Известный лингвист Д. Н. Ушаков писал по этому поводу: «Видную роль в возбуждении общественного внимания к вопросу о реформе и в самом её осуществлении, несомненно сыграл всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности 1916—1917 гг. Этот съезд признал «скорейшую ре-

форму правописания в том направлении, какое она получила в трудах орфографической комиссии при Академии наук, настоятельно необходимой в интересах русской школы и всей русской культуры, и постановил возбудить соответствующее ходатайство перед академией, министерством и комиссией по народному образованию в Государственной думе» [3,155]. Но «Мануйловскую» реформу ожидал оглушительный провал. Её саботировали и игнорировали на всех уровнях. Тогда министр просвещения выпустил циркуляр № 6717 от 22 июня, в котором с «милым либерализмом тех времен» предложил учебным округам безотлагательно принять меры к осуществлению реформы русского правописания. В частности: «1. Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы; в этом отделении при обучении чтению уже обязательно применение нового правописания, причем учащие должны ознакомить детей и с исключенными буквами, но лишь после прочного усвоения ими нового правописания, когда и где найдут они это удобным. В старшем отделении начальной школы, в высшем начальном училище и в среднем учебном заведении следует лишь рекомендовать учащимся переходить к новому правописанию.

2. При проведении реформы необходимо избегать насилия над желаниями самих учащихся, почему не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания... В каждом классе могут быть две группы (пишущих по старому и пишущих по новому правописанию), третьей группы не должно быть...» [3, 156]. Вскоре А. А. Мануйлов подал в отставку. В 1918 г. по разрешению В. И. Ленина он возобновляет преподавательскую деятельность в Московском университете. Как одного из авторов реформы его привле-

кают к работе Комиссии по новому правописанию. Принимается решение проводить реформу не через органы образования, а через средства массовой информации (газеты, журналы, брошюры, книги) в обязательном порядке.

10 октября 1918 г. был подписан декрет СНК РСФСР «О введении новой орфографии». В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания было предложено с 15 октября периодические (газеты, журналы) и неперiodические (научные труды, сборники и т.п.) издания, все документы и бумаги печатать согласно новому правописанию. Школам предписывалось осуществить постепенный переход на новое правописание, начиная с младшей группы I ступени единой школы. Не допускалось при этом принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания [4, 132—133]. На директивный правительственный акт внимания снова не обратили, т.е. игнорировали. Но советская власть могла и заставить уважать свои законы. В течение короткого времени из наборных касс всех типографий страны изъяли отмененные литеры и отправили на переплавку.

Декреты советской власти имели особое значение в создании новой школы. Партийные органы рассматривали их как директивы партии и обязывали всех коммунистов знать эти декреты и проводить в жизнь. Сразу после подписания декрета «О введении новой орфографии» все уездные газеты Воронежской губернии его опубликовали. Например, орган Задонского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Советская газета» уже 27 октября напечатала декрет. В редакционной колонке значилось: «Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть написаны по новому правописанию, четким и разборчивым почерком на одной стороне листа».

Вопросы вводимой орфографии рассматривались на самых различных заседаниях. Так, 15 декабря 1918 г. состоялось объединенное собрание

представителей коммунистов и учителей Лево-Россошанской волости, а также директора Лево-Россошанской смешанной гимназии. Последним пунктом собрания являлся «Вопрос о правописании». С докладом выступил директор гимназии А. М. Путинцев. Он указал на «ненужность прежнего правописания, тормозившего развитие учащихся». Было принято предложение: «Вменить в обязанность Волостному Отделу Народного Образования заботиться и ходатайствовать перед кем следует о скорейшем напечатании книг с новым правописанием» [5]. Вопрос учебников с измененной орфографией стоял остро. В столь короткий срок было трудно наладить их регулярный выпуск. Гражданская война ещё больше усугубила проблему. В отчете инструктора школьного п/о о состоянии народного образования в волостях Острогожского уезда (1920) говорилось: «Учебники по новой орфографии, если где и имеются, то в крайне ограниченном количестве, ввиду чего в пользовании учащихся находятся большей частью старые учебники, отпечатанные по прежним грамматическим правилам, — отсюда зрительная память учащегося как бы спутывается и не может раз и навсегда закрепить в себе начертание слов по новой орфографии» [6]. Учебников не хватало. В большинстве школ Воронежской губернии один учебник приходился на 5—6 учеников. Тем не менее, книги печатались, их выпуск с каждым годом увеличивался. Старая орфография была объявлена пережитком прошлого и достаточно быстро ушла из жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В. В. Новая редакция правил русского правописания: реальность и мифология / В. В. Лопатин // Общественные науки и современность. — 2002. — 3. — С. 172.
2. Новое время. — 1904. — 20 апреля.
3. Цит. по: Чумаков В., Замостьянов А. Старейший журнал России. 1803—2003. — М., 2003 — С. 155.
4. Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. — М., 1974 — С. 132—133.
5. ГАРС, ф.1, оп. 1, д. 44, л. 29 об.
6. ГАРС, ф.751, оп. 1, д. 15, л. 3 об.

Музей истории развития образования Воронежской области, Воронежский институт развития образования

Пыльнев Ю. В., кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ

Museum of the history of education development in the Voronezh region, Voronezh Institute of education development

Pylnev Y. V., Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

АССОЦИАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ МАРКЕМ (КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ) И АВТОРСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ КРУГОЗОР

М. Я. Розенфельд, А. А. Фаустов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: в работе предпринимается попытка моделирования ментального лексикона воронежских поэтов Г. М. Умывакиной и П. В. Синева. Эта задача решается на основе статистического исследования маркем (ключевых слов), полученных при обработке их лирических текстов.

Ключевые слова: маркема, ассоциативное поле, лексикон.

Abstract: the paper develops a model of Voronezh poets G. Umyvakina and P. Sineva's mental lexicon. This problem is solved by means of statistical examination of the markemas (key words) obtained by analysis of their lyric poetry texts.

Keywords: markema, association area, lexicon.

В статье освещается статистический аспект научного проекта, нацеленного на сопоставление авторского лексического поведения, воплощенного в художественном тексте, и спонтанной речевой деятельности автора. В качестве индикатора, позволяющего соотносить эти дискурсивные системы, могут выступать ключевые слова авторского текста, или маркемы (выявляемые по методике, предложенной А. А. Кретовым: [1]). Сравнение поведения маркем в поэтических текстах и в обыденном словоупотреблении возможно при привлечении к осуществлению проекта — в роли участника различных психолингвистических экспериментов — биографического автора.

Таковыми испытываемыми стали в настоящий момент (на стадии апробирования технологии анализа) два воронежских поэта — Г. М. Умывакина и П. В. Синева. В качестве экспериментальных слов (лексем-стимулов) выступили авторские маркемы, объединенные с «фоновыми» словами (экспериментальный список каждого поэта включает 100 слов). В исследовании был использован комплекс традиционных психолингвистических методик. Это свободный ассоциативный эксперимент; направленный ассоциативный эксперимент (с вопросами-ограничителями «какой?» и «что делает?»); эксперимент на свободные дефиниции; эксперименты, предполагающие группировку слов (объединить слова в тематические группы и дать название каждой из них; разбить слова на синонимичные и антонимичные пары, а лексемы, не вошедшие в пары, поместить в отдельную группу).

На базе полученных психолингвистических результатов могут быть построены ассоциативные поля слов исходного списка. А поскольку для построения

поля актуальны только имена существительные (это одно из допущений), в качестве «строительного материала» поля берутся только те реакции, в которых существительные присутствуют.

Ассоциативное поле удобно представить в виде таблицы, в столбцах которой слева направо располагаются слова-стимулы и слова-реакции. Поле разрастается постольку, поскольку среди слов-реакций могут быть такие, которые, в свою очередь, оказываются стимулами, вызывающими появление других реакций. Особо стоит оговорить, что при переходе от слова-стимула к его симиляру (оппозиту), а затем от этой ставшей уже стимулом реакции к ее симиляру (оппозиту) мы возвращаемся к начальному слову-стимулу, и процесс раскручивания ассоциативной цепи должен начинаться снова. Поэтому такой — зеркальный, бесконечный — вариант развертывания ассоциативного поля исключается.

Те лексемы, которые будут давать продолжения, мы будем называть «словами-переключателями» (или «переключателями»). Лексемы, которые не могут иметь продолжения, мы будем называть «словами-замыкателями» (или «замыкателями»). Подробно об алгоритме построения ассоциативного поля лексем см. в статье [2].

Совокупность ассоциативных полей лексем, построенных в соответствии с этим алгоритмом, складывается в ассоциативно-вербальную сеть, которая может быть визуализирована в виде графа. Разработанная на данном этапе исследования компьютерная программа (разработчик — магистрант факультета ПМИиМ ВГУ Н. Ю. Свиридова) позволяет охарактеризовать такой граф в статистическом аспекте. Наиболее важными могут считаться сведения, благодаря которым возможно сравнить поведение в индивидуальном лексиконе маркем и не-маркем. Среди со-

ответствующих показателей особенно значимыми являются: 1) объем ассоциативного поля лексемы (количество шагов и ступеней); 2) средний объем поля для маркем и не-маркем; 3) количество переключателей и замыкателей в цепях ассоциативного поля слова; 4) доля маркем среди переключателей

и замыкателей; 4) количество употреблений слова в качестве переключателя и замыкателя.

Статистические показатели можно свести в таблицу. Приведем фрагмент подобной таблицы (составленной по результатам исследования текстов Г. М. Умывакиной).

Таблица 1.

Лексема	Кол-во переключателей	Кол-во замыкателей	Доля маркем в переключателях	Доля маркем в замыкателях
воспоминание	4 (5)	1 (1)	0,75 (0,80)	1,00 (1,00)
бесконечность	53 (56)	36 (59)	0,68 (0,70)	0,58 (0,68)
разговор	35 (37)	24 (31)	0,66 (0,68)	0,63 (0,65)
вдохновение	1 (1)	0 (0)	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
детство	16 (19)	10 (14)	0,63 (0,63)	0,70 (0,79)
простор	4 (4)	1 (1)	0,75 (0,75)	1,00 (1,00)
интеллигенция	41 (45)	27 (39)	0,71 (0,73)	0,56 (0,64)
прощание	18 (19)	8 (9)	0,72 (0,74)	0,63 (0,67)
счастье	30 (31)	21 (25)	0,67 (0,68)	0,57 (0,60)
легкомыслие	29 (30)	18 (22)	0,62 (0,63)	0,67 (0,73)
праздник	50 (58)	36 (57)	0,68 (0,69)	0,56 (0,65)
фотография	37 (42)	24 (35)	0,65 (0,64)	0,58 (0,66)
поединок	0 (0)	0 (0)	0,00 (0,00)	0,00 (0,00)
календарь	55 (61)	36 (55)	0,65 (0,67)	0,53 (0,64)
позвоночник	28 (29)	18 (22)	0,64 (0,66)	0,67 (0,73)

При статистическом рассмотрении поведения маркем и фоновых слов у Г. М. Умывакиной прежде всего обращает на себя внимание относительно устойчивый показатель — доля маркем среди переключателей и замыкателей в ассоциативном поле слова. Вне зависимости от того, является лексема маркемой или нет, этот показатель в среднем составляет 0,6—0,7. Следовательно, в построении ассоциативных полей всех слов экспериментального списка наиболее активно «работают» именно маркемы. Причем этот показатель коррелирует с размером ассоциативного поля слова. У слов с объемными полями доля маркем среди переключателей и замыкателей относительно устойчива и варьируется также в диапазоне 0,6—0,7. По мере уменьшения объема поля эта величина начинает колебаться — расти или падать, и в конце концов снижается до нуля.

Рассматривая в статистическом ключе экспериментальные данные П. В. Синевой, отметим прежде всего, что материал здесь оказывается иным по наполнению, чем случае с Г. М. Умывакиной. В ответах респондента больше отказов, в текстах-симптомах (эксперимент на свободные дефиниции) меньше существительных, что значительно сужает зону обнаружения маркем. Однако среднее количество маркем среди переключателей и замыкателей у слов с самыми объемными полями изменяется в близком интервале — от 0,6 до 0,8, в среднем составляя 0,7, как и в эксперименталь-

ных данных Г. М. Умывакиной. По мере уменьшения размера полей здесь также наблюдается описанная выше закономерность: доля маркем то резко возрастает (иногда до 1), то сокращается (0,5 и даже 0,33), а затем убывает до нуля.

Другой важный статистический показатель, помимо доли маркем среди слов-переключателей и слов-замыкателей, — сам объем ассоциативного поля лексемы. По этому параметру маркемы в большинстве своем не занимают высоких позиций (как у Г. М. Умывакиной, так и у П. В. Синевой). Более того, средний объем поля маркемы оказывается даже несколько меньше среднего объема поля не-маркемы. Однако в глаза бросается «скученность» маркем: определенная их группа (начиная с 50-й лексемы в списке экспериментальных слов Г. М. Умывакиной и с 15-й — в списке П. В. Синевой) обладает близкими размерами ассоциативных полей, образуя нечто похожее на кластер. Такие маркемы можно назвать стяженными.

Так вот, если сопоставить группу стяженных маркем Г. М. Умывакиной (25 слов) с маркемами, наиболее активно задействованными — в качестве переключателей и замыкателей — в построении ассоциативных полей (таковых — 21 слово), обнаружится, что 16 из них совпадают (*время, жизнь, смерть, душа, память, дорога, музыка, воспоминание, родина, печаль, свобода, разлука, человек, воздух, прощание, земля*). В экспериментальном материале П. В. Синевой активных

маркем — 13, и из них 11 совпадает со стяженными (*пространство, горизонт, земля, воздух, закат, солнце, комната, глина, голова, ветер, зрачок*), что повторяет описанную выше закономерность. Можно предположить, что объем поля маркем коррелирует с их активностью в лексиконе. Наиболее активные маркемы обладают сходными объемами ассоциативных полей.

Таким образом, статистический аспект рассмотрения лексикона поэтов дает возможность сделать следующие предварительные выводы. Авторские поэтические маркемы являются в целом наиболее активными словами при формировании ассоциативных полей единиц ментального лексикона — как маркем, так и не-маркем. Ассоциативное поле маркемы в среднем более компактно, чем поле не-маркемы (вопреки тому, что можно было бы предположить). Маркемы склонны к группировке, к кластеризации. Стягиваются преимущественно наиболее активные маркемы, причем, добавим, повышенная валентность таких слов никак не коррелирует с их частотностью (а точнее — с рангом их текстуальной маркированности) в поэтическом творчестве. Объем поля мар-

кемы и степень ее задействованности в построении ассоциативного поля находятся в отношении соответствия. Маркемы, характеризующиеся высокой активностью в лексиконе, имеют близкие (и при этом сравнительно небольшие — опять-таки вопреки ожиданиям) размеры полей. И дальнейшие пути исследования связаны как с расширением экспериментальной базы, с привлечением в роли испытуемых новых поэтов, так и с выяснением семантических и синтаксических свойств тех маркем, которые образуют стяженные серии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы 2. Сборник статей / Под ред. А. А. Фаустова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. — С. 138—153.
2. Фаустов А. А. Сравнительный анализ активности ключевых слов: автоматизированный подход / А. А. Фаустов, И. Е. Воронина, М. Я. Розенфельд, Н. Ю. Свиридова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. — 2017. — № 1. — С. 175—180.

Воронежский государственный университет

Розенфельд М. Я., доцент кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: maryanka.08@mail.ru

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: aafaustov@list.ru

Voronezh State University

Rozenfeld M. J., Senior Lecturer of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: maryanka.08@mail.ru

Voronezh State University

Faustov A. A., Head of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: aafaustov@list.ru

СЕКУЛЯРИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА *СЕКТАНТ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Д. В. Третьякова

Тольяттинский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассмотрено соотношение терминологической и общеупотребительной семантики в значении слова *сектант* на современном этапе развития языка.

Ключевые слова: терминология, семантика, общеупотребительное значение, метод комплексного исследования семантики слов, психолингвистический эксперимент.

Abstract: the article considers the correlation of terminological and general semantics in the meaning of the word *сектант* at the present stage of language development.

Keywords: terminology, semantics, commonly used meaning, psycholinguistic experiment.

Целью данного исследования является описание соотношения религиозной и светской семантики в динамике развития смысловой структуры слова с исходным религиозным значением в современном русском языке.

Слово СЕКТАНТ сочетает в своей смысловой структуре терминологическое (специальное, религиозное) и общеупотребительные значения. Их выявление и сопоставление является предметом нашего исследования.

Словари XX—XXI вв. (Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт.; Словарь РЯ / Ред. А. П. Евгеньева: В 4-х тт. — М., 1988. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2006; Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2000) приводят в совокупности два значения слова СЕКТАНТ:

1. Член, последователь религиозной секты, общины, отколовшейся от господствующей церкви.

2. *перен. разг.* Человек, склонный к сектантству, поглощенный узкими интересами какой-л. замкнутой группы лиц и отличающийся догматичностью взглядов и убеждений (*книжн. неодобр.*).

Учитывая, что словари, как правило, не полностью отражают современное языковое сознание, мы использовали для описания значения слова СЕКТАНТ также экспериментальные методы и контекстуальный анализ значений.

Был проведен свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом СЕКТАНТ (167 ии). Обработка результатов эксперимента позволяет сформировать ассоциативное поле данного стимула.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ

СЕКТАНТ 167 — секта 23, группа 7, дурак 5, дьявол 5, жертвоприношение 4, зависимый 4, верующий 4, са-

танрист 3, дебил 3, странный 3, пентограмма 3, зависящий 2, больной 2, безбожник 2, культ 2, субкультура 2, религия 2, мантии с капюшонами 2, другого направления 2, Свидетели Иеговы 2, Ку-клукс-клан (ККК) 2, человек, еретик, зло, демон, атеист, начальник, адепт, иноверец, верит в ложного бога, не верующий в Библию, враг, ватник, фанатик, преступник, мошенник, обманщик, обманутый человек, потерянный человек, пропавший человек, ненормальный, неопределившийся, внушаемый, наивный, ведомый, завистливый, завербованный, неумный, несхожий человек, слабый, пропавший, пропащий, промытая голова, пустоголовый, запутанная ситуация, манипулировать, организация, религия против, верность, игровой, монолит, счастье, бред, гипноз, свастика, мистика, оккультизм, глупый, идиот, мандарин, секретарь, барыга, деньги, долги, фигня, кладбище, огонь, сборище, глупый круг людей, зомби, псих, некромант, красный, гот, плохо, плохо в понимании людей, страшный человек, отбирают квартиры, ФСБ, Синий кит, баптист, Милонов 1.

Отказ — 12.

Контекстуальный анализ был проведен по материалам Национального корпуса русского языка (рассмотрены были первые 100 примеров по принципу случайной выборки).

Обобщение результатов описания значений слова разными методами [1] позволило добавить к лексикографическим значениям, полученным путем обобщения данных четырех словарей, еще 8 значений, не представленных в словарях, из которых 6 подтверждаются ассоциативным экспериментом и контекстуальной актуализацией, а 2 подтверждаются только контекстуальной актуализацией и, таким образом, обнаруживаются в зафиксированных контекстах употребления слова. При этом одно из двух лексикографических значений не подтверждается результатами ассоциативного эксперимента и контекстуальными методами.

Интеграция результатов описания семантики слова тремя перечисленными методами позволяет следующим образом представить семантику слова СЕКТАНТ в современном русском языке.

1. терминолог., религ. Член общины, отколовшейся от господствующей церкви (неоценочное).

Актуализирующие свободные ассоциации — 17: верующий 4, культ 2, религия 2, другого направления 2, Свидетели Иеговы 2, адепт, иноверец, несхожий человек, организация, баптист 1.

Текстовые актуализации:

Если пастыри не будут заниматься работой с молодежью, да еще и не позволят заниматься ею мирянам, то на духовные запросы юношества вновь, как и 10—20 лет назад, будут отвечать заезжие миссионеры и сектанты. [Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев). Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании // «Журнал Московской Патриархии» № 3, 2010]

Более или менее стало ясно, что Хашем исповедует верование хуруфитов, сектантов, доставивших много неприятностей властвующей династии Тамерлана. [Александр Иличевский. «Перс» (2009)]

Имба была [полна] битком народа, за столом в переднем углу сидели трое сектантов и объявили, что будут беседовать о недопустимости почитания Креста как орудия позорной пытки и смерти. [Протоиерей Михаил Селищенский, миссионер и свидетель Христов (2003) // «Журнал Московской патриархии», 2003.10.27]

Участие Ф. Н. Плевако в процессах конца XIX века, защита им интересов гонимых обществом людей, будь то религиозные сектанты или фабричные рабочие, — все это свидетельствует о гуманистической направленности его натуры. [Делаем газету вместе (2002) // «Известия», 2002.06.21]

2. разг. Человек, склонный к сектантству, поглощенный узкими интересами какой-л. замкнутой группы лиц и отличающийся догматичностью взглядов и убеждений (книжн., неодобр.) — устаревшее, не употребляется.

Актуализирующие свободные ассоциации: не зафиксированы

Текстовые актуализации: не зафиксированы

3. Социально опасный человек, член общины, отколовшейся от господствующей церкви, который ведет вредоносную деятельность (неодобрительное).

Актуализирующие свободные ассоциации — 21: дьявол 5, жертвоприношение 4, сатанист 3, зло, верит в ложного бога, враг, демон, религия против, плохо, плохо в понимании людей, страшный человек, фанатик 1.

Текстовые актуализации:

Инаковерующие стали идеологическим антиподом православия, их образ привычно наполняется советскими стереотипами о «сектах», «сектантах» и их «главарях». [Роман Лункин. Христианский ответ обществу потребления // «Эксперт», 2013]

Мало того, что сектант, так ещё перегной у людей ворует. [Александр Силаев. Подлое сердце родины (2007)]

Их не стеснялись в глаза и за глаза называть «сектантами», «плохими» или «темными» людьми, «врагами народа» и т.п. [В. Н. Павленко, К. Ваннер. Особенности психологии евангельских христиан-баптистов (2004) // «Вопросы психологии», 2004.10.12]

Россия пережила настоящее засилье отечественных и зарубежных сектантов, чья деятельность носила в том числе и криминальный характер. [Лилия Шевцова. Президент — арбитр или диспетчер? (2003) // «Российская газета», 2003.05.05]

4. Неверующий

Актуализирующие свободные ассоциации — 5: безбожник 2, атеист, не верующий в Библию, еретик 1.

Текстовые актуализации:

[Wiktor, nick:] Может еще в воду их надо бросить, если утонут, то значит не сектанты, а если выплывут, то все же сектанты? [коллективный. Форум: Должен ли практикующий гомеопат быть здоровым человеком? (2011)]

5. Глупый, безвольный человек, которым манипулируют в закрытой мошеннической группе, куда он попал.

Актуализирующие свободные ассоциации — 42: дурак 5, зависимый 4, дебил 3, странный 3, зависящий 2, больной 2, слабый, наивный, неопределившийся, ватник, потерянный человек, пропавший человек, обманутый человек, ненормальный, пропавший, пропащий, пустоголовый, внушаемый, ведомый, промытая голова, завербованный, неумный, запутанная ситуация, глупый круг людей, бред, зомби, глупый, идиот, псих 1.

Текстовые актуализации:

Я начинаю понимать людей, попадающих в лапы сектантов [коллективный. Блоги // «Русский репортер», 2014]

Проповедников иностранных развелось как собак нерезаных, да и наши доморощенные гуру и всякого замеса сектанты от них не отстают, пичкают россиян дурью, пользуются тем, что по природе своей они доверчивы, а многие к тому же и не испорчены интеллектом. [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]

6. Мошенник, вербующий людей в определенную группу в своих целях, для их обмана.

Актуализирующие свободные ассоциации — 10: преступник, сборище, мошенник, обманщик, манипулировать, отбирают квартиры, деньги, долги, барыга, гипноз 1.

Текстовые актуализации:

Меня необычайно бесит реклама, когда люди ходят себе развлекаются или на курорте тусят — а тут к ним начинают приставать с проверкой зубов!! как сектанты какие-то, ей-богу. Irys. [Рекламные ролики на TV (2007)]

Зомбирование — излюбленная тема яростных националистических листов; им со сладким ужа-

сом вторят всякого рода сектанты, да и просто люди при храмах. Подобная «дурь», как известно, является одним из методов влияния на людей со стороны сектантов. [Светлана Офитова. Министерство духовной безопасности (2003) // «Независимая газета», 2003.05.27]

Транснациональные монстры на самом деле — огромные тоталитарные секты с собственными мессиями, армиями проповедников, службами безопасности и толпой закодированных сектантов. [Владимир Спектр. Face Control (2002)]

7. Представитель некой закрытой социально-политической группировки с собственной идеологией.

Актуализирующие свободные ассоциации — 6: Ку-клус-клан (ККК) 2, мантии с капюшонами 2, красный, свастика 1.

Текстовые актуализации:

А есть еще разные сектанты, сатанисты, коммунисты... Кунсткамера. [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)]

У каждого — сектантов, сатанистов, фашистов, философов с автоматами, вроде Хана — были свои ответы. [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)]

«Нет среди них ни скинхедов, ни баркашовцев, ни сектантов», — сказал «Известиям» один из членов следственной группы. [Игорь Моисеев, Борис Устюгов. Виновата чертова дюжина: 12 «Фанатов» и 1 видеоинженер (2002) // «Известия», 2002.06.13]

8. Представитель определенной субкультуры

Актуализирующие свободные ассоциации — 12: пентаграмма 3, субкультура 2, огонь, кладбище, некромант, гот, Синий кит, мистика, оккультизм 1.

Текстовые актуализации:

[Маруся, жен] И как вы думаете, постная тетенька в платочке с обличениями джинсы — грех, танцы — грех, плавать — грех (обнаженная будешь), или сектанты с их собраниями под гитару, кто вызовет больший интерес у детей, далеких от церковной жизни. [коллективный. Форум: Предмет Основы Православной культуры в общеобразовательных школах (2006)]

9. Член политической партии или группы, отколовшейся от партии или группы; то же, что раскольник.

Актуализирующие свободные ассоциации: не зафиксированы.

Текстовые актуализации:

Как «последний политический сектант», депутат Дмитрий Гудков призвал коллег определиться, на кого они хотят ориентироваться — на пенсионеров или на средний класс. [Юлия Яковлева. «Справедливая Россия» делает ставку на «огородные со-

веты» // РБК Дейли, 2012.10.29]

Выступая в ноябре 1957-го на московском совещании компартий, Кадар в полемике с делегацией Польской объединенной рабочей партии аргументировал свою позицию тем, что именно «ревизионисты» группы Надя, а не «сектанты» и «догматики» (нанесшие, несомненно, немалый вред строительству социализма), перешли осенью 1956 года в стан «классового врага». [Александр Стыкалин. От Венгрии 1956-го к Венгрии 1989 года: метаморфозы исторической памяти нации // «Неприкосновенный запас», 2009]

Традиционно троцкисты имеют репутацию догматиков и сектантов. [Александр Тарасов. Левая сцена в России в начале XXI века (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.09.12]

10. Член любого закрытого сообщества, проповедующий в обществе свои убеждения.

Актуализирующие свободные ассоциации: не зафиксированы.

Текстовые актуализации:

У вас в журнале была статья о том, как всякие сектанты, объясняя свои представления о мире, постоянно используют научную терминологию. [Вячеслав Степин. На пороге третьей цивилизации // «Знание — сила», 2006] [омонимия не снята]

Все же странно, что неизвестные сектанты пишут воззвания от руки, а не присылают отпечатанные цветные агитки. [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)]

Таким образом, терминологическое религиозное значение оказывается далеко не самым ярким в смысловой структуре слова, наиболее ярким оказывается производное от него религиозно-оценочное значение, содержащее многочисленные неодобрительно-оценочные и неодобрительно-эмоциональные семы. Производными от него в свою очередь являются другие оценочные значения нерелигиозного характера. Из 10 значений 8 имеют светский характер. Одно из этих значений — «неверующий» — является ложным. В смысловой структуре исследуемого слова исходное терминологическое значение противостоит целому комплексу общеупотребительных значений, которые являются от него производными, но выходят из религиозной терминологической сферы в светскую, преимущественно неодобрительно-оценочную оценочную сферу. Таким образом, процесс секуляризации семантики исследуемого слова налицо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова О. Е. Психолингвистические методы в описании семантики слова / О. Е. Виноградова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2016. — 157 с.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА В ДИАЛОГЕ С МИРОМ И ЧЕЛОВЕКОМ (К 150-ЛЕТИЮ М. ГОРЬКОГО)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 января 2017 г.

Аннотация: рассмотрены основные этапы и тенденции общественного восприятия творческого наследия М. Горького в исторической ретроспективе; намечены современные методологические ориентиры в изучении личностно-творческого феномена писателя.

Ключевые слова: личностно-творческий феномен, общественное восприятие, историко-функциональный подход, диалогическая парадигма, самоорганизация, синергетика.

Abstract: the main stages and tendencies of social perception of the M. Gorky's literary heritage have been considered from the historic retrospective. In addition, modern methodological guidelines in examining the author's phenomenon have been pointed out.

Keywords: author's phenomenon, social perception, functional historic approach, dialogic paradigm, self-organization, synergetic.

Обращение к «юбилейным» датам в истории литературы традиционно предполагает в области научной рефлексии обозначение определённых итогов и перспектив — как неких результатов, претендующих на достоверность и «истинность» для текущего момента современности. Не абсолютизируя подобного рода претензий, представляется уместным на сегодня акцентировать предметную область разговора о Горьком в плоскости определённого *процесса* — того, что генерировалось и аккумулировалось в поле общественного восприятия «вокруг Горького» и по-своему отражало динамику общего и особенного для его личностно-творческого феномена.

История такого рода процессов соединяет уже три столетия — от конца XIX до начала XXI; есть все основания характеризовать это формулой «жизни в веках», ставшей в русле историко-функционального подхода по-своему традиционной для определения литературной классики [1, 3—4; 2, 3—4]. Вместе с тем в ряду других «классических» писательских персоналий обнаруживается и явная экстраординарность фигуры Горького — в том числе и по величине амплитуды ее противоречивых оценок на протяжении большого исторического времени.

Ставшее достаточно традиционным осмысление Горького как одного из лидеров отечественной культуры постоянно пересекалось с противоположной тенденцией: от заявлений о «конце Горького» (1910-е годы) и его «ренегатстве» (1920-е), — до его «разоблачений» на рубеже 1980—1990-х годов.

Полярность таких оценочных концептов («великий писатель» или вообще «не писатель») иллюстри-

руется и явственной разногласицей в важнейших конкретных аспектах общественного восприятия и научного изучения горьковского феномена. Уже с первых шагов начинающего автора в литературе определились противоположные решения критикой проблемы традиций и новаторства в поэтике и эстетике Горького. Для одних он представал «прямым потомком» классической отечественной традиции, а для других — явлением принципиально новым, идентифицируемым и с модернизмом, и с «пролетарским» началом классового искусства. В осмыслении современниками ценностных ориентаций художника он виделся и «апостолом добра», и проводником «цинизма, насилия, похоти». Горьковские герои характеризовались и как «бегущие от дум», и как «рабы разума». Сам же автор представлялся в одних случаях как «писатель в высшей степени объективный», в котором «тенденциозности нет и следа», а с иной точки зрения, напротив, как крайне тенденциозный, до «субъективного неистовства» [3, 219—229].

В подобных проблемно-тематических координатах тот «всероссийский разговор» [4, 4] о Горьком, который складывался на рубеже XIX—XX веков, был продолжен как, по сути, «всероссийский спор», не утихающий и к началу XXI столетия. К примеру, в традиционном для горьковедения вопросе о художественном методе писателя можно видеть крайние категоричные суждения, — с одной стороны, о том, что Горький «безусловный» реалист, а с другой, — что он «всецело укладывается в рамки романтического мировосприятия». Наряду с этим достаточно устойчива точка зрения, согласно которой «поляризация» произведений писателя на романтические и реалистические была характерна для всего его творчества.

До конца 1990-х годов еще продолжали бытовать оценки Горького как «социалистического реалиста»; этому противостояли утверждения других исследователей — о «неистребимом отвращении» писателя к реализму вообще [5, 122—132].

Рассмотрение горьковской концепции человека в ее проекции на национальный характер так же обнаруживает свою историю полярных различий. Одна из традиций XX столетия — обоснование концепции «цельной личности» при определении доминант изображения человека в творчестве писателя. Основой «цельности» представал «новый гуманизм» — идеология революционного переустройства жизни [6, 172—179]. При этом Горький виделся как писатель, подведший в известной мере итоговую черту под «пестротой» и «незавершенностью» национального характера, художественно изобразивший переход от «задумавшегося» человека — к человеку, обретавшему смысл жизни на основе «монолитной убежденности», «прочного идеологического стержня» [7, 220—232]. Подобного рода целостность трактовалась в конце XX столетия уже не как новаторство писателя, а, напротив, как шаг назад по сравнению с предшествующей литературной традицией изображения человека; вместе с тем положение о доминантной роли «целостной» или «завершенной» личности у Горького оставалось здесь неизменным [8, 5].

В иной же исследовательской традиции заявлялась во многом противоположная точка зрения. При выделении, например, в горьковском творчестве двух типов личности — «анормативного» («пестрые души», «выламывающиеся» люди) и «нормативного» («цельный» человек с рационально выстроенной духовностью), — утверждалось, что именно первый из них «прежде всего определяет ценности художественного мира писателя» [9; 20, 24].

Наряду с дискуссионностью обобщающе-теоретических вопросов в осмыслении горьковского наследия по-своему показательны и «индивидуальные» судьбы его наиболее значительных произведений в динамике общественного восприятия. Так, пьеса «На дне», которая в известной мере явилась итогом раннего творчества писателя и одновременно намечала ряд магистральных художественных перспектив его последующего творчества, — не имеет аналогов в отечественной драматургии XX века по степени неослабевающего внимания к произведению и ожесточенности споров о нем. История ее интерпретаций — в театре, критике, литературоведении, образовательной практике — показывает известную регулярность смены акцентов при определении ее главного героя, актуализацию разных аспектов ее содержания, круг которых постоянно расширяется [10, 79—87].

В приведенных выше своего рода «контрольных срезах» общественного восприятия горьковского феномена на протяжении более чем столетнего

периода явственно просматриваются некие магистральные тенденции. С одной стороны, это стремление к нахождению конечных, однозначных ответов и «объективных» истин, установка на «снятие» противоречий и формирование целостно-монолитного представления о художнике. Такой путь обозначал исторически складывавшийся процесс мифологизации образа писателя (как в позитивных, так и в негативных мифологемах по разные стороны политических баррикад) [11, 79—87]. В русле противоположной тенденции «кричащие противоречия» Горького не только не подвергались попыткам «снятия», но напротив, всячески акцентировались и порой абсолютизировались; писатель представлялся фигурой «трагической», где значима была прежде всего энергия распада, энтропия творческого дара и творческого наследия [12, 129—137].

Таким образом, в истории осмысления горьковского личностно-творческого феномена к началу XXI столетия сформировались два различных подхода — монологически-редуцирующий и релятивистско-дезинтегрирующий. Их укорененность и разработанность искушает признать самодостаточность каждого де-факто. Но столь же объективная динамика их *взаимодействия*, — как в синхронном, так и в диахронном плане, — предстает тем «фактом», который требует первоочередного внимания и поиска объяснений стабильно-интенсивного и во многом парадоксального функционирования горьковского феномена.

«Мысли и чувства мои никогда не уравновесятся», — утверждал писатель [13, 38]. Как представляется, состояние такой *устойчивой неравновесности* по-своему адекватно отражено и в процессах общественного восприятия, что, в свою очередь, отражает адекватность более глубинного уровня: органическую укорененность Горького в горизонте отечественной культуры и ментальной специфике национального самосознания с его «универсализмом» и антиномичностью, «всемирной отзывчивостью» и тягой к «соединению несоединимого».

В свете вышесказанного на современном этапе актуализируется ряд аспектов *синергетического подхода* применительно к области литературоведения, где явления литературного процесса рассматриваются в феноменах *самоорганизации*, — как сложные развивающиеся системы, циклично проходящие стадии *неустойчивого равновесия/устойчивого неравновесия* [14, 14—16]. Такой подход видится сегодня продуктивным для изучения писательских персоналий в корпусе литературной классики, где фигура М. Горького предстает одной из наиболее репрезентативных. При этом интенции к «преодолению мифа» по отношению к Горькому, обозначившиеся для нас ещё на рубеже 1980—1990-х годов [11, 79—87], предполагают в качестве альтернативных «реалий» уяснение системной многосложности горьковского феномена,

несводимого к однозначным определениям-мифологемам [15, 3—37]; такого рода подходы предстают в качестве одной из магистральных тенденций горьковедения на современном этапе, что демонстрируют и работы ведущих отечественных специалистов последних лет [16].

Перефразируя известное высказывание В. Г. Белинского о Пушкине, можно полагать, что Горький принадлежит в истории отечественной и мировой культуры к тем «вечно живущим и развивающимся явлениям», о которых «каждая эпоха произносит... своё суждение», хотя «ни одна и никогда не выскажет всего» [17, 555]. И, как убеждаемся ныне, атмосфера дискуссионности и вместе с тем тотальная социокультурная «эксплуатация» горьковского наследия подчеркивают устойчивое расширение *диалогической* ауры вокруг писателя, его открытость для постоянного наращивания новых смыслов, что и служит источником энергии для его «жизни в веках».

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская литература в историко-функциональном освещении / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. — М.: Наука, 1979. — 302 с.
2. Литературные произведения в движении эпох / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. — М.: Наука, 1979. — 288 с.
3. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е — начало 1900-х годов) / А. Б. Удодов. — Воронеж: ВГПУ, 1999. — 268 с.
4. Анчиполовский З. Я. Времена Максима Горького (Судьба драматургии писателя в провинциальных городах России начала XX века) / З. Я. Анчиполовский. — Воронеж: Логос, 1993. — 202 с.
5. Удодов А. Б. «Мировоззрение» и «художественный метод» Горького: проблемы изучения и понятийно-смысловой коррекции // Вестник ВОИПКПРО. — Вып. 10. — Воронеж: ВОИПКПРО, 2003. — С. 122—132.
6. Красунов В. К. Концепция цельной личности в раннем творчестве Горького: дис. ... канд. филол. н. / В. К. Красунов. — Горький, 1984. — 196 с.
7. Пискунов В. Тема о России / В. Пискунов. — М.: Сов. писатель, 1983. — 376 с.
8. Гудов В. А. М. Горький и Ф. М. Достоевский: концепция личности: дис. ... канд. филол. н. / В. А. Гудов. — Екатеринбург, 1996. — 346 с.
9. Келдыш В. А. О системе ценностей в раннем творчестве М. Горького / В. А. Келдыш // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 4. — С. 20—25.
10. Удодов А. Б. «На дне» М. Горького: столетие «жизни в веках» / А. Б. Удодов // Филологические записки. — Воронеж, 2002. — Вып. 18. — С. 89—95.
11. Удодов А. Б. Горький: преодоление мифа / А. Б. Удодов // Литература в школе. — 1991. — № 4. — С. 79—87.
12. Басинский П. Логика гуманизма. Об истоках трагедии Максима Горького / П. Басинский // Вопросы литературы. — 1991. — № 2. — С. 129—137.
13. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. 28. — 600 с.
14. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / под ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 2002. — 139 с.
15. Русская литература XX века: поиск ориентиров. Часть I. Мифы и реалии / под. ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 1995. — 172 с.
16. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький. Мифы и реальность / Л. А. Спиридонова. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 440 с.
17. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / В. Г. Белинский. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. IV. — 680 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department

E-mail: kaf214@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ «СВЕТ-ТЬМА», «ВОДА» И «ЗЕМЛЯ» В ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОЗЫ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО (РАННИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ЭПОПЕЯ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ»)

Л. Е. Хворова

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 4 августа 2017 г.

Аннотация: в статье в культурно-аксиологической парадигме русской литературы — православно-христианской системе координат предпринимается попытка осмысления поэтико-философского пространства прозы С. Н. Сергеева-Ценского, начавшего свой творческий путь в период, который принято называть «Серебряным веком», а завершившего в конце пятидесятих годов XX столетия. Исследуется практически все его творчество как целостный духовно-культурный феномен, в котором обозначенные образы-символы всегда играли ведущую как содержательную, так и формообразующую роль и определяли своеобразный, несравнимый художественный почерк этого писателя, как оригинального, самобытного художника слова.

Ключевые слова: эпопея; культурно-аксиологическая парадигма; поэма; роман; цикл романов и повестей; образы-символы; свет; тьма; вода; земля; поэтико-философское пространство; топос; мир-война; духовная апостасия.

Abstract: in the article of cultural-axiological paradigm of Russian literature — the Orthodox Christian system of coordinates an attempt is made to comprehend the poetic-philosophical space of Prose S. N. Sergeev-Tsensky, who began his career in the period that is commonly called the “Silver Century”, and completed in the late fifties of the twentieth century. Virtually almost of his work as an integral spiritual and cultural phenomenon is studied, in which the images — symbols always played the leading role as a content and form-forming role and determined the idiosyncratic, incomparable artistic handwriting of this writer just like an original artist of the word.

Keywords: epic; cultural-axiological paradigm; poem; novel; cycle of novels and novels; images — symbols; light; dark; water; earth; poetic-philosophical space; topos; world war; spiritual apostasy.

В «Преображении России» (1913—1958), представляющей собой грандиозный цикл романов и повестей, одной из ключевых фраз является следующее высказывание о России, произнесенное инженером Матийцевым (роман «Преображение человека») о том, что всего в России вдоволь, а страна нищая.

Процесс как духовного разорения, так и социальной неустроенности щемит душу писателя, и он пишет предэпопейную поэму в прозе «великой печали» — «Печаль полей». Читательские и критические отзывы о ней обычно сводятся к восторгам и умилению по поводу того, как любил писатель свою малую родину, как талантливо смог выразить эту любовь, мастерски владея художественным словом. Действительно, язык поэмы великолепен. Но придется возразить умиленным сентименталистам: поэма Ценского — сложный полифоничный жанр. Это своего рода реквием скорби о заброшенной земле, о том, что «поля плачут». Не может родить женщина, не рожает и земля. Те, кто издревле на ней работал, теперь бродят и топчут ее, ища какую-то пресловутую социальную правду, погрязнув при этом в братоубийственных спорах и бестолковых склоках.

В «Печали полей» есть два ключевых высказывания, предвосхищающих художественно-философский смысл всей эпопеи в целом, логично переходящий в поэму «Валя», затем — в роман «Преображение человека» и, наконец, в дилогию «Искать, всегда искать!», непосредственно — во вторую ее часть — «Загадка кокса». Это — «симфониообразный», полифонично выраженный «голос автора» и слова, вложенные в уста одного из героев.

Один из персонажей говорит: «Жалости ни к кому не чувствую — вот мой грех. Теперь я остался один: без жалости человек уж совсем один... Что ветер, что я... так мы и гоняемся друг за дружкой... Душут (...), придет враг и вынет... Жалость вынул, теперь уж кончено...» [1].

Автор полифонически соединяет в молитве такие символические образные понятия, как Земля, Вера, Любовь, Детство. Важнейшее нравственно-этическое значение имеет припадание к земле. Основную идею, берущую начало из поэмы «Валя» и проходящую через всю эпопею в целом вплоть до последнего ее «аккорда» — четвертого цикла романов и повестей, можно осознать, опираясь на высказывание В. С. Соловьева, рассуждающего, конечно, не о творчестве Сергеева-Ценского, а о том, чем был болен весь на-

род. Неверующие двигатели новейшего прогресса «не могли обидеть Христа своим неверием, — писал он, — но они обидели ту самую материальную природу, во имя которой многие из них действовали. (...) и вот, как бы обиженная этой двойной ложью, земная природа отказывается кормить человечество. Вот общая опасность, которая должна соединить и верующих, и неверующих. И тем, и другим пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землею, спасти от омертвения. Но какая же может быть у нас солидарность с землею, какое нравственное отношение к ней, когда у нас нет этой солидарности, этого нравственного отношения между собою?» [2]

Личность для Сергеева-Ценского — синтез природного и человеческого. В раннем романе «Бабаев», необыкновенно популярном в эпоху серебряного века, когда он был опубликован, читаем: «В мягкой воде чувствовал Бабаев все свое тело — молодое, цельное, гибкое. Он был одно это тело: не думал, — думало оно. Посылало вперед руки — и руки сами, шутя, хлопали по воде, прежде чем прорезать ее упруго; отталкивалось ногами сзади, размеренно дышало. В воде отражались лес и небо, и солнце, и он был в них, в середине, весь родной этим красочным струящимся пятнам, поцелуям лучей и взмаху неба, весь — солнце, вода, лес, весь недосказанное и смутное и в то же время понятное и простое» [1, т. 1, с. 482]. Такое сращение природного и человеческого — в духе библейского повествования о Сотворении мира: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни; и стал человек душою живою» (Быт., 2, 7). Это утверждение повторяется во многих главах Ветхого и Нового Заветов. В Толковой Библии подчеркивается (и эта мысль воплощена в эпосе Сергеева-Ценского), что «В создании тела человека из земной персти заключена идея о сродстве человека со всей видимой природой, ближайшим образом с животным царством, возникшим по творческому мановению из той же самой земли». Однако невозможность найти некое «серединное» равновесие между «земным» и «небесным» являлась трагедией, далеко не всегда осознаваемой: «Внизу было тихо, темно и душно, а сверху быстро мчались светлокрайние облака, было широко и свободно. И не было никакой связи между темной землей и светлым небом» [1, т. 1, с. 482]. Иными словами, человек не является связующим звеном между Богом и землей. В человеке, живущем лишь по законам природы, отсутствует осознание ценности, величия человеческой личности, и это явление предвещает трагизм.

Отсутствие синтетического единства духовного и материального создает в эпосе как бы два параллельных топоса, соединение которых уже, кажется, и недостижимо — это топос земного, голубого, и блеклого, искусственно созданного городскими

красками. «Христианство пустыни» и «язычество города» — трагедия их несоединимости — лейтмотивно проходит не только через эпопею, но и в целом творчество Сергеева-Ценского, начиная с рассказа «Батенька». Ключевая фраза, произнесенная в «Вале», — «где еще и обманывать, как не в большом городе?» — создает уже в этом, первом романе, два несовместимых пространства, и они трагически раскалывают, разбивают душу людей. Не привыкшие работать на земле, прыгающие по ней, словно воробьи, они — всего лишь дачники, млеющие под жарким южным солнцем (не случайно и действие происходит в дачной местности). Подспудно они цепляются за какие-то остатки веры, еще теплящиеся в них, мерцающие, словно розовая лампадка, в душе Натальи Львовны. Давно уже прочно укоренилось в сознании местных дельцов, что земля и все, что она производит — «доход, а деньги — мелочь». То, что «земля мстит, если от нее отвернешься», понимали здесь далеко не все. Одних одолевала практицизм, другие, не умеющие и не любящие на ней работать, не обладая при этом и качествами прагматиков, страдали от духовной опустошенности. Величие созидательной работы на земле, по мысли автора, состоит прежде всего в том, чтобы «терзать землю», как ребенок, который, «чавкая, сосет грудь матери».

Художественно-философские размышления Сергеева-Ценского восходят к традиционному единству в этом вопросе русских классиков. Так, по мысли Достоевского, «по русскому, основному, самородному понятию, не может быть русского человека без общего права на землю» [3]. «Самородное» понятие — это не просто «купля-продажа», а отдача в собственность тому, кто на ней трудится, кто не представляет себе жизни без нее. Отрыв от земли в пореформенной России порождал всеобщее, тотальное увлечение вопросами материального благополучия. Сергеев-Ценский, как и его предшественники Достоевский, Лесков, Гончаров, наблюдал несоединимость в российских условиях буржуазной морали и христианской нравственности. Лепетовы, ползновы, макухины на страницах «Преображения...» — как бы реализовавшееся воплощение размышлений Ф. М. Достоевского: «Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен в одно поколение, и одно поколение доставит собой материал для проповеди социализму и коммунизму. Например, мы легкомысленнейшим образом проповедуем уничтожение общины, одного из самых оригинальных и существенных отличий сути народа. Про общинное землевладение всякий толковал, всем известно, сколько в нем помехи экономическому хотя бы только развитию; в то же время не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального... что у нас лишь одних есть в зародыше и что у нас одних может сбыться, потому что явится не войною и не бунтом, а опять-таки великим и всеобщим согласием» [3, 63].

Отторжение от земли породило целую галерею «деградирующих типов». Ценским создана целая галерея так называемых «новых» людей, о каких выразительно высказался Н. А. Бердяев: «...появились новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные (...). Новый антропологический тип вышел из войны» в «стихии большевистской революции» [4].

Лейтмотив «безмолвия и печали полей» имеет место и в военном романе «Лютая зима». Война — это и унылость заброшенных полей на фоне гнетущих душу военных неудач: «удручающее безмолвие полей особенно чувствовалось, когда солдаты переставали орать спасительные по своей бессмысленности песни» [1, т. 10, с. 513]. Земля в художественном топосе этого романа «пустынна», «растоптана сотнями тысяч войск, вконец ограбленная войною» [1, т. 10, с. 529]. Уже не только земля, но и «люди на ней — товар» [1, т. 10, с. 531.]

Критические отзывы о романе «Зауряд-полк» в середине тридцатых годов, в период его издания, были резко негативные. Так, отмечая поиски Ливенцевым «связи человека и земли», Е. Усиевич называла их «упражнениями в декадентской стилистике» [5]. Между тем связь с землей для Ливенцева «выше обычных представлений о жизни и смерти».

Семантическое противопоставление Света и Тьмы, солнца и луны — света истинного и ложного проходит сквозь всю эпопею.

Разоблачая «двойничество» человеческого характера, Сергеев-Ценский видит в этом явлении борьбу двух начал — праведного и греховного, и это ассоциируется с «обманчивым» и «праведным» светом. Одна половина человека — «темная, ночная», вторая — «светлая, дневная», — читаем в «Вале». Решение о самоубийстве Матийцев принимает ночью [1, т. 8, с. 369], а солнечный луч, напротив, сопровождает «воскресение» героя [1, т. 8, с. 449].

Развитие духовной апостасии ставится в прямую зависимость от развития научно-технического прогресса. Подготовку к войне, которая велась всеми странами, сопровождает «мертвенный лунный свет электрических ламп» [1, т. 9, с. 218].

Сущность вопроса для Сергеева-Ценского состоит главным образом в том, насколько глубоко человек может впустить в свой духовный мир «ночное», темное начало, отказавшись от «дневного» — внутреннего сопротивления, от борьбы с самим собою. Центральной в этом аспекте нам видится повесть «Пристав Дерябин». Восприятие и познание Кашневым монументальной фигуры пристава происходит в ночное время. Между тем безблагодатное, заблудившееся сознание этого человека, несмотря

ни на что, стремится к свету. Именно в его уста автор вкладывает высказывания о необходимости глубоко нравственной и стойкой власти в России, о пагубности всеобщего и бездумного поклонения западному образу жизни Дерябин признается Кашневу в своем непонимании чего-то главного в жизни, и это очень важно.

Вполне по-христиански воспринимаются размышления Кашнева, который «понял всем телом»: если бы в момент избития солдат один из них, державший винтовку, «как вилы, невзначай не удержал бы в себе человека, ушел бы из него человек» [1, т. 1, с. 401]. Не пассивное смирение, покорность, как принято считать, — важнейшие критерии православного самоопределения, а стремление к внутреннему противостоянию, к духовной гармонии в самом себе, к сохранению человеческого, а вслед за ним и общегосударственного, национального достоинства. Повесть композиционно выстраивается на игре света и тени. Именно ночью обнажаются все дурные стороны этого «хрупкого гиганта». Утро, напротив, «свело пристава, как темноту, куда-то сдувало его, — схлынул пристав»; «чем дальше в утро шел Кашнев, тем меньше оставалось Дерябина». «Днем ночь смешна» [1, т. 1, с. 401], — итожит автор.

Одной из ключевых в эпопее является вполне законченная и относительно самостоятельная глава «Затмение» («Пушки выдвигают»). Однажды это явление уже приносило несчастье — вспомним «Слово о полку Игореве». Однако тогда путь Игоря привел его к покаянию, в храм Богородицы. Повесть об Игоровом походе, кажется, присутствовала в художественной памяти С. Н. Сергеева-Ценского в процессе его работы, в частности, над этим романом. Извлекло ли, по мнению писателя, человечество и прежде всего россияне уроки, которые продемонстрировало это мудрейшее произведение? Нет. И опять в общественном сознании народа имеют место греховные героические установки. Страну ожидают страшные трагедии; именно в России, на юге, его можно было наблюдать в полном виде.

Понятие «затмение» у Сергеева-Ценского многозначно. Композиционно именно эта глава поворачивает повествование вплотную к войне. Для писателя — это не только явление природы, но и всеобщее, вселенское затмение духа. Это и безрассудные забастовки, распространившиеся по всей стране, зачастую сопровождающиеся и хулиганскими выходками, и всеобщее нежелание каким-то образом попытаться остановить тяжелые шаги всевропейской войны; это и фигура Распутина, зачаровавшая царя и его семью; это, наконец, нездоровый, нелепый ажиотаж, поднятый вокруг злополучного феномена.

Принципиально важно обратить внимание и на композиционное выстраивание глав романов «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили». Число «семь», если вспомнить его библейское значение, священно

и для Сергеева-Ценского. Привыкший вести художественное время в соответствии с православно-христианским календарем, он и жизнь в целом отсчитывал по «седмицам». В эпопее понятие «семь» семантически находится в плоскости контрастного эффекта. Так, в повести «Львы и солнце» именно в седьмой главе проливается первая кровь, которую несет за собою февральская революция. Явление солнечного затмения описано в шестой главе романа «Пушки выдвигают». Но война уже фактически началась. А где же соборный молебен? Описание его Сергеев-Ценский дает в седьмой главе. Но — следующего романа, когда уже «пушки заговорили». Есть молебен, но нет соборного единства народа с царем; это не всеобщий молебен, а демонстрация: народ специально зазывается и смотрит на своего царя скорее с любопытством, нежели с искренней любовью. Священное действо — молебен — «опоздал». Когда «говорят» пушки, включается совершенно иная логика, и многие действия выглядят ненужными. Это — один аспект. С другой стороны, автор лейтмотивно подчеркивает, что единства между Царем и народом не просто нет — народ не видит как бы «Царя в царя» — но он и крайне непопулярен, не является, говоря современным языком, «лидером» нации.

Контраст создает глубинный философский подтекст как эпопее в целом, так и отдельным романам. Значимо упоминание двух важнейших духовных праздников — Рождества («Лютая зима») и Пасхи («Бурная весна»). В первом случае «день русского Рождества — 25 декабря (...) стал днем смерти всех розовых надежд на быструю и решительную победу на галицийском фронте и грандиозных планов генерал-адъютанта Иванова непреодолимым маршем четырех объединенных армий дойти до вождельных берегов Дуная и этим маршем закончить победоносную войну» [1, т. 10, с. 638]. Во втором — детское воспоминание Ливенцевым праздника Светлого Христова Воскресения резко контрастирует с «щемящим душу» празднованием его же на фронте, «где все пытались притвориться праздничными»; «и то, что пелось в церквах утром «Братие! и ненавидящим нас простим» там же, в церквах, и осталось» [1, т. 11, с. 118]. Военные действия не только не останавливаются на момент этих крупных великих праздников, но и планируются крупные наступательные операции. Страна горько расплачивается за гордые героические установки своих «блудных» сынов.

Эпизодически появившись в «Вале» и «Приставе Дерябине», начиная с романа «Пушки выдвигают» «колдовской лунный свет» будет постоянно сопровождать художественный топос эпопеи. Мчавшиеся с запада на восток облака также сопровождалась «ущербным лунным светом» и предвещали скорую российскую катастрофу [1, т. 10, с. 505]. Военные события для российской армии складывались в этот период войны («Лютая зима») крайне тяжело.

«Ущербный лунный свет» (это лейтмотив в названном романе) в воображении военных предвещает внезапное нападение австрийцев. Ночной свет, сопровождающийся луной, до неузнаваемости изменял все, к чему привыкали глаза в дневное время [1, т. 10, с. 692].

Бинарность восприятия русским сознанием явлений жизни очевидна и в своеобразии противопоставления света и тени. Так, революция для Ценского, кроме всего прочего, это еще и стихия необузданных и нерастрченных народных сил, и в ней, как и во всякой природной круговерти, выносятся на поверхность все самое грязное, больное, надоевшее. Революцию в художественном топосе эпопеи сопровождает слишком яркое солнце. На фоне всеобщего ослепления падает в пропасть и Россия («Капитан Коняев»).

Блуждания героя повести «Львы и солнце» Ивана Ионыча Полезна сопровождаются «чеканящее солнце» [1, т. 12, с. 118]. Его всеослепляющий свет дезориентирует общественное сознание; на улицах Петербурга-Петрограда — дикая, орущая гудящая толпа, сметающая все на своем пути. Герой гибнет, затоптанный львами не только и прежде всего не физически, а сначала теряет все, что у него, кажется, было: семью — жену застает с любовником, а сперва, вероятно, и самого себя, превратившего свою жизнь в откровенную куплю-продажу. И вот он бредет непонятно куда, затерянный в пространстве между Петроградом и его окрестностями, и в конце концов как бы «растворяется» во всеобщем оглушительном шуме революции.

Вопреки канонам православной этики, важнейшим критерием которой является тишина, революция на улицах, «осиянных небывалым солнцем, сверкала, дыбилась, пенилась, рокотала, гремела и пела» [1, т. 11, с. 121].

В «Капитане Коняеве» наблюдается очевидная трансформация «святочного рассказа». В литературоведении далеко не всегда выявляются его особенности. «Испытания человека злым духом» (мы, вслед за В. Н. Захаровым, принимаем именно такую идею «святочного рассказа») не выдерживают ни герой, ни Россия. В «Коняеве» все искусственно, что достигается бесконечной игрой контрастных противопоставлений: ослепляющее солнце — размышления о старости; «сплошное движение, яркость и радость» — «война тянется неудержимо, немцы наступают»; ранение и контузия в голову капитана на фоне его «здоровья во всем остальном»; «потoki солнца» — «сумеречный мозг капитана»; «святки» — убийство Распутина; «благодарное сияние солнца» — «заброшенность, покинутость, одиночество» Коняева; воспоминания о детстве — отречение царя; «домовитость» Сони, ее воля к жизни — неизбежная смерть; «интернационализация» жизни и в духовном, и в материальном — национализм капитана; потоки «русского, трижды русского» солнца — скатывающаяся в пропасть Россия; неизбежность

смерти и невозможность человека к ней привыкнуть; ослепляющий свет солнца и горестный, одиноко догорающий свет лампадки...

В эпопее пейзаж (или какой-то пейзажный элемент) зачастую «ведет» повествование, создавая определенный эмоциональный колорит. Во второй главе мы дали характеристику жанра поэмы Сергеева-Ценского, где пейзаж выступал в качестве жанрово и смыслообразующего компонентов. Весьма показательным, характеризующим глубину духовной апостасии общественного сознания, является в художественно-поэтической системе писателя топос болота («Лесная топь»). Вообще-то это даже и не болото, а именно топь — трясины, пропасть, в которую погружено людское сознание. Важным составляющим психологическим компонентом, организующим повествование, служит страх. Мы думаем, что для писателя здесь важна обобщающая мысль, которая не лежит на поверхности, а уходит корнями в подтекст. Если у человека нет стойкой веры как критерия нравственно-этической установки в жизни, он подвержен суеверию. Если человек не любит Бога, он боится его. Не случайно Антонина, героиня «Лесной топи», испугавшись страшного ночного явления, рожденного ее детски неокрепшим воображением, а не реальностью, становится душевнобольной. Нам представляется незримая связь этого произведения с повестью Н. В. Гоголя «Вий», которую любил цитировать С. Н. Сергеев-Ценский и, в частности, то место, где изображена заброшенная церквушка, к которой уже трудно найти дорогу человеку, изгнавшему из себя Бога. Если в церкви не спокойно, значит неизбежно — страшно.

Образ тучи на картине «Золотой век» свидетельствует о надвигающейся катастрофе бездуховности: «И над всем (...) туча сырая, насыщенная влагой, — туча, про которую говорят: давит, — так она была тяжка и низка. Туча эта сделана была с большой правдой; она одна могла бы быть картиной. Она почти шевелилась, иссиза-темная, набухая, набрякая, зрея. Должно быть, гремел даже гром, потому что четвертый мужик, снявши шапку, задрал голову и крестился» [1, т. 8, с. 106—107].

Отношение к смерти у Сергеева-Ценского, как и у русских классиков, было спокойным, христианским. Он воспринимал ее неизбежный приход как переход из одного физического состояния в другое. Такое отношение, однако, не мешало пониманию этого необыкновенно сильного по своей художественно-философской идее произведения в христианском аспекте: ребенок болеет, страдает, и это Бог страдает и болеет в нем. Думается, здесь очень уместно привести слова о. Александра Меня, сказанные им

более чем полвека спустя, которые как нельзя лучше помогут понять истинный смысл повести: «...Он присутствует в мире и страдает в каждом из нас. Страдания в мире — это Его страдания. Бог распят в человеческом роде. Это его ответ на наши страдания. Он страдает вместе с нами, с тем, чтобы и нас вывести на свет из тьмы. А малые дети, которые страдают, — это призыв! (...) это вопрос Божий: как мы поступим здесь? Вот это будет настоящий наш ответ. Милосердие — то, к чему мы призываем. Когда самарянин из Христовой притчи проехал по дороге и увидел лежавшего иудея, он не стал философствовать над ним: откуда зло? Не стал спрашивать: «Какого ты рода-племени? Какого ты вероисповедания? Какой у тебя пятый-шестой пункт?», а просто помог ему, и Господь Иисус говорит фарисею: «Иди и ты поступай так же» [6].

Ответ дан писателем в рассказе «Живая вода» (заметим показательное его заглавие). Зло может и должно быть побеждено добротой. Крестьянки спасают своего соотечественника — Федора Титкова, не важно, кто он — большевик или нет. Завершается «Живая вода» всеобщей молитвой — великим покаянием и одновременным ликованием художника по поводу, как ему кажется, наметившегося возрождения человеческой души: «И до того неожиданно это было, и до того чудесно это было, и так перевернуло это души, что не устояли бабы на ногах и повалились одна за другой пред коляской молитвенно и бездумно» [1, т. 2, с. 117].

Оставлен открытым и финал эпопеи («Весна в Крыму» и «Свидание»). Настрадавшиеся герои встречаются друг с другом, и этот мотив, кажется, вселяет надежду на их духовное возрождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев-Ценский С. Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. М.: Правда, 1976. — Т. 1. — С. 564. Далее цитируется это издание с указанием тома и страницы в тексте.
2. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Сочинения. — М., 1994. — С. 196.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы / Ф. М. Достоевский. — М., 1989. — С. 57.
4. Бердяев Н. А. Сочинения / Н. А. Бердяев. — Т. 5. Христианское изд-во, 1997. — С. 214.
5. Усиевич Е. О Сергееве-Ценском / Е. Усиевич // Усиевич Е. Писатели и действительность. — М.: Худож. лит., 1936. — С. 169.
6. Мень А. История религии. В поисках Пути, Истины и жизни / А. Мень. — В 7-ми томах. — М., 1991—92. — Т. 2. — С. 59.

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»

Чыонг Тхи Фыонг Тхань

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается система ономастических единиц А. Платонова в рассказе «Река Потудань». Эта система состоит из трех неравных ономастических групп. Среди топонимов выделяется и особо рассматривается заголовочный гидроним Потудань. Даются его различные этимологии, за основу принимается осетинская этимология Потодон, поскольку речка эта имеет болотистые берега. Также подробно рассмотрен топоним Кантемировка. Из антропонимов рассмотрены имена главных героев: Никита Фирсов и Любовь Кузнецова, второстепенная героиня: студентка Женя. Характерно, что некоторые персонажи не наделены автором личными именами, среди них отец Никиты. Рассмотрен также культурно-ономастический фон рассказа: Красная Армия, Совет.

Ключевые слова: гидроним, топоним, антропоним, главные герои, второстепенный герой, безымянные персонажи, культурно-ономастический фон.

Abstract: this article deals with the system of onomastic units of A. Platonov in the story "The River Potudan". This system consists of three distinct onomastic groups. Among the toponyms the head hydronym Potudan is singled out and specifically considered. It's various etymologies are given, based on the Ossetian etymology of Potodon, since this river has swampy banks. The toponym Kantemirovka is considered in the same detail. From the anthroponyms the names of the main characters are considered: Nikita Firsov and Lyubov Kuznetsova, secondary hero: student Zhenya. It is characteristic that some characters are not endowed with personal names by the author; among them Nikita's father. The cultural-onomastic background of the story is also considered: The Red Army, the Soviet.

Keywords: hydronym, toponym, anthroponym, main characters, secondary hero, nameless characters, cultural and onomastic background.

ТОПОНИМЫ

Рассказ «Река Потудань» — один из известных рассказов А. Платонова, написанный им в 1936 году. Он впервые опубликовался в одноименном сборнике «Река Потудань». В этом рассказе рассказывается о жизни красноармейца Никиты Фирсова после Гражданской войны и его любви к девушке по имени Люба.

Хотя в этом рассказе найдено мало онимов, но они оказались весьма интересными при углубленном изучении их значений, а также происхождения. Мы обнаружили всего 3 антропонима и 4 топонима.

Самый первый топоним, встреченный в рассказе — название реки — Потудань. Река Потудань занимает центральное место в рассказе, и очевидно, почему ее название Платонов выносит в заглавие. Во-первых, она является границей между разными пространствами — чужим миром войны (Гражданской войны) и миром родных мест; во-вторых, река Потудань — река любви. Именно здесь зарождается любовь Никиты и Любы: «В дни отдыха Люба и Никита ходили гулять по зимним дорогам за город или шли, полуобнявшись, по льду уснувшей реки Поту-

дани — далеко вниз по летнему течению ... они терпеливо дружили вдвоем почти всю долгую зиму, томимые предчувствием своего близкого будущего счастья. Река Потудань тоже всю зиму таилась подо льдом» [1, 406].

Но когда их любовь становится «неразрешенной», река Потудань превращается в место гибели, смерти. В ее водах мечтает утопиться после свадьбы Никита, в эти же волны бросается Люба, пытаясь покончить с собой от тоски по Никите, но воды реки не принимают в свое течение бедное и страдающее тело героини, ее спасли рыбаки: «В реке утопилась, — сказал отец. — Но ее рыбаки сразу увидели и вытащили, стали отхаживать, — она и в больнице лежала: поправилась» [1, 417]. Или после страшного сна о пушистом зверьке, который забирается ему в горло и почти удушает Никиту, он уничтожает последствия этого сна водой из реки: «Фирсов умылся в ручье и прополоскал рот...» [1, 392]. Река, навевая тяжелые предчувствия, в то же время и очищает от скверны.

Итак, в чем смысл названия рассказа, а точнее названия реки — Потудань? Понимание значения названия рассказа очень важно и приходится при-

знать, что в собственных названиях слово получает большее, подчеркнутое значение, несет важнейшие художественно-смысловые функции. Нельзя не согласиться с Г. Ф. Ковалевым, что в самом деле, от того, как интерпретировано по смыслу название, зависит и прочтение самого произведения [2, 328]. Существуют различные подходы к пониманию этого названия.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1898 г. отмечалось: «Потудань — р. Воронежской губ., правый приток р. Дона <...> 100-верстное течение её тихое, по илистою дну. По народному преданию, до границы этой реки монголы взымали дань, откуда будто и название “по ту-дань”» [3, 746]. Это, безусловно, народная этимология, идущая от эпохи ордынского ига. Правда, Т. Вахитова настаивает в своей статье, что название реки — Потудань — происходит от слова «*потуда*», которое в толковом словаре В. Даль объясняет: «*по ту пору*», «*до того времени*», «*до тех пор*» [4, 370]. Потудань — это река вечности, которая будет существовать до тех пор, пока не исчезнет мир [5, 87].

В отличие от Т. Вахитовой, А. Лысов в своей работе писал, что река именовалась в одном из значений ПОТУ ДАНЬ. Дань *поту*, трудному и доброму усилию в собрании людей и мироздания в *большого человека*, в человека-вселенную. Он считал, что это ещё и дань по ту сторону нашего ограниченного бытия, стремление — *по ту даль* [6, 378]. Он также считал, что в самом названии — «*Потудань*», надо полагать, скрыто священное для всего христианского мира наименование реки Крещения — *Иордана*. Кроме ритма тому есть и немало подтверждений. Одно из них — Иордан — место славных битв и побед, и правда, Никита возвращается победителем, имя его обозначает Победитель.

Е. М. Поспелов полагает со ссылкой на И. Г. Добродомова: «Более убедительна иранская (аланская) этимология. Реконструируется исходная аланская форма *фоты дан* «лебедовая река», которая в тюрко-булгарском употреблении преобразовалась в *потудон* и затем была заимствована русск. языком» [7, 361].

Трудно найти однозначное объяснение происхождения этого гидронима. И скорее всего ближе к такому толкованию то, что в основе этого названия лежит слово «*дон*», которое в переводе с древнего иранского (а также в современном осетинском языке) означает «вода» или «река». Поэтому гидроним *Потудань* следует сопоставлять с другими гидронимами, имеющими единый иранский корень *don* (река, вода), а *oto-* означает илистый берег. Берега этой речки действительно илистые, особенно прибрежное дно.

После реки Потудань слобода *Кантемировка* — второй пространственный, географический ориентир рассказа. Как А. Ванюков считал, что *Кантемировка* — это не только место, «где спокон века были большие базары и жил зажиточный народ», где было «праздно,

интересно», где «можно пожить на базаре наблюдением множества людей, чтобы развлеклась на время душа» [1, 413], но еще и знак национальный истории, воплотившийся в слове (Кантемировка — от фамилии Кантемир, которая происходит от «хан Темир») и непосредственно связанный с заглавным образом реки Потудань [8, 573]. Эта слобода была названа по фамилии владельца земель Дмитрия *Константина Кантемира*. Поэтому первоначально она носила двойное название *Константиновка-Кантемировка*.

В Кантемировку, в которой Никита не жил, а только «существовал в беспмятстве, в бедности ума, в бесчувствии», приносит спасительную весть (о Любе) своему сыну отец: «Никита обнял похудевшего, поникшего отца, — в нем тронулось сейчас сердце, отвыкшее от чувства...

– А Люба жива?

– В реке утопилась, — сказал отец. — Но ее рыбаки сразу увидели и вытащили...

По тебе она сильно убивалась и скучала, вот отчего... Цельный месяц по реке Потудани, по берегу, взад-вперед за сто верст ходила. Думала, ты утонул и всплывешь, а она хотела тебя увидеть. А ты, оказывается, вот тут живешь. Это плохо...» [1, 417].

Из слободы Кантемировки Никита бежит, возвращается к Любе, к счастью своей жизни: «Он пожелал ее всю, чтобы она утешилась, и жестокая, жалкая сила пришла к нему. Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любой более высшей радости, чем знал ее обыкновенно, — он почувствовал лишь, что сердце его теперь господствует во всем его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением» [1, 418—419].

АНТРОПОНИМЫ

Главный герой — бывший солдат Красной Армии по имени *Никита Фирсов*: «Это был человек лет двадцати пяти от роду, со скромным, как бы постоянно опечаленным лицом <...> Светлые, давно не стриженные волосы его опускались из-под шапки на уши, большие серые глаза глядели с угрюмым напряжением в спокойную, скучную природу однообразной страны, точно пешеход был нездешний» [1, 391]. *Никита* — из греч. *никетас* — победитель [9, 249]. Писатель, конечно, не случайно именует этого героя *Никитой*. *Никита* возвращается домой победителем с Гражданской войны, потому что «война прекратилась». Он преодолел много трудностей в войне, даже душа уже «переменилась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы», т.е. сейчас он вырос и уже превратился в другого человека: «они выросли от возраста и поумнели, они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас стала идеей их пока еще небольшой жизни, не имевшей ясной цели и назначения до гражданской войны» [1, 391]. Никита победил не только в битве в Гражданской войне,

но и в развитии своих мысли и чувства. Однако, поскольку Никита любит Любу, он всё время боится, что его любовь мешает, мучит Любу: «он не знал, есть ли оно еще лучшее, но сердце его продрогло от долгого терпения и неуверенности — нужен ли он Любе сам по себе, как бедный, малограмотный, демобилизованный человек» [1, 403]. Он так мучился, что оставил Любу и решил утопиться в реке Потудань: «Он решил кое-как дожить свой век, пока не иссахнет от стыда и тоски ... и стал считать, сколько времени осталось до вскрытия рек, чтобы утопиться в Потудани» [1, 410]. Во время проживания в слободе Кантемировке он передумал, узнав от своего отца, что Люба топила от тоски по нему, он сразу вернулся к Любе и решил счастливо жить с ней: «Он пожелал ее всю, чтобы она утешилась, и жестокая, жалкая сила пришла к нему. Однако Никита не узнал от своей близкой любви с Любой более высшей радости, чем знал ее обыкновенно, — он почувствовал лишь, что сердце его теперь господствует во всем его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением» [1, 418]. В этот раз Никита победил своё мучение в любви к Любе, и самое главное, он победил самого себя, чтобы вернуться к любимой Любе и быть счастливым с ней.

Никита, можно сказать, живет сердцем: встретив Любу, он начинает интуитивно помогать ей и обещает приходить к ней ещё потому, что ему «больше некого помнить»:

– Вы теперь не забудете меня? — попрощалась с ним Люба.

– Нет, — сказал Никита. — Мне больше некого помнить [1, 399]; или ему все равно, любить Любу или ее подругу Женю: «Никита представил себе в мысли больную, горячую Женю, — и, в сущности, он тоже мог бы ее искренне полюбить, если б узнал ее раньше и если бы она была немного добра к нему. Она тоже, кажется, прекрасная: зря он ее не разглядел тогда во тьме и плохо запомнил» [1, 418].

А что значит фамилия Никиты — *Фирсов*? В ней, вероятно, звучит имя героя написанного ранее, но незаконченного романа Платонова, македонского офицера — *Фирса*, который, по заданию великого воителя, занимается разведкой водных ресурсов на путях дальнейшего продвижения воинства легендарного полководца [7, 382].

Люба — главная героиня рассказа. В словаре русских личных имён *Люба* — христианское русское имя. *Любовь* — русский перевод греческого имени *Агапе* [9, 398]. Она, как мудрая девушка, любит Никиту и понимает, «как он жалок и слаб от любви» к ней. Так *Люба* решает навсегда для себя после брачной ночи: «Как он мил и дорог мне, и пусть я буду с ним вечной девушкой! ...» [1, 409]. Она решила протерпеть до того, когда он «станет любить её меньше и тогда будет сильным человеком!» [1, 409]. Люба противопоставлена Никите, она — представитель сознано-

го начала, живущий разумом, а не сердцем. Для неё все должно быть по плану: сначала надо учиться, получить образование, потом выйти замуж, родить детей, ходить на работу: когда Никита спрашивал Любу, будут ли они вместе или отдельно жить, она отвечала, что «до весны не имеет возможности чувствовать свое счастье, потому что ей надо поскорее окончить академию медицинских знаний, а там — видно будет» [1, 403]. «А к марту экзамены уже кончатся, — поэтому пусть снег лежит и река течет под льдом хоть до июля месяца! Радость их сердца наступит раньше тепла природы» [1, 406—407]. «Вечером муж и жена беседовали друг с другом. Люба говорила, что у них могут появиться дети и надо заранее об этом подумать» [1, 410].

Кузнецова. Фамилия Любы в рассказе употреблена только один раз для создания официальной атмосферы фиксации брака: «К вечеру того же дня Никита Фирсов и Любовь Кузнецова записались в уездном Совете на брак...» [1, 408]. Эта фамилия происходит от именованья предков по профессии [Никонов]. Так как кузнец был необходимейшим и всем известным человеком в селении, то именование по этому признаку было повсеместно. Поэтому фамилия Кузнецов — одна из самых частых в России <...> По стране в целом распространение фамилии Кузнецов несколько ограничено употреблением украинского, белорусского и русского диалектного слова *коваль* в том же значении — «кузнец», поэтому с запада и юго-запада распространялись фамилии с этой основой (*Ковалев, Коваленко, Ковалик* и пр.) [10, 59].

Женя — краткая форма имени «Евгения», которое относится к мужскому имени «Евгений». Евгений — из греч. *Эугениос*: *эугенес* благородный, знатный [9, 174]. *Женя* — близкая подруга Любы. У неё большая семья, её отец — военный. *Женя* часто кормила Любу лишней едой своей семьи: «У них большая семья и отец военный, она мне приносит ужин, если у нее что-нибудь останется...» [1, 398]. Люба и *Женя* часто вместе занимаются и помогают друг другу в учебе: «Ничего, обойдемся, — сообщила Люба. — Я две первые главы на факультете на память выучила. Я буду говорить, а ты запишешь. Пройдет?» [1, 398]. Но скоро после встречи Никиты с Любой *Женя* умерла от тифа. Люба сильно страдала от смерти своей подруги: «Женя умерла, — сказала Люба ему в комнате. — Что я теперь буду делать?..» [1, 402].

КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН

Красная Армия — Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА), с 1918 по 1946 гг. официальное наименование Советской Армии [11, 645]: «В *Красной Армии* тоже люди не одной войною занимались — на долгих постоях и в резервах красноармейцы рыли колодцы, ремонтировали избышки бедняков в деревнях и сажали кустарник в вершинах действующих оврагов, чтобы земля дальше не размывалась» [1, 399].

Совет — орган государственной власти в СССР [10, 728]. Никита и Люба появились там, чтобы оформить свой брак: «К вечеру того же дня Никита Фирсов и Любовь Кузнецова записались в уездном Совете на брак...» [1, 408].

Таким образом, проведенный анализ топонимов позволяет нам больше понимать не только происхождение и значение таких топонимов, но и родину самого писателя. Больше всего употребленные топонимы в рассказе — Потудань и Кантемировка — прямо связаны с родиной Платонова — Воронежем. Река Потудань протекает через Белгородскую и Воронежскую области России, относится к бассейну Дона и является его правым притоком. А слобода Кантемировка именуется в честь реки Кантемировки, на берегу которой находится эта слобода. А по поводу антропонимов следует признать, что гениальный писатель очень тщательно отбирал антропонимы своим героям, он продумывал каждую фамилию, каждое имя, в которых в том или ином виде отражается идея Платонова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А. П. ЧЕ-ЧЕ-О. Повести и рассказы / А. П. Платонов. Из ранних сочинений. — Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 1999. — 672 с.
2. Ковалев Г. Ф. «Чевенгур» — к спорам о смысле названия // Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 447 с.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXVIA (48). Полярные сияния-Прая. — СПб.: Изд-во «Семеновская Типолитография» (И. А. Ефрона), 1898. — 961 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд-во Книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880, Т. 1.
5. Вахитова Т. Пейзаж у реки Потудань / Т. Вахитова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 85—90.
6. Лысов А. «Мой луговой иордан ...» Андрея Платонова. О национальной характеристики и культурно-природных атрибуциях в рассказе «Река Потудань» / А. Лысов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 376—387.
7. Поспелов Е. М. Географические названия России: топонимический словарь / Е. М. Поспелов. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 523 с.
8. Ванюков А. Сборник рассказов «Река Потудань» как эпическое целое / А. Ванюков // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 572—578.
9. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. — М.: АСТ, 1998. — 528 с.
10. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов // Сост. Е. Л. Крушельницкий. — М.: Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
11. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. — М.: Советская энциклопедия, 1993. — 1632 с.

Воронежский государственный университет
Чыонг Тхи Фыонг Тхань, аспирант кафедры славянской филологии
E-mail: phuongthanh2310@gmail.com

Voronezh State University
Truong Thi Phuong Thanh, Postgraduate Student of the
Slavic Philology Department
E-mail: phuongthanh2310@gmail.com

«ИСПАНОФИЛЬСТВО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: О «ФИЗИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ» НОСИТЕЛЯ СЛОВА

Г. А. Шпилева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: испанская тема в русской литературе популярна издавна, к ней обращались как классики, так и прозаики-беллетристы (писатели «второго ряда»). В отечественной поэзии также использовались испанские образы — как в «серьезных» стихотворениях, так и в пародийных. В данной работе рассматриваются субъектные сферы произведений, содержащих «испанский текст»: пушкинский «Каменный гость», повесть молодого Н. А. Некрасова «В Сардинии», а также пародийные стихотворения А. К. Толстого и А. М. Жемчужникова. Учитывая учение Б. О. Кормана о «носителе слова» в произведении, в настоящей статье данный аспект будет исследован с точки зрения находимости и ненаходимости субъекта речи в тексте.

Ключевые слова: «испанофильство», русская культура, субъект речи, стилизация, пародия.

Abstract: the Spanish theme has been popular for quite a while in the Russian literature being in the focus of classical and prose fiction writers' attention (writers of the "second row"). In Russian poetry Spanish images were also employed both in "serious" lyrics and parody. In this paper the subject spheres of works with the "Spanish text" are considered: "The Stone Guest" by A. Pushkin, young N. A. Nekrasov's short novel "In Sardinia" and parodistic poems by A. K. Tolstoy and A. M. Zhemchuzhnikov. Taking into account B. O. Korman's theory of the speaker (the "bearer of the word") in a work of fiction, this aspect is discussed from the viewpoint of the presence or absence of the subject of speech in the text.

Keywords: "hispanophilia", Russian culture, subject of speech, pasticcio, parody.

«Русское «испанофильство» (М. П. Алексеев), как и интерес к любой другой иностранной культуре и быту, объясняется «взаимным ознакомлением двух народов» [1, 3]. Дневники русских путешественников, описавших экзотическую природу и нравы; война 1812 г., в которой русские и испанцы встали перед общим врагом — Наполеоном; революционные события в Испании 1820 г. делали эту страну необычайно привлекательной. В 1840-е гг. благодаря В. П. Боткину и М. И. Глинке отечественная культура обогатилась и литературными, и музыкальными образами.

Русские классики — Н. М. Карамзин («Сиерра Мора»), А. С. Пушкин («Ночной зефир...», «Жил на свете рыцарь бедный...»), Ф. М. Достоевский («Легенда о Великом инквизиторе» («Братья Карамазовы»), Н. С. Лесков («На ножах») переносили в отечественную литературу образы «испанского мифа». Русское «легкое чтиво» довольствовалось *никаресками*, бесчисленными комедиями «плаща и шпаги», которые также зародились в Испании.

«Солнечная, экзотическая, с прекрасными женщинами, мантильями и кастаньетами, неистовыми страстями и боем быков — такой образ Испании в 50-е годы XIX века был распространен в России и даже «моден». Однако в 60—90-е годы такое представление уже казалось недостаточным, несколько театральным, далеким от действительной жизни», — заметил В. Е. Багно [2, 11]. Это обусловило появление пародий, например, произведений Козьмы Пруткова.

Если обратиться к концу XIX — началу XX вв. (то есть к русскому Серебряному веку), то здесь, благодаря интересу «к испанской мистике» [3, 159] (например, к произведениям и самой личности Тересы де Хесус), русское «испанофильство» переживает свой очередной Ренессанс. А. Блок («Шаги командора», «Испанка», цикл «Кармен»), К. Бальмонт («Дон Жуан», «Перед картиной Греко», «Испанский цветок», «Я предан Испанской звезде»), Н. Гумилев («Дон Жуан»), В. Брюсов («Дон Жуан»), М. Цветаева («И была у Дон-Жуана — шпага...») и многие другие поэты значительно расширили «испанский текст» русской литературы. Позднее, в 1930-е гг., «испаносодержащие» образы появились не только в литературе и музыке, но и в кинематографе. Новый всплеск интереса объясняется историческими событиями в Испании, борющейся с фашизмом. Особо выделяется «Гренада» (1926) М. Светлова и «Побратимы» (1952), созданные О. Берггольц как продолжение светловского знаменитого стихотворения.

Вторая половина XX века также отмечена появлением испанских образов. В произведениях И. Бродского («Испанская танцовщица»), А. Вознесенского («Гойя»), В. Высоцкого («Памятник») отдается дань уважения культуре Испании.

Остановимся подробнее на «испанском тексте» произведений А. С. Пушкина («Каменный гость», 1830), Н. А. Некрасова (повесть «В Сардинии», 1842),

стихотворениях А. К. Толстого и А. М. Жемчужникова («Осада Памбы», «Желание быть испанцем», 1854) и рассмотрим его с точки зрения «находимости» и «ненаходимости» в нем субъекта речи.

Одним из первых открывателей испанской культуры для российского читателя стал А. С. Пушкин, и в его «Каменном госте», «как и в прочих “маленьких трагедиях”», предстают «задуманные Пушкиным характеры, объединенные идеей “наслаждения жизнью” (вдохновение, любовь, богатство)» [9, 601]. В первой же строфе Дон Гуан, вернувшийся в родной город, говорит о том, какое счастье жить в «Мадриде»:

...Ах, наконец

Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым... [9, 371].

Мадрид упомянут в тексте несколько раз как место, где женщины, по мнению главного героя, прекрасны (даже «в Андалузии крестьянки»), и природа, уже по словам Лауры, великолепна:

Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной... [9, 384].

Пушкинский «испанский текст» повествует о том, что в Мадриде герои чувствуют себя в безопасности, а также предаются страстям, наслаждаются ароматом цветов. Очевидно, что указанное можно испытать, находясь в самой Испании. Данным явлением обусловлен авторский выбор «физической точки зрения», *физического* положение героев и «носителей слова в пространстве», так как «субъект речи может находиться ближе к описываемому или дальше от него, и в зависимости от этого меняется общий вид картины» [6, 21]. А. С. Пушкин стремится создать идентичную атмосферу (свободы, страсти, экзотики), поэтому его герои находятся в Испании (ситуация «находимости»). Известно, что «физическая точка зрения определяется не только удаленностью носителя речи от изображаемого предмета, но и так называемым углом зрения, т.е. их взаимным расположением в пространстве» [6, 22], в нашем случае отношениями Дон Гуан — Мадрид. До определенного момента мадридский toros дружелюбен Дон Гуану, этому «любимейшему детищу природы» (определение, данное Э. Т. А. Гофманом), познавшему «трагедию грехопадения» [14, 72]. Подчеркивая пафос произведения («Из наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает, / Но и любовь — мелодия...»), А. С. Пушкин сближает «носителя речи» и изображаемое пространство, исполненное дивных ароматов, тепла и красоты.

В произведениях (прозаических) молодого Н. А. Некрасова наблюдаем совсем иную картину. В повести «В Сардинии» (ее появление обусловили «наводнившие журналы и альманахи конца 1830 — начала 1840-х гг. повести и драмы, действие которых происходит в Италии или Испании» [8, 567]) «субъект речи не выявлен», т.е. *изображенное* «существует как бы само по себе, и носителя речи при непосредственном восприятии текста мы не замечаем» [6, 33].

Такой «носитель слова», как правило, называется «повествователем» (он не является непосредственным участником событий в отличие от *рассказчика*).

Отметим, что Н. А. Некрасов позиционирует своего повествователя как северянина, то есть не испанца. Так обозначается «ненаходимость» субъекта речи в изображенном хронотопе данного подражательного произведения начинающего литератора: «И какая луна! Не наша северная луна, сонливая, бледная, круглолицая <...> Нет, живая, видимо движущаяся луна, гордая, как гранды испанские, пылкая...» [8, 261].

Стремясь соответствовать «испанофильской» традиции, молодой Н. А. Некрасов рисует прекрасную испанскую природу (но пейзаж слишком «пышен», чтобы претендовать на художественность): «Воздух дышит упоительным благовоением роскошных деревьев, отягченных дарами южного неба; алоэ, элоандра, гиацинты, нарциссы, маргал-хул (род тюльпанов) — все цветет, все радуется взору и нежит обоняние» [8, 261]. Начинающий писатель, безусловно, испытывал большой интерес к испанской теме: планировал написать либретто к опере «Испанка», видимо, был знаком с «испано-итальянскими» произведениями — «Испанские разбойники» П. Мериме, «Эль Вердуго (Палач)» О. Бальзака, «Стено» И. С. Тургенева, «Мать-испанка» Н. А. Полевого, а также с приключенческими романами жильбазовского типа. Однако точно следуя канонам, прилежно используя все необходимые атрибуты испанской комедии «плаща и шпаги», русский беллетрист не избежал комического эффекта, который им не планировался (в отличие от таких классиков комедии, как Кальдерон и Лопе де Вега): «Донья Инезилья отворила шкаф, который так искусно был вделан в стену, что его решительно нельзя было заметить. Фернандо быстро бросился туда; она плотно захлопнула дверь в шкаф, повернула ключ и в изнеможении кинулась в кресло» [8, 269]. Подражательная природа произведения обусловила то, что повестью «В Сардинии» писатель сделал «“один шаг”, который отделяет стилизацию от пародии» [13, 48], вследствие чего возникает «невязка обоих планов, смещение их» [11, 201], что, по словам Ю. Н. Тынянова, присуще именно пародии (первый план в настоящем случае — классический «испанский текст», например, пушкинский»). Впрочем, как отмечалось выше, Н. А. Некрасов «подстраховался» и маркировал *вторичность* своего произведения положением «ненаходимости» своего повествователя, не являющегося участником событий, а лишь повествующего о них.

Однако наступит время и для явных пародий на уже *избитые* «испанские» образы: «О самих испанцах, “неистовых и наивных детях южного солнца”, писали штампами, пародированными позднее, в 1850-х гг. в стихах Козьмы Пруткова (см., например, «Желание быть испанцем» и «Осада Памбы» (1854)» [8, 567].

А. К. Толстой и А. М. Жемчужников в пародийном «Желании быть испанцем» опишут и Альгамбру (крепость-дворец около Гренады, о которой так проникновенно

в свое время скажет М. Светлов), и Эстремадуру («волость» в Испании), и Эскуриал («монастырь-дворец» [5, 376]).

В «Желании быть испанцем» для «выражения авторского сознания» [6, 57] выбрана такая форма, как «ролевой герой» («автор выступает не от своего лица, а от лица разных героев <...>; автор дает слово героям, явно отличным от него» [6, 80]). В данном случае также подчеркивается «находимость» *носителя слова* в центре изображенных событий:

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна! [7, 41].

В «Осаде Памбы» носителем речи является пародийный «лирический повествователь» (в этих случаях «на первый план выдвигается какое-то событие, обстоятельство, ситуация» [6, 78]), который не имеет индивидуальных черт (в отличие от лирического или ролевого героя):

Девять лет дон Педро Годец,
По прозванию Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь [7, 27].

«Ненаходимость» повествователя объясняется, видимо, тем, что здесь мы имеем дело с пародией на достаточно популярное в свое время «чужое» произведение — «стих. В. А. Жуковского “Сид. Отрывок (с Гердерева перевода)” <...> и “Романсы о Сиде” в переводе П. А. Катенина» [5, 376].

Как известно, в 1862 г. А. К. Толстой создает непародийную драматическую поэму «Дон Жуан» (со «следами» романтической поэтики), в рассмотренных же пародиях А. К. Толстой и А. М. Жемчужников, по словам исследователя, *совершили* «выход за пределы монологического романтического сознания» [12, 155]. Однако самое главное то, что и философские, и ироничные «испаносодержащие» произведения названных поэтов стали важной вехой в истории освоения испанской культуры. Ироничная «находимость» ролевого героя и ироничная же «ненаходимость» пародийного лирического повествователя подчеркивают объективность взгляда русских художников на эпигонскую литературу «испанофилов» 1840—1850-х гг.

В данной статье упоминались «испаносодержащие» стихи А. Блока, Н. Гумилева, М. Цветаевой, М. Светлова, О. Берггольц, А. Вознесенского, В. Высоцкого, И. Бродского, в которых отдается дань и исторической, и культурной памяти. «Носители слова»

(лирический герой, лирический повествователь) демонстрируют свою «находимость» или «ненаходимость» в высокой испанской культуре.

Как видно, интерес к испанской истории и культуре в русском искусстве усиливался в связи с социальными потрясениями (как в России, так и в Испании) и в зависимости от эстетических ассоциаций русских художников по отношению к «испаносодержащим» образам. *Положение* субъекта речи («физическая точка зрения») в произведениях (прозаических и стихотворных) менялось в зависимости от творческих стратегий авторов: историко-культурных, иронико-пародийных, героических, познавательных и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. / М. П. Алексеев. — Л.: ЛГУ, 1964. — 216 с.
2. Багно В. Е. Россия и Испания: общая граница / — СПб.: Наука, 2006. — 480 с.
3. Багно В. Е. Русская поэзия Серебряного века и романский мир / В. Е. Багно. — СПб.: Гиперион, 2005. — 228 с.
4. Данная проблема «песенной популярности» (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. — М.: Наука, 1984. — С. 263) светловского произведения также была исследована в работе: Вахтель М. «Черная шаль» и ее метрический ореол // Русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика. — М.: РГГУ, 1996. — С. 61—80.
5. Жемчужников А. М. Избр. Произведения / А. М. Жемчужников. — М.-Л.: Советский писатель, 1963. — 415 с.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.
7. Мир Козьмы Пруткина: в 2 т. — Т. 1. — Козьма Прутков. Сочинения. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. — 432 с.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. / Н. А. Некрасов. — Т. 7. — Л.: Наука, 1983. — 623 с.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. — Т. 5. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. — 622 с.
10. Светлов М. Стихи и пьесы / М. Светлов. — М.: ГИХЛ, 1957. — 479 с.
11. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
12. Черашняя Д. И. Лирический сюжет и авторское мироотношение в стихотворении А. К. Толстого «И. С. Аксакову» / Д. И. Черашняя // Вопросы сюжетосложения. — № 5. Сб. статей. — Рига: Звайгзне, 1978. — С. 150—157.
13. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова: Монография / Г. А. Шпилевая. — Воронеж: ВГУ, 2006. — 257 с.
14. Гофман Э. Т. А. Избранные произведения: в 3 т. / Э. Т. А. Гофман. — Т. 1. — М.: ГИХЛ, 1962. — 589 с.

Воронежский государственный педагогический университет
Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
E-mail: 19alex04@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaia G. A., Doctor of Philology of the Theory, History and Methodology of the Russian Language and Literature Department
E-mail: 19alex04@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ ЛАКУНАРНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ИНОСТРАННОМ ВУЗЕ

Т. Ю. Яровая

*Воронежский государственный университет
Университет Санья*

Поступила в редакцию 16 декабря 2017 г.

Аннотация: в данной статье мы рассматриваем явление лакунарности, возникающее в процессе преподавания русского языка иностранным учащимся. Данная проблема, как показывают примеры из практики, касается не только языковых, но и страноведческих аспектов и наиболее ярко проявляется в условиях обучения русскому языку в иностранном вузе. Выявление и изучение лакун ведёт к устранению информационного вакуума, способствует более точному пониманию иноязычной картины мира.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, лакунарные ряды, лингвострановедение, национальные картины мира.

Abstract: the article deals with the problem of lacunarity arising in the process of teaching Russian language to foreign students. Practice shows that this problem concerns not only language, but also cross-cultural aspects and is most pronounced in teaching Russian at a foreign University. Identifying and studying lexical gaps makes it possible to fill the information vacuum and to understand national worldview better.

Keywords: lacuna, lacunarity, lexical gap lines, culture-oriented linguistics, national worldview.

Проблема адекватного взаимопонимания людей — носителей разных языков в наши дни приобретает немаловажное значение. Она тесно связана «с комфортным и полноценным существованием человека в обществе в аспекте межкультурных отношений» [1,3].

Не всем студентам выпадает шанс стажироваться за рубежом, непосредственно погружаясь в новую языковую среду. Большинство китайцев изучает русский язык на родине. В данной статье мы опираемся на опыт работы в иностранном (китайском) вузе, где студенты находятся в условиях окружения своего родного языка и где в процессе обучения особенно ярко проявляется их первичная (национальная, «китайская») картина мира, основанная на учении Конфуция, догматах буддизма и даосизма, а также на заветах Мао Цзэдуна и других великих людей страны. На фоне китайской картины мира происходит постижение иной реальности, «русской».

В ходе проведения занятий в китайской аудитории могут возникать трудности, одной из которых может стать лакунарность.

Теория лакунарности в лингвистике разрабатывается около 40 лет. Можно видеть, что за этот период времени сама понятие «лакуна» заметно расширилось. Подробный анализ лакун дан И. А. Стерниным в предисловии к книге «Межкультурная коммуникация: Россия — Китай (словарь лакун)». Там находим

определение: «Лакуна представляет собой отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого. Единица одного языка, представленная лакуной в другом языке, определяется как *безэквивалентная*» [2, 4].

Нам близка точка зрения учёных, которые употребляют термин лакуна в широком смысле, относя сюда все явления, требующие дополнительного пояснения при контакте с иной культурой: «Лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной локальной культуре, и чего нет в другой», — считает И. Ю. Марковина [3, 47]. Основными признаками лакун в данном широком контексте становятся следующие: непонятность, непривычность (экзотичность), незнакомость (чуждость), неточность (ошибочность). Учёными уже выявлены тематические ряды, которые заведомо предполагают наличие значительного числа лакун [4]. Они относятся в первую очередь к области национально-культурной жизни этноса (традиции, обычаи, обряды, бытовая культура, привычки, нормы общения, особенности национального характера, эмоционального склада и т.д.). Так, например, русское слово «борщ» (по одной из версий: от названия растения «борщевик», из санскрита: «остролистный») во многих языках мира является лакуной. Китайский язык — не исключение [5, 182]. В китайских словарях *борщ* определяется как 菜汤 (cāi tāng: «суп из капусты или капустный суп») и полностью совпадает с определением слова 汤 (tāng: «суп»). В разговорной речи добавляется слово «красный»:

hong cai tang («красный капустный / овощной суп»). Почему русское блюдо имеет красный цвет, китайцы не знают. Мало кто слышал в Китае о свёкле. А значит, и не представляют жители Поднебесной этого корнеплода, всегда спрашивают: «Что это?» Данное растение почти не выращивается (немного на севере). В словаре находим перевод слову *свёкла*: 甜菜 (tian cai: «сладкий овощ») [6, 591].

Необходимое дополнение к борщу — сметана. Её в Китае не употребляют, потому что «...для китайца — это прокисшие сливки, то есть испорченный продукт» [7, 76]. Слово *сметана* переводится в русско-китайском словаре как 酸奶油 (suan nai you: «кислый / скисший молочный жир»). Как можно видеть, такие понятия, как: *борщ*, *свёкла*, *сметана* являются мотивированными, абсолютными языковыми лакунами для китайцев, которые частично восстанавливаются в их языке при помощи сочетаний нескольких слов.

Не воодушевил студентов русский фразеологизм «пальчики оближешь», более логичным, по мнению китайцев, было бы выражение «палочки оближешь». В России со времён Петра Первого в обиход вошли такие столовые приборы, как вилка, ложка, нож; в Китае традиционно используют палочки, что тоже удобно и практично, при определённой сноровке. Китайцы не представляют, как выглядела трапеза русских до того момента, как в России вышел свод этикетных правил «Юности честное зерцало» [8]. Многие блюда ели руками, а салфеток в те времена ещё не было. Вот и приходилось людям в буквальном смысле облизывать пальцы. В настоящее время русский фразеологизм указывает лишь на состояние, вызываемое процессом поглощения пищи — «очень вкусно», гораздо реже — «очень красиво, привлекательно» [9, 291]. Заметим, что тема еды для жителей Китая весьма важна, можно сказать, священна. Нередко наряду с привычным приветствием ni hao! / nin hao! («здравствуй / здравствуйте!»), можно услышать «nin chi fan le ma?» («вы уже поели?»). Для русских такое приветствие является китайской (китайско-русской) лакуной.

Ю. А. Сорокин утверждает, что «...художественная литература может быть рассмотрена как совокупность совпадений и расхождений (лакун), требующих интерпретации и являющихся способом существования смыслов (реализуемых через представления), традиционно функционирующих в той или иной локальной культуре» [10, 120—136]. Мы видим, что русская поэзия нравится китайцам, их завораживает «музыка» стиха. Но сама поэтическая картина той реальности, которую хотел изобразить русский поэт, часто видится иностранцу в свете своих национальных образов, своей картины мира. Так, южный китаец может не представлять смены времён года, например, что значит знаменитая фраза из поэмы И. А. Бунина: «Лес — точно терем расписной». Этот шедевр русской поэзии (обычно изучает-

ся небольшой фрагмент поэмы) — сплошная лакуна для китайца, начиная с названия («Листопад»). Образ осени — «вдовы», цветообозначения, понятия: *лес*, *терем*, *берёза*, *ёлка*, *клён*, *просветы в небе*, обонятельные образы: *лес пахнет дубом и сосной* — всё это богатство поэтического бунинского мира приходится буквально заново строить в сознании китайских учащихся.

Многие южане никогда не видели снег воочию, но имеют представление о нём из фильмов, средств массовой информации, литературы. Для европейцев снежинка и снег ассоциируются с белым цветом (иногда с серебристым, блестящим), что отражено и в русской поэзии, которую изучают китайцы (К. Бальмонт, И. Суриков, И. Бунин, С. Есенин и др.). Китайцам снежные равнины кажутся «однообразными» и «скучными». При рассмотрении темы «Национальный русский костюм» китайскими девушками было замечено, что в их традиционной культуре нельзя покрывать голову платком белого цвета. В ходе изучения данных фактов оказалось, что причиной неприятия китайцами белого цвета является его отрицательная лингвокультурная коннотация в китайской культуре [11].

Лакунарные «пробелы» в языке восстанавливаются при помощи компенсации, то есть заполняются свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями. Выявление и изучение лакун в иностранной аудитории ведёт к устранению информационного вакуума, способствует более точному пониманию иноязычной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Юэ. Применение теории лакуны в межкультурной коммуникации / Wang Yue, Scientific Cooperation Center «Interactive plus». С. 3. / Юэ Ван // www.interactive-plus.ru
2. Быкова Г. В. Межкультурная коммуникация: Россия — Китай (словарь лакун) / Г. В. Быкова, Н. Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч. ред. И. А. Стернина. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. — 208 с.
3. Марковина И. Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: Дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Марковина. — М., 1982.
4. Титкова С. И. Языковая лакуна как единица анализа лингвострановедческого аспекта иноязычного учебного текста / С. И. Титкова // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Т. 4, — Heron Press; София, 2007. — С. 370.
5. Быкова Г. В. Межкультурная коммуникация: Россия — Китай (словарь лакун) / Г. В. Быкова, Н. Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч. ред. И. А. Стернина. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. — С. 182.
6. Русско-китайский минисловарь / Foreign Languages Press, 2008. — 771 с.
7. Хань Чжипин. Ассоциативные реакции русских и китайцев в аспекте лакунарности / Чжипин Хань // Вестник Пермского университета, — Вып. 1(29), 2015. — С. 75—82.

8. Домострой. Юности честное зерцало. — СПб., 2008. — 208 с.

9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М.: Русский язык, 1986. — С. 291.

10. Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов установления специфики локальных культур / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М.: Наука, 1977. — С. 120—136.

*Воронежский государственный университет
Университет Санья*

*Яровая Т. Ю., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ИМО ВГУ, доцент кафедры русского языка Университета Санья (КНР)
E-mail: yarovaya_tatiana@mail.ru*

11. Микитченко Е. С., Бинюй Лю. Цветовые архетипы: белый цвет как выход за грань мира / Е. С. Микитченко, Лю Бинюй // Искусство, дизайн и современное образование. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 22—24 мая 2016 г.) Сер. «Научные труды РГСАИ». Издательский дом: «Научная библиотека». — Москва, 2016. — С. 246—252.

*Voronezh State University
University Sanya (China)*

*Yarovaya T. Y., Associate Professor of the Russian Language for Foreign Students Department of the Institute of International Education, Associate Professor of the Russian Language Department of the University Sanya
E-mail: yarovaya_tatiana@mail.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОРТФОЛИО ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

Н. С. Авдони́на

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об организации самостоятельной работы студентов-журналистов. Подробно анализируются цели, формы и функции СРС. Особый акцент ставится на форме портфолио. Проводится анализ авторской методики применения технологии портфолио в организации самостоятельной работы студентов по курсу «Новостная интернет-журналистика». **Ключевые слова:** компетентностный подход, самостоятельная работа студентов, технология портфолио, новостная интернет-журналистика, медиаобразование.

Abstract: the article analyzes the question of students' independent work. The author analyzes aims, forms and functions of students' independent work in details. A special point is on the form of portfolio. The article analyzes the author's original method of portfolio technology in organizing students' independent work in the framework of the course News Online Journalism.

Keywords: competency based learning, students' independent work, portfolio, news online journalism, media education.

Компетентность выступает связующим звеном в цепочке «знание-умение» [1]. Субъект-субъектные отношения в образовательном процессе предполагают активное и равноправное участие как студентов, так и преподавателей. Преподавателю отводится роль тренера. По мнению Н. Борытко, это означает, что преподаватель стоит не «над» обучаемым, а «рядом» и вместе проходит путь познания [2, 38]. Компетентностный подход обязывает преподавателя применять современные образовательные методы и технологии, эффективными из которых являются личностно-развивающие и профессионально ориентированные технологии [3].

В современных учебных планах треть часов отводится на самостоятельную работу студентов (СРС). Например, из 108 часов 36 могут быть аудиторными, остальные 66 составляет СРС. На педагога возлагается ответственность за формулирование целей, выбор форм и условий выполнения СРС, «а роль студента заключается в том, чтобы в процессе самостоятельной работы под руководством преподавателя стать творческой личностью, способной самостоятельно приобретать знания, умения и навыки, формулировать проблему и находить оптимальный путь ее решения» [4, 508].

Как отмечают В. Егоров, Э. Скибицкий и В. Храпченков, структуру самостоятельной работы студентов образуют внешние и внутренние элементы. К внешним компонентам относятся педагогические и организационные условия, функции СРС, принципы ее

построения и программа ориентировочных, исполнительских и контрольных действий. Внутренние элементы включают мотивацию, цели, содержание, методы, средства, организационные формы, контроль, результат, анализ, коррекцию и прогноз [5].

Общими целями СРС являются: овладение знаниями по основным и дополнительным темам; самостоятельное освоение и развитие студентами компетенций; контроль и оценка преподавателем результатов учебной и научно-исследовательской деятельности студентов. К принципам отнесем: самостоятельность, индивидуальность, вариативность, творческий подход, ориентированность на практику. СРС направлена на выполнение двух основных функций: развивающая (овладение новым материалом, развитие аналитического и творческого мышления) и диагностическая (развитие целеполагания, самоорганизации, самоконтроля и самопрезентации).

Среди форм выделим следующие: работа с лекционным материалом; выполнение домашнего задания к занятию / домашней контрольной работы, решение задач и выполнение упражнений; изучение материала, вынесенного на самостоятельную проработку; подготовка к лабораторным работам, практическим и семинарским занятиям, коллоквиуму, экзамену; написание реферата; составление портфолио; написание эссе, курсовых работ / проектов; решение кейсов и др.

Ученые условно выделяют четыре уровня СРС: воспроизведение, реконструктивно-вариативный, эвристический и творческий. Студенты должны пройти

все четыре этапа, чтобы оказаться на уровне творческой самореализации. На каждом уровне студентам предоставляются четыре разных вида работ: *воспроизводящие, репродуктивно-вариативные, эвристические и творческие*. Воспроизводящие работы выдаются, когда необходимо запомнить или выучить алгоритм действий. Реконструктивно-вариативные задания актуализируют приобретенные ранее знания, и студентам предстоит самостоятельно решить конкретные задачи. Эвристические задания направлены на развитие поискового мышления и деятельности. Выполняя творческие задания, студенты получают новые знания и умения [5].

3. Дудченко и С. Костромина полагают целесообразным выделить пять уровней СРС: дословное и преобразующее воспроизведение информации, самостоятельные работы по образцу, реконструктивно-самостоятельные работы, эвристические самостоятельные работы и творческие (исследовательские) самостоятельные работы [6]. При дальнейшем разборе самостоятельной работы студентов в статье автор будет исходить из положения о пяти уровнях СРС.

Современным работодателям необходимы ответственные, инициативные и нацеленные на результат сотрудники, умеющие работать в команде и самостоятельно, имеющие хорошую теоретическую базу и практические навыки, готовые при необходимости получать дополнительное образование [7]. Все перечисленные компетенции студенты могут и должны получить в университете. От качества выполненной домашней работы зависит активность студента на занятиях и должный уровень курсовых работ / проектов, контрольных работ, рефератов, дипломов и прочее.

Самостоятельную работу следует рассматривать как единую систему с четко выстроенной структурой, развивающейся от более простого к более сложному. Органично встроенная в образовательный процесс СРС способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций. При разработке СРС необходимо учитывать многофакторность образовательного процесса, что включает мотивационный, содержательный, организационный и рефлексивный компоненты [4, 73].

В процессе выполнения СРС студенты могут столкнуться с некоторыми проблемами: неумением распределять время на самостоятельную работу; неумением выполнять конкретный вид работы, например, поиск, отбор и систематизацию информации, анализ прочитанного; отсутствием интереса к самостоятельной работе. Последний фактор можно нивелировать, если оценка за самостоятельную работу будет влиять на общую оценку по курсу. Одной из таких форм СРС является портфолио. В данной статье будет рассмотрена система организации СРС студентов-журналистов, изучающих предмет «Новостная интернет-журналистика».

Портфолио представляет собой технологию работы с результатами учебно-познавательной деятельности учащихся [6, 155]. Портфолио определяется как «коллекция работ за определенный период времени, которая оценивается либо с точки зрения прогресса обучающегося, либо с точки зрения соответствия учебной программе» [6, 168].

К видам портфолио исследователи относят портфолио достижений (рабочее портфолио), рефлексивное портфолио, проблемно ориентированное портфолио и портфолио развития навыков гуманитарного мышления. В данной работе будет проанализирована эффективность портфолио достижений. Цель портфолио — «научить отбирать, систематизировать и анализировать информацию по выбранной теме, работать с различными источниками информации» [6, 157].

На освоение дисциплины второго курса «Новостная интернет-журналистика» — одного из базовых курсов учебного плана направления подготовки «Журналистика» в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М. В. Ломоносова — отводится 144 часа, из которых на самостоятельную работу отводится 61 час. Дисциплина завершается экзаменом. Для оценивания учебных достижений преподавателем применяется балльно-рейтинговая система. В начале курса студенты получают подробное описание дисциплины с перечнем обязательных и дополнительных заданий. Портфолио ведется студентом самостоятельно и включает практические задания, обязательные и дополнительные (выполняются по желанию для получения дополнительных баллов). Студенты могут вести портфолио в электронном виде, в документе Word, либо завести папку или документы на Google Drive (облачный сервис), либо в обычной тетради (при условии разборчивого почерка).

Портфолио содержит несколько обязательных элементов-рубрик: «Введение» («Предисловие»), «Новость», «Интервью», «Репортаж», «Книга стиля», «Рефлексивное резюме». «Введение», или «Предисловие», представляет собой краткую биографическую справку об авторе, о целях, структуре и особенностях портфолио. В раздел «Новость» включаются тексты, написанные на занятии или по заданию преподавателя, а также аудиторские хроники. Аудиторские хроники — это информационные сообщения по теме прошедшего занятия. Раздел «Интервью» включает собственный текст по общей для всех студентов теме, образцы лучших, по мнению студентов, интервью (минимум три), советы от журналистов и собственные наблюдения после проведенного интервью. Рубрика «Репортаж» составляется по принципу «Интервью». Раздел «Книга стиля» заполняется на занятиях совместно с преподавателем и включает перечисление правил, норм и обязанностей журналиста новостной редакции. «Рефлексивное резюме»

необходимо как самооценка студентов. Студенты анализируют собственную инициативу, активность и энергичность, открытость и взаимодействие с коллегами и преподавателем, ответственность и самостоятельность, креативность и прочее. Предполагаются ответы на следующие вопросы: чему вы научились? Ваше самое большое достижение за весь курс? Что вы поняли? Что узнали? Чему удивились? Что поразило? Ваша самая большая трудность? Возможности, которые не реализовались в процессе обучения по данному курсу?

Вопросы оценивания портфолио — одни из самых сложных, поскольку необходимо адекватно распределить сумму оценки между всеми элементами портфолио и качеством выполнения работы. В течение курса «Новостная интернет-журналистика» студенты получают баллы за посещение; за интервью и репортаж можно набрать максимум 10 баллов, за портфолио — 19 баллов (по заранее определенным критериям). Все дополнительные задания оцениваются от 0 до 3 баллов. Чтобы получить оценку «отлично», студентам необходимо набрать 90 баллов.

Критериями оценки портфолио являются: оригинальность, эстетичность и креативность оформления обложки, регулярность пополнения материалов, грамотность ведения; в рубрике «Предисловие» — обоснованность цели портфолио, в разделе «Новость» — адекватность объема текстов при полноте содержания, обоснованность включения текстов, выдержанность жанра; в рубрике «Интервью» — адекватность объема текстов при полноте содержания, обоснованность включения текстов; в разделе «Репортаж» — адекватность объема материалов при полноте содержания, обоснованность включения текстов; в рубрике «Рефлексивное резюме» — обоснованность и достаточность содержания, самостоятельность мышления, аргументация выводов. Оценивается также презентация портфолио (соответствие презентации содержанию портфолио, наглядность, грамотность оформления, соблюдение регламента (5—7 минут)). По каждому критерию студент может получить минимум один балл, максимум — 19 баллов.

Преподаватель очерчивает рамки, в которых студенты свободны творить, учиться в форме запланированных проб и ошибок, экспериментировать. Как видим, эффективность выполнения самостоятельной работы студента зависит во многом от преподавателя.

Именно педагог разрабатывает систему заданий, определяет сроки их выполнения и систему оценивания, выбирает формы СРС и виды ее проверки.

Портфолио выполняет следующие функции:

- диагностическую (приобретение фоновых и профессиональных знаний; приобретение навыков самоорганизации и самоконтроля; приобретение навыков аналитического, творческого и мультимедийного мышления);
- контролируемую;
- мотивирующую;
- функцию целеполагания.

Преподаватель контролирует самостоятельную работу студентов. Этот контроль выражается не только в оценке самого факта выполнения СРС, но и в комментировании студенческих записей. Почти все студенты ведут портфолио в облачном сервисе Google Drive и предоставляют преподавателю доступ для комментирования, что очень удобно: педагог может сразу же указать на ошибки в написании новостей.

Таким образом, можно сформулировать общие принципы портфолио как эффективной образовательной технологии. Это вариативность, организованность и свобода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбакова Е. В. Структура компетентностного подхода в журналистском образовании / Е. В. Курбакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2. — С. 448—451.
2. Борытко Н. М. Педагог в пространствах современного воспитания / Н. М. Борытко. — Волгоград: Перемена, 2001. — 214 с.
3. Виленский М. Я. Технологии профессионально ориентированного обучения в высшей школе / М. Я. Виленский, П. И. Образцов, А. И. Умна. — Москва: Педагогическое общество России, 2004.
4. Самостоятельная работа студентов: модели, опыт, технологии. — Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2009. — 256 с.
5. Егоров В. В. Педагогика высшей школы / В. В. Егоров, Э. Г. Скибицкий, В. Г. Храпченков. — Новосибирск: САФБД, 2008. — 260 с.
6. Современные образовательные технологии: учебное пособие. — Москва: КНОРУС, 2016.
7. Какие требования предъявляют работодатели к молодым специалистам. — URL: <https://career.ru/article/18255> (дата обращения: 21.09.17).

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова

Авдонина Н. С., кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

Northern (Arctic) Federal University named after
M. V. Lomonosov

Avdonina N. S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertisement and Public Relations
E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

МЕДИАСТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГРЕЦИИ (2001—2017 ГГ.)

О. А. Богданова

Учебный комитет Русской Православной Церкви

Поступила в редакцию 18 октября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу медийных стратегий Русской Православной Церкви в Греции на современном этапе (2001—2017 гг.). В работе определяется место церковных СМИ (радио и печати) в миссионерской деятельности Православной Церкви и дается всесторонний анализ церковной медиасистемы Греции, в том числе классификация СМИ с точки зрения особенностей их контента и экономической составляющей работы. Актуальность и научная значимость работы определяется тем, что современные церковные СМИ Греции не исследованы в научной литературе. Работа может стать базой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Греция, церковные СМИ, Элладская Православная Церковь, Вселенский патриархат, религиозная журналистика, медиастратегии, медиасистема, журналы, газеты, радио.

Abstract: the article analyses mediastrategies of the Orthodox Church in Greece in the Third Millennium (2001—2017). The place of ecclesiastic media (press and radio) in the missionary activity of the Orthodox Church is determined, and comprehensive analysis of the ecclesiastic mediasystem of Greece is performed. In particular, the classification of media according to the properties of their contents and economical components of their work is presented. Ecclesiastic media of modern Greece are not studied in academic literature, and this secures the topical character and academic value of the work. The work provides also possibilities for further studies.

Keywords: Greece, church media, Orthodox Church of Greece, Ecumenical Patriarchate, religious journalism. mediastrategies, system of media, magazines, newspapers, radio.

Традиционно термин «медиастратегия» используется в области рекламы и обозначает использование СМИ для продвижения определенной продукции [1].

Для Православной Церкви с самых первых десятилетий ее существования важнейшими задачами были проповедь христианского учения (комплекса знаний о Боге, мире и человеке, который составляет содержание догматов) и трансляция жизненного и духовного опыта, накапливаемого и хранимого в личных практиках членов церковного сообщества: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15).

Используя принятую в журналистской науке терминологию, можно сказать, что совокупность церковного предания — это продукция Церкви. Цель Церкви — миссионерскую деятельность — можно обозначить термином «продвижение продукции». Методы использования СМИ для реализации этой цели — медиастратегии Церкви.

Настоящее исследование посвящено описанию и анализу медиастратегий Церкви в Греции на современном этапе (2001—2017 гг.).

Цель — описать медийные стратегии, которые использует Православная Церковь в Греции сегодня, дав ответ на следующие вопросы: какое место занимает печать в миссионерской работе Православной

Церкви в Греции, является ли печать основным медийным средством распространения проповеди, на какую аудиторию ориентированы церковные печатные СМИ и каковы стратегии взаимодействия с этой аудиторией, имеет ли место централизованная организация работы печати и контроль за ее работой, является ли церковная печать средством получения прибыли, можно ли говорить о приоритете общецерковных или локальных печатных СМИ, каковы технологии продвижения церковных СМИ на рынке и как решаются проблемы конкуренции между церковными изданиями?

Задача — провести комплексный анализ современной системы греческой церковной печати, выявить основные тенденции в ее формировании и факторы, которые оказывают наибольшее воздействие на это формирование.

Методология комплексного анализа, состоящая в совмещении типологического и экологического подходов, позволит нам полноценно интерпретировать современное состояние церковной печати Греции, увидеть основные тенденции в ее формировании и обозначить перспективы ее развития как единого целого.

Экологический подход позволяет выявить факторы, которые влияют на функционирование и формирование медиасистемы. За основу мы взяли факторы, которые используются для описания светской меди-

асистемы [2, 155] и последовательно рассмотрели каждый из них в отношении системы церковных СМИ.

Опираясь на типологический подход, мы анализируем структуру церковной медиасистемы Греции с точки зрения характеристик первого порядка (аудитория, ареал распространения, тематика), второго (периодичность) и третьего (функции СМИ) порядков [2, 155].

Хронологические рамки исследования — с 2001 по 2017 гг. — определяются двумя факторами. Во-первых, на данный момент нет ни одного греко- или русскоязычного научного исследования на нашу тему, охватывающего данный период. Во-вторых, в начале третьего тысячелетия произошел ряд событий, значимых для греческой Церкви и, в частности, церковной печати: финансовый кризис, который серьезно отразился на жизни всего греческого общества, избрание нового главы (предстоятеля) Элладской Православной Церкви в 2008 году, перемены в руководстве ряда митрополий Элладской Православной Церкви в середине 2000-х годов, а также появление целого ряда новых печатных изданий, начиная с 2001 года.

Этими же факторами обеспечивается научная новизна и актуальность исследования. Кроме того, медийный опыт Церкви в Греции может быть небезынтересен и даже полезен для Русской Православной Церкви, которая в последние годы активно присутствует в медийном пространстве, в том числе путем создания и развития собственных СМИ. В дальнейшем, применяя экологический подход, термином «медиасистема» мы будем обозначать печатные издания и радиостанции как основные типы СМИ, которые создает церковное сообщество Греции. Типологический подход мы применяем только по отношению к печати как основному предмету нашего анализа. Подробное рассмотрение функционирования радио и телевидения выходит за рамки нашей темы. Эмпирическая база исследования — выпуски церковных газет и журналов (2001–2017 гг.), а также серия интервью, которые были сделаны автором статьи в октябре 2014 г. и в сентябре-октябре 2016 г. непосредственно в редакциях церковных газет Греции, а также посредством телефона и Интернета.

В данной статье мы рассматриваем только СМИ, которые имеют отношение к официальному институту Церкви и не берем те, которые создаются независимыми от него сообществами (например, Православными Братствами), поскольку их стратегии в области СМИ определяются в том числе интересами этих сообществ и их лидерами.

Потенциальная читательская аудитория церковных печатных СМИ в Греции — 95,1% населения страны. Именно столько граждан регулярно участвует в церковных службах, согласно данным Европейской социологической службы (The European Social

Survey). Для них церковная традиция составляет неотъемлемую часть их жизни.

Согласно данным другого общегреческого опроса 2008 года¹, 78% греков отвечают, что роль веры в их жизни важна или очень важна и только 7% полностью отрицают ее значение, ежедневно молятся 56% греков. При этом только 19% греческого населения регулярно соблюдает посты, 39% читают Священное Писание и 53% верят во Второе Пришествие (при том, что догмат о Втором Пришествии содержится в тексте Символа веры — краткого изложения основ христианского вероучения).

Эти данные свидетельствуют о том, что сегодня в греческом обществе есть большое пространство для церковной миссии и проповеди. Тем более что, по данным того же опроса, 32% греков придают значение высказываниям священнослужителей по вопросам воспитания и образования, 18% полагают, что Церковь может выражать свое мнение на темы общественной политики, 3% ждут мнения Церкви по вопросам внешней политики, 2% — по вопросам экономики, общественного порядка и др., 39% хотели бы знать мнение Церкви по всем вопросам.

Это создает предпосылки для того, чтобы события церковной жизни и церковное предание входили бы в круг интересов современного греческого общества.

Теоретически у Церкви есть три возможных медийных стратегии: полностью игнорировать мир массовых коммуникаций, сотрудничать со светскими СМИ и создавать собственные медиа.

Понятно, что в современной жизни первый вариант исключен. Примеры второй стратегии единичны. В масштабах всей Греции это опыт газеты «Демократия»: церковные иерархи выступают в качестве колумнистов на страницах ее воскресного приложения, и их публикации, по сути, являются проповедями². На региональном уровне — опыт отдельных митрополий Элладской Православной Церкви: с местными радиостанциями сотрудничают Кифирская митрополия (Аттика), Халкидская (Центральная Греция), Иерисосская, Святой Горы и Ардамерионская, Эдесская, Пелльская и Алмопийская (обе в Центральной Македонии); Фтиотидская митрополия (Центральная Греция) и Элевферупольская митрополии (Восточная Македония и Фракия) активно взаимодействуют с местной печатью. Кроме того, Фтиотидская митрополия создает еженедельную телепередачу о Церкви на канале «Стар» в Центральной Греции. Также имеет

¹ <http://www.publicissue.gr/96/religion/>

² Для самой газеты выпуск такого приложения является одним из способов привлечения аудитории. Автор исследования был в редакции «Демократии» и, насколько позволили проведенные с сотрудниками интервью, для самой редакции миссионерский аспект находится далеко не на первом месте.

опыт сотрудничества со светскими СМИ отдельных представителей Церкви. Так, митрополит Месогейский и Лареотийский Николай — уникальный пример архиерея, который активно выступает на радио, ТВ и в прессе и не отказывается давать интервью по самым разным вопросам.

В основном же в мир массовых коммуникаций Православная Церковь в Греции входит, реализуя третью стратегию, — создает собственные средства массовой информации. Проанализируем эту систему.

СИСТЕМА ЦЕРКОВНЫХ СМИ ГРЕЦИИ

За основу для описания системы церковных СМИ Греции мы взяли факторы, которые используются для описания светской медиасистемы [2, 154—155]. Это позволило структурно представить систему СМИ и достаточно четко увидеть, каковы основные функции и направления работы церковных СМИ и, соответственно, каковы медийные стратегии Церкви.

В системе церковных СМИ **политический фактор** совпадает с **фактором социальной структуры** — это устройство института церкви.

Иерархическое церковное устройство ближе всего к авторитарной государственной системе. Оно создает базу для создания системы церковных средств массовой информации по вертикальной парадигме, однако по факту эта парадигма в Греции не реализуется.

Контроль за работой СМИ отсутствует (тогда как, к примеру, в Русской Православной Церкви для этой цели существует Синодальный информационный отдел)³. Работа церковных СМИ вообще не регулируется никакими специальными внутрицерковными документами (в отличие, скажем, от Римо-Католической Церкви⁴), цензура отсутствует.

В то же время на практике церковные СМИ схожи со СМИ авторитарного общества тем, что не являются дискуссионной площадкой, откуда вытекает predisposition к использованию преимущественно презентационной стратегии взаимодействия с аудиторией. Это отвечает задачам миссии и соотносится с самой природой и традиционной задачей Церкви —

бережно сохранять и передавать основные принципы христианской жизни с тем, чтобы они вновь и вновь воплощались в каждом новом поколении.

Исторически учредителями органов печати выступают церковные общности разного иерархического уровня: Поместная Церковь (общецерковные СМИ — аналог общенациональных СМИ в светском понимании), митрополия (официальные СМИ митрополии, аналог региональных СМИ), приход (приходские СМИ, локальные), а также христианские сообщества вне административно-иерархической структуры Церкви — союзы и братства. В дальнейшем в первую очередь мы классифицируем церковные СМИ именно с точки зрения места их учредителя в церковной иерархической структуре.

Как правило, границы Поместной Церкви совпадают с границами государства, на территории которого она расположена, таков, например, случай Кипрской Православной Церкви. Однако бывает, что в силу исторических обстоятельств эти границы не совпадают. Например, приходы Русской Православной Церкви есть не только на территории России, но и на территории других государств.

Сегодня на территории Греции действуют митрополии двух Поместных Православных Церквей — Элладской Православной Церкви (82 митрополии) и Константинопольского (или Вселенского) Патриархата (13 митрополий). Митрополии подчиняются высшим органам управления соответствующих Церквей — их Синодам.

Среди митрополий Элладской Православной Церкви, в свою очередь, выделяются две группы: 51 митрополия собственно Элладской Церкви и 31 митрополия так называемых «Новых территорий», которые имеют двойственный статус: они находятся в юрисдикции (то есть в подчинении) Синода Элладской Православной Церкви, но в ряде отношений у них остается подчиненность Константинопольскому Патриархату.

Посмотрим теперь, какие СМИ Церкви выпускает на каждом уровне иерархической системы и в какой мере они являются инструментом проповеди и миссии.

ОБЩЕЦЕРКОВНЫЕ СМИ

Элладская Православная Церковь как единое целое издает четыре периодических издания — «Экклесия», «Эфимериос», «Теология» и «Панта та эфни», имеет собственные радиостанцию и телевидение.

Два журнала не являются инструментами проповеди: ежемесячное издание «Экклесия» — официальный информационный бюллетень, цель которого — публикация разного рода официальной информации, «Теология» — выходящий раз в три месяца журнал чисто научного характера, его главная функция — аккумулировать богословские знания и собирать вокруг себя богословское сообщество.

³ Синодальный информационный отдел Русской Православной Церкви. Общая информация. URL: <http://www.sinfo-mp.ru/info.html>.

⁴ Как отмечает исследователь Н. В. Урина [3], «Ватикан располагает строго очерченной концепцией средств социальной коммуникации, являющейся органичной частью всей католической доктрины. В ней сформулировано отношение церкви к средствам социальной коммуникации и их функциям, широко представлена оценка положительных и отрицательных эффектов их воздействия на личность и общество, определена роль церкви в мире коммуникаций и стоящие перед ней задачи, а также содержатся конкретные рекомендации журналистам, особенно католическим».

Два других издания не являются непосредственными инструментами проповеди, но косвенно подкрепляют миссионерскую работу. Ежемесячный журнал «Эфимериос» предназначен для клириков (само название переводится как «Клирик») и призван помогать священникам быть пастырями, а именно — готовиться к проповедям и организовывать приходскую жизнь. Под эти задачи подобран весь контент журнала.

1. Материалы образовательно-просветительского характера (например, «Воскресение после праздника Вознесения, 21.09.2014», № за 2014 г., сс. 13—14; «Четвертое воскресение Великого поста», № 2 за 2014, сс. 14—15 и др.).

2. Практические советы и иные материалы по обустройству приходской жизни (к примеру, серии публикаций «Основные темы катехизации» в № 5 за 2015 г. — № 1 за 2017 г., «Вопросы пастырской психологии» в №№ 2—4 за 2017 г.).

3. Прочие материалы практического характера (например, об актуальных изменениях в законодательстве, которые касаются жизни прихода (№ 1 за 2015 г., с. 48, № 3 за 2017 г., с. 48, № 4 за 2017 г., с. 48).

«Панта та эфни» — трехмесячное официальное издание миссионерского отдела Элладской Православной Церкви, на страницах которого рассказывается о жизни 21 заграничной митрополии Элладской Церкви и о миссионерской работе на их территориях. Как и «Эфимериос», этот журнал не является органом для проповеди, но является для нее подспорьем. Цели его материалов следующие.

1. Оказывать помощь миссионерам (в каждом выпуске публикуются подробные отчеты о расходах на миссию и список пожертвований (с именами благотворителей), которые поступили на счет отдела за период подготовки текущего номера), а также истории об уже оказанной помощи (например, о том, как неизвестная гречанка перечислила митрополии Центральной Африки 54000 евро на постройку школы (№ 97, январь-март 2006 г., с. 9)).

2. Способствовать решению практических вопросов миссии (в номерах публикуются вопросы и ответы, с которыми могут столкнуться клирики в отдаленных митрополиях, например, может ли христианин, состоявший в двух или трех браках до крещения, становиться священнослужителем⁵ (№ 123, июль-сентябрь 2012 г., сс. 26—27), обязательно ли повторное крещение для христианина, который отрекся от веры (№ 128, октябрь-декабрь 2013 г.), должен ли миссионер приносить клятву местным богествам и идолам (№ 115, июль-сентябрь 2010 г.) и пр.).

Аудиовизуальные средства используются исключительно в миссионерских целях.

⁵ Особенно этот вопрос актуален для миссионеров, которые работают среди народов, практикующих многоженство.

Митрополии Константинопольского Патриархата имеют два официальных издания: журнал «Додеканисос» (островов Додеканес и Патмосской архиепископии) и журнал «Апостолос Титос» (Критская архиепископия). Ни один из них не является инструментом проповеди.

Каждый номер журнала «Додеканисос» включает в себя две обязательные группы материалов: «Патриаршие послания» и «Исследования» (в некоторых номерах к ним добавляется третья — «Церковные события — хроника»). Журнал «Апостолос Титос» содержит исключительно официальную информацию: тексты посланий и выступлений Константинопольского Патриарха, коммюнике, другие официальные письма и обращения, а также церковные постановления. Его функция и значение — чисто политические: маркировать принадлежность митрополий к Константинопольскому Патриархату.

Таким образом, Православная Церковь в Греции не использует общецерковные официальные издания как инструмент проповеди. Только два из шести общецерковных журналов имеют отношение к миссионерской работе, причем косвенное.

СМИ МИТРОПОЛИЙ

В каждой митрополии есть СМИ двух уровней: официальные СМИ митрополий (радио и печать) и СМИ приходов (печать).

Структурирование медиасистемы происходит под влиянием **экономического фактора**, результат — концентрация медиа в руках тех, кто способен оплатить их работу [2, 152].

Внутри церковной медиасистемы наблюдается прямая зависимость между наличием средств и возможностью открыть СМИ (которое, повторимся, не будет направлено на получение прибыли): по причине отсутствия финансовых возможностей у потенциальных учредителей практически 40% (32 из 81) митрополий Элладской Православной Церкви не выпускают вообще никаких периодических изданий ни на уровне митрополии, ни на уровне прихода.

Отсутствие собственных СМИ не означает, что у митрополий нет денег вообще, просто многие поступают так же, как, например, митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай, который пояснил, что их митрополия предпочитает тратить деньги не на СМИ, а на другие нужды, прежде всего на благотворительность и прямую помощь нуждающимся. Это также говорит о том, что в деле миссии и проповеди СМИ не рассматривается как основной инструмент церковной деятельности. Для современного церковного сообщества собственное СМИ — это своего рода роскошь, которую не каждый может себе позволить.

Для светских СМИ актуальны проблемы выбора тем, которые наиболее выгодны с точки зрения приобретения аудитории. Перед церковными СМИ такая задача не стоит: СМИ не являются инструментами

получения прибыли, большинство из них распространяется бесплатно, иногда подписка на них призвана покрыть только почтовые расходы, в редких случаях (например, для журнала «Анкира элпидос» митрополии Иерапитны и Ситии (Критская архиепископия) прибыль от продажи журнала идет на филантропическую деятельность Церкви.

Соответственно, рынок церковных СМИ не формируется, для светских изданий церковные СМИ не являются конкурентами (совокупный разовый тираж всех церковных изданий намного меньше разового тиража любой ежедневной общенациональной газеты в Греции и даже регионального издания).

В итоге, в плане выстраивания медийных стратегий Церковь полностью свободна и независима от конкурентных и рыночных механизмов. За счет концентрации финансов митрополии имеют фактически монополию на печатные издания в границах своего региона, и даже потенциальных конкурентов для официальных журналов митрополий просто не существует. Это сказывается на качестве контента журналов: их политику и тематику полностью определяет глава митрополии, правящий архиерей.

Распределение церковных СМИ в зависимости от региона представлено в таблицах 1, 2 и 3.

Таблица 1.

Распределение печатных изданий и радио в митрополиях Элладской Православной Церкви

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Афинская архиепископия	1	0	0	1
Аттика	13	5	1	2
Центральная Греция	6	2	3	2
Западная Греция	5	4	3	2
Пелопоннес	8	4	3	2
Иония	4	1	2	2
Северные Эгейские острова	5	4	2	1
Южные Эгейские острова	3	2	2	0
Фессалия	6	4	3	0
	51	26	19	12

Как видим, 51% митрополий имеют официальное издание и 38% — свою радиостанцию, приходские издания есть только в 12 митрополиях, что составляет 23% от общего числа митрополий. Однако, за исключением Афинской архиепископии (г. Афины)

и Илийской, Ахарносской и Петрупольской митрополии (Аттика, г. Илион), где собственные издания имеют 10 и 6 приходов соответственно, в остальных митрополиях журнал, газету или приходской листок издают всего 1—2 прихода.

Таблица 2.

Распределение печатных изданий и радио в митрополиях «Новых территорий»

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Эпир	5	1	3	0
Западная Македония	5	4	3	0
Восточная Македония и Фракия	8	5	5	0
Центральная Македония	13	3	6	4

Как видно из таблицы 2, 13 из 31, то есть 42% митрополий, не отказываются иметь официальное печатное издание, радиостанция есть у 55%. Преимущество печатного издания в том, что человек может

обратиться к нему в любое время, быстро и просто найти интересующую его цитату, «плюсы» радио — в возможности охватить большую аудиторию.

В отличие от митрополий Элладской Православ-

ной Церкви, приходские издания есть только в трех митрополиях «Новых территорий», причем в Эдесской, Пелльской и Алмопийской митрополии (Центральная Македония, кафедра в г. Эдесса) журнал издает один приход (фактически этот журнал является официальным изданием митрополии, так как его выход курирует митрополит), в Неапольской и Ставрупольской митрополии (Центральная Македония, кафедра в районе

Неаполис (г. Салоники)) до недавнего времени приходских изданий было три, на данный момент осталось два.

Как свидетельствуют таблицы 1, 2 и 3, в церковном медиапространстве Греции очень развит **фактор многоканальности**.

Около половины митрополий (38% Элладских митрополий, 55% митрополий «Новых территорий» и 38% греческих митрополий Константинопольского Патриархата) имеют собственную радиостанцию, причем 18% (15 из 82) митрополий Элладской Церкви и треть (10 из 31) митрополий «Новых территорий» имеют одновременно официальное издание и радиостанцию, а некоторые даже две радиостанции.

Большая часть митрополий имеет официальный сайт, который обновляется достаточно регулярно и позволяет в режиме онлайн слушать радиопередачи и читать некоторые номера официальных изданий митрополии. В официальных изданиях митрополий можно увидеть рекламу официального радио, что говорит об активном развитии конвергенции церковных СМИ.

Церковные медиастратегии предусматривают использование всех возможных каналов для донесения информации до потенциальной аудитории. Отдельные митрополии и приходы имеют не только сайты, но и страницу в соцсети, куда могут транслировать собственные радиовыпуски и выкладывать некоторые номера журналов. В ситуации экономического кризиса соцсети служат своего рода подспорьем, к примеру, приходской журнал «И фони тис энориас мас» храма святого Предтечи в Лисворионе (*Митилинская, Эресосская и Пломарионская митрополия, Эгейские острова*) с февраля 2017 года выходит только в электронном виде и размещается на специально созданном сайте и на странице в Facebook.

С точки зрения ориентации на аудиторию все журналы митрополий можно разделить на две большие группы: качественные, т.е. научно-богословского содержания («Григориос о Паламас» (Фессалонийская митрополия) и «Парусиа» (Ланкадасская митрополия)) и массовые (все остальные).

И если первые, подобно упомянутым выше общецерковным изданиям, преследуют цель аккумулировать вокруг себя богословское сообщество, то остальные Церковь использует в следу-

ющих целях:

1) информировать — хроника (новости) митрополии (полностью этой задаче подчинены журналы «Омология» Никейской митрополии и «Павлиос Логос» Верийской, Наусской и Камбанийской митрополии);

2) просвещать — материалы на церковные темы (догматического и исторического содержания);

3) отражать позицию Церкви — тексты на актуальные темы, которые отражают мнение редакции или позицию митрополита по заявленному вопросу;

4) просвещать и воспитывать — исторические материалы патриотического содержания.

Пункты 2 и 3 (и отчасти пункт 4) как раз отражают использование СМИ в деле проповеди и миссии. Медийные стратегии Церкви таковы, что все эти «массовые» журналы ориентированы преимущественно на взрослую аудиторию, причем недостаточно хорошо образованную в церковном плане. Большинство материалов просветительского содержания рассказывают об очень простых и базовых в богословском плане вещах: церковных праздниках, житиях святых (тексты даны в очень простом, адаптированном для простого читателя варианте) и основных положениях церковного учения. Никакого разделения изданий с точки зрения профессии или гендерной принадлежности нет. Правда, за счет обилия материалов, посвященных вопросам образования и воспитания, можно сказать, что присутствует некоторый перевес в ориентации на женскую аудиторию.

Возрастной дифференциации журналов нет. Исключение — журнал Ларисской и Тирнавосской митрополии «То Таланто» — единственное официальное издание, которое ориентировано на детей.

Журналы митрополий «Новых территорий» отличают публикации по так называемому Македонскому вопросу (незаконное присвоение страной Македонией названия греческой области). Этот вопрос занимает не только редакции официальных изданий. Например, в приходском издании «Анастаси» храма Воскресения Христова в районе Амπεлокипос также появляются материалы на эту тему (например, в № 13, сентябрь–октябрь 2013 г., сс. 16—17). Таким образом, Церковь использует СМИ в том числе и для трансляции идей патриотического характера.

Как видно из таблицы 3, островные митрополии Константинопольского Патриархата имеют тенденцию объединяться и создавать общий журнал, однако приоритет остается за радио. Что интересно, митрополии Критской архиепископии передают в том числе и передачи официального радио Элладской Православной Церкви, то есть не стремятся обособиться и отделиться от нее. Основная цель радиопрограмм, как и на территории митрополий Элладской Церкви, — проповедь.

Таблица 3.

*Распределение печатных изданий и радио в митрополиях
Константинопольского Патриархата на территории Греции*

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Критская архиепископия	7	2 + общий журнал	3	1
Острова	6	1 + 1 общий	2	0

Журналы митрополий (Олкас) Леросской митрополии, «Мартириа» («Μαρτυρία») митрополии Кидонии и Апокорона и «Анкира элпидос» («Αγκύρα ἑλπίδος») митрополии Иерапитны и Ситии) также сочетают в себе материалы просветительского и официального характера.

Единственное официальное издание, которое напрямую задействовано в миссионерской работе — «Анкира элпидос», точнее, два его приложения для детей — «Неаника Анкироволимата» и «Конта сто Христо», материалы для которых делают дети со всех приходов митрополии (работу по сбору материалов организуют помощники митрополита). Издание дает ребенку возможность поучаствовать в общем деле, почувствовать себя частью Церкви на уровне митрополии.

ПРИХОДСКИЕ СМИ

Приходские издания — следующий и последний уровень в церковной иерархии. Решающее воздействие на формирование СМИ на уровне приходов имеет **экономический фактор**: собственные издания (в том числе приходские листки) имеют только 0,3% приходов Элладской Православной Церкви. В греческих митрополиях Константинопольского Патриархата приходских изданий нет вообще.

Приходские издания составляют примерно 26% от всех наименований периодических изданий Элладской Православной Церкви. В отношении тиражей соотношение совсем другое: средний тираж приходского издания составляет 200—1000 экземпляров, что в 10 раз меньше тиража одного официального издания митрополии. Поэтому никакой конкуренции изданиям митрополии — основному пласту церковных изданий Греции — приходские издания не создают. Они существуют на очень локальном уровне и создаются для конкретного приходского сообщества. Исключение — журнал «ΕΚ ΒΑΘΕΩΝ» храма святого Георгия в Гианнице (Αγίου Γεωργίου Γιαννιτσών), который выходит раз в три месяца и является единственным изданием Эдесской, Пелльской и Алмопийской митрополии (Центральная Македония).

На уровне прихода появление журнала и редакционной команды полностью зависит от священника. В этом смысле оказывается решающим фактор

качества медиасообщества. Нам представляется, что для греческой ситуации было бы правильно соотносить издание конкретного приходского журнала не столько с приходом, сколько с конкретным священником, который готов взять на себя заботы по организации издания. К примеру, храм святого Георгия в Элевфериу перестал издавать журнал «Неаники фони» после того как священник Евстафий Вамвакас, который им занимался, был переведен в другой храм. Соответственно, именно священник определяет медиастратегии издания.

Приходские издания создаются именно как инструмент миссии и проповеди и выполняют следующие функции:

- 1) просвещение — материалы о богослужениях и церковных Таинствах (например, «Последование брака и других священных последований» (журнал «Ἐκκλησιασμα храма святого Дионисия в Ахарноне, Афины, № 2, сс. 2—7)), о праздниках (например, статья о празднике Рождества Богородицы в газете «ἘνORIAKA NEA» храма святых Георгия и Дионисия в Ахарноне, Афины, № 160 (сентябрь-октябрь) 2014 г., статья «Воплощение Бога и Слова» (журнал «ἘνORIAKA EVLOGIA» храма святого Николая в Певкакиа, Афины (№ 124 (декабрь 2014 г.) сс. 448—451));
- 2) организация приходской жизни.

Миссионерская работа не обязательно ведется в границах прихода. К примеру, каждый номер издания «ΑΝΑΣΤΑΣΙΣ» храма Воскресения Христова в Амπεлокипосе содержит страничку, которая посвящена анализу учения секты Свидетелей Иеговы с позиций Православной Церкви, поскольку в деревне рядом с храмом существует их община.

С точки зрения организации приходской жизни ярким примером являются два детских приходских издания: журнал «Неаники фони» храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Халкиде и «Неаники фони» прихода святого Георгия в Элевфериу. Их издание — один из видов работы приходской воскресной школы наряду с изучением основ вероучения, спортивными мероприятиями и паломническими поездками. Оба журнала транслируют христианские ценности, которые подаются на доступном детской аудитории уровне (простой язык, небольшие объемы материала) через рассказы об истории Церкви

и ее святых. Принципиальная позиция журналов — не ограничиваться публикацией материалов только вероучительного характера. Благодаря этому журналы не превращаются в продолжение занятий в воскресной школе, но становятся интересны и сами по себе как СМИ не только для учащихся конкретной воскресной школы.

Главная цель журналов — объединить детей вокруг общей деятельности, научить их соотносить свои желания и интересы с потребностями других людей (например, четко понимать, что объем материалов не должен быть больше страницы А4, потому что самым маленьким будет трудно его усвоить). Таким образом, в обоих журналах используется конвенциональная стратегия: журнал создают его же читатели, любой из представителей аудитории (прежде всего ребенок) имеет возможность активно участвовать в подготовке следующего выпуска.

Радиостанций на уровне приходов нет.

Подведем итоги. Основные виды СМИ, которые использует Церковь в Греции — печать и радио, причем радио обладает некоторым приоритетом за счет возможностей охвата аудитории. В этом смысле церковная медиасистема Греции структурируется по аналогии со светской медиасистемой юга Европы, когда большее развитие получают именно аудиовизуальные СМИ. Из трех уровней СМИ (общецерковные, митрополий и приходов) полностью являются инструментами проповеди приходские печатные СМИ и радиостанции всей Церкви и митрополий. Важная специфическая функция приходских изданий — их использование в качестве инструмента пастырской работы и формирования приходской общины. Общецерковные печатные издания имеют к делу проповеди опосредованное отношение

(причем только два из шести) и служат подспорьем для тех, кто ведет миссионерскую работу. Главные цели общецерковных изданий — быть инструментом в церковной политике либо аккумулировать научное сообщество. Официальные издания митрополий как инструмент проповеди Церковь использует не полностью: частично они призваны просто информировать об основных событиях жизни митрополии и транслировать позицию митрополитов по актуальным вопросам, часть из этих журналов носит чисто научный характер.

В медийном плане Церковь ориентируется преимущественно на массовую аудиторию, которую не делит по гендерному и возрастному признаку (исключение — 5 детских журналов). Потенциальные читатели — недостаточно образованные в церковном плане люди, которые нуждаются в получении простой и понятной базовой информации по вопросам духовной и церковной жизни. Платежеспособность аудитории практически не важна: большая часть изданий распространяется бесплатно, рыночные и вообще конкурентные факторы внутри церковной медиасистемы отсутствуют и не влияют на формирование медиастратегий Церкви. Эти обстоятельства составляют принципиальное различие между церковным и светским медиапространством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочеткова А. В. Медиапланирование / А. В. Кочеткова. — Москва: РИП-холдинг, 2003. — 174 с.
2. Реснянская Е. Л. Методологические подходы к анализу медиасистем / Е. Л. Реснянская // Исследования СМИ: методология, подходы. Методы. — Москва: Факультет журналистики МГУ, 2011. — С. 147—155.
3. Урина Н. В. Церковь online: вечное и виртуальное / Н. В. Урина // Медиаскоп. — 2004. — Вып. 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/132> (дата обращения: 10.11.2017).

Учебный комитет Русской Православной Церкви
Богданова О. А., редактор сайта Учебного комитета
E-mail: otheodorova@gmail.com

Committee of Education of the Russian Orthodox Church
Bogdanova O. A., Website Editor of the Committee of Education
E-mail: otheodorova@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО О РОССИИ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Е. В. Бучнева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается место зарубежного документального кино о России на современном российском телевидении. На основе сравнительного анализа контента специализированного телеканала «24ДОК» и наиболее значимых зарубежных документальных фильмов, вышедших на основных общедоступных телеканалах в период с 2011 г, делается вывод об основных тенденциях использования зарубежного документального кино на российском телевидении и уникальной роли телеканала «24ДОК».

Ключевые слова: документальное кино, зарубежная документалистика, российское телевидение, «24ДОК».

Abstract: the article examines the place of foreign documentary films about Russia on contemporary Russian television. Based on the comparative analysis of the content of the specialized TV channel "24DOK" and the most significant documentary films that appeared on major public television channels since 2011, the conclusion is drawn about the main trends in the use of foreign documentary films on Russian television and the unique role of the TV channel "24DOK".

Keywords: documentary, foreign documentary films, Russian TV, 24DOK.

На фоне обострения отношений России и стран Запада тема восприятия нашей страны за рубежом становится все более актуальной, а представленность иностранных документальных фильмов в российском эфире может говорить о тенденциях современного общественно-политического дискурса. Ведь, как отмечала С. Л. Уразова, телепрограмма является своеобразным индикатором социокультурного состояния общества [1]. Наибольшее собрание современных зарубежных документальных фильмов о России (более 50 фильмов) было представлено в эфире телеканала «24ДОК». В данной статье приведены результаты сравнительного анализа контента рубрики «Ино Док», существовавшей на «24ДОК» в 2011—2015 гг., и наиболее значимых зарубежных документальных фильмов, вышедших на главных российских телеканалах в период с 2011 г.

Телеканал «24ДОК» был запущен в 2005 г., он принадлежал «АртМедиаГрупп» и распространялся в пакетах спутникового оператора «НТВ-плюс». В 2011 г. телеканал вошел в медиахолдинг «НКС Медиа» и под руководством его генерального продюсера В. Оболонкиной полностью перезапустился под слоганом «Только документы», став единственным в стране круглосуточным телеканалом актуальной документалистики.

Двумя основными принципами перезапуска стали актуальность и креативность эфирных фильмов. Канал отказался от использования исключитель-

но российских фильмов и обратился к фильмам зарубежного производства: до 2011 г. их доля была 5—10%, после — 70—80%. Это объяснялось тем, что в России не производится достаточное количество актуальных документальных фильмов. После перезапуска на канале появились шесть тематических линеек: «Россия Док», «Арт Док», «Эко Док», «Люди Док», «Полит Док» и «Ино Док». Изначальная функция канала — всестороннее представление страны — по сути, сконцентрировалась именно в последней рубрике, представ перед зрителями в фильмах иностранных режиссеров.

В сентябре 2014 г. компания «НКС Медиа» вошла в состав новой компании «Цифровое Телевидение», объединившей активы ВГТРК и Ростелекома. В октябре у «24ДОК» сменился главный редактор: им стала М. Мирошниченко, бывший продюсер ток-шоу о документальном кино «Смотрим. Обсуждаем» на телеканале «Россия-Культура». В феврале 2015 г. телеканал упразднил предыдущую линейку, заменив ее рубриками «Мастера», «Биографии», «Образ жизни», «Арт» и «Частная жизнь». По словам М. Мирошниченко, с перезапуском предпочтение при отборе фильмов стало отдаваться «мировому документальному мейнстриму» — фильмам производства BBC, PBS, Arte, Sony Pictures и других крупных компаний, а также фильмам, отметившимся на международных кинофестивалях [2]. Доля иностранных фильмов осталась на том же уровне, а критерии первого перезапуска — актуальность и креативность — сохранились. Вместе с тем с упразднением рубрики «Ино

Док», предлагавшей критический взгляд со стороны на российскую действительность, канал утратил остроту и соотношение со зрительскими реалиями. «Документальный мейнстрим», произведенный американскими и британскими компаниями, ориентирован в первую очередь на проблемы англосаксонского мира. Первой премьерой после перезапуска «24ДОК» стал нашумевший в США фильм «Наваждение» о саентологии — бесспорно, актуальный для Америки, где эта церковь имеет большое влияние, но не имеющий большого значения для аудитории в России, где церковь саентологов запрещена и никак не затрагивает жизнь большинства зрителей.

В мае 2017 г. руководство телеканала объявило о его закрытии. М. Мирошниченко заявила, что решение было принято советом директоров, отметив, что зрительская аудитория телеканала увеличилась, и причины его закрытия ей неизвестны [3]. Однако, по данным Mediascore, доля канала, составлявшая в 2015—2016 гг. 0,03%, в 2017 г. снизилась до 0,02%. Руководитель внешних коммуникаций «Цифрового телевидения» Е. Кузин объяснил это тем, что аудиторию телеканала в основном составляет молодежь, которая предпочитает потреблять контент в Интернете, где фильмы «24ДОК» останутся доступными в онлайн-кинотеатрах, в сервисах видео по запросу [4].

Анализ более 50 документальных фильмов, созданных в период с 2000 г. по 2015 г. и представленных в рубрике «Ино Док» на телеканале «24ДОК», позволил выявить несколько сквозных мотивов, проявляющихся в творчестве режиссеров из разных стран при описании России:

- сворачивание демократических процессов, подавление свободы слова и оппозиционных сил: «Убийства российских журналистов» (2004), «Несносные дети ВВП» (2005), «Россия по-путински» (2006), «Путин, Россия и Запад» (2012);
- рост национализма и обострение геополитического противостояния со странами Запада: «Возвращение казаков», «Луговой — первый подозреваемый» (2007), «Сталин: иногда они возвращаются» (2009), «От Москвы до Магадана» (2009), «Путин, Россия и Запад» (2012);
- обесценивание человеческой жизни и brutальные действия властей во время терактов и катастроф: «Курск» (2000), «Норд-Ост: русская трагедия» (2003), «Молитва о Беслане» (2005), «Собственность на жизнь» (2005);
- сращивание церкви с властью: «Дураково» (2008), «Новый святой» (2010);
- домашнее насилие и уязвимое положение женщин: «Заклятые друзья» (2006), «От Москвы до Магадана. Алтай» (2009), «Мечты на водочной фабрике» (2010), «Свадьба почеченски» (2010), «А была любовь» (2012);

- эскапизм — бегство в мир иллюзий или увлечений как способ справиться с удручающей реальностью или личными проблемами: «Дураково» (2008), «Танкоград» (2010), «Мечты на водочной фабрике» (2010), «А была любовь» (2012).

По данным на 2013 г., доля документальных фильмов на десяти основных федеральных каналах и сетях, контролирующих практически все телевизионное пространство России, составляла лишь 4% [5]. В 2014 г. лидерами по показу документального кино были следующие телеканалы: телевизионные каналы «Звезда» (1488 часа), «РЕН ТВ» (1439,7), «Россия-К» (1432,8), «Россия-2» (1418,8), «ТВ-3» (1289,7), ТВЦ (972), «Домашний» (908), Первый канал (365,2), Пятый канал (337), «Россия-1» (246,8) [6]. Однако качество документалистики, произведенной телевизионными редакциями, остается весьма сомнительным. Так, в 2015 г. в топ-20 самых рейтинговых программ попали лишь три документальных фильма: «Крым. Путь на родину» (2-е место), «Президент» (3-е место) и «Миропорядок» (17-е место) [7], чья тематика соответствует тезису медиаисследователя С. Сычева о том, что документальные телефильмы, производящиеся дирекциями российских телеканалов, относятся не кинематографу, а к журналистике с элементами пропаганды [8, 6].

Неудивительно, что на таком фоне качественная зарубежная документалистика привлекала внимание российских зрителей. Так, в феврале 2012 г. НТВ показал четырехсерийный фильм производства BBC «Россия, Путин, Запад» — аудитория росла с каждой серией и к финалу доля составляла рекордные для соответствующего таймслота (поздний вечер выходных — 22.55 в субботу и воскресенье) 22,4%, рейтинг — 4,6%. Для сравнения: такие же рейтинги на том же НТВ собирали, как правило, выходящие в прайм-тайм «Русские сенсации», «Программа максимум» и «Чистосердечное признание» [9]. В мае 2011 г. Первый канал успешно выпустил в эфир проект немецких документалистов «Россия от края до края». А в 2013 г. «Россия-Культура» показал цикл фильмов об искусстве «Россия, любовь моя!», снятых французским коллекционером, и также остался доволен рейтингами [10]. После обострения отношений России и Запада в 2014 г. на фоне украинского кризиса зарубежные документальные фильмы на время исчезли из эфира российских федеральных телеканалов. Однако в 2016 г. на телеканале «РЕН ТВ» вышел знаковый фильм «Украина в огне» американско-украинского режиссера И. Лапотенка и голливудского продюсера О. Стоуна. Фильм был представлен на международных фестивалях лишь однажды (Таормина, 2016), не получил широкого признания критиков и был запрещен к показу на Украине. Зато в России этот фильм был показан весьма успешно: доля «РЕН ТВ» во время его показа составила 12,2%,

по данным TNS [11], что в два с половиной раза выше средней доли телеканала за год [12]. Получивший три «Оскара» за игровые фильмы, в документалистике О. Стоун известен как поклонник конспирологических теорий («Джон Кеннеди. Выстрелы в Далласе», 1991; «Нерассказанная история США», 2012) и левоцентристских движений Латинской Америки: в его фильмографии — трилогия о Фиделе Кастро («Комманданте», 2003; «В поисках Фиделя», 2004; «Кастро зимой», 2012), интервью с лидерами латиноамериканских стран («К югу от границы», 2009) и посвященный президенту Венесуэлы фильм «Мой друг Уго», 2014.

В июне 2017 в США и России прошли премьерные показы другого фильма О. Стоуна — четырехсерийного «Интервью с Путиным». Режиссер провел 12 интервью (около 20 часов), с российским президентом в период с июля 2015 г. по февраль 2017 г. Сам он говорил, что создал свой фильм для того, чтобы «США услышали и поняли другую точку зрения, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение отношений» [13]. Эта направленность на американскую аудиторию очевидна: именно с ней, а вовсе не с Путиным, на протяжении четырех часов ведет диалог О. Стоун. Российский президент в его интерпретации становится обличителем пороков американской бюрократии и политических элит США: его устами режиссер обращается к домашней аудитории США, предлагая тот самый «взгляд со стороны», расходящийся с привычными стереотипами американского мейнстрима. В России первую серию фильма «Интервью с Путиным», по данным исследовательской компании «Медиаскоп», посмотрели 6,2 миллиона россиян, а заключительную — 4,9 миллиона [14]. Данных по американской аудитории в открытом доступе нет.

В целом, обзор зарубежных документальных фильмов, появляющихся в эфире российских федеральных каналов, продемонстрировал, что при отборе к показу фильмы проходят через идеологический фильтр. В результате этого российский зритель видит лишь те фильмы, что соответствуют общепринятой государственной позиции и лишены критики социально-политического устройства современной России.

Рост популярности телеканала «24ДОК» во время появления и развития уникальной рубрики «Ино Док» и спад популярности телеканала и его закрытие после смены приоритета на показ зарубежного мейнстрима свидетельствует о важности для аудитории телеканала возможности соотнесения интерпретации российской действительности зарубежными документалистами с собственным опытом. Рубрика «Ино Док» предоставляла зрителям возможность взглянуть на себя со стороны, апеллировала к известным им явлениям, предлагая их новое прочтение, позволяла вписать собственный опыт

в глобальный контекст и сформировать более точную и объективную картину мира.

Анализ более пятидесяти документальных фильмов, созданных в период с 2000 г. по 2015 г. и представленных в рубрике «Ино Док» на телеканале «24ДОК», выявил критический образ России, складывающийся в современном зарубежном кино: западные режиссеры-документалисты акцентируют внимание на болезненных проблемах российского общества и открыто критикуют российские власти. В то же время в эфир федеральных телеканалов такие фильмы не попадают. Зарубежная документалистика представлена лишь теми фильмами, которые положительно оценивают Россию — будь то признание в любви российской природе, ретроспектива национального культурного наследия или же одобрение геополитической позиции российских властей. Исключением можно считать фильм «Путин, Россия, Запад» производства Би-Би-Си, вышедший в эфир НТВ в 2012 г.: встретивший умеренную критику как в Великобритании, так и в России, он был весьма популярен у зрителей обеих стран. Впрочем, обострение отношений России и Запада на фоне украинского кризиса исключило возможность появления аналогичных фильмов на российском телевидении, уступив место более пристрастным лентам, чьи авторы не скрывают своих симпатий к российским властям (О. Стоун — «Украина в огне», «Интервью с Путиным»).

Тем не менее длительное существование рубрики «Ино Док» на телеканале «24Док», дававшее возможность широкой аудитории увидеть такое кино и такой взгляд на Россию, способствовало развитию плюрализма на российском телевидении и поощряло межкультурный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уразова С. Л. От «зеркала Нарцисса» к экранной реальности: ТВ в контексте трансформаций цифрового времени / С. Л. Уразова. — Москва, 2013.
2. Симакина А. «Мария Мирошниченко, 24_DOC: Документальное кино — это модно» / А. Симакина // Telecom Daily. — 2015. — 31 марта. — URL: <http://www.tdaily.ru/news/interview/35933> (дата обращения: 20.05.2017).
3. Закрытие телеканала 24_DOC подтвердила его главный редактор Мария Мирошниченко. — URL: http://realistfilm.info/news/zakrytie-telekanala-24_doc-podtverdila-ego-glavnyj-redaktor-mariya-miroshnichenko.html (дата обращения: 20.05.2017).
4. Телеканал 24_DOC прекратит вещание, его контент будет доступен в сервисах видео по запросу // Телеспутник. — 2017. — 25 мая. — URL: <http://www.telesputnik.ru/materials/tsifrovoe-televidenie/news/telekanal-24-doc-prekratit-veshchanie-ego-kontent-budet-dostupen-v-servisakh-video-po-zaprosu/> (дата обращения: 20.05.2017).
5. Кино на ТВ: какие шансы? // Искусство кино. — 2013. — № 8. — С. 105—118.
6. Захаров С. М. Анализ конъюнктуры рынка докумен-

тального кино в России // Молодой ученый. — 2015. — № 14. — С. 253—261.

7. ТВ-аудитория: кто и как смотрел телевизор в 2015 году. — URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/channels/2016/09/26/137188.phtml> (дата обращения: 01.08.2017)

8. Сычев С. В. Эволюция тенденций развития документального кино: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Сычев. — Москва, 2009.

9. Бородина Арина. Россия, Путин и НТВ / А. Бородина // Коммерсантъ. — 2012. — 29 февраля. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1877035> (дата обращения: 30.03.2014).

10. Пресс-релиз программы «Россия, любовь моя!» // Телеканал «Культура». — URL: <http://culture.ru/press-centre/9390> (дата обращения: 30.03.2014).

11. Фильм «Украина в огне» на «РЕН ТВ» установил рекорд по просмотрам // Tricolor TV. — 2016. — 24 ноября. — URL: <http://tricolorvmag.ru/article/canals/skvoz-plamyu-isterii/> (дата обращения: 01.08.2017)

12. Главные телеканалы снизили аудиторию. — URL: <http://www.sostav.ru/publication/tns-21943.html> (дата обращения: 01.08.2017)

13. Меликян Т. Понять Путина. Что нового Оливер Стоун рассказал миру о Путине / Т. Меликян. — URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/13/whoismrputin/> (дата обращения: 01.08.2017).

14. Каждую серию фильма Стоуна «Путин» в среднем посмотрели 5,6 млн. россиян // РИА Новости. — 2017. — 26 июня. — URL: <https://ria.ru/society/20170626/1497303139.html> (дата обращения: 01.08.2017)

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

Бучнева Е. В., аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики

E-mail: Buchneva_e@bk.ru

*M. V. Lomonosov Moscow State University
Buchneva E. V., Postgraduate Student, Department of
Television and Radio Broadcasting
E-mail: Buchneva_e@bk.ru*

ОНЛАЙН-РАДИОВЕЩАНИЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

О. А. Вольф, В. А. Лимбах

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Поступила в редакцию 11 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о месте онлайн-радиовещания в современном региональном медиaprостранстве на примере Республики Хакасия. Авторы выявили критерии, по которым возможно изучение и описание интернет-сегмента системы региональных СМИ, и разработали алгоритм исследования. Анализ онлайн-радио Хакасии показал, что в республике активно развивается конвергентная радиожурналистика.

Ключевые слова: радио, конвергенция, онлайн-радиовещание, интернет-СМИ.

Abstract: the article considers the place of online broadcasting in the modern regional media space based on the example of the Republic of Khakassia. The authors have identified the criteria by which it is possible to study and describe the Internet segment of the regional media system, and have developed an algorithm of investigation. Analysis of the online radio of Khakassia showed that convergent radio journalism is actively developing in the republic.

Keywords: radio, convergence, online broadcasting, Internet media.

Несмотря на относительно недолгую историю существования конвергентной журналистики, она в настоящее время активно развивается и является объектом интереса большого количества учёных и журналистов-практиков. По замечанию З. Милославской, «последнее десятилетие — время стремительного перерождения журналистики, интеграции этой некогда элитарной профессии в единый гигантский медиаорганизм, сформированный процессом конвергенции» [1, 137]. Исследование, проведённое на платформе сайта MediaDigger, которое затронуло все зарегистрированные в России за последние 25 лет средства массовой информации, позволило сделать вывод, что в 2017 г. уже треть всех новых СМИ являются именно онлайн-изданиями [2].

Мультимедийная среда, в которой существуют современные медиа, без сомнения, оказала большое влияние и на радиожурналистику. Процессы конвергенции, протекающие в ней, не только активно изменяют мировое радиовещание, но и развивают региональное медиaprостранство, что требует изучения и системного описания. В последнее время слушатели чаще обращаются к электронным средствам коммуникации, чем к стационарным волновым приемникам. В связи с этим традиционные радио вынуждены создавать онлайн-вещание для удержания внимания аудитории и её увеличения. Поэтому появление интернет-радио стало логическим продолжением развития современной системы региональных СМИ.

Целью данной статьи является исследование онлайн-радиовещания в системе средств массовой информации Республики Хакасия.

Изучение регионального сегмента интернет-вещания необходимо начать, по нашему мнению, с определения списка радиостанций, ведущих традиционное эфирное вещание на территории республики, после чего можно будет определить, у каких станций имеются аналоги в Интернете.

Ещё одним фактором, который необходимо учитывать, чтобы описать систему региональных онлайн-радио, является наличие собственного контента. Данный критерий позволит нам разделить радиостанции, вещающие в Хакасии, на две группы: общероссийские, передающие исключительно федеральный эфир, и региональные, полностью или частично транслирующие собственный контент.

После этого можно будет изучить региональные радио с точки зрения представления ими информации в Интернете, используя типологию И. Карпенко, представленную в статье «Типологические характеристики интернет-радио» [3, 86]. Указанный исследователь предлагает выделять следующие виды станций в Интернете:

- 1) интрамедиальные (радиостанции размещают на сайте аудиофайлы программ, но не ведут постоянное онлайн-вещание),
- 2) интермедиальные (радиостанции ведут онлайн-вещание наряду с вещанием офлайн),
- 3) трансмедиальные (радиостанции имеют только онлайн-вещание без офлайновых аналогов).

Выделенные критерии для анализа онлайн-вещания в Республике Хакасия мы представим в виде

алгоритма исследования, который предполагает следующие шаги:

1) уточнение списка радиостанций, вещающих на территории региона;

2) распределение найденных радиостанций по следующим видам: общероссийские, в которых отсутствует региональный контент / региональные, являющиеся сетевыми партнерами или филиалами общероссийских, с некоторой долей своего контента / региональные, реализующие в эфире только собственный контент;

3) выявление радиостанций, ведущих онлайн-вещание;

4) классификация онлайн-радио по типологии: интрамедиальные/ интермедиальные/трансмедиальные (классификация И. Карпенко) [4, 279].

Для уточнения количества радиостанций мы использовали «Публичный реестр инфраструктуры связи и телерадиовещания РФ» [5], а также прослушивали эфиры и проводили мониторинг Интернета. Исследование показало, что на данный момент в Хакасии вещает 21 радиостанция.

Дальнейшее наблюдение и анализ показали, что 8 станций из 21 транслируют исключительно федеральный эфир. Иллюстрацией подобных радио могут послужить «Радио Маяк» и «Radio ENERGY Черногорск», в эфире которых нет регионального контента. Отметим, что подобные радиостанции, несмотря на отсутствие локальной информации, тоже формируют республиканское медиапространство, поскольку доступны для прослушивания местному населению. Интернет-аналоги большинства таких радио создавались в первом десятилетии XXI в.

Среди региональных радиостанций, реализующих собственный контент лишь частично, 8 радио являются филиалами общероссийских, а две станции — сетевыми партнерами федеральных. Например, в феврале 2014 г. ООО «Сибирское радио» выиграло конкурс на наземное эфирное радиовещание в Абакане и стало региональным представителем «Радио Дача»; филиал выпускает собственную программу и новости. Две радиостанции, работающие в Хакасии на условиях сетевого партнёрства («РТС» — «Комсомольская правда», «Радио Абакан» — «Эхо Москвы»), большую часть эфира занимают собственными программами, новостными и рекламными блоками.

В ходе работы мы выявили, что три радиостанции являются собственно региональными и реализуют только свой контент. «Хакасия FM» входит в состав медиахолдинга АУ РХ «ТВ-Центр “Хакасия”» и вещает в республике с декабря 2014 г. на волне 91,5 FM. Данное радио позиционирует себя как музыкальная станция с современной музыкой для взрослой аудитории. «Радио Сибирь» является станцией собственного программирования, слушать эфир можно на волне 103,7 FM с 1997 г. Радио входит в медиахолдинг «Юг Сибири». Также в одном из районных центров Хака-

сии — посёлке Аскиз — в 2012 г. появилось «Радио Аскиза», которое вещает в радиусе 50 километров. Станция является уникальной, поскольку не только ведёт часть разговорного эфира на хакасском языке (языке титульной нации региона), но и единственная в республике передаёт традиционную музыку хакасского народа и современные песни исполнителей из числа коренного населения.

Исследование показало, что на сегодняшний день все радиостанции, зарегистрированные в Республике Хакасия, имеют интернет-аналоги, однако ещё в 2015 г. у некоторых станций не было онлайн-вещания. Первым региональным радио, попытавшимся освоить интернет-пространство, стало «Радио Абакан». По свидетельству А. Петренко (Березина), ведущего «Радио Абакан», во второй половине 2000-х гг., когда «Информационное радио-телевизионное агентство “Абакан”» создавало свой сайт, в Интернет стали выборочно загружаться аудиофайлы программ. Таким образом, именно интрамедиальный тип вещания в сети исторически был первым в Хакасии.

Последним интернет-аналог появился у «Радио Аскиза»: в 2015 г. слушатели обратились к руководству радио с просьбой запустить онлайн, чтобы иметь доступ к местному радио с уникальным контентом не только в пределах зоны волновой трансляции. Летом того же года был создан сайт, на котором в течение месяца работала «кнопка» онлайн-вещания в тестовом режиме; сейчас она бесперебойно функционирует на сайте «Радио Аскиза».

Изучив функционирующие в Хакасии радиостанции с точки зрения типов онлайн-радио по классификации И. Карпенко, мы пришли к выводу, что в современном интернет-сегменте республиканского радиовещания к собственно интрамедиальным радиостанциям можно отнести только «Радио Хакасии» (филиал «Радио России», ВГТРК), но лишь условно, поскольку региональный филиал недавно перешёл на новую версию сайта. Шеф-редактор службы радиовещания ГТРК «Хакасия» Т. Прокопчук пояснила, что после полной адаптации новой версии на сайте будет возможно постоянно прослушивать радио онлайн.

Все остальные радио в регионе либо являются интермедиальными, либо представляют собой синкретичный тип, в котором постоянное онлайн-вещание дополняется созданием полного или выборочного архива радиопрограмм. Отметим, что данная тенденция характерна не только для регионального медиапространства: когда радио начинало осваивать Интернет, интрамедиальный тип вещания был наиболее актуален в связи с тем, что технологии, позволяющие вести непрерывные онлайн-трансляции, были ещё недостаточно разработаны. Однако развитие Интернета и его повсеместное распространение привели к тому, что интрамедиальный тип вещания в сети потерял свое значение и на данный момент очень редко используется в качестве основного.

При мониторинге Интернета мы не обнаружили трансмедиальных радиостанций, которые бы официально относили себя к региональным. По нашему мнению, это обусловлено двумя причинами: с одной стороны, радио, которые существуют только в сети, зачастую не указывают конкретную территорию как место своего создания или функционирования, поскольку Интернет — это пространство виртуальное и глобальное; с другой стороны, некоторое количество трансмедиальных сайтов не регистрируются как средства массовой информации, хотя по ряду признаков (формат, функции и др.) соответствуют характеристикам СМИ.

Итак, исследование показало, что все радио, функционирующие в настоящее время в Хакасии (как федеральные, так и региональные с полным или частичным собственным наполнением эфира), имеют онлайн-аналог, хотя ещё два года назад ситуация была иной. Этот факт свидетельствует о том, что республиканское радиовещание не стоит на месте, журналисты и учредители заинтересованы в расширении аудитории.

Нельзя сказать, что на данный момент система онлайн-радиовещания в республике окончательно установилась, поскольку в этой сфере появляются всё новые конвергентные явления. Социальные сети стали предоставлять радиостанциям отдельные каналы вещания, видеохостинги используются не только по своему основному назначению, но и как площадки для радио, наблюдается технологическая переупаковка контента для мобильных приложений и т.д. Перспективой развития интернет-вещания в Хакасии можно назвать, к примеру, создание мобильных приложений региональных радио, а также использование местными радиостанциями возможностей

трансляции, которые предоставляют социальные сети и хостинги.

Таким образом, развитие онлайн-радио является ещё одной ступенью в становлении современной системы региональных средств массовой информации. В радиовещании постоянно появляются новые формы взаимодействия с аудиторией, поэтому мы являемся наблюдателями определённой медиаэволюции, которая требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милославская З. А. Работа журналиста в условиях гибридизации медиатекста / З. А. Милославская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. — № 1. — С. 137—141.
2. Плещ Т. В. СМИ России в 2017: международная экспансия и уход в онлайн / Т. В. Плещ // MediaDigger. — URL: <http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2017-mezhdunarodnaja-ekspansia-vihod-online/> (дата обращения: 01.07.2017).
3. Карпенко И. И. Типологические характеристики интернет-радио / И. И. Карпенко // Журналист. Социальные коммуникации. — 2011. — № 2. — С. 84—96.
4. Лимбах В. А. Перспективы развития онлайн-радиовещания в Республике Хакасия / В. А. Лимбах // Мультимедийная журналистика Евразии-2014: интегративные медиапроекты, медийная коммуникация и информатизация в условиях интеллектуализации общества Востока и Запада. Евразия молодая — 2014: сб. материалов и научных статей VII Международной научно-практической конференции / под ред. Е. С. Дорожук. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. — С. 276—280.
5. Публичный реестр инфраструктуры связи и телерадиовещания РФ: Республика Хакасия. — URL: <http://reestr-svyaz.rkn.gov.ru/?id=7®=19> (дата обращения: 01.07.2017).

Институт филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Вольф О. А., старший преподаватель кафедры стилистики русского языка и журналистики, аспирант

E-mail: oles-sya@mail.ru

Лимбах В. А., студент 4 курса, обучающийся по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика

E-mail: vladislav.limbah@yandex.ru

Institute of Philology and Intercultural Communication, Katanov State University of Khakassia

Volf O. A., Educator of Chair of Stylistics of Russian and Journalism, Graduate Student

E-mail: oles-sya@mail.ru

Limbakh V. A., Student of the 4th course, Bachelor Programme Journalism

E-mail: vladislav.limbah@yandex.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются публицистические произведения Д. С. Мережковского, написанные в период эмиграции. Особое внимание уделяется оценке публицистом Октябрьской революции 1917 года, его резкой критике большевизма.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, публицистика русского зарубежья, Октябрьская революция 1917 года.

Abstract: the article explores emigre public writing by D. S. Merezhkovsky. Special attention is paid to his assessment of 1917 October Revolution and his criticism of Bolshevism.

Keywords: D. S. Merezhkovsky, Russian emigre public writing, October Revolution of 1917.

События Октября 1917 года, ставшие одними из самых драматичных и переломных в истории России, раскололи русский мир. Сказались они и на судьбе, творчестве известного литератора, религиозного философа, яркого представителя Серебряного века Д. С. Мережковского. Не приняв Октябрьскую революцию и установившуюся после нее советскую власть, он добровольно покинул Россию в конце 1919 года. Следует отметить, что негативное отношение к большевистскому режиму и последующая эмиграция — это вполне закономерные для Д. С. Мережковского явления. Еще в 1908 году, полемизируя с П. Б. Струве, он заявлял в статье «Красная шапочка»: «Я люблю свободу больше, чем родину, ведь у рабов нет родины, и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским» [1, 290].

Эмигрантский путь Мережковского пролегал из Петрограда через Минск, Варшаву — в Париж, общепризнанную столицу русского зарубежья. Дмитрий Сергеевич стал знаковой фигурой в литературной, культурной и общественно-политической жизни «России № 2», этого уникального государства без границ. Все два десятилетия эмиграции Мережковский, как и большинство писателей русского зарубежья, активно занимался публицистической работой. Он печатался на страницах многих периодических изданий русского зарубежья: «Свобода», «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Новая русская жизнь», «Современные записки», «Возрождение», «Новый корабль», «Звено», «Сегодня», «Меч» и др. К сожалению, эта весомая часть его творческого наследия пока изучена недостаточно.

В статьях, эссе, открытых письмах Мережковский неизменно демонстрировал абсолютное неприятие

Октября 1917 года и большевистского режима. Отметим, что о своем негативном отношении к новой власти он заявил до отъезда из России, когда публиковался в петроградских газетах, еще не запрещенных большевиками.

В публицистических выступлениях Мережковского периода эмиграции дается жесткая оценка Октябрьской революции 1917 года, которая рассматривалась им, с одной стороны, как контрреволюционный путч, пришествие темных сил. С другой стороны, революция для него — великий грех народа, допустившего политических проходимцев к власти. Являясь бескомпромиссным противником большевистского режима, он неустанно разоблачал новую власть в России. Библейские мотивы, характерные для творчества Мережковского в целом, активно звучат в его эмигрантской публицистике. Большевизм для публициста — «Царство Антихриста» (именно так Мережковский назвал свою программную статью, опубликованную в парижской газете «Общее дело» в 1921 году).

Советская Россия рассматривалась им также как «Царство Плоских» [2, 490], в котором искачено человеческое начало. Он утверждал: «Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плющильный молот, которым все в человеке трехмерное, глубокое и высокое, уничтожается или вдавливается, вплющивается в совершенную плоскость» [2, 490]. Мережковский настойчиво предупреждал читателей, что «Царство Плоских в России может иметь для всего человечества необозримые последствия, потому что Россия для них не цель, а только средство к цели — завоеванию мира» [2, 491].

Представители новой власти неизменно изображались им как «сыны дьявола, лжецы и челове-

коубийцы от начала» [2, 9]. Он считал их палачами России. «Красное знамя в руках большевиков сделалось знаменем свободоубийства, братоубийства» [2, 117], — утверждал он в статье «Савинков и Врангель». «Пока жив большевизм, свобода мертва» [2, 10], — неоднократно повторял он в публицистических выступлениях периода эмиграции.

Следует подчеркнуть, что Мережковский разоблачал большевизм не только в нравственном, но и в политическом плане, отказывая ему в революционности. Победу большевиков он называл Октябрьской контрреволюцией. По его мнению, новая власть не уничтожила, а, наоборот, укрепила деспотизм, заменив самодержавие хамодержавием и тем самым осуществив пророчески писал в одноименной статье 1906 года. В «Записной книжке», опубликованной в газете «Свобода» в 1920 г. он отмечал, что «русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила» [2, 59]. По его мнению, «самодержавие царя — пирамида острием вверх: один поработывает всех. Самодержавие народа — также пирамида, острием вниз: один поработается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова» [2, 59]. Публицист не считал большевизм революционным движением, для него это «величайшая реакция, которую можно себе вообразить, — разрушение культуры и упразднение свободы и принципа личности» [2, 35].

Отметим, что в своих статьях Мережковский четко разводил два понятия — большевизм и социализм. По его мнению, новая власть в России «только прикрывается знаменем социализма <...> позорит святые для многих идеалы социализма» [2, 38]. Мережковский показывал, что все в большевизме основывается на тотальном извращении понятий, на лжи и насилии: провозглашенные на словах «мир, хлеб, свобода» на деле означают «война, голод, рабство». Он утверждал, что в советской России «впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское» [2, 10]. Не веря в сознательное начало представителей новой власти, он отмечал в «Записной книжке»: «Ничего не могут они создать, но все могут разрушить, растлить» [2, 59].

Публицист считал виновниками бездуховности, воцарившегося хамства в России не только большевиков. Удручало его то, что «русский народ — пусть даже не весь, а только малая часть его <...> оказался сообщником убийц России; что с такой внезапной легкостью предал он свою тысячелетнюю святыню — христианство — и надругался над ней» [2, 493].

Мережковский был уверен, что борьба с советской властью, которую он считал абсолютным злом, должна быть упорной и бескомпромиссной. Какие-либо надежды на перерождение или эволюцию советской власти в благоприятном направлении, по его мнению, лишены всяких оснований. Своим мак-

симализмом Мережковский противостоит в этом отношении той части эмиграции, которая допускала возможность сотрудничества с большевиками. В статье «Царство Антихриста. Большевики, Европа и Россия» он писал: «Лучше большевики, чем то или это», говорите вы, а мы говорим: лучше все, чем большевики. Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы — ни с чем. Вы — мирящиеся; мы непримиримые» [2, 7].

Исторический путь родины Мережковский представил в созданной им «теории трех России»: «Россия первая — царская, рабская; Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная» [2, 6]. Он уверен, что существо третьей России должно быть религиозным. В статье «Царство Антихриста» обозначено предвиденье не только «третьей России», но и «третьей Европы». По его мнению, «третьей» будет та Европа, которая переживет не только политические и социальные, но и серьезные религиозные изменения. Мережковский, ставший свидетелем трех русских революций, не переставал мечтать о подлинной революции духа, которая будет всемирной.

Следует особо отметить, что революция социальная имела для Мережковского смысл лишь при условии одновременной религиозной революции, точнее, единства их, полного слияния. Именно этому и была посвящена вся деятельность Мережковского до 1917 года, как литературная, так и общественная. Его романы, статьи, трактаты, Религиозно-философские собрания — все было подчинено одной цели, которую Мережковский в статье «Революция и религия» сформулировал так: «Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой» [1, 195].

По его мнению, только религиозная революция способна победить «буржуино-большевистскую реакцию», объединить всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердить истинную свободу, равенство, братство. Публицист часто размышлял о религиозном содержании революции, которая призвана «утвердить свободу со Христом — Абсолютною Личностью» [2, 28]. Результатом такой революции, по мнению Мережковского, станет общая судьба Запада и России. Он считал, что Россия ближе к грядущему воскресению и спасению, чем благополучные европейские народы. По мнению Мережковского, истерзанная Россия загнана в такие условия, выходом из которых может быть лишь полное преображение.

Мечтая спасти Россию от большевистского застоя, Мережковский надеялся на помощь извне, поддерживал идею иностранной интервенции. Как и Л. Андреев, И. Бунин, А. Куприн, З. Гиппиус и другие публицисты русского зарубежья, он выражал негодование по поводу неадекватности Европы и Америки, которые не хотели понять, что большевизм — это страшная опасность для всех.

Декларируемое «невмешательство» европейских стран в происходящее с Россией он расценивал не иначе как вмешательство в русские дела, но в пользу большевиков. Неустанно Мережковский заклинал христианскую Европу осознать всю глубину русской исторической трагедии, а также смертельную угрозу ее собственному существованию. В статье «Чем это кончится?» он апеллирует к опыту древней истории: «Большевизм — у ворот, как древний конь с данайцами. И никем не услышан вопль Кассандры пророчицы: “Если конь войдет, пал Илион!” Наш вопль не услышан никем» [2, 158].

Убеждая европейцев, что, «борясь за свободу России, мы боремся и за свободу мира» [2, 246], Мережковский обращался с открытыми письмами к верховному комиссару Лиги Наций Нансену, римскому папе Пию XI, писателям Г. Уэллсу, Г. Гауптману и другим. В открытом письме к редактору парижской газеты «Ля Орде» Эмилю Бюре Мережковский подводил горькие итоги своей шестилетней политической деятельности в эмиграции. Он писал: «<...> я обивал все пороги, лазал на все чужие лестницы, и отовсюду вытолкнут хуже, чем бесстыдный нищий, — как последний дурак <...>. Руки мои избиты до крови даже не о закрытые двери, а о глухую стену. В вашей европейской “свободе”, в страшном бесчувствии вашем к вашей же собственной гибели, я задыхался, как задыхаются люди, посаженные в чекистскую камеру с пробочными стенами» [2, 239].

В письме к Г. Гауптману Мережковский жестко оценивал «невмешательство» Европы в русские дела: «Совершается злодейство, от начала мира небывалое: великий народ убивает кучка злодеев и все остальные народы умывают руки или помогают убийцам» [2, 164—165].

Особого внимания заслуживает послание Мережковского к Герберту Уэллсу, впервые опубликованное в авторитетной газете русского зарубежья «Последние новости» в 1920 году. В нем дается лично окрашенное, предельно эмоциональное обращение к английскому писателю-фантасту, который в сентябре 1920 г. побывал в России, встречался с Лениным. Отдавая должное литературному таланту Уэллса, отмечая в нем «редчайшее соединение математически-точного ума с гениальной силой воображения» [2, 125], Мережковский не скрывал своего разочарования по поводу откликов английского писателя на происходящее в России, обвинял его в симпатии к большевикам. Он с негодованием замечал: «Вы вглядывались в лицо России шестнадцать дней; а я — пятьдесят лет. Россия вам — чужая; мне — мать» [2, 128].

Но главное для него — не обвинить Уэллса в примирении с большевизмом, в потворстве этому античеловеческому режиму, а объяснить писателю глубину его заблуждений, побудить его изменить точку зрения на происходящее в России. Пытаясь переубе-

дить своего адресата и активно воздействовать на читателей, Мережковский прибегает к самым разным аргументам: ссылается на библейскую притчу о богаче и Лазаре; цитирует письмо учительницы одной из советских школ о чудовищном поступке мальчиков, из-за голода зарезавших и съевших своего товарища; разоблачает деятельность Горького, в котором фантаст увидел праведника, спасающего русскую культуру.

В заключение письма Мережковский, обращаясь к литературному творчеству адресата, приводит еще один серьезный аргумент: он сравнивает большевиков с марсианами из фантастического романа Уэллса. Автор послания утверждает, что «сейчас не только в России, но и по всей земле происходит то, что вы так гениально предсказали в “Борьбе миров”» [2, 132].

По мнению, Мережковского, «самое страшное в большевиках не то, что превзошли всякую меру злодейств человеческих, а то, что они существа иного мира, их тела — не наши, их души — не наши. Они чужды нам, земнородным, неземною, трансцендентною чуждостью» [2, 132—133].

Он взывает к чуткости, прозорливости и гуманизму художника слова: «Вы знаете, что торжество марсиан — гибель не только моего и вашего отечества, но и всей планеты Земли» [2, 133]. Письмо венчается бескомпромиссным вопросом, обращенным к Уэллсу: «Так неужели же вы — с ними против нас?» [2, 133].

В статье «Моя обманутая вера в Польшу» Мережковский удивлялся «опасному ослеплению многих в Европе» [3, 179] и замечал: «Европа жаждет мира и спокойного труда. И обманывает себя, думая, что может достичь успокоения, пока Россия задыхается под игом новых варваров. Обманывает себя, считая, что может экономически преуспевать, пока целый соседний народ вымирает от голода, убеждая себя, что застрахована от внутренних потрясений, хотя у III Интернационала есть такая база, как Россия» [2, 177—178].

Следует отметить, что, находясь в начале эмиграции в Варшаве, Мережковский надеялся на свержение большевиков при помощи польского военного вмешательства, встречался с И. Пилсудским. В беседе с редактором и издателем газеты «Наш край» (Вильно) он уверенно заявлял: «Польша образует сегодня вал от затопления Европы большевизмом. Поэтому роль Польши исключительно ответственна» [2, 35]. Но эти надежды не оправдались, так как в 1920 г. в Минске было подписано советско-польское перемирие.

Впоследствии в «крестовом походе против коммунизма» он возлагал надежды на Муссолини, затем на Гитлера, видя в них «орудие» в борьбе с большевиками. По-прежнему нетерпимо относясь ко всем формам тоталитаризма, он, как и определенная часть эмиграции, надеялся, что большевизм и нацизм уничтожат друг друга. Анализируя события, происходящие

в мире, Мережковский с тревогой писал о срединном положении Европы между двумя враждебными силами: «В нижнем этаже — пороховой погреб фашизма; в верхнем — советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем — Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» [4, 15]. Следует отметить, что о нарастающей угрозе Второй мировой войны писатель предупреждал еще в 1930 году, за 9 лет до ее начала: «Нынешняя Россия — продолжающаяся первая война и готовящаяся вторая, мост между ними; по тому, как Европа укрепляет его, видно, как ее “ночная душа” тянется к войне» [4, 16].

Мережковский публицист последовательно демонстрировал в эмиграции антибольшевистскую позицию, жестко критиковал новую власть в России. Его публикации были предельно пристрастными. Он, как и большинство публицистов русского зарубежья, замечал только отрицательные изменения на родине при советской власти. Справедливости ради отметим, что в эмигрантской публицистике существовали и другие подходы к освещению советской действительности. В частности, А. И. Куприн демонстрировал более широкий взгляд на Советскую Россию в своих публикациях. Он не делил Россию на «старую» и «новую», «истинную» и «дьявольскую». В статье «Мой герой — правда» он утверждал, что «нет никакой Советской России, а есть та же самая русская Россия, подпавшая Божьим попустительством и капризом дьявола, под власть слепых, глупых, безграмотных и бессовестных теоретиков, а также мстительной, жадной и злой сволочи, а также еще мастеров, выжимающих золото из грязи и крови» [5, 566]. По мнению Куприна, Россия большевистская — это родина, которая находится в беде, поэтому нельзя дистанцироваться от ее проблем.

Верность позиции непримиримости по отношению к большевикам Мережковский сохранял на протяжении всей эмигрантской жизни. 29 мая 1935 года Мережковский выступил на очередном собрании общества «Зеленая лампа», посвященном «Старой

и новой непримиримости», с речью, которая в июне была опубликована в газете «Возрождение»: «Надо спрашивать не о том, можем ли мы, русские люди, примириться с русскими коммунистами или вообще с коммунистами, а о том, могут ли они примириться с нами. Нет, не могут. Между ними и нами происходит борьба не двух политико-социально-нравственных, философских и религиозных миросозерцаний, а двух миров, двух метафизических порядков бытия. Им быть — не быть нам, нам быть — не быть им» [2, 438].

Свержения большевиков Мережковский желал еще в 1917 году и неутомимо призывал к этому все 20 лет своей эмиграции — от первых статей в варшавской газете «Свобода» до последней крупной публицистической работы «Тайна русской революции», опубликованной спустя 60 лет [3]. Столетний юбилей Октября 1917 года — хороший повод еще раз внимательно перечитать страстную публицистику Д. С. Мережковского, которую нельзя не учитывать в процессе осмысления и переосмысления революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам / Д. С. Мережковский. / Сост. и коммент. А. Н. Николюкина. — Москва: Республика, 2004.
2. Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Д. С. Мережковский / Сост., комментарии О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; посл. О. А. Коростелева. — Санкт-Петербург: РХГИ, 2001.
3. Мережковский Д. Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Д. Мережковский / Пред. и прим. А. Н. Богословского. — Москва: Русский путь, 1998.
4. Мережковский Д. С. Атлантида-Европа: Тайна Запада / Д. С. Мережковский. — Москва: Русская книга, 1992.
5. Куприн А. И. Голос оттуда: 1919—1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные некрологи. Заметки / А. И. Куприн / Сост., вступ. ст., прим. О. С. Фигурновой; ред. В. П. Кочетов. — Москва: Согласие, 1999.

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru*

*Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism History and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВИРУСНОЙ И ЯДЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРИДНЕСТРОВСКОМ СЕГМЕНТЕ «ФЕЙСБУКА»

В. В. Дабежа

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 18 января 2018 г.

Аннотация: *раскрывается понятие вирусной информации в СМИ и ядерной информации, которая, по утверждению автора, и является конечной целью информационных вирусов.*

Ключевые слова: *вирусная информация, ядерная информация, базовые национальные ценности, сильные национальные мемы, брендовые мемы.*

Abstract: *the article defines the concept of the viral information in the media. The author describes the concept of the "core information" and states that it is the ultimate goal for the information viruses.*

Keywords: *viral information, core information, core national values, powerful national memes, branded memes.*

Под вирусной информацией мы подразумеваем самораспространяющийся при помощи мемов и мем-плексов контент (чаще всего сетевой), который вводит в инфосферу новые идеологические коды или изменяет старые, глубоко укореняясь в сознании людей (инфицированных мемоидов) и побуждая их к определенным, часто иррациональным, действиям, в том числе и к распространению (репликации) этого контента.

Трансформация «ядра» приводит к перестройке всей структуры, которая на ней базировалась. Согласно Г. Почепцову, существует четыре варианта такой трансформации:

- разрушение ядерной информации;
- разрушение информации вторичного порядка, которая на следующем шаге может вести к изменению ядерной информации;
- постепенная замена ядерной информации;
- постепенная замена вторичной информации [1, 23].

Ядерная информации государства формируется, во-первых, так называемыми сильными мемами (т.е., по Хейлигену, наиболее удачными и быстро распространяющимися), которые одновременно являются и элементами имиджа страны на международной арене, и трансляторами определенных меседжей партнерам и противникам во внешнеполитической борьбе.

«Термин microsoft <...> является гигантским мемом. Сильно то государство, которое умудряется сохранить мультимогущественный мем, умеет информировать через мемы, постоянно обуславливающие и предстающие точкой отсчета отношений», — утверждает А. Менегетти в книге «Онтопсихология и меметика» [2, 22].

И действительно, многие из сильных мемов, известных нам сегодня (Facebook, Apple, Disney и др.), принадлежат одной стране, национальная идея которой — некое мессианство, построение демократии во всем мире. Однако какова эта миссия на самом деле?

Профессор международных отношений Рональд Стил пишет: «Мы создаем культуру, основанную на ублажении и увеселении масс, проповедующую гедонизм и накопление, хотя бы она и говорила об индивидуализме и автономии. Те культурные образцы, которые мы распространяем с помощью Голливуда и Макдональдса, призваны соблазнять и одновременно разрушать другие культуры. В отличие от стиля традиционных завоевателей, мы не пытаемся подчинить других: мы стремимся заставить любить нас» [цит. по: 3].

Во-вторых, ядерную информацию государства составляют **базовые национальные ценности**, определяющие культурно-социальное развитие населения страны.

Базовые национальные ценности — это совокупность духовных идеалов, присущих определённой этнической общности, которые отражают её историческое своеобразие и уникальную специфику. Другими словами, базовые национальные ценности являются сердцевинной духовной жизни нашего общества, синтезом его лучших качеств и черт. Нередко они определяют позицию гражданина, формируют отношение к государству, а также к его прошлому, настоящему и будущему [4].

В России они четко определены в документе «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество [5].

В Приднестровской Молдавской Республике в 2009 г. (одновременно с Россией и с участием одного из авторов российской концепции) принят аналогичный документ — «Концепция духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи Приднестровья», в котором указаны такие ценности¹, как государственность, свобода, демократия, патриотизм, гражданская солидарность [6, 10]. Авторы подчеркивают: «Ценности жизнестроительны. Они проявляются в убеждениях, сознательных действиях, вере, совести, нравственной жизни и моральных поступках, в различии добра и зла, разрешенного и запретного. Они являются регуляторами сознания и деятельности, определяют жизнь семейную, общественную и государственную» [6, 12].

В США официально принятого документа, определяющего национальные ценности, нет, однако этот вопрос неоднократно изучался отдельными исследователями. Например, бывший директор информационного агентства США Л. Р. Кольс в работе «Ценности, которыми живут американцы» («The Values Americans Live By») в ряду основных ценностей выделяет: 1) равенство, эгалитаризм; 2) индивидуализм и приватность; 3) конкурентоспособность и свободное предпринимательство; 4) ориентация на работу; 5) неформальность; 6) практичность и эффективность; 7) материализм [7]. Еще одной ценностью, взаимосвязанной с индивидуализмом, является ориентация на успех, или «американская мечта»; само это выражение тоже очень сильный мем, смысл которого в том, что американское общество является открытым обществом, в котором каждый человек, независимо от статуса и происхождения, может стать успешным, знаменитым, опираясь лишь на собственные силы, а Америка — страна неограниченных возможностей [8]. Как видим, ценности двух давно конкурирующих государств полярны, и пока одерживает верх страна, создавшая мощные брендовые мемы в сфере культуры, информационных технологий и товаров массового потребления.

Говоря о ядерной информации отдельного человека, следует еще раз обратиться к работам итальянского психолога А. Менегетти, который в своих работах ввел и обосновал понятия «онто Ин-се», т.е. сущность в себе, внутреннее позитивное ядро человека, и «монитор отклонения» — психологический механизм, связанный с действиями социальных стереотипов и штампов, вмешивающихся в жизнь, бытие и искажающих сознание и восприятие окружающего

¹ Авторы намеренно опускают слово «национальные», ибо в ПМР нет титульной нации, здесь проживают представители 35 национальностей, которые называют себя приднестровцами (самоидентифицирование закреплено в массовом сознании и активно проявляется в политической коммуникации). Государственными языками являются молдавский, русский и украинский.

мира. Менегетти отождествляет действие монитора отклонения с действиями мемов. Говорит он и о том, что чем образованнее человек, чем он цивилизованнее, тем сильнее от подвержен подселению мемов-паразитов в его сознание (в русской культуре это выражено поговоркой «горе от ума»).

Кроме того, нам представляется, что ядерную информацию человека составляют его память, знания и представления. «Целью информационной войны является воздействие на системы знаний и представлений противника. Причем под знаниями понимается объективная информация, общая для всех, а под представлениями — информация, носящая субъективный, индивидуальный характер» [9, 69].

Свою ядерную информацию все страны строго оберегают. Для этого есть два подхода:

— выстраивание «забора», который защищает (модель «замка»);

— выстраивание сильного Текста, который не боится чужих интервенций (модель «рыночной площади») [1, 23]. В ходе исторического развития Советский Союз выбрал первый путь, США — второй. Однако в настоящее время Россия принимает меры, призванные контролировать порождение культурного контента (который и есть та самая «ядерная» информация). В 2014 г. был принят документ «Основы государственной культурной политики». Его авторы, в частности, заявляют следующее: «...информационное пространство загрязнено, и воздействие на нас этих загрязнений пока ещё плохо осознаётся, но их уже можно сравнивать с загрязнением воздуха, которым мы дышим, и воды, которую мы пьем...» [цит. по: 10].

Одним из самых мощных вирусов, запущенных и транслируемых Западом, является глобализация. «Развитие глобализации подразумевает интеграцию национальных экономик, унификацию национальных историй, приведению к общему знаменателю ценностей каждой культуры. Глобализация неразрывно связана с развитием культуры потребления и такими понятиями, как «массовая культура» и «массовый человек»» [11]. Этим вирусом был порожден другой — так называемый Болонский процесс, который разрушил систему российского (советского) образования.

Однако, как утверждает А. Менегетти, «мемы могут также служить укреплению культуры, цивилизации, расы, исторической эпохи» [2, 67]. Противостоять информационным вирусам можно, создавая национальные сильные мемы. Поскольку мемы — это единицы культурной информации, то национальные сильные мемы должны прежде всего содержать элементы национальной культуры.

Одним из сильных российских мемов является спорт, вернее, отдельные виды спорта: фигурное катание, биатлон, художественная гимнастика, синхронное плавание, борьба (греко-римская, дзюдо

и др.). Непременными атрибутами спортсменов на соревнованиях всегда были форма в национальных цветах, флаг и гимн в случае победы. Не случайно и музыка гимна России — аудиомем, активизирующий историческую память народа о том времени, когда люди гордились своей страной.

В 2017 г. из-за дисквалификации российского Олимпийского комитета российские спортсмены лишены права использовать любую символику своей страны. Предпринята попытка разрушить или хотя бы нейтрализовать такой сильный мем, как российский спорт.

У Приднестровской Молдавской Республики сильных национальных мемов также немного, позитивных — тем более. Среди позитивных выделяются исторические: Приднестровье — форпост России на Днестре (когда-то эти земли действительно были территорией России, а генералиссимус Суворов в 1792 г. основал столицу ПМР — Тирасполь), а также Бендерская крепость — главная достопримечательность всей республики.

Гораздо больше брендовых приднестровских мемов, действующих на уровне государства и представляющих его на международной арене. Например, «Шериф» — мем неоднозначный, употребляется как в положительном (футбольная команда «Шериф», уже хорошо известная в Лиге Европы), нейтральном (стадион «Шериф», супермаркеты «Шериф»), так и резко отрицательном смысле («Республика Шериф», Холдинг). К брендовым приднестровским мемам можно отнести также «Квинт», «Букет Молдавии» (винно-коньячные заводы) и «Тиротекс» (текстильная фабрика).

Если трансляцией государственных мемов заняты СМИ (теле- и радиоканалы, в меньшей степени — газеты), то мемы, действующие на уровне личности, распространяются в интернет-пространстве, в частности в приднестровском сегменте «Фейсбука». Проанализировав графические мемы и мемы-фразы, часто используемые в постах приднестровских пользователей (группы «Приднестровье Онлайн», «Приднестровье», «Новое Приднестровье»), мы пришли к выводу, что большинство из них носят резко негативный (реже — нейтральный) характер, содержат унижающую честь и достоинство приднестровцев информацию и призывы покинуть родину. Например, графические мемы с надписями «Уехать из ПМР — это не эмиграция, а эвакуация!», «Граждане ПМР, которые плохо вели себя в этой жизни, после смерти попадут опять в ПМР», «ПМР — это то место, где власть меняется, только жизнь народа не меняется», «Карьерная лестница приднестровских экономистов без связей и знакомых» (на картинке изображена девушка — кассир супермаркета). Мемом года стало оскорбительное слово «гречкоеды». Такой ярлык оппозиция действующей власти навесила на всех пенсионеров, которые составляют основу электората республики,

в связи с тем, что перед президентскими и депутатскими выборами одна из приднестровских партий дарит пенсионерам «продуктовый пакет», содержащий крупы и консервы.

На втором месте в этом своеобразном рейтинге мемы, запущенные как реакция на изменения в экономической жизни республики: «Я хочу услышать эти три слова... — доллар по 11», «Это я в ожидании молдавских товаров в Шерифе» (на картинке изображен скелет), «Так выглядит падение нашего рубля ПМР» (ребенок, стремительно съезжающий с горки), «Скоро вновь у нас зарплата, 5 минут у банкомата, в магазине 1 час — снова денег нет у нас!»

Кроме того, можно выделить группу положительных и нейтральных мемов, подчеркивающих приднестровский колорит (сюда относятся и брендовые мемы). Например, «Флоаре — обувь для настоящих принцесс!», «КВИНТ — спонсор красивых девушек» (метамем, т.е. мем в мем «некрасивых женщин не бывает»), «Живу в ПМР — знаю русский, украинский и молдавский языки», «Коньяк без брынзы — деньги на ветер» (здесь используется прием мемджекинга, т.е. присоединения или внедрения своего контента в уже существующий мем, в данном случае в мем «Водка без пива — деньги на ветер»), «Ну что, ма-сквичи, скушаете по родным краям?» (изображена тарелка с плациндами (лепешками с начинкой) — национальным молдавским блюдом).

Особняком стоят мемы, пришедшие из молдавского сегмента Интернета и иллюстрирующие проблемы, характерные для обоих берегов Днестра. Например: «Принцип начисления зарплаты в Молдове: чтобы желание убить было, но на ружье не хватало», «А вы замечали, что у Серсеи² всегда такое надменное выражение лица, будто у нее мама la Italia lucreaza³?» В этих мемах активно эксплуатируется образ молдаванина-гастарбайтера.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в приднестровском сегменте «Фейсбука» преобладают негативные мемы — вирусная информация, нацеленная на разрушение базовых ценностей в структуре личности каждого приднестровца. Патриотизму противопоставляется стыд за свою Родину и за себя, за своих родителей (гречкоеды), гражданственности — отсутствие перспектив дальнейшего развития ПМР. Позитивные мемы, напоминающие о гордости за свою страну, являются брендовыми (содержат рекламу приднестровских предприятий) и, как это ни парадоксально, не несут культурной информации. Возможно, это обусловлено тем, что понятие «приднестровская культура» довольно размыто, не представляет собой чего-то цельного, а состоит из элементов русской, украинской, молдавской, болгарской, гагаузской и культур других народов, проживающих

² Персонаж сериала «Игра престолов».

³ Работает в Италии.

в Приднестровье. В связи с этим в сфере информационной политики и культуры республики необходимо обозначить несколько новых направлений: 1) создание культурных брендов, подчеркивающих полиэтничность приднестровского социума; 2) реклама и продвижение этих брендов с использованием только позитивных мемов, циркулирующих в информационном пространстве ПМР; 3) нейтрализация негативных мемов, направленных на разрушение базовых национальных ценностей приднестровцев.

На полях непрекращающейся информационной войны сражаются не люди, а медиавирусы. Для того чтобы свести к минимуму свои потери, любое государство должно создавать сильные брендовые, исторические, технологические мемы. Модель замка в защите ядерной информации, которую используют, например, Северная Корея и частично Китай (заблокированы соцсети Facebook, Twitter, YouTube и др.), а также некоторые другие страны, не является эффективной, поскольку направлена лишь на сохранение ядерной информации, а не на борьбу с чужеродными мемами. Модель рыночной площади, которая предполагает трансляцию своих идеологически-культурных кодов с помощью всех доступных средств, в этом случае более оправдывает себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почепцов Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Почепцов. — Москва: Алгоритм, 2015.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Дабезжа В. В., старший преподаватель кафедры литературы и журналистики

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

2. Менегетти А. Онтопсихология и меметика / А. Менегетти. — Рим, 2002.

3. Courier International. — 01—21.08.1996. — № 300.

4. Базовые национальные ценности. Формирование базовых национальных ценностей. — URL: <http://fb.ru/article/300519/bazovyye-natsionalnyie-tsennosti-formirovanie-bazovyih-natsionalnyih-tsennostey> (дата обращения: 18.01.18).

5. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. — Москва: Просвещение, 2009. — 24 с.

6. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного воспитания детей и молодежи Приднестровья / А. Я. Данилюк, М. Я. Макарова, С. К. Турчак. — Тирасполь, 2009.

7. Kohls L. Robert. The Values Americans Live By / Kohls L. — URL: <http://www.uri.edu/mind/VALUES2.pdf> (дата обращения: 18.01.18).

8. Adams J. T. The Epic of America / J. T. Adams. — Little, Brown, and Co. 1931

9. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика / И. Н. Панарин. — Москва, 2006.

10. Огромные массивы информации передаются на хранение в хранилища США. — URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/05/16/ogromnye_massivy_informacii_peredayutsya_na_hranenie_v_hraniliwa_ssha (дата обращения: 18.01.18).

11. Гуров О. Н. Вирус как инструмент медиатерроризма в культуре / О. Н. Гуров. — URL: <http://www.proza.ru/2013/11/28/1250> (дата обращения: 18.01.18).

Pridentrovian Shevchenko State University
Dabija V. V., Senior Lecturer of the Literature and Journalism
Department

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКИХ СМИ

П. А. Киселева

Московский государственный университета им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 4 августа 2017 г.

Аннотация: наиболее заметные медиатенденции рассматриваются в проекции на туристические средства массовой информации. Затрагиваются проблемы оптимизации структуры издательских домов, сокращения рекламных бюджетов, уход изданий с рынка и ряд других тенденций.

Ключевые слова: туристические СМИ, туристический журнал, медиатенденции, мультимедиа.

Abstract: the most important media trends are considered with an eye to travel media. The article covers problems of optimization of publishing houses' structure, the reduction of advertising budgets, the exit of media from the market and other issues.

Keywords: travel media, travel magazine, media trends, multimedia.

Туристические средства массовой информации в полной мере отражают основные тенденции медиарынка. Переживая кризис, как и многие другие СМИ, издания туристической тематики вынуждены адаптироваться к новым социальным и экономическим реалиям. Сокращается подписка, падают тиражи, издания уходят из принта в онлайн или вообще прекращают свое существование.

Согласно отраслевому докладу «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития» сокращение реализуемых тиражей отмечалось в 2015 г. во всех группах изданий.

Несмотря на сокращение тиражей печатных СМИ, напрямую связанное с кризисными явлениями в подписке [1], изданиям с наиболее успешной бизнес-моделью, крупным игрокам рынка удается стабильно проводить подписную кампанию. 15 февраля 2017 г. в пресс-центре ИД «Московский Комсомолец» состоялась торжественная церемония награждения победителей объявленного Ассоциацией распространителей печатной продукции (АРПП) конкурса «Лидер подписки 2017», где в числе некоторых других изданий за достижение наилучших результатов в сохранении и развитии подписных тиражей был награжден журнал «Вокруг света» [2].

Оптимизация структуры издательских домов — еще одна из устойчивых тенденций кризисного периода. Иллюстрацией такой оптимизации можно считать начало сотрудничества ИД «Вокруг света» с медиакомпанией Hearst Shkulev, которая теперь занимается печатью и распространением тиражей, продажами рекламы и управлением цифровыми медиа «Вокруг света». Вот как комментирует сделку генеральный директор ИД «Вокруг света» С. Головатюк: «Сотрудничество с группой компаний Hearst Shkulev дает нам возможности, которых у монобрен-

дового издательского дома нет. В непростой период мы нашли целесообразным объединить усилия нескольких компаний. Мы высоко ценим опыт Hearst Shkulev в продвижении электронных СМИ, поэтому передаем им в управление наши электронные активы: сайт vokrugsveta.ru и электронную версию журнала «Вокруг света»» [3].

Но подчас никакие меры по оптимизации производства уже не в состоянии сохранить издание. Так, в 2016 г. прекратил вещание телеканал Paradise Channel, с января 2017 г. перестал выходить Conde Nast Traveller. Вот как прокомментировала прекращение его выпуска президент издательского дома А. Гиговская: «Это (Allur и Conde Nast Traveller) достойные проекты, но за последние два года экономическая ситуация в России изменилась, и не в лучшую сторону. В обозримом будущем мы не видим перспективы возврата на траекторию изначального бизнес-плана» [4]. Вместе с закрытием Conde Nast Traveller перестанут существовать медиа-проекты издания — выставка Conde Nast Traveller Luxury Travel Fair и премия CNT Readers'Awards.

На грани закрытия находится туристическая газета «Вольный ветер». Ее история показательна, поэтому приведем выдержку из обращения ее издателя С. Минделевича: «Долго, почти до последнего дня перед сдачей номера, не могли решить, объявлять ли подписку на 2016 г. Выпуск «ВВ» всегда был убыточен, но раньше удавалось покрывать «дыру» в нашем бюджете за счёт рекламодателей и продажи книг. Ныне, увы, рекламодателей стало существенно меньше и книги гораздо хуже продаются — люди перестали их читать. По той же причине и количество подписчиков упало. Расчёты показывают, что при нынешней ситуации с подпиской и прочими факторами редакции для выпуска «ВВ» в течение года не хватит 500—600 тыс. руб. (это даже без учёта расходов на аренду помещения). И взять их мне неоткуда,

я ведь даже всю свою пенсию ныне трачу на газету. Нет надежд и на «светлое будущее»: обещаний помочь множество, но ощутимо помогают всего несколько человек. А от чиновников из органов власти финансовой поддержки не дождейся» [5]. В редакции работают всего три человека. Газета выходит раз в два месяца, последним вышедшим номером на сайте издания значится январский выпуск 2017 г.

Некоторые издания вынуждены прекратить выпуск печатных версий и уйти в онлайн. Так, журнал «Детско-юношеский туризм и краеведение России» с 2017 г. выходит исключительно в электронном виде. О непростом положении журнала свидетельствует и тот факт, что он выходит с задержкой.

Впрочем, несмотря на кризис, открываются новые издания. Так, в 2016 г. был запущен российский *L'Officiel Voyage* — журнал, чья целевая аудитория — люди с достатком выше среднего.

Среди негативных явлений рынка последних лет следует назвать и снижение доходов печатных СМИ от рекламы. Рекламные бюджеты почти всех категорий товаров показывают отрицательную динамику (в некоторых секторах до — 44%). Безусловно, такое положение вещей негативно сказывается и на изданиях туристической тематики. Рекламный бюджет товарной категории «Туризм и отдых» продемонстрировал в 2015—2016 гг. отрицательную динамику — в 23%. Кроме того, сокращение рекламного бюджета других товарных категорий также влияет на «недополучение» рекламных денег. Так, в 2015 г. издания категории «Туризм и путешествия» получили на 49 млн. руб. без НДС меньше, чем в 2014 г. [6]. При этом бортовые издания, которые исследователи рассматривают как туристические СМИ, находятся в гораздо лучшем положении, чем издания категории «Туризм и путешествия»: их рекламный бюджет за первый квартал 2015 г. составил 124 млн. руб., тогда как рекламный бюджет СМИ категории «Туризм и путешествия» за аналогичный период составил лишь 12 млн. руб. [7].

Пожалуй, самым значимым событием, повлекшим за собой серьезные изменения на рынке СМИ, за последнее время стало вступление в силу с 1 января 2016 г. Федерального закона от 14.10.2014 № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», устанавливающего предельный объем долей иностранного капитала в бизнесе российских СМИ (20%). Поскольку ряд туристических изданий, как и многих других, принадлежал медийным компаниям с иностранным участием, этот закон повлиял и на них. Так, «National Geographic Россия» перешел из собственности «Юнайтед Пресс» в собственность Д. Б. Кудрявцева, а издававшиеся ИД Axel Springer Russia журналы GEO и «ГЕОленок» теперь издает медиагруппа Александра Федотова Artcom Media Group (ACMG).

Переживаемые прессой трудности с системой распространения, для которой сегодня характерны сокращение количества точек розничной торговли, уменьшение торговых площадей под прессу в ритейле, вытеснение прессы другими категориями товаров, вынуждают издания искать альтернативные способы продажи тиража. Так, вышеупомянутая медиагруппа ACMG, которой кроме GEO и «ГЕОленка» принадлежит еще *L'Officiel Voyage*, заключила соглашение с рядом аптечных сетей («36,6», «Горздрав», A.V.E.-Luxury) о продаже своих изданий в аптечных пунктах. К концу 2017 г. планируется организовать продажу в 500 аптеках [8].

Сегодня издания крайне заинтересованы в максимальном распространении своего контента в социальных сетях, так как поисковые системы ранжируют материалы с учетом количества «лайков», «шервов» и комментариев. То есть от виральности (от англ. *virality* — стремительность распространения) контента в социальных сетях зависит, на каком месте будет располагаться материал в топе поисковиков. В зависимости от социальной сети лидеры среди СМИ разные. В сети «Одноклассники», например, в топе находятся развлекательные ТВ-каналы («СТС», «Первый») и медиа, посвященные общим темам, такие как «РИА Новости», «Россия 24», а также журнал «Вокруг света» [9].

Одним из признанных лидеров в сфере работы в социальных сетях считается журнал *National Geographic*, в том числе его русская версия. Согласно данным отраслевого доклада «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития», количество посетителей сайта *Nationalgeographic.com* превышает 100 тыс. уникальных пользователей в день. Редакция присутствует в таких соцсетях, как Twitter, Facebook, Youtube, Instagram и «ВКонтакте». Помимо этого, издание широко известно своими интерактивными проектами («Прорыв», «Фитнес для мозга», «Авто: S.O.S»). Вот перечень мультиплатформенных проектов, которые зафиксированы в медиаките *National Geographic*:

- сайт *Nat-geo.ru*;
- производство видео- и фотоконтента;
- iPad-версии журналов *NG Traveler* и «NG Россия»;
- различные BTL-активности;
- выставки;
- презентации;
- мастер-классы.

Суммарный охват аудитории по одному проекту достигает более 10 млн. человек.

Все отчетливее становится тенденция запуска изданиями туристических, мобильных приложений. Для этого есть объективные предпосылки. Получение информации с экрана смартфона занимает значительную часть времени современного человека. В том числе со смартфона читатели осуществляют доступ к контенту СМИ. На сегодняшний день есть три возможных сценария потребления СМИ с помощью смартфона: использование мобильной версии сайта издания, ис-

пользование мобильного приложения и скачивание pdf-версии журнала. При этом, согласно данным исследования, проведенного авторами книги *Mobile Usability*, мобильное приложение быстрее осваивается пользователем: «Степень успешности наблюдалась в 74% случаев, когда пользователи работали с мобильными приложениями, и в 64%, когда имели дело с мобильными версиями сайтов» [10, 39]. Кроме того, мобильное приложение в принципе удобнее для работы на устройстве с небольшим экраном, чем адаптированный сайт. Это связано с возможностью учитывать при разработке приложения все преимущества и недостатки операционной системы. Осознавая это, некоторые туристические издания уже создали свои приложения: *L'Officiel Voyage*, *National Geographic*, «Вокруг света», «Саквояж СВ», «Сапсан».

Среди технологических новшеств, активно осваиваемых СМИ, можно назвать использование дронов. Сегодня уже можно говорить о «дрон-журналистике». Возможности беспилотников поистине бесценны и могут использоваться для различных задач: от освещения военных действий до трансляции спортивных событий. Потенциал данной технологии для туристических средств массовой информации трудно переоценить. Фотографии и видео, снятые с помощью дронов, периодически появляются на платформах изданий, а при поддержке *National Geographic* проходит Международный конкурс дрон-фотографий. Следует ожидать дальнейшую экспансию технологии на рынок туристических СМИ.

Еще одним медиатрендом стало 360-градусное видео. В таких видео пользователь самостоятельно может менять угол наклона просмотра, что создает эффект большей вовлеченности. Эту технологию можно использовать, чтобы позволить зрителям попасть в такие места, куда, скорее всего, они не попадут сами. Портал *Sostav.ru* приводит список из самых впечатляющих 360-градусных видео 2016 г. *National Geographic* появляется в этом списке трижды.

Согласно исследованию Института Reuters, одной из тенденций 2017 г. станет широкое распространение инноваций, связанных с мессенджерами и чат-ботами [11]. И хотя на данный момент только у телеканала «Моя планета» есть свой публичный чат в *Viber* и *Telegram* и у «Турпрома» и «Горячая линия. Туризм» свои боты в *Telegram*, скорее всего, появление таких чатов и у других туристических СМИ только вопрос времени.

Таким образом, можно констатировать, что туристические СМИ в полной мере ощущают на себе все негативные последствия кризиса и стараются выжить

в непростой экономической ситуации, используя для этого различные средства: от оптимизации структуры издательских домов до внедрения новых технологий. Крупные издания, такие как «Вокруг света» и *National Geographic*, оказались более «стрессоустойчивыми»: даже в условиях всеобщего спада производства им удастся сохранять лидирующие позиции по ряду показателей (тиражность, мультимедийность).

ЛИТЕРАТУРА

1. Отраслевой доклад «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития». — URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2016/pechat.html> (дата обращения: 12.04.2017).
2. МАП наградила лучших издателей каталога российской прессы. — URL: <http://planetasmi.ru/podpiska/50025-map-nagradil-luchshikh-izdatelej-kataloga-rossijskoj-pressy> (дата обращения: 21.02.2017).
3. «Вокруг света» перешел под крыло Hearst Shkulev. — URL: <http://www.sostav.ru/publication/vokrug-sveta-pereshel-pod-krylo-hearst-shkulev20718.html> (дата обращения: 20.05.2017).
4. Conde Nast закроет два журнала в России. — URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/14/11/2016/5829ba709a7947429b90a1ae (дата обращения: 20.05.2017).
5. Слово главного редактора. — URL: <http://vveter.info/about/> (дата обращения: 10.04.2017).
6. Отраслевой доклад «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития». — URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2016/pechat.html> (дата обращения: 01.05.2017).
7. Пресса потеряла треть рекламных денег. — URL: <http://www.sostav.ru/publication/pressa-v-1-kv-2015-g-poteryala-bolee-treti-reklamnykh-deneg-16655.html> (дата обращения: 01.05.2017).
8. Журналы Forbes, Geo, L'Officiel появятся в аптеках. — URL: <http://sostav.ru/app/article/27423> (дата обращения: 01.08.2017).
9. Не «лайка» ради, а «шера» для: почему СМИ обречены искать успеха в соцсетях. — URL: <http://planetasmi.ru/novye-media/49686-ne-lajka-radi-a-shera-dlya-pochemu-smi-obrecheny-iskat-uspekha-v-sotssetyakh> (дата обращения: 12.02.2017).
10. Нильсен Я. *Mobile Usability. Как создавать идеально удобные приложения для мобильных устройств.* / Я. Нильсен, Р. Будию. — Москва: Эксмо, 2013. — 256 с.
11. Тренды и предсказания в области журналистики, медиа и технологий на 2017 год. — URL: <http://newreporter.org/2017/01/27/trendy-i-predskazaniya-v-oblasti-zhurnalistiki-media-i-texnologij-na-2017-god/> (дата обращения: 27.02.2017).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Киселева П. А., аспирант факультета журналистики
Email: sandrift@yandex.ru

M. V. Moscow State University
Kiseleva P.A., Postgraduate Student of the Journalism
Department
Email: sandrift@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Л. Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме — организации диалога с аудиторией в публицистическом произведении. Важнейшая функция диалога — самотворение личности автора и создание творчески мыслящей аудитории.

Ключевые слова: факт, событие, воображение, реальность, творчество, диалог, восприятие, публицистическое произведение.

Abstract: the article is devoted to the actual problem — the organization of a dialogue with the audience in a publicistic work. The most important function of the dialogue is self-creation of the author's personality and creation of a creative audience.

Keywords: fact, event, imagination, reality, creativity, dialogue, perception, publicistic work.

Современные отечественные СМИ отличаются, с одной стороны, интересом к традиционным формам общения с аудиторией, к неспешному диалогу с аудиторией в интервью, корреспонденциях, статьях, обозрении, с другой — к торопливым репликам, откликам, кратким сообщениям. Интернет предпочитает ленту новостей, подготовленных по расхожему принципу «Что? Где? Когда?». Вопросы «Почему?», «Зачем?», «С какой стати?» — коммуникативный эксклюзив. Факт теснит событие: факт объяснений не требует, событие нуждается в комментариях. С газетных полос исчезли жанры с очевидным личностным началом — репортаж, очерк, фельетон, эссе, рецензия; стали редкими полноценные корреспонденции. Мыслящая личность — и как субъект высказывания, и как объект исследования — исчезает с газетной полосы.

Это — катастрофа.

Мераб Мамардашвили писал: «Человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его самостоятельных усилий» [1, 58]. Философ упрощает процесс развития мировой цивилизации? Ничего подобного! Он всего лишь подчеркивает роль человека в формировании собственной личности. Чтобы выпрямиться, человек сначала нашел себе точку опоры, а найдя ее, отбросил палицу, распрямился и понял, что можно жить, не прогибаясь, посреди окружающего его мира. Можно не бояться его. Так возникло чувство свободы. Так началось самотворение личности. С každодневно-го вопрошания «Азъ есмь?». А если «Я есть!», то что я собой представляю.

И еще одна цитата: «Человек — это прежде всего проект, который прежде всего переживается субъек-

тивно, а не мох, не плесень, не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостижимом небе, и человек станет таковым, каков его проект бытия.

Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которые у большинства людей появляется уже после того, как они что-то сделали <...> Если существования действительно предшествуют сущности, то человек ответственен за то, что он есть» [2, 323].

Так утверждает Жан Поль Сартр в своей статье «Экзистенциализм — это гуманизм», и нам представляется, что в этих словах своя правда. Человек несет ответственность за собственное самотворение и реально является проектом, несущим ответственность за результаты собственного самосозидания. «Существование действительно предшествует сущности» [2, 323], и нечего впоследствии обвинять во всем гены. Человек — механизм постоянно обновляемый, как за счет внешнего воздействия среды, так и за счет собственных биологических ресурсов.

Первостепенная задача СМИ — организация диалога с аудиторией. За счет содержательного контента, небанальной подачи материала, акцентированного дизайна, за счет точной коммуникативности авторского послания. Вокруг издания группируется аудитория, «ангажированная» определенным творческим коллективом. Диалог предполагает равноправие сторон, обеспечиваемое доверием аудитории к авторскому высказыванию. Главный ресурс здесь — наличие определенной точки зрения в авторском высказывании; внятное эстетическое оформление мысли (способность аудитории декодировать авторское послание); острая организация повествования.

На кого рассчитано современное повременное издание? На городского обывателя (по Владимиру Далю: обыватель — это человек, постоянно проживающий в данной местности); на человека, интересующегося, что происходит вокруг него; на человека, заинтересованного в своем будущем и будущем близких ему людей; на человека, которому нескучно жить, который к самому себе относится с доверием и интересом, который генерирует *свое* отношение к жизни. И еще — на человека, который с доверием относится к высказанному слову. Учтем и традиционный интерес к изданию, защищающему *свою* позицию. Это нормально — ориентироваться на *свою* газету.

Обратимся к некоторым изданиям, вышедшим в конце октября — начале ноября 2017 года.

Общественно-политическая газета «Коммуна» одну из своих полос в номере за 3 октября 2017 года отдает материалу «Дороги в завтрашний день»: «В разговор, изначально рассчитанный на узкую целевую аудиторию, оказался вовлечен широкий круг общестественности». Действительно, завтрашний день — это не метафора, это — реальная наша повседневность, измеряемая не только километрами проложенных современных магистралей, но и та повседневность, из которой складывается наше бытие.

«Комсомольская правда в Воронеже» в номере от 27 октября 2017 года публикует корреспонденцию Александра Коца «За что воюют и погибают в XXI веке “частные русские солдаты”» (4-я и 5-я полосы издания), а на 6-й полосе размещена фотография высокого человека, стоящего на коленях перед окном регистрации при получении больничного. Журналисты редакции размышляют о том, что стоит за этим снимком — случайность кадра или закономерность нашего социального бытия?

«Собеседник» (№ 41, 2017 г.) вспоминает о событиях октября 1917 года, публикуя статью Олега Волобуева. Один из актуальных вопросов — что это было? Революция или переворот? Ученый отвечает: «Все-таки революция. Революция предполагает смену общественно-политического устройства. И поэтому в 1905 году, когда действительно закончилось самодержавие и появилась Государственная Дума, и в феврале 1917 года, когда власть перешла в руки Временного правительства, была революция. И в октябре 1917 года, когда власть взяли большевики, также совершилась революция. А переворот — это смена одной команды правителей на другую, не затрагивающая основы строя».

Спустя сто лет после событий октября семнадцатого года продолжают споры — что произошло той далекой осенью — революция или переворот? Но как тогда атрибутировать события, имевшие место в Беловежской пуще осенью 1991 года? Создание нового союзного государства или переворот, изменивший во многом судьбы людей, или необдуманный шаг трех не слишком компетентных политиков?

Еженедельник «Аргументы и факты», начиная в свое время как орган издания общества «Знание», и сегодня предпочитает вести неспешный и степенный диалог с аудиторией на темы здоровья, культуры и общих вопросов просвещения. «Умеренность и актуальность» — современный тонус издания.

Актёр Валентин Гафт глядит с газетной полосы еженедельника: «Силы у меня иссякают, а любовь остается», здесь же — откровение Армена Джигарханяна о некогда любимой женщине: «Она вор, а не человек». А еще — мифы о полезной и бесполезной пище, лекарствах, а также многочисленные советы. Это — выпуск от 25—31 октября 2017 года.

Такова панорама событий осени 2017 года. Таков типичный уровень организации диалога с аудиторией. Точнее, фрагмент диалога, характерного для отечественных СМИ, придерживающихся девиза: «Мы знаем, что тебе, аудитория, нужно, и предлагаем широкий выбор блюд. Калорийность гарантируем».

Цель любого диалога — приглашение аудитории к со-творчеству, к раздумью над прочитанным, к выработке собственной точки зрения, к осмыслению событий, о которых идет речь, к поиску самостоятельных решений. Задача диалога — побуждение аудитории к обсуждению насущных проблем дня, к поиску самостоятельных решений. Центральная фигура диалога — автор, субъект высказывания, предлагающий свою точку зрения, свою версию происходящего. Автор — исходная позиция в организации диалога с аудиторией. А с чего начинается автор? С познания самого себя. С самотворения. Исходная позиция для самотворения личности — осознание собственной внутренней свободы.

Николай Бердяев пишет: «Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа в том, что я положил в основание не бытие, а свободу <...> В свободе скрыта тайна мира. Свобода в начале и свобода в конце <...> Я сознаю себя прежде всего эмансипатором, и я сочувствую всякой эмансипации» [3, 51]. Категоричность Николая Бердяева вполне объяснима: точка зрения автора — не единственный взгляд на происходящее. Она — прежде всего повод для дальнейшего познания сущности происходящего. Автор не навязывает аудитории свою точку зрения. Защищая свою правоту, автор — одновременно — приглашает аудиторию к со-размышлению. Доверие к аудитории, уважение к позиции аудитории — форма дальнейшего движения к познанию происходящего. Равноправие сторон, участвующих в диалоге, облегчает процесс познания, способствует формированию мыслящей аудитории. Право на свободу высказывания — первый шаг в организации диалога с аудиторией. Совершенно очевидно, что позиция автора всегда является результатом вза-

имоотношений субъекта высказывания с окружающим его миром.

Что собой представляет этот субъективно существующий мир? «Бытие — философская категория, обозначающая реальность, существующую объективно, вне и независимо от сознания человека <...> Диалектический материализм не сводит бытие к предметно-вещественному миру, вычленив различные уровни бытия — материально-предметную реальность, объективно реальное бытие (ценности культуры, общезначимые принципы и категории научного знания и др.), бытие личности» [4, 69]. То есть реальность первична, сознание вторично. Бытие личности — особый уровень существования человеческого сознания.

Между тем Мартин Хайдеггер подчеркивает: «Бытие не вещь, не что-то исходящее во времени. Несмотря на это, бытие по-прежнему определяется как присутствие, как настоящее через время, через временное» [5, 81].

Итак, с одной стороны, бытие — это нечто не материальное, а некая категория, определяющая зону сознания. Но с другой стороны, бытие прочно связано с формированием и существованием человеческой личности, которая, как известно, являет собой нечто безусловно определенное.

Утверждаем повседневно: «Бытие определяет сознание», но при этом несколько игнорируем тот факт, что наше сознание в значительной степени есть нечто производное от материального мира. От реальных событий, которые в этом мире происходят. Так что слова «бытие» и «событие» не случайно являются однокоренными.

Проблема бытия как чего-то невещественного, но тесно связанного с реальностью, возвращает нас к пониманию того, что именуется «событием».

Что такое событие? «Событие — это то, что произошло, то или иное знаменательное явление, факт общественной, личной жизни» [6, 653]. Словарное определение вполне конкретно — знаменательное явление. С информационной точки зрения — то, что заслуживает внимания. Внимание — прерогатива автора. Следовательно, событие — факт, включенный в коммуникативную систему по воле субъекта высказывания. И — разумеется — в предчувствии того, что данный факт *может быть* интересен аудитории. Или — *должен быть* интересен аудитории. Эмоциональная составляющая факта не просто предполагается — она закладывается автором в качестве прогноза на восприятие аудиторией переданного сообщения.

Так сообщение включается в систему со-общения, становясь звеном диалога. Так событие включается в пространство со-бытия. Факт обретает значимость, становясь событием. Событие, становясь сообщением (автор плюс факт), обретает значимость и, следовательно, интерес для аудитории, расширяет

границы собственного существования, вовлекая аудиторию в со-бытие. Поскольку факт в процессе такого движения обретает дополнительные смыслы, рожденные воображением аудитории. Отсюда право полагать, что бытие — это система переживаний личности, постоянно обновляющих картину мира, создаваемую нашим воображением.

Смысл творческой деятельности — в постижении закономерности всего происходящего вокруг, включая и те события, которые подвигают аудиторию к диалогу. Естественный путь постижения мира — движение от события к со-бытию.

Как бы достоверно ни воспроизводил автор реальную картину мира, она всегда носит виртуальный характер. Внешнее правдоподобие — отправная точка для создания картины мира, опирающейся на воображение публициста. Создание виртуальной картины мира начинается с отбора фактов, продолжается созданием образов и завершается нарративом — искусством организации повествования. Как правило, остроумная манера письма предполагает остроумие и в читателе. Авторское высказывание — это всегда приглашение аудитории к сотрудничеству. Диалог — это всегда открытие новых смыслов, заложенных в авторский текст.

Показательно в этом отношении интервью Дмитрия Быкова с Ксенией Собчак («В России сегодня знают двух человек — Путина и меня», «Собеседник», № 42, 2017 г.)

Слова, вынесенные в заголовок, интервьюер не оспаривает, предоставляя аудитории права для свободных комментариев аудитории: дать возможность собеседнику свободно излагать свое отношение к миру, тебя окружающему, и к себе самому.

Это — не эпатаж. Это искреннее убеждение Ксении Собчак, что так оно и есть. Действительно, кто в России не знает имени своего президента. О Ксении Собчак народ также наслышан. Повод для интервью очевиден — в обществе заговорили о том, что Ксения Собчак, некогда ведущая программы «Дом-2», дочь бывшего мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, заявила, что собирается выставлять свою кандидатуру на пост Президента России. А почему бы и нет? Предмет диалога — событие решения. Решение Ксении Собчак — нормальный гражданский поступок. Правда, замечает Дмитрий Быков, «Ксения Собчак еще не стала официальным кандидатом в президенты, не собрала положенные триста тысяч подписей, не обнародовала экономическую программу и даже не определилась с ее автором, но на ее пресс-конференции уже царила, по выражению В. Набокова, «хорошая грозная атмосфера скандала».

Ключевое слово произнесено — «скандал». Ни какого подтекста — вещи называются своими именами. Дмитрий Быков отвечает за каждое свое сло-

во. Он реалист и потому знает: если дело дойдет до реального участия Ксении Собчак в выборах — все появится, в том числе необходимые подписи, программа и т.д. Ведущего беседу интересуют не детали, а смысл происходящего. На иронический вопрос «Как вы сами узнали о собственном выдвижении?» следует ответ с многочисленными психологическими подробностями («с лета, сначала в шутку разговаривала с разными лицами», «сначала всерьез я ничего предпринимать не собиралась, а потом подумала: «Женщина с оппозиционной программой может сейчас выступить непредсказуемо»).

Операция «Собчак — кандидат в президенты» интересна по многим причинам. Дело не в борьбе за голос, а в той откровенности, с какой на глазах у страны разрушают представление о нравственной составляющей избирательной компании. Впрочем, деликатный Быков предлагает аудитории свою версию происходящего; как к Собчак не относись, а в жизни резко прибавилось дискуссий, «движухи», начался разговор о спойлерах и компрометации либерализма. Опытный Быков прекрасно знает, чем завершаются подобные избирательные кампании, но публицисту важно напомнить, что у поколения молодых еще долгая, долгая жизнь. Движение — поперек бытовому сознанию той широкой массы, которой безразлично будущее страны (голосуй, не голосуй — в жизни все равно ничего не меняется), а интрига со спойлером — кандидатом, заведомо обреченным на про-

игрыш, — тем не менее повод для раздумий: страну отучили выбирать достойных. Значит, необходимо что-то менять в самой организации выборов.

Интервьюер дает собеседнице возможность высказаться. Это — правило качественного диалога, но затем многое зависит от мнения аудитории, от ее восприятия сказанного участниками диалога. А смысл личностного высказывания заключается в защите говорящим своей точки зрения, в ее обосновании, в тех резонах, которые побуждают аудиторию к обсуждению высказанной точки зрения.

Диалог — не обязательно спор, это — совместный поиск приемлемого решения, формирование новых идей. Так в этом интервью автор, уповая на пробуждающую аудиторию, затрагивает актуальную проблему — судьбу гражданского общества в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. — М., 1992.
2. Ницше Ф. Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. — М., 1989.
3. Бердяев Н. Самопознание / Н. Бердяев. — М., 1990.
4. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. — М., 1991.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1986.

Воронежский государственный университет

Кройчик Л. Е., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы

E-mail: hysjourvsu@yandex.ru

Voronezh state University

Kroychik L. E., Doctor of Philology, Professor, Head of the History of Journalism and Literature Department

E-mail: hysjourvsu@yandex.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»: МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС

Лай Линчжи

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 8 декабря 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу способов информационного продвижения проекта «Один пояс — один путь» с помощью инструментов «мягкой силы». СМИ выступают как главный носитель «мягкой силы» Китая в реализации проекта.

Ключевые слова: «мягкая сила», Шелковый путь, один путь, один пояс, Чайна дейли.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the ways of informational promotion of the project «One Belt and one way» with the help of instruments of soft power. The media act as the main bearer of China's soft power.

Keywords: «soft power», Silk road, one road, one belt, China daily.

Сегодня в условиях плюралистической политической, экономической и культурной систем мышление «китаецентризма», несомненно, утрачивает свое значение. Все более заметной и незаменимой становится «мягкая сила» во внутренней и внешней политике государств. В 2013 г. Китай предложил миру совместно построить «Один пояс — один путь», что получило широкий отклик. Китай испокон веков уделял пристальное внимание развитию отношений с другими странами на основе «мягкой силы», хотя сам термин появился гораздо позднее, чем само явление, — лишь в 1990 г. и принадлежит профессору Джозефу Наю [1]. Кроме экономической выгоды Китай ставит целью получение с помощью инструментов «мягкой силы» понимания и признания народами стран Нового шелкового пути значимости проекта, а также формирование общественного мнения и социальную поддержку регионального и глобального сотрудничества. Предложенная Китаем инициатива «Один путь и один пояс» уже сейчас дает положительный результат. Согласно независимым аналитическим отчетам, в течение четырех лет больше ста стран и международных организаций разным образом включились в строительство «Одного пояса и одного пути», обеспечившего широкий консенсус в международном сотрудничестве [2].

Вместе с тем в связи с грандиозностью и сложностью проекта в ходе его реализации страна сталкивается с немалыми препятствиями и сложными проблемами [3]. Это обстоятельство заставляет ученых разных направлений (экономистов, политологов, специалистов в области связей с общественностью, теоретиков СМИ) обратиться к анализу первых итогов широкомасштабного проекта. Автор видит цель данной статьи в том, чтобы на основе анализа публикаций в авторитетных китайских СМИ опре-

делить ключевые задачи, стоящие перед страной во внешних отношениях, выявить трудности на пути реализации проекта и медийные средства его продвижения, оценить их в исторической перспективе.

Автор опирается на современные исследования, посвященные проекту [4; 5; 6]. Важное методологическое значение для исследования имела книга о направлениях новой внешней политики Китая и сути инициативы «Пояса и пути» лидера партии Си Цзиньпина о государственном управлении [7]. Выбор книг обусловлен их популярностью и рейтингом в самой крупной и влиятельной поисковой системе Китая Baidu. Эти источники получили самые высокие баллы в самом большом интернет-магазине книг страны Dangdang. Автор считает важнейшим постулатом вывод Джозефа Ная о том, что «культура, ценности и политический курс (внешний и внутренний) являются главным источником “мягкой силы” страны» [1].

Эмпирической базой исследования стали статьи по тематике «Один путь и один пояс», опубликованные в онлайн-версиях популярных китайских изданиях. Базовой стала ежедневная газета «Чайна дейли» (China daily), которая издается на английском языке. Выбор обусловлен тем, что издание имеет самый большой тираж из газет, издаваемых на английском языке как в КНР, так и за рубежом. Автор также использовал годовые отчеты о реализации проекта «Один путь и один пояс» (2015—2017 гг.), которые покрывают все сферы продвижения указанного проекта [8; 9].

Хронологические рамки исследования: 7 сентября 2013 г. — 7 сентября 2017 г. Использовался метод сплошной выборки. Материалы отбирались по ключевым словам «Один пояс — один путь» в поисковых системах. Изначально по ключевым словам найдено 5603 текста. Автор сделал вторичный отбор, исключив из общего количества статьи, в которых

повторялись идеи и сюжеты. В результате отображено 416 статей как описательного, так и аналитического характера, позволивших выявить тенденции в освещении обозначенной темы.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней автор впервые пытается рассмотреть СМИ как главный инструмент продвижения «мягкой силы» Китая в реализации инициативы «Один пояс — один путь».

Анализ популярных статей о проекте помог раскрыть концепцию «Одного пути и одного пояса», которая опирается на идеи конфуцианского учения, в частности на постулаты книги «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), например, такие: «Если люди находятся далеко (иноплеменники) и не признают тебя, привлекай их плодами гражданского управления и воспитанием народа» [10, 211]. На основе этой ценности страна надеялась просвещать окружающие страны и весь мир, дать им возможность принять китайскую цивилизацию и конфуцианскую идею.

Анализ многочисленных публикаций, посвященных реализации проекта «Один пояс — один путь» показал, что и сегодня по-прежнему действует принцип: необходимо сначала совершенствовать себя, чтобы убедить других, не только жителей Китая, но и любой другой страны. Но проект покрывает большинство стран мира, где часто не совпадают интересы национальных, религиозных, культурных и социальных структур разных стран, на этой почве постоянно возникают всевозможные конфликты, которые отражаются в анализируемых СМИ. К тому же, соперничество больших держав в данном районе делает противоречие, борьбу идеологии и интересов этих стран особенно острыми. Ключом к формированию «мягкой силы» в информационную эпоху для одной страны оказывается способность быть убедительным, рассказывая о проекте, и тем самым завоевать доверие аудитории [11].

Статьи, которые подверглись исследованию, выявили исторический контекст и реальную потребность зарождения проекта «Один пояс — один путь». До большого географического открытия центром мира был Евразийский континент, простирающийся от испанского до китайского побережья. Главным в то время был торговый Шелковый путь. После захвата Османской империи Константинополя был прерван данный путь, связывающий Восток и Запад. Последний стремился к открытию нового выхода к восточному богатству. Так и появилось великое географическое открытие, началась океанская эра и глобализация. Запад стал центром целого мира. За прошедшие пять столетий Европа и США по очереди возглавляли процесс глобализации. Но, вступая в XXI в., глобальная система американской модели постепенно теряет преимущество.

В анализируемых статьях подчеркивается: человечество живет в эпоху великого прогресса, великих

изменений и глубоких преобразований. Развивается многополярность мира, экономическая глобализация, общественная информатизация и культурное разнообразие. С каждым днем усиливаются тенденции к развитию, реформы и инновации набирают обороты. С точки зрения реальности мы живем в мире, полном вызовов. В статьях комментируются высказывания и речи Си Цзиньпина: «Рост мировой экономики требует новых движущих сил, развитие должно быть более инклюзивным и сбалансированным, а разрыв между богатыми и бедными должен быть сокращен. Горячие точки в некоторых регионах вызывают нестабильность, и терроризм процветает. Дефицит мира, развития и управления представляет собой серьезный вызов для человечества» [12].

В прессе широко освещался визит в сентябре 2013 г. председателя Китая Си Цзиньпина в Казахстан и его речь «Развиваем дружбу народа, создаем прекрасное будущее» в президентском университете. В своем выступлении Си Цзиньпин отметил, что ради более тесного взаимодействия между евразийскими странами, взаимного сотрудничества, более углубленного и широкого пространства для развития мы можем использовать инновационную модель сотрудничества, совместно создать «экономическую зону Шелкового пути», и постепенно формировать региональное сотрудничество [13]. В том же году во время своей официальной поездки в Индонезию Си предложил построить «Морской шелковый путь XXI века» [14]. «Один пояс — один путь» — это объединение этих двух проектов.

В статьях подчеркивается, что успешная реализация данного проекта невозможна при единоличном усилии Китая. Смысл проекта — в привлечении к нему всех заинтересованных участников всех стран мира и народов всего земного шара.

В ряде публикаций содержалась идея: большое значение для людей во всем мире стали иметь не только китайские товары, инфраструктура, финансы, рабочая сила и технологии, но и китайская культура, идеи, ценности и философская мудрость восточного мышления.

В анализируемых материалах изучаются ресурсы «мягкой силы» Китая в процессе реализации инициативы «Один пояс — один путь». Это эхо прошлого и потребность настоящего. Стратегия включает в себя 4,4 миллиарда человек в мире, почти 64 процентов мирового населения, на которых приходится 29 процентов валового национального продукта во всем мире [15].

Ресурсы «мягкой силы» проекта «Пояс и путь» заключаются в основном в следующем. Во-первых, это общий язык — язык взаимодействия китайской культуры с культурами других районов. Испокон веков мировой имидж Китая заключался в том, что его воспринимали как культурную державу с высокой этикой. Через сухопутный и морской Шёлковый путь

конфуцианство и китайский язык широко распространены в восточной, Средней Азии и даже в Европе. Вместе с тем философия, искусство, религия и другие аспекты культуры из других уголков мира тоже пришли в Китай. Именно поэтому Шёлковый путь в истории представляет культурный обмен народов разных стран и показывает их общую историческую память о культурной интеграции.

Во-вторых, это идеи и ценности китайской цивилизации. Гармония – вот главная ценность китайской цивилизации. Это ещё один важный источник проявления «мягкой силы» Китая. Многоцентровая конкуренция — главный признак международных отношений в современном мире. Идеи «мирного развития» и «взаимной выгоды», предложенные в проекте «Пояс и путь», как раз являются современным воплощением ценности гармонии, и они предлагают выход, чтобы избавиться от «игры с нулевой суммой» и добиться взаимной выгоды, общего процветания и гармоничного сосуществования.

В-третьих, это глобальное управление новой модели с китайским стилем. «Один пояс — один путь» — не пустые лозунги или конъюнктурное соображение. Данный проект построен на основе коренных внутренних и внешних потребностей и ориентирован на долгосрочное развитие в условиях изменения мирового устройства и вступления Китая в новые реалии. Это новая стратегия регионального сотрудничества, направленная на реализацию обоюдного выигрыша и совместного использования экономических выгод путём взаимосвязи, взаимного доступа и создания «Сообщества единой судьбы», что и считается новой, более сбалансированной моделью глобального управления, предложенной КНР [16]. Это и одновременно и «китайский рецепт» в решении глобальных проблем, который демонстрирует имидж большой державы, ответственной перед миром и пытающейся продвинуть глобализацию в новых реалиях [17].

В статьях отмечалось: хотя проект «Один пояс — один путь» получил общее признание и дал заметный положительный результат, в мировом сообществе все еще имеется немало негативных высказываний о данной инициативе, как например: «Цель проекта “Пояс и путь” — это передача излишних промышленных мощностей Китая другим странам», «Это новый “План Маршалла”» и т.д.

В статьях излагались возможные конкретные меры по продвижению «мягкой силы» Китая через СМИ в реализации проекта «Один пояс — один путь».

Во-первых, это создание национальной системы опросов общественного мнения. В мировом масштабе существует пример системы, показывающий рейтинг и эффективность «мягкой силы» разных стран, а конкретно, система, выявляющая общественное мнение о каком-либо конкретном объекте или стране. Например, программа глобальных отношений аналитического центра США Pew Global. Понимать

целевую аудиторию проекта «Один пояс — один путь» крайне важно. Но в данный момент Китаю не хватает аналогичных исследовательских программ.

Во-вторых, создание медийной платформы и для слушателей, и для рассказчиков, например, платформы для учёных, политиков, общественных деятелей и других. Отметим, что такие платформы должны быть созданы не только для граждан внутри страны, но и за рубежом. И они должны быть площадкой для обсуждения не только проблем, касающихся политики, но и экономики, туризма, окружающей среды, культуры, послужить способом распространения и обмена информацией и идей. Положительный пример — форум на китайском языке «Обсуждение ста персонажей в проекте “Один пояс — один путь”». Появление подобной зарубежной площадки потребует финансовой поддержки от правительства и подготовленных кадров, которые будут содействовать ее функционированию.

В-третьих, использование мультимедийной техники. Новые СМИ предлагают хорошую возможность для продвижения «мягкой силы». Нужно более наглядным образом рассказать об этом проекте, чтобы люди ближе познакомились с ним. Следует корректно рассказать китайскую историю, уместно передать китайский голос.

Это первое общественное благо, предложенное Китаем в современном мире. Зарождение данного проекта и присоединение больше ста стран к нему в какой-то степени свидетельствует об эффективном использовании «мягкой силы» Китаем и большой роли СМИ в этом проекте. Проект также предлагает новую возможность для всестороннего развития и продвижения «мягкой силы» страны в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Най Д. «Мягкая сила» / Д. Най. — Пекин, 2013.
2. Син Яньцзюнь. Аналитический отчёт об инициативе «Один путь и один пояс» / Яньцзюнь Син. — URL: <https://xueqiu.com/4230469122/85656656> (дата обращения: 09.16.2017).
3. Анализ политических препятствий в процессе реализации «Один пояс — один путь». — URL: <http://study.ccln.gov.cn/fenke/zhengzhixue/zzjpwz/zzgjzz/224648.shtml> (дата обращения: 12.09.2017).
4. Вань Ивэй. «Мир взаимосвязан: логика проекта “Один пояс — один путь”» / Ивэй Вань. — Пекин, 2016.
5. Новый мировой тренд: «Один пояс — один путь» изменяет мироустройство. — Пекин, 2017.
6. Гэ Цзяньсюнь. Изменяющий мировую экономическую географию проект «Один пояс — один путь» / Цзяньсюнь Гэ, Ифу Линь, Аньган Ху и др. — Пекин, 2017.
7. Си Цзиньпин о государственном управлении. — Пекин, 2014.
8. Статистический отчёт больших данных о проекте «Один путь и один пояс». — Пекин, 2016.
9. Ли Юнцзюнь. Синяя книга «Один путь и один пояс»:

Отчёт развития продвижения «Один путь и один пояс» / Юнцзюнь Ли, Сяоцзюань Ван. — Пекин, 2017.

10. Лунь Юй. 16-я глава; Раздел «Родство Цзи»; «Цзи идёт войной на Чжуан Юй» / Юй Лунь. — Чанчунь, 2016.

11. Отец «мягкой силы»: Китай должен улучшить «способность страны рассказывать историю». — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/1224/c70731—23930952.html> (дата обращения: 12.09.2017).

12. «Один пояс, один путь»: полный текст речи Си Цзиньпина. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> (дата обращения: 02.09.2017).

13. Си Цзиньпин выступил с речью в «Назарбаев Университет» в Казахстане. — URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013—09/07/content_2483425.htm (дата обращения: 26.09.2017).

14. Си Цзиньпин. Совместное создание «Морского

шёлкового пути XXI в.». — URL: http://news.cnr.cn/special/xjp4/zb/zy/201310/t20131003_513743233.shtml (дата обращения: 26.09.2017).

15. «Один путь и один пояс»: интерпретация документа: проект покрывает 64 процента мирового населения. — URL: http://www.guancha.cn/broken-news/2015_03_31_314339.shtml (дата обращения: 12.09.2017).

16. Лю Цзяньфэй. «Один путь — один пояс» — это путь участия Китая в глобальном управлении / Цзяньфэй Лю. — URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1126/c1002—28897749.html> (дата обращения: 08.09.2017).

17. Чэн Хао. Си Цзиньпин выписал «китайский рецепт» для мировой экономики / Хао Чэн. — URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017—01/23/content_40159674.htm (дата обращения: 06.09.2017).

*Санкт-Петербургский государственный университет
Лай Линчжи, аспирант
E-mail: 1169478672@qq.com*

*St. Petersburg State University
Lai Lingzhi, Postgraduate Student
E-mail: 1169478672@qq.com*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИКА Сороковых годов XX века в публицистике Б. И. Николаевского

Т. В. Лебедева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются публицистические произведения журналиста Б. И. Николаевского периода эмиграции, посвященные проблемам взаимоотношений России с государствами Запада и Востока. Подчеркивается роль России в европейской истории.

Ключевые слова: Б. И. Николаевский, российская эмиграция, публицистика русского зарубежья.

Abstract: articles of B. I. Nikolajevsky are devoted to contacts between Russia and countries of the West and the East. The author stressed the Russian role in the European history.

Keywords: Russian Emigration, Russian Emigration Publicist.

В 2017 г. исполнилось 130 лет со дня рождения видного публициста русского зарубежья Бориса Ивановича Николаевского. Он родился 20 октября 1887 года в башкирском городе Белебее в семье священника. Рано увлекся политикой и начал публиковаться в газетах. Работал в Самаре, в Уфе, в Сибири. Перед революцией, в 1914 году, Николаевский уже ответственный секретарь выходившей в Санкт-Петербурге газеты «Луч», издаваемой меньшевиками; не раз арестовывался. После Октябрьской революции был членом Учредительного собрания, участвовал в его Уфимском совещании, был кооптирован в члены ЦК своей партии и вскоре выслан из России. В изгнании возглавил Амстердамский институт социальных наук, где были сосредоточены и спасены от гитлеровцев такие важные документы, как, например, архив Карла Маркса. Сотрудничал с Горьким. В 1926 году в России, в ГИЗе вышла его брошюра «Конец Азефа», на которую Горький откликнулся статьей «О предателях».

С 1924 года Николаевский печатается регулярно в таких эмигрантских изданиях, как «Голос минувшего» и «На чужой стороне». Пишет в основном рецензии на новые книги и очерки о людях, встречи с которыми оказали влияние на формирование его взглядов. Среди героев его очерков — революционер-народник С. М. Кравчинский, философ, публицист и социолог П. Л. Лавров, «русский якобинец», литературный критик и публицист П. Н. Ткачев. В конце 30-х годов он начинает публиковаться в «Русских записках» и «Современных записках». В это время темой публикаций Николаевского все чаще становится мировая война. В 1940 году в «Современных записках» выходит его статья «Цветные книги», название которой он объясняет так: «Войны нашей эпо-

хи неизменно вызывают появление целых потоков «цветных книг», — сборников документов о дипломатических сношениях между воюющими странами за периоды, этим войнам предшествующие... Предаются гласности только те документы, которые не мешают успешности борьбы... Многотомные публикации документов появляются только после войны, да и то не всегда» [1, 258].

Николаевский прекрасно понимал, какими бедами грозит России новая мировая война. Он внимательно следил за происходящим на родине, переживал, что война может прийти на ее территорию внезапно. Самого его война застала в Париже. Ему удалось перебраться в Соединенные Штаты, где он сразу же начинает активно сотрудничать с создающимся на его глазах «Новым журналом». В его первом номере он выступает с большой статьей «Внешняя политика Москвы», в которой заявляет, что за последние двадцать лет она все более становилась политикой Сталина. Ее движущие мотивы — тайна, загадка, поскольку в России «известным становится только то, что хочет огласить само правительство. Выход за эти пределы является государственным преступлением, а таковые там караются быстро и беспощадно» [2, 230]. На вооружении российских политиков до последнего времени были сформулированные Лениным политические максимы о невозможности мирного сосуществования с капиталистическим окружением, об использовании революции как защиты от внешней угрозы, о желательности союза «угнетенных стран». До 1918 года Германия и Россия считались угнетенными и дружественными — в дружбу верили вплоть до вероломного нападения Германии на СССР. Автор продолжает развивать эту тему во втором номере нового журнала. В статье «Смещение фельдмаршала фон Браухича» он заявляет, что Гитлер, подстрекаемый автором идеи гитлеризации всей Восточной Европы Розенбергом, поступил глупо. «Сын Восточной Пруссии Браухич всегда был сторонником союза с Россией. Он

говорил, что Германия, опирающаяся на Россию и имеющая возможность пользоваться ее сырьем, не только выправит свое хозяйственное положение, но и станет неуязвимой для внешнего мира» [3, 224]. Его не послушали. Война оказалась более трудной, чем ожидалось. Браухич требовал приостановки наступления на Востоке. Прекращения ненужной, по ее мнению, войны требовала и Япония. Розенберг настаивал на доведении войны с Россией до победного конца.

Обзоры «Внешняя политика Москвы» продолжают в третьем и четвертом номерах «Нового журнала». В четвертом номере журнала статья заканчивается цитатами из интервью Сталина японскому журналисту Фузе, где советский вождь называет японский народ самым передовым из народов Востока и выражает желание сотрудничать с ним. Удерживать Японию от вступления в войну с нашей страной было очень важной задачей. Эта тема развивается в следующем, пятом номере «Нового журнала». Статья называется «Советско-японское соглашение 1925 года. Из очерков по истории внешней политики Москвы». Николаевский считает, что отношения России и Японии — один из наиболее темных разделов в истории внешней политики Москвы, которая, по его мнению, и вообще не отличается прозрачной ясностью. Тем не менее ее пристальный разбор оправдывается важностью отношений между этими странами. По мнению автора, «необходима еще одна оговорка: политика Сталина выделяется необычной последовательностью в стремлении к поставленным целям, — но она, в то же время, обладает и исключительно маневренной гибкостью. Сталину совершенно чуждо прямолинейное доктринерство, поэтому необходимо избавиться и от доктринерства в подходе к его политике» [4, 199]. Далее автор подробно анализирует все стадии русско-японских отношений за последние сорок лет, деля этот срок на девять периодов и в каждом подчёркивая невыгодность ссоры между этими двумя странами:

1. Несговорчивость России в вопросе о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке вынудила Японию заключить союз с Англией.

2. 3 июля 1916 года был заключен секретный русско-японский договор о военном союзе, прежде всего — против Америки.

3. У Японии нет другой разумной, с ее точки зрения, политики, как жить в мире и согласии с Россией. Русская земля на Дальнем Востоке для японской колонизации непригодна: суровую зиму японцы не переносят, их больше интересует Полинезия или Австралия. Россия-союзник — их идеал.

4. В 1918—1919 годах Япония послала в Приморье оккупационную армию, которая быстро втянулась в беспощадную вооруженную борьбу против гражданского населения. Завоевывать территорию японцы не хотели. Их целью было очистить ее от большевиков.

5. Конечная цель проекта — создать прочный союз: Япония — Германия — Россия с гегемонией Японии на Тихом океане.

6. Страшная катастрофа, обрушившаяся на Японию в сентябре 1923 года, когда за несколько часов Япония потеряла от землетрясения не меньше 7% своего национального достояния, приблизила победу сторонников реформ.

7. 31 мая 1924 года подписан русско-китайский договор. Трехлетние старания англичан закрепить в Китае «рассыпались, как карточный домик».

8. Разрыв мира на две обособленные половинки: Запад — Восток.

9. Уход Америки из Европы. Отказ от налаживания ее послевоенной жизни. Надолго ли? Нарком иностранных дел М. М. Литвинов до конца 1931 года считал, что между Россией и Японией сложились наилучшие добрососедские отношения. («Только с формальной стороны!» — не соглашается журналист.)

Эти кратко изложенные нами тезисы Николаевского сегодня можно было бы считать прекрасными мечтами, но тогда о возможности такой расстановки сил говорили, особенно на Востоке, многие. Советский работник А. Е. Ходоров приводит в журнале «Международная жизнь» такое высказывание известного китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена: «Когда Япония приняла участие в мировой войне на стороне союзников, она упустила случай использовать золотую возможность, чтобы создать Азию исключительно для азиатов. Подобная Азия могла бы быть противовесом белым, особенно англосаксам. Результатом подобной ситуации явилось бы занятие Японией места действительного вождя всех азиатов. Но Япония не последовала моему совету, который все же был советом одной третьей части всего Китая! — и пропустила посланный небом случай стать вождем Востока» [5, 124].

Николаевский явно увлечён темой. Обычно сдержанный в выборе выразительных средств, он активно использует здесь метафоры, противопоставления: Япония — «причудливое сочетание ультранового с архистарым»; «использовать одну акулу против другой»; «борьба с русским медведем, перекрашенным в красный цвет» и т.п.

Еще более ярко расцвечена метафорами статья «Революция в Китае, Япония и Сталин», где наряду с советско-японскими отношениями анализируются и японско-китайские: «Китай — такое огромное море, что оно делает солеными все впадающие в него реки»; «Китайского пролетария, пробудившегося к сознательной жизни, острее всего оскорбляла бамбуковая палка в руках японского надсмотрщика. Именно она была причиной взрыва 1925 года»; «Троцкий думал, что ветер шанхайских событий дует в его паруса»; «На японских островах дают себя чувствовать симптомы социальных землетрясений». По поводу последнего высказывания даже газета «Правда» заметила: «На

фоне токийских улиц, все еще лежавших полуразрушенными от недавнего землетрясения, эта метафора звучала особенно удачно». Исходным тезисом статьи «Революция в Китае, Япония и Сталин» является утверждение: «Сталину пришлось на собственном опыте убедиться в дальновидности немецких геополитиков, учивших, что первым и основным условием для ведения какой-либо страной активной внешней политики является создание ею «у себя дома» прочного внутреннего единства» [6, 229]. Автор разъясняет, что в Китае такие условия не были созданы. Сунь Ятсен начал создавать армию и налаживать отношения с небольшой тогда, в 300—400 членов, компартией, но в марте 1925 года умер. Гоминдан надеялся на быстрое развитие капитализма в стране, но рабочее движение было слабо и не могло развиваться под «бамбуковой палкой японского надсмотрщика», а японских фабрик на территории Китая было намного больше, чем принадлежащих всем другим иностранцам, вместе взятым. Политизироваться под «бамбуковой палкой» не удавалось. Бухарин, Рыков и Троцкий считали, что широкого демократического движения в Китае придется ждать целую историческую эпоху. Сталин надеялся на более скорый результат. Подзуживаемая революционерами всех мастей, страна распалась на несколько почти независимых областей. Их «милитаристы» враждовали между собой. Николаевский также обращает внимание на непредсказуемость китайской политики: в XIII—XIV веках монголы завоевали Китай, и два-три последующих поколения монголов фактически продолжали политику завоеванной страны.

Новое время — еще непредсказуемое. Политика использования «социальных землетрясений» на Дальнем Востоке наложилась на конфликт между Японией и Западом: Америка и Англия стали активно помогать Китаю в развитии промышленности и торговли. Бывший премьер-министр Японии Гиити Танака представил императору секретный меморандум о необходимости бороться за полное подчинение своему влиянию Китая и русского Дальнего Востока. Конечной целью этого плана было завоевание Японией мирового господства. В 1927 году Танака умер. Его политику продолжил военный министр Есукэ Мацуока, настаивавший на немедленном заключении военного пакта с Германией и Японией. О дальнейшем развитии событий на Дальнем Востоке подробно рассказывается в последней публикации цикла «Внешняя политика Москвы».

Статья «Как Япония пришла к войне» была опубликована в двух уже послевоенных номерах «Но-

вого журнала», многое стало ясным, близился суд Международного военного трибунала для Дальнего Востока, где Мацуока был представлен как один из главных военных преступников, и Николаевскому было важно показать, что именно Мацуока долгое время был главным поджигателем войны на Дальнем Востоке. Император более трезво оценивал обстановку и был в оппозиции к авантюристической внешней политике Мацуоки. Он оказывал сопротивление его планам заключения союзного договора с Германией и предупреждал принца Коноз: «Если вы заключите этот союз, то раньше или позже, но американские аэропланы появятся над Токио». Так оно и вышло! Противостоять Мацуоке, поддерживаемому фашиствующей военщиной, императорский дом не мог: их политике «отталкивания от большой войны» противостояла мечта сторонников Мацуоки о переделе мира с главенством Японии в Азии. Закулисная борьба кланов была сосредоточена на поисках вождя, подобного Гитлеру. Николаевский изображает это опять-таки с помощью развернутой метафоры: «Демонов крупного масштаба в Японии не нашлось, но «мелкие бесы» и «бесенята», желавшие выставить свою кандидатуру на эту роль, были в изобилии» [7, 247]. На вопросы императора «бесенята» отвечали, «как школьники», но агрессивная военщина все-таки победила. «Политически проблема подготовки страны к войне в этот момент уже была решена, оставалась только техника ее осуществления. Император, если бы он пытался сопротивляться, был бы немедленно арестован» [7, 253]. Этими словами публицист заканчивает не только статью, но и всю русско-японскую тему в своём творчестве, но тема взаимоотношений между странами и народами продолжает его интересовать и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаевский Б. И. Цветные книги / Б. И. Николаевский // Современные записки. — 1940. — № 70.
2. Николаевский Б. И. Внешняя политика Москвы / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1942. — № 1.
3. Николаевский Б. И. Смещение фельдмаршала фон Браухича / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1942. — № 2.
4. Николаевский Б. И. Советско-японское соглашение / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1943. — № 5.
5. Ходоров А. Е. Япония в мировой войне / А. Е. Ходоров // Международная жизнь. — 1925. — № 2.
6. Николаевский Б. И. Революции в Китае, Японии и Сталин / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1943. — № 6.
7. Николаевский Б. И. Как Япония пришла к войне / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1946. — № 12.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РЕСУРСОВ РУНЕТА

Н. В. Литвинова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 9 августа 2017 г.

Аннотация: в настоящее время в Рунете сложилась достаточно устойчивая структура сайтов, публикующих журналистские расследования. Среди них как сайты, возникшие в Глобальной сети самостоятельно, так и онлайн-версии традиционных российских печатных изданий и теле-, радиопередач. Предметом исследования в данной статье стали их предметно-тематические особенности, рассматриваемые автором статьи на примере репрезентативной совокупности данных ресурсов. Выявляются группы тем-лидеров, представленных в расследовательских публикациях на сайтах, определяются факторы, направляющие внимание журналистов-расследователей на те или иные социальные события.

Ключевые слова: журналистские расследования, расследовательские сайты Рунета, предметно-тематическая направленность расследований на сайтах

Abstract: currently in RuNet developed sufficiently stable structure sites, publishing investigative journalism. Among them, as sites that have arisen in the global network of its own, and online — versions of traditional Russian print publications and television and radio programs. The subject of study in this article became their subject-themed features, considered by the author as an example of a representative set of data resources. Identifies the group leaders, presented in the investigative publication on the site, the factors are determined by directing the attention of journalists — rasssledovateley to those or other social events.

Keywords: investigative journalism, investigative sites Runet, presents the thematic focus of investigations on sites.

В настоящее время в Интернете наряду с расследовательскими сайтами, родившимися в Глобальной сети в качестве самостоятельных ресурсов, присутствуют и онлайн-версии практически всех традиционных общественно-политических газет и журналов, а также теле- и радиопередач, представленных в настоящее время на информационном рынке России и публикующих журналистские расследования с той или иной частотой [1]. К сожалению, этот важный сегмент российских СМИ изучен нашей наукой лишь отчасти.

Для исследования нами были отобраны по основанию наиболее активной посещаемости пользователями сети 15 сайтов Рунета, публикующих журналистские расследования. В эту выборку вошли сайты, возникшие как самостоятельные ресурсы Интернета («Антикомпромат», «Агентство политических новостей», «Библиотека компромата», Lenta.ru, «Полит.ру», «Первое антикоррупционное СМИ», Compromat.ru, «Федеральный Репортер», FLB.ru — Freelance Bureau), а также сайты, представляющие собой онлайн-версии уже существовавших и существующих печатных изданий («Новая газета», «Человек и закон»), телевизионных передач («Честный детектив», «Криминальная Россия», «Специальный

корреспондент», «Момент истины»). Чтобы получить представление о структуре предметно-тематических направлений журналистских расследований на данных сайтах, мы составили выборку из 300 публикаций. При этом на каждом сайте методом обратного отсчета отбиралось по 20 публикаций, последовательно представленных на каждом сайте в период с апреля 2017 года по январь 2016 года.

Знакомство с содержанием отобранных публикаций данных сайтов показало, что они представляют собой расследования событий, относящихся к какой-то из следующих сфер социальной жизни: бизнес, власть, здравоохранение, сферы искусства, истории, коррупция политика, криминальная тема (мошенничество, преступления против личности), спорт, экономика, экология.

Затем была проведена группировка расследовательских публикаций по признаку совпадения их предметно-тематического содержания. При этом выяснилось, что каждый из исследуемых российских расследовательских web-ресурсов имеет свои содержательные особенности, свою приоритетную предметно-тематическую сферу, которая выступает как предрасположенность их к расследованию тех или иных из всей совокупности названных выше тематических направлений. Однако практически на каждом сайте присутствуют и некоторые другие из одиннад-

цати перечисленных выше тематических направлений. Далее мы вычислили процентное соотношение расследовательских публикаций на разные темы на каждом из пятнадцати исследуемых сайтов, исходя из общего числа в двадцать публикаций на сайте. Это помогло нам установить темы-лидеры и темы-аутсайдеры, присутствующие на сайтах. Выяснилось, что лидерами на сайтах, входящих в исследуемую совокупность, выступают три темы: 1) коррупция, 2) политика, 3) криминальная тема (мошенничество, преступления против личности). Причем на разных сайтах лидируют разные темы. Из всей совокупности исследуемых интернет-ресурсов мы отобрали пять сайтов, на которых темы-лидеры присутствуют в максимальном объеме. Рассмотрим последовательно все три группы.

Начнем с топ-5 ресурсов, в которых доминируют журналистские расследования на тему коррупции. Полученные в ходе анализа данные показывают, что первое место в этой группе занимает ресурс **«Первое антикоррупционное СМИ»** — 16 текстов (80% от общего числа текстов на сайте) [2]. Это федеральный, специализированный интернет-ресурс, основанное в 2012 году средство массовой информации, освещающее антикоррупционную политику в России и за рубежом.

В редакции ПАСМИ считают, что «сегодня реальные эффективные действия и усилия в борьбе с коррупцией зачастую нивелируются, дискредитируются либо остаются в тени, становясь оружием в политических и информационных войнах» [2]. Именно поэтому журналисты редакции уверены: эффективно противодействовать коррупции, ставшей для страны проблемой национального масштаба, возможно только сосредоточив внимание на положительных тенденциях, сохраняя политическую беспристрастность, просвещая общество, объединяя усилия и налаживая коммуникацию между органами власти, бизнесом и общественными организациями. Цель сайта — профессиональная информационная поддержка осуществляемой антикоррупционной политики, направленной на совершенствование и развитие нашей страны.

Второе место занимает **«Библиотека компромата»** — 7 текстов (35% от общего числа текстов на сайте) [3]. Под лозунгом «Весь сор в одной избе» на просторах Интернета расположился ресурс, который может быть очень полезен для журналистов, начинающих работу над расследованием.

Этот ресурс содержит как авторские материалы, так и работы журналистов, скопированные из других СМИ. Вот как описывает цели ресурса его редакция: «Цель проекта «Библиотека компромата» — способствовать реализации права граждан на свободный доступ к информации и свободное духовное развитие, а также на культурную, научную и образовательную деятельность». Собираются материалы в соответ-

ствии с актуальностью темы, главным принципом редакции является следующее: «Если кто-то интересен аудитории, на него и собирается компромат».

Третье место по количеству расследований коррупции занимает ресурс агентства журналистских расследований **«Федеральный Репортер»** — 5 текстов (25% от общего числа текстов на сайте) [4], это ресурс репортажей о повседневных проблемах жителей городов России, а также о том, как эти проблемы решаются самими жителями, органами власти, общественными и коммерческими организациями. Ресурс позиционирует себя как интернет-площадка для тех, кто интересуется расследовательской журналистикой.

Четвертое место — сайт агентства федеральных расследований **FLB.ru — Freelance Bureau** — 4 текста (20% от общего числа текстов на сайте) [5]. Это периодическое онлайн-издание, запущенное в 2000 году. Главный редактор Сергей Соколов ставит перед редакцией задачу со временем объединить журналистов, работающих в жанре журналистского расследования. Это агентство занимается собственными разработками, имеет хорошую репутацию и отличные источники информации. Благодаря работе собственных корреспондентов и наличию обширной базы информаторов, на сайте появляются уникальные эксклюзивные расследования. Важно отметить, что вся информация, публикуемая на сайте, по утверждению её создателей, достоверна. Все материалы проходят проверку юридическим отделом издания.

Пятое место — web-портал **«Антикомпромат»** — 3 текста (15% от общего числа текстов на сайте) [6]. Данный ресурс появился позже других сайтов. Он был создан исследователем и журналистом В. В. Прибыловским. Сайт публикует (как и другие интернет-ресурсы) наряду с журналистскими расследованиями и материалы иного рода, но в процентном соотношении тексты расследовательского плана здесь преобладают. Все материалы, размещенные на сайте, подкреплены документами, интервью, схемами, графиками. Структура сайта максимально упрощена, разделов здесь нет, а есть только общее контентное поле, где и располагаются тексты расследований.

Следующая группа топ-5 интернет-ресурсов, предпочитающих расследования в сфере политики. Максимальное число расследовательских текстов на эту тему было опубликовано в интернет-издании **«Полит.ру»**. Здесь из всего числа публикаций 13 текстов (65% текстов сайта) было посвящено данной тематике. Явное его лидерство в изучаемой группе сайтов (расследование событий, относящихся к сфере политики), объясняется тем, что данное издание изначально избрало политику в качестве главного направления расследований, что отражается и в самом его названии. Авторами расследований по данной тематике выступают журналисты,

известные политологи, общественные деятели, лидеры мнения. Многие поводы для будущих расследований подсказывают пользователи в своих обращениях в редакцию.

Второе место занимает сайт издания **«Новая газета»** — 11 текстов (60% от общего числа текстов на сайте). Это издание появилось в 1993 году, главным редактором его стал Сергей Кожеуров. Уже тогда газета главной темой расследований избрала политику, обрета репутацию самого оппозиционного СМИ по отношению к Владимиру Путину и правительству. Характерной чертой «Новой газеты», как и её web-версии, является совмещение активного поиска фактов с основательным их анализом.

На третьем месте находится интернет-издание **«Агентство политических новостей»** — 4 текста (20% от общего числа текстов на сайте). Данный ресурс специализируется в сфере политики. Ведущие темы — политические новости, курьезы, происшествия и расследования в политической сфере. Важно отметить, что сайт www.apn.ru — зарегистрированное СМИ. Этот факт говорит о том, что вся информация, публикуемая на сайте, достаточно достоверна. Причем все материалы сайта проходят проверку юридическим отделом. Все материалы находятся в открытом доступе в архиве агентства.

Четвертую позицию в данной группе сайтов занимает интернет-издание **Lenta.ru**, которое отвело расследованиям на данную тему 3 текста (15% от общего числа публикаций на сайте). Lenta.ru — одно из ведущих российских интернет-изданий, основанное в 1999 году Антоном Носиком при содействии Фонда эффективной политики. Работает круглосуточно, освещая мировые и внутрироссийские события. В 2010 году Гарвардский университет провел исследование русской блогосферы, которое признало Lenta.ru наиболее часто цитируемым из русскоязычных блогов источником новостей. К сожалению, востребованность данного ресурса резко снизилась после смены руководства в 2014 году, когда свои рабочие места покинули 58 сотрудников из 94.

Пятое место занимает интернет-портал **«Специальный корреспондент»** — 2 текста (10% от общего числа текстов на сайте). Ресурс, получивший известность благодаря циклу документальных телепередач, выходивших на телеканале «Россия 1» с сентября 2002 года. С марта 2012 года ведущим программы «Специальный корреспондент» становится известный журналист Аркадий Мамонтов, и она начинает выходить в новом формате. Полный архив выпусков программы можно найти на сайте видеохостинга Youtube, а на сайте телепрограммы «Вести» возник раздел, посвященный «Специальному корреспонденту», который и стал потом самостоятельным интернет-ресурсом, публикующим журналистские расследования.

Рассмотрим третью группу топ-5 интернет-ресурсов, предпочитающих расследования на криминальную тему (мошенничество, преступления против личности). Первое место в этой группе занимает **«Криминальная Россия»** — 18 текстов (90% от общего числа текстов на сайте). Данный ресурс — это онлайн-версия известной телепередачи. Число постоянных посетителей сайта насчитывает в среднем 90 000 человек. Надо заметить, что кроме расследования преступлений против личности здесь публикуются и расследования правонарушений в деятельности властей, а также коррупции, но число их незначительно.

Второе место мы определили для сайта **«Человек и закон»** — 17 текстов (85% от общего числа текстов на сайте) [7]. Этот ресурс представляет собой онлайн-версию одного из популярнейших в свое время изданий, а ныне известной одноименной телепередачи. Важнейшей чертой выступлений данного ресурса является их высокая достоверность, что связано со сложившейся в журнале еще в советское время традицией — давать аудитории только проверенную информацию.

Третье место по количеству публикаций на данную тему занимает онлайн-версия телепередачи **«Честный детектив»** — 16 текстов (80% от общего числа текстов на сайте) [8], ресурс, на котором сконцентрированы журналистские расследования, не вошедшие в телезфир. Журналисты расследуют преступления по схеме работы следственной группы: сбор первичной информации; розыск и опрос потерпевших, свидетелей и очевидцев; отработка различных версий; поиск доказательств и опровержений. Впервые зрителю предоставляется возможность узнать, из чего состоит работа журналиста-расследователя.

Четвертое место по количеству материалов на данную тему занимает онлайн-версия телепередачи **«Специальный корреспондент»** — 14 текстов (70% от общего числа текстов на сайте) [9]. Данный ресурс — это архив журналистских расследований телепередачи канала «Россия 1» и площадка для общения журналистов и пользователей. Программа выходит на телеканале «Россия» с сентября 2002 года, а интернет-ресурс запущен в 2014 году. Каждую неделю один из ведущих рассказывает в своем фильме-репортаже о какой-либо актуальной проблеме, существующей в современном обществе, а пользователи могут в режиме реального времени задавать вопросы специальным корреспондентам, подготовившим расследование.

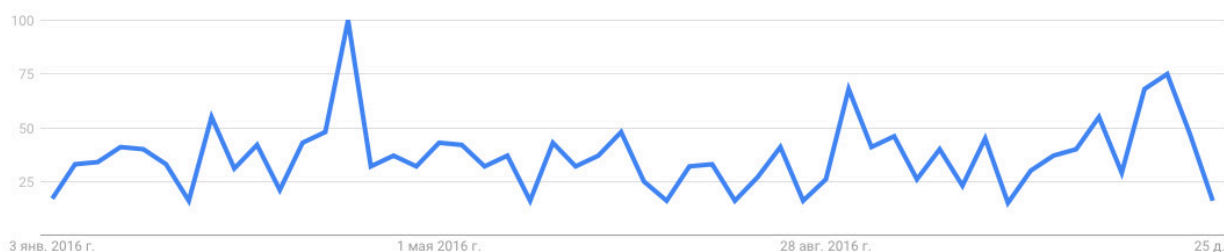
Пятое место занимает интернет-ресурс журналистских расследований **«Момент истины»** — 13 текстов (65% от общего числа текстов на сайте) [10]. Это авторская программа российского журналиста Андрея Караулова. В 2011—2016 годах она выходит на Пятом канале. Причем до этого она трижды закрывалась на трёх телеканалах. Теперь это сайт, на

котором публикуются журналистские расследования на злободневные для России темы: коррупция в высших эшелонах власти, политика, социальный быт, демография, наркомания и пр. Но преобладающее число расследований здесь посвящено криминальной теме (мошенничеству, преступлениям против личности).

Итак, по трем ведущим тематическим направлениям было опубликовано всего 155 текстов, что составляет 51,67% от всей совокупности отобранных нами для анализа расследовательских текстов. В то же время по оставшимся восьми предметно-тематическим направлениям было опубликовано 145 текстов, совокупный процент которых от всей совокупности отобранных для анализа расследовательских текстов составляет 48,33, что ещё раз подчеркивает большой перевес тем-лидеров.

Далее мы попытались выяснить, насколько повышенный интерес журналистов-расследователей к трем темам-лидерам (политика, коррупция, криминальная тема) коррелируется с интересом самой аудитории к той или иной из названных тем или тематике прочих журналистских расследований в Рунете. Обнаружить социологические исследования информационных потребностей аудитории, относящихся к публикациям конкретных расследовательских сайтов, попавших в нашу выборку, не удалось. Однако определенный свет в интересующем нас отношении проливает исследование динамики интереса аудитории Глобальной сети к журналистским расследованиям в целом, существовавшим на протяжении 2016 года, проведенное нами с помощью сервиса Google Trends поисковой системы Google. Полученные статистические данные мы изложили ниже:

Рис. 1

Числа слева по вертикали (ось ординат) на рис. 3 обозначают уровень интереса к темам журналистских расследований. При этом 100 баллов означают наивысший уровень популярности темы (в данном случае Google получил 11 000 запросов), 50 — уровень популярности запроса вдвое ниже, чем в первом случае (Google получил примерно 5500 запросов), 0 — уровень популярности запроса (не выше 1% от уровня запросов, принятых выше за 100 баллов). Повышение интереса аудитории к расследовательским материалам до наивысшего предела в апреле и декабре 2016 года может быть связано с двумя важными событиями, которые произошли в эти периоды времени. Первое — это публикация немецкой газетой *Süddeutsche Zeitung* пресловутых «Панамских документов», в которых содержалось более 11 миллионов файлов о скрытой собственности на офшорных счетах бывших и нынешних мировых лидеров, чиновников и других известных людей. Второе — вынесение райсудом Киева приговора по подозрению в террористической деятельности (в виде лишения свободы на 14 лет) бывшим российским военным — Александру Александрову и Евгению Ерофееву. Первое событие затрагивают в определенной степени как тему политики, так и тему коррупции, а второе событие — темы политики и преступлений против личности. Очевидно, именно эти три темы являются наиболее значимыми на данном этапе для аудитории Глобальной сети, интересующейся журналистскими расследованиями.

В заключение можно отметить, что проведенное нами исследование показывает, что в изученных журналистских расследованиях на отобранных нами интернет-ресурсах Рунета и опубликованных в течение 2014—2016 гг., представлено одиннадцать предметно-тематических направлений. При этом наибольшее внимание авторов публикаций привлекли три из них: коррупция, политика, преступления против личности. Реже расследуются события в таких сферах, как деятельность властей, здравоохранение, экономика, история, спорт, экология, бизнес, искусство. Разумеется, что более точное, более полное представление о предметно-тематическом своеобразии журналистских расследований, публикуемых на сайтах Рунета, может быть получено в случае исследования всей совокупности этих сайтов и за более продолжительный период времени. Однако и полученные нами данные помогают, в той или иной мере, увидеть содержательную сторону современных журналистских расследований в Рунете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Smirnova J. Das Internet als neue Heimat für investigativen Journalismus / J. Smirnova. — URL: <http://www.frankfurter-hefte.de/upload//2011> (дата обращения: 09.08.2017).
2. Первое антикоррупционное СМИ. — URL: <http://pasm.ru/archive/133125> (дата обращения: 09.08.2017).
3. Библиотека компромата. Compromat.ru. — URL: <http://www.compromat.ru/> (дата обращения: 09.08.2017).
4. Агентство журналистских расследований Федераль-

ный репортер.— URL: <http://fedrep.ru/> (дата обращения: 09.08.2017).

5. Агентство федеральных расследований FLB.ru — Freelance Bureau.— URL: <http://flb.ru> (дата обращения: 09.08.2017).

6. Антикомпромат. Публичная интернет-библиотека Владимира Прибыловского.— URL: <http://www.anticompromat.org> (дата обращения: 09.08.2017).

7. Человек и закон.— URL: <http://www.1tv.ru/shows/chelovek-i-zakon/vypuski> (дата обращения: 09.08.2017).

8. Честный детектив.— URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/5133/ (дата обращения: 09.08.2017).

9. Специальный корреспондент.— URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/3957/ (дата обращения: 09.08.2017).

10. Момент истины.— URL: <http://moment-istini.com/> (дата обращения: 09.08.2017).

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

*Литвинова Н. В., аспирант кафедры периодической
печати*

E-mail: litvinova@elenara.ru

M. V. Lomonosov Moscow State University

*Litvinova N. V., Postgraduate Student of the Periodical Press
Department*

E-mail: litvinova@elenara.ru

ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ К ВЬЕТНАМУ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Нгуен Тхи Хуен Чанг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается изменение отношения американских СМИ к Вьетнаму на протяжении военной кампании США. Если вначале из Северного Вьетнама формировался образ «врага» и мировой коммунистической угрозы, то затем больших трудов стоило показать «человеческое» лицо страны, с которой можно и нужно вести конструктивный диалог.

Ключевые слова: Вьетнам, США, американские СМИ, вьетнамская война, печатные СМИ, телевидение.

Abstract: the article examines the changing attitude of American media to Vietnam during the US military company. If in the beginning the image of the “enemy” from North Vietnam and the world communist threat was formed, then at the end of the great works it was worthwhile to show the “human” face with which it is possible and necessary to conduct a constructive dialogue.

Keywords: Vietnam, the USA, the American media, the Vietnam War, print media, television.

Вьетнам стал приковывать интересы американской прессы после Второй мировой войны. Именно в 50—60-х годах прошлого столетия происходил окончательный распад старого колониального мира. Обретя независимость, часто вооруженным путем, перед бывшими колониями, а теперь независимыми государствами встал практически один и тот же вопрос: к какой стороне примкнуть? В условиях биполярного мира существовал выбор из двух сторон: СССР и США [1, 127]. В геополитических интересах Вашингтона, вступившего в глобальное противостояние с СССР, Вьетнаму, бывшей колонии Франции, придавалось огромное геостратегическое значение [2].

При этом надо отметить, что первоначальная медийная кампания, пришедшаяся на период с 1957 по 1964 гг., не отличалась яркостью и масштабностью. Она была частично проведена на деньги правительства США, которому необходимо было склонить чашу общественного мнения на сторону вмешательства в дела другой страны. Для этого периода характерно создание негативного образа Северного Вьетнама и позитивного Южного [3].

Данный процесс, так или иначе, затронул страницы абсолютно всех изданий, начиная с The Wall Street Journal и The New York Times и заканчивая Newsweek и Time [4].

Северный Вьетнам представал в образе коммунистической угрозы, которая в тот момент доминировала в СМИ как уже прочно созданный стереотип всего отрицательного, что может существовать на планете, начиная от варварства и заканчивая всеобщей бедностью, агрессивностью, злостью, бесчеловечностью.

В результате создается несколько стереотипов в американской качественной прессе, которые в целом отражают общий внешнеполитический курс Вашингтона, во-первых, обыгрывается уже закрепившийся в прессе стереотип коммунистической угрозы, которую и представляет Вьетконг, во-вторых, происходит демонизация и дегуманизация всех представителей этой части Вьетнама [5].

Лейтмотивами новостных сообщений стала тема национального единства и убежденность в скорой и окончательной победе США, публиковались прошедшие цензуру письма американских солдат, в позитивном ключе освещалась южновьетнамская армия и ее успехи, также все это происходило на фоне повествования об укреплении военной мощи США и наращивании сотрудничества. Таким образом создавался четкий конструкт справедливой войны [6].

В результате печатные СМИ на начальных этапах кампании во Вьетнаме использовали все характерные признаки речевого манипулирования, для которых данностью является не столько убеждение, сколько внушение, основным инструментом которого являются психологически тонкие апелляции к эмоциональной сфере адресата. При этом ключевые компоненты смысла высказывания имеют тенденцию имплицироваться, а интерпретация фактов происходит тенденциозно и односторонне [7, 464]. При этом Вьетнаму в их дискурсе придавалось самое огромное значение, так данные сюжеты печатались не как «сюжеты о Вьетнаме, а как сюжеты о Вашингтоне или Москве, или Париже» [8, 52].

Позитивные тенденции в отношении к войне во Вьетнаме (как к войне с людьми, а не с некой неопределенной коммунистической угрозой) начинают формироваться в СМИ после 1968 года, когда стано-

вится ясно, что концепция «молниеносной» войны, которую американцы планировали завершить в течение нескольких недель, не удалась. Поэтому в американской прессе все чаще начинают публиковать фотографический и публицистический материалы, в которых создается четкий и недвусмысленный посыл, что война во Вьетнаме ведется с людьми, а не с «красной угрозой» [9, 210].

В 1966 году корреспондент *The New York Times* по приглашению правительства Северного Вьетнама смог побывать на противоположной стороне боевых действий. Поэтому его репортажи о разрушении гражданских объектов, уничтожении мирных жителей вызвали определенный резонанс, и правительство США вынужденно было признать данный факт. На фоне же затяжных боевых действий и провалов военных кампаний данные представления стали публиковаться сначала в единичных случаях, а потом массово. В результате чего часть американского общества отреагировала резко негативно, выступая против войны. Возросшее же количество репортеров, находящихся во Вьетнаме, делало невозможным полный контроль их деятельности, поэтому они «проводили больше собственных исследований, брали больше интервью, публиковали больше аналитических эссе» [10, 231].

Знаковым событием стал снимок «Нападк во Вьетнаме» Ника Ута, который являлся корреспондентом информгентства *Associated Press* [11].

Надо отметить, что постепенно интерес к военной тематике и теме Вьетнама как общественный запрос пропадал. Поэтому уже к 1972 году аккредитованных журналистов США в Южном Вьетнаме находилось около двухсот, в сентябре же 1973 их осталось всего лишь 59.

The New York Times в июне 1971 года стал публиковать секретные документы правительства США, похищенные сотрудником Госдепартамента, — «Американо-вьетнамские отношения, 1945—1967: исследование» [12]. Только такой шаг смог привести к тому, что образ Вьетнама в СМИ и отношение к самой войне стало меняться среди общественности.

Период 1950—1960-х годов прошлого столетия называют «золотым веком» американского телевидения. К началу 60-х годов XX века 98% населения Америки находилось в зоне вещания [13].

Надо отметить, что в данный период развития телевидения в США оно находилось в жестких государственных рамках. Регулирование касалось всего, начиная от распределения частот и права собственности и заканчивая временем прайм-тайма [14]. В результате освещение событий во Вьетнаме соответствовало тому, о чем писали в газетах. То есть на телевидении так же, как и в печатной прессе, создавался образ коммунистической угрозы исходящей со стороны Северного Вьетнама, несущий не просто угрозу для Южного Вьетнама (который показывал-

ся в позитивных тонах), но несущий зло всему миру.

Немаловажную роль на телевидении играли ведущие новостей, к их выбору подходили очень тщательно, стараясь придерживаться самых высоких критериев отбора. Одна из знаковых фигур того периода, оставившая след не только в американском телевидении, но и в мировом, — У. Кронкайт, который являлся телеведущим канала CBS [15].

Демонизация Северного Вьетнама велась при помощи обращения к эмоциям аудитории: демонстрировались горящие дома мирных жителей, сжигаемый американский флаг, то есть активно использовались символы для создания концепта «справедливой войны со злом», «войны до победного конца», шло обращение к эмоциям и чувствам аудитории, которые в большинстве своем базировались на американском патриотизме, общем гуманизме и страхе перед коммунистической угрозой, которая ставит точку на всем — на американском образе жизни, американской мечте и других знаковых концептах [16].

Однако страшная трагедия, произошедшая на глазах всего мира, ставшая доступной благодаря работе журналистов и утечке документов из Госдепартамента США о зверствах американских солдат в Сонгми, несмотря на вызванный резонанс и огромное количество как фото, так и видеоматериала, не вызывала доверия [17].

Но отношение к Северному Вьетнаму постепенно менялось. Он уже воспринимался не как абстрактная коммунистическая угроза, а как жертва американских войск и их южновьетнамских союзников.

Стали появляться кадры, свидетельствовавшие о страданиях мирного населения Вьетнама, о военных преступлениях, совершаемых американскими военнослужащими. Телевизионная картинка изменилась: она уже не показывала одних только храбрых солдат США, несущих своим оружием «мир» в Азию. Медиаисследователь Даниэль Халлин в своих работах, анализирующих освещение вьетнамской войны американским телевидением, пишет, что новостные программы никогда не показывали подлинное лицо войны [18, 15].

Необходимо отметить тот факт, что сначала создавался «человеческий» облик Вьетнама и только затем уже стали звучать призывы о прекращении этой войны, которые исходили не только от журналистов, но и от американского народа [17].

Таким образом, отношение американских печатных СМИ на начальных этапах медийной кампании, осуществляемой при участии правительства США, носило резко негативный характер по отношению к Вьетнаму. Печатная пресса видела и создавала образ «врага» и «коммунистической угрозы». Впоследствии данные стереотипы с большим трудом удалось изменить на нейтральные. Отношение к Вьетнаму на американском телевидении было резко негативным, так как создавался концепт бесчеловечного врага,

с которым необходимо бороться только до победы. В дальнейшем телевидению с трудом удалось донести до аудитории противоположный посыл, что у Вьетнама есть человеческое лицо, соответственно, необходим конструктивный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Д. В. Вьетнамский синдром в общественном мнении США / Д. В. Кузнецов // Общественные науки и современность. — 2012. — № 2. — С. 126—135.
2. Плащинский А. А. Доктрина Трумэна, план Маршалла и НАТО в стратегии США / А. А. Плащинский. — URL: <http://geopolitics.by/analytiks/doktrina-trumena-plan-marshalla-i-nato-v-strategii-ssha> (дата обращения: 23.05.2017).
3. Авдоница Н. С. Свободный журналист бросает вызов войне / Н. С. Авдоница // Журналистика в мире политики: диалоги о свободе: Материалы секционного заседания конференции «Дни Петербургской философии — 2009». — Санкт-Петербург. — 2010. — С. 166—171.
4. Львов Б. Вьетнамская война в американских СМИ / Б. Львов. — URL: <https://www.proza.ru/2006/12/07—245> (дата обращения: 30.05.2017).
5. Donovan H. Vietnam: The War is Worth Winning / H. Donovan // Life. — 1966. — № 6 (40). — Р. 7—11.
6. Спок Д. Покончить с войной во Вьетнаме / Д. Спок. — URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/spock/spock_Vietnam.htm (дата обращения: 30.05.2017).
7. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — Москва; Жуковский: Канон-пресс; Кучково поле. — 2003.
8. Wyatt C. R. Paper Soldiers: The American Press and the Vietnam War / C. R. Wyatt. — Chicago: Univ. of Chicago Press. — 1993.
9. Соколова Д. В. Отношения СМИ и правительства США в годы Вьетнамской войны / Д. В. Соколова // Век информации. — 2015. — № 2.
10. Hammond W. M. Reporting Vietnam: Media & Military at War. / W. Hammond. — Univ. Press of Kansas. — 1988.
11. Одной из известнейших фотографий XX века исполняется 40 лет. — URL: <https://www.ridus.ru/news/35774> (дата обращения: 30.05.2017).
12. Кузнецов Д. В. Война во Вьетнаме / Д. В. Кузнецов. — URL: <http://flatik.ru/massovoe-soznanie-amerikancev-i-oformlenie-veetnamskogo-sindro> (дата обращения: 30.05.2017).
13. Средства массовой информации США в 1945—1989 годах. — URL: http://libraryno.ru/4—4-sredstva-massovoy-informacii-ssha-v-1945—1989-godah-2012_istor_gurnal_1/_5bc0.pdf (дата обращения: 30.05.2017).
14. Hallin D. Presentation given at the «American Media and Wartime Challenges» // D. Hallin. — URL: <http://www.sanford.duke.edu/centers/tiss/pubs/documents/Hallin.pdf> (дата обращения: 30.05.2017).
15. Цыганова И. В. Человек, которому доверяла Америка (по страницам биографии Уолтера Кронкайта) / И. В. Цыганова. — URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/16095/discussion_platform (дата обращения: 30.05.2017).
16. Авдоница Н. С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы / Н. С. Авдоница. — URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1357737887_1072.pdf (дата обращения: 30.05.2017).
17. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. — URL: <http://dazverva.ge/wp-content/uploads/2015/11/shiller.pdf> (дата обращения: 30.05.2017).
18. Griffin M. Media images of war / M. Griffin // Media, War & Conflict. — 2010. — № 3 (1).

Воронежский государственный университет
Нгуен Тхи Хуен Чанг, аспирант
E-mail: Trangseptember@gmail.com

Voronezh State University
Nguyen Thi Huyen Trang, Postgraduate Student
E-mail: Trangseptember@gmail.com

ГРАФОДЕРИВАТЫ В НАЗВАНИЯХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е. А. Ряжских

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 января 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются медианоминации-графодериваты. Дается их типология, анализируется частотность и лингвокреативный потенциал подобных названий.

Ключевые слова: графодериваты, графодеривация, названия средств массовой информации, медианоминации, гемеронимы, рекламные имена, лингвокреативный потенциал.

Abstract: the article explores graphoderivatives in the names of the media, analyses the typology, frequency and lingvo-creative potential of such titles.

Keywords: graphoderivatives, graphoderivation, mass media titles, media names, hemeronyms, advertisement names, lingvo-creative potential.

Визитной карточкой любого средства массовой информации является его название¹. Оно приобретает функцию рекламного имени, что обуславливает использование в медианазваниях явлений, характерных для рекламной коммуникации. Особый интерес в этом отношении представляют графодериваты. При их создании используются «комплексные (составные) словообразовательные форманты, включающие в себя... единицы разных кодовых систем, разных языков или разных уровней одного языка» [3, 125], что позволяет графодериватам выступать в роли визуальных раздражителей, т.е. ай-стопперов (от англ. *eye stopper* — «ловушка для глаза», средство привлечения внимания).

В данной работе рассматриваются медианоминации-графодериваты (отметим, что графодериват может выступать либо компонентом названия, например *АбуА Для Вас*, *Зачётное радио*, либо составлять оным целиком: *VaLenKi*, *GEOлёнок* и др.).

Нами было проанализировано около 13000 названий средств массовой информации, извлеченных из перечня наименований зарегистрированных СМИ (см. реестр на сайте Роскомнадзора: [4]). Было выявлено 505 номинаций-графодериватов, что составляет 3,9% от всех изученных нами онимов.

Согласно проведенному исследованию, наибольшее количество среди данных медианоминаций-графодериватов (296 примеров — 58% от общего числа) составляют монографодериваты, т.е. производные, созданные графическими средствами одного языка; причем преобладают номинации, образованные посредством невузального

чередования строчных и прописных букв (255 случаев, т.е. 50% названий): *ЯРкие сезоны*, *ЭксПресс Родина*; *ЭНск*, *AmElina*, *АвтоГазоЗаправочный Комплекс*, *ExcLusiVe Biysk*, *ЦентрАН*, *MegaObzor*, *OTiDO style* и др.

Отмечены также отдельные примеры номинаций, произведенных в рамках монографодеривации с помощью различных ее способов, например:

– разбиения слова дефисами на части или слоги (*I-P-O-T-E-K-A*, *Я-мал*, *MUZ-ON*);

– слияния, т.е. написания сочетания слов или целого предложения без пробелов (*АльянсМосква*, *Пумер*, *WarumDarum*, *ЯтакДУМАЮ*);

– разбиения слова на части с помощью апострофа (*ШАР'М ШОУ*, *LAZURE*, *POL'ZA*) и др.

12% номинаций (59 примеров) составляют кодографодериваты — производные, созданные посредством «сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно языковой» [5, 109]: *Я+Ты*, *+Авто*, *Nº mer*, *Med2Med*, *One2One Magazine*, *#PORTE*, *1istochnik* и др.

Полиграфодериваты (образованы с помощью сочетания графических средств разных языков, например латиницы и кириллицы, или соединения элементов новой и старой орфографии одного языка) представлены 9% производных (45 случаев): *Azartная газета*, *Шokolife*, *Игры*, *Фонарь*, *ДЕЛОВОЙ ИНТЕРЕС*, *Docyг в Дагестане*, *Шлиссельбургский уездъ*, *ШТЫКЪ / schtik*, *ЦЕННИКЪ* и др.

21% (105 примеров) из выявленных нами графодериватов создан в результате сочетания средств различных типов графодеривации, например монографодеривации и полиграфодеривации: *POZITIVчик*, *TALKовая газета*, *RED МедведЪ*, *NOVOскоп*, *ПРО-интерьер*, *HIPPO-Гуннопотам* и др.

Все рассмотренные медианоминации-графодериваты условно можно разделить на две группы: 1) производные, образованные с помощью нелиней-

¹ В современной науке по отношению к названиям средств массовой информации используются разные термины, например «гемеронимы» [1], «медианоминации» [2].

ной графодеривации; 2) производные, созданные с помощью линейной графодеривации.

При нелинейной графодеривации «слова, а значит, и смыслы наслаиваются на одном и том же материальном отрезке, на одной и той же цепочке языковых знаков», при линейной графодеривации «семантическое приращение отсутствует» [6, 129]. Соответственно, лингвокреативный потенциал нелинейных графодериватов намного выше названного потенциала линейных графодериватов.

Нелинейные графодериваты обладают полиморфностью, т.е. двойной актуализацией формы (сквозь одну форму проявляется другая), например: *MUZ-ON* ('музон' — музыка (разг.-сниж.), *MUZ* + *on* — «во включенном состоянии», 'музыка включена'), *TALKовая газета* ('толковая газета', англ. *talk* — разговор, беседа, общение, 'газета для общения'); *Экономная* ('экономная', 'экономна я'), *RAniMa* ('ранима', *Russian Anime Magazine* — российский аниме-журнал), *PROдвижение* ('продвижение', 'про движение').

Как видно из примеров, «однозначна лишь графическая форма производного, но неузуальное написание позволяет соотнести ее с разными мотиваторами, что и обуславливает неоднозначное осмысление производного» [7, 288], причем лексические значения графодериватов основаны на их ассоциативном потенциале и культурно-языковой компетентности воспринимающего.

Подобные многоуровневые номинации способны вызвать у адресата «так называемое ментальное напряжение, завершающееся разрядкой в виде инсайта — дешифровки лингвистической загадки» [8, 94] (бесспорно, эта загадка не должна быть слишком сложной для адресата). «Понимание при этом означает восприятие новой цельной структуры, в свете которой все прежние крупинки знания встают на свои места и обнаруживают естественную связь друг с другом, причем внезапно обнаруживаются новые многочисленные, прежде не ожидавшиеся, взаимосвязи» [9, 281]. Удовольствие, полученное адресатом от решения лингвистической задачи — декодирования графодеривата, и «одобрительная оценка изобретательности» [10, 171] автора наименования, переносится и на само название, что важно для закрепления номинации в памяти воспринимающего.

Однако, согласно нашим наблюдениям, процент нелинейных графодериватов среди медианазваний составляет всего 7% (от зафиксированных нами графодериватов-медианоминаций). В подобных названиях неузуальное выделение прописной буквы, замена кириллических литер буквами латиницы и прочие средства графодеривации не способствуют семантическому приращению (например, *ЭКОмонитор*, *АВТОрынок*, *InfoПОКРОВСК*, *BeautyПамруль*, *Smиль Города*, *МЕГАКАТАЛОГ ПОДАРКОВ*, *Фонарь* и многие другие). Игра смыслов, характерная для многопла-

новых названий, в которых внутри большего слова прячется одна или несколько самостоятельных лексем, здесь отсутствует.

Авторы номинаций должны понимать, что современный медиарынок — это сфера жесткой конкуренции. Лавры победителя достаются не только тому, чей товар качественнее, но и тому, кто сможет лучше представить его публике. Важное условие успешности любого названия — его способность привлекать всеобщее внимание, возбуждать интерес.

Безусловно, нарушение привычного графемного образа слова произвольно останавливает взгляд воспринимающего. Первый акт коммуникации можно считать состоявшимся, но будет ли продолжение коммуникации?

Адресат отчасти обманут в своих ожиданиях, поскольку, заинтересовавшись оригинальным графемным образом и пытаясь его считать, понимает, что «необычные» элементы в названии — это всего лишь «украшение» и их включение в состав номинации не подкреплено семантически. Подобное немотивированное включение неузуальных элементов в название может вызвать даже недоумение и раздражение адресата.

Так, два года назад мы проводили анкетирование и просили дать оценку графодериватам (речь шла о графодериватах-эргонимах, т.е. названиях фирм, предприятий, организаций) [11]. В опросе участвовало 80 человек, причем большую часть респондентов составляли молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет, в частности студенты, обучавшиеся по направлениям подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью». Мы отметили достаточно критический взгляд респондентов на номинации-графодериваты (в целом положительную оценку графемному образу предложенных для опроса номинаций дали 42% опрошенных, оригинальными подобные названия посчитали 44% респондентов). Некоторые наши респонденты сопровождали свои ответы такими комментариями: «Для чего заменили русскую «Л» английской?»; «Перемудрили с названием»; «Непонятно, что оно означает»; «Нельзя коверкать русские слова!» и др. [11, 32].

Сколько бы ни предупреждали лингвисты о том, что вторжение латинских символов в кириллический образ слова «не может не иметь серьезных культурных, психологических, политических и других последствий, непредсказуемых по своим масштабам и деструктивной силе» [12, 146], современные авторы номинаций остаются глухи к их доводам. Так, согласно нашим подсчетам, графодериваты-медианоминации, в которых так или иначе используются латинские литеры (с помощью подобных графем могут быть оформлены отдельные компоненты онима, либо номинация в целом) составляют 42% от всего количества рассмотренных нами графодериватов, и этот факт не может не настораживать.

Обращают на себя внимание и медианазвания, созданные словно «под копирку»², например номинации с компонентом *PRO/Pro/pro* (в написании возможны варианты): *PROСПОПТ*, *ProКарьеру*, *ProStyle journal*, *Pro-сбыт*, *proМОЛОДЁЖЬ*, *PRO-Отрадное* (8% подобных графодериватов) и др. Определенной популярностью среди авторов пользуются графодериваты — номинации печатных СМИ, оформленные подобно интернет-адресам (с компонентами *ru/RU, NET/Net* и прочими): *POSITIVE.ru*, *Шатлык.RU*, *resto.ru*, *FLB.Ru*, *RAZVOD.NET*, *Ochkov.Net* и др. (6%).

Думается, что если авторы онимов выбрали в качестве способа образования названий такой по своей сути игровой способ, как графодеривация, то необходимо использовать весь его потенциал. На наш взгляд, оригинальное, запоминающееся имя в этом случае может быть создано только при помощи нелинейной графодеривации. Именно такое многоплановое название (разумеется, при соблюдении «рецептуры») обеспечит успешную первичную коммуникацию с адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография / И. В. Крюкова. — Волгоград: Перемена, 2004. — 288 с.
2. Коровченко И. И. К вопросу о функциях медианоминии / И. И. Коровченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 119—122.
3. Попова Т. В. Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов) / Т. В. Попова // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы. — Москва: Макс-Пресс, 2009. — С. 124—125.
4. Перечень наименований зарегистрированных СМИ. — URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/p/> (дата обращения: 09.01.2018).
5. Попова Т. В. Виды графодеривации в современном русском языке / Т. В. Попова // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация: Материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург, 2008. — Ч. II. — С. 108—113.
6. Маринова Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых слов» / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Выпуск 1 (6). Серия Филология. — Н.-Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. — С. 127—132.
7. Попова Т. В. Графодериват: слово или текст? / Т. В. Попова // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сборник статей. — Екатеринбург: УГТУ — УПИ, 2008. — С. 281—290.
8. Лаврова Н. А. Контаминация и паронимическая аттракция / Н. А. Лаврова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2012. — № 3. — С. 93—99.
9. Бом Д. Специальная теория относительности / Д. Бом. — Москва: Мир, 1967. — 287 с.
10. Пирогова Ю. К. Речевое воздействие и игровые приемы в рекламе / Ю. К. Пирогова // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. — Москва, 2000. — С. 167—190.
11. Ряжских Е. А. О графодериватах-эргонимах современного Воронежа / Е. А. Ряжских, А. А. Алексеенко // Акценты. Новое в массовой коммуникации: альманах. — Воронеж, 2016. — Вып. 1—2 (136—137). — С. 30—33.
12. Григорьева Т. М. Латиница против кириллицы и vice versa // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография. — Великий Новгород, 2009. — С. 136—151.

² Таких «совпадений» можно было бы избежать, если бы редакторы и издатели, перед тем как дать имя своему детищу, изучили реестр наименований СМИ на сайте Роскомнадзора.

Воронежский государственный университет
Ряжских Е. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры стилистики и литературного редактирования
E-mail: reatta@mail.ru

Voronezh State University
Ryazhskikh E. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Stylistics and Literary Editing Department
E-mail: reatta@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

С. Л. Страшнов

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 27 июня 2017 г.

Аннотация: статья входит в продолжающийся цикл публикаций, посвященных медийной поэтике. В данной части рассматривается концепция персонажа и особенности отображения человека средствами журналистики.

Ключевые слова: персонаж, автор, аудитория, публичность, репрезентативность.

Abstract: this article is part of an ongoing series of publications devoted to media poetics. This chapter discusses the conception of a character and peculiarities of depicting a personage by means of journalism.

Keywords: character, author, audience, publicity, representativity.

Персонаж далеко не всегда находится в центре медийных публикаций: на передний план могут выдвигаться сюжет, проблема, явление. Но даже в том случае, если рассказ заходит, например, о дикой природе, он всё равно будет учитывать человека, его потребности, очарования и затруднения. Нельзя настаивать, что каждый журналист и даже редакция, озабоченные созданием информационной картины текущих дней, сознательно нацелены выстраивать какую-либо концепцию — мира, тем более персоны. Однако таковая складывается спонтанно, становясь важным параметром, причем скорее не творческого мышления каждого автора или конкретного СМИ, а отдельной эпохи (к примеру, военной или «оттепельной») и национальных массмедиа (скажем, французских или китайских) в целом.

Начнем с самого общего и очевидного. На передовых позициях в журналистском лексиконе слова, производные от латинского *publicus* (общественный): *публика, публикация, публицистика* — хотя сразу отметим, что значения их отнюдь не однолинейны: в частности, публика выступает как объект воздействия, а публицист — как субъект действия (публичных выступлений). Большинство персонажей в журналистике, что называется, работают на камеру, причем даже там и тогда, где и когда события лишены нарочитости, постановочности. Да и журналист — несомненный общественник, он по определению и по личному зову всегда стремится оказаться в центре и внутри социальных процессов, а журналистика, как известно, относится к публичной сфере: это дело, творимое на площади, на виду, на глазах людей, да и создаваемое тоже в расчете именно на их сиюминутную реакцию.

Антиподы человека публичного — лицо самодостаточное, частное, и романтически трактуемый творец. Про «враждебность художника и общества»

[13, 148] настойчиво твердил, например, О. Мандельштам. К тому же поэт он противопоставлял трибуну, а общество толковал как чернь [13, 149]. Однако даже религиозный философ Г. Померанц предупреждал, что «на страницах газет и в телевизионных передачах пересказываются факты, без знакомства с которыми вы почти теряете права гражданства» [16, 51]. То есть, отказываясь от СМИ, индивид выпадает из окружающей действительности, из современности, что Мандельштам со своей стороны, впрочем, лишь приветствовал.

Итак, тяготеют к публичности в журналистике и персонаж, и автор. Впрочем, последний не обязательно бывает четко проявлен и резко очерчен. В новостях установка на объективность делает его скромным регистратором, чья фигура скрыта за представляемыми событиями. Но там зато на передний план выдвигаются другие публичные лица: ньюсмейкеры [подробней о них см.: 21, 120—124] и те же персонажи — а сами медийные авторы начинают выделяться в других разновидностях журналистики, по мере усиления субъективности и художественности. Наглядный пример превращения приватного в социальное дают блогеры, демонстрирующие то, что еще М. Бахтин определил как формы «самоопубликования и самоотчета» [3, 274] и вместе с тем как формы «*публичного самосознания человека*» [3, 290] (здесь и далее курсив во всех цитатах исключительно авторский). Гражданский публицист внешне может уподобляться поэту, однако образы он использует в прикладных целях и обращается не к провиденциальному собеседнику (читателю в потомстве) [см. о нем: 13, 148—149], а непосредственно — к современной публике, которую сам же во многом представляет и творит, формулируя подспудно блуждающие идеи и настроения.

Для этого автор должен хорошо ее чувствовать и понимать: в массмедиа ценятся и весьма зримая адресованность и достаточно четкие коммуника-

тивные стратегии. Сейчас, когда наблюдается демократизация СМИ, сопровождающаяся расширением состава публики, и одновременная демассификация, стратификация этого множества, журналистика все чаще ориентируется на аудитории целевые. По сравнению с общностью прежней, массовой, подобные образования выглядят, разумеется, более дробными, но повадки публичности и при этом люди, сюда входящие, до некоторой степени сохраняют. Особенно в тех случаях, когда они сами переходят в разряд медийных особ, когда о них — хотя бы не персонально, а на уровне локальных обобщений (например, такого гипотетического рода: «Жители Южного района областного центра получили возможность...» и т.п.) — рассказывают или упоминают в репортажах и программах. Тогда повышается личная заинтересованность, и некоторые представители совокупной аудитории начинают ощущать себя уже не только адресатами, но и персонажами СМИ. Тем более если — ньюсмейкерами.

А. Назайкин пишет: «Журналисты, выбирая ньюсмейкеров, представляют аудитории своих газет, радио и телевидения определенные образцы лидеров референтных групп» [14, 87]. Как правило, они уже по собственным задаткам являются натурами публичными. М. Бахтин определял подобных людей следующим образом: «Публичный человек всегда живет и действует на миру, и каждый момент его жизни по существу и принципиально допускает опубликование. Публичная жизнь и публичный человек по своей природе *открыты, зримы, слышимы*» [3, 274]. Последние слова, кажется, вдохновлены уже не античностью, о которой в основном и говорил здесь Бахтин, а временем безоговорочной популярности телевидения и радио.

Однако механизм действия СМИ таков, что упомянутую мыслителем природу человека они многократно раскрывают и усиливают, более того — способны превратить в фигуру публичную и того, кто к этому несколько не склонен, даже сопротивляется своему выволакиванию из тени под свет софитов, например отшельников, вроде песковской героини Агафьи Лыковой. Коллизии подобного рода в условиях медиатизации жизни распространяются безгранично, и современное законодательство встает на защиту приватного существования. В частности, Гражданский кодекс РФ совсем недавно пополнился статьей 152.1, которая касается права человека на защиту его изображения. В комментариях к ней говорится: «*Без согласия* гражданина обнародование и использование его изображения допустимо, когда имеет место публичный интерес, в частности, если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или иной области), а обнародование и ис-

пользование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Вместе с тем *согласие необходимо*, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к частной жизни либо извлечение прибыли» [6, 87].

И все же так получается, что человек публичен в контексте СМИ именно концептуально. Журналисты привлекают общественный интерес к тем, кто сам этого интереса добивается или хотя бы заслуживает. А при определенных подходах оказывается, что заслуживают все. Цель — сделать достоянием многих даже самое незаметное, в особенности — тайное, а в очерковом жанре внимание обращено подчас и на заурядное: так, огоньковский текст С. Баймухаметова носил характерное название «Обыденщина». И это не редкость в СМИ: они допускают на свои страницы и в эфир немало обыкновенных историй, но ведь опять-таки для их обнародования — широкого распространения и освещения.

Концепция медийного персонажа складывается в процессе отражения действительности и воздействия на нее, а проявляется в ходе отбора, воплощения и оценки изображаемого. Собственно, оценка сказывается уже на уровне отбора, причем в публицистическом творчестве, скажем, она постоянно опережает прочие действия. В остальных случаях всё начинается с рефлексий познавательных, которые не сводятся к элементарному установлению соответствия/несоответствия идеалу. Формирование повестки дня, то есть селекция актуальных событий и притягательных персонажей осуществляется не только по принципу эксклюзивности, но и по шкале репрезентативности. Общие правила проступают везде — вплоть до самого на сегодняшний момент исключительного: преимущество среди прочих фактов получает имеющее черты представительские. А поскольку отклонения от нормы попадают в объектив чрезвычайно часто, они начинают восприниматься как сама норма.

Человек в журналистике обязательно социализируется: он выступает выразителем если и не массы, то в любом случае какой-либо страты. Уникальность стирается, индивидуум преобразуется в тип. Даже выдающаяся личность обычно привязывается к эпохе, нации, традиции, наличной элите. *Тю* так же, типологизируя, трактуют массмедиа и уникалов исторических — через актуализацию, приспособление к героям современности. СМИ, таким образом, подчеркивают существенное. Но одновременно они стремятся конкретизировать события, проблемы, тенденции, показывать их в лицах. Общую же закономерность обозначим следующим образом: персонаж в журналистике — это персонализированная репрезентативность.

Трактовка персонажа в литературоведении — атрибут категории метода, некогда активно и многоаспектно здесь разрабатываемого. В сравнении с этой теорией журналистики методы отображения (которые не следует путать с методами работы) толкуют достаточно элементарно — как способы представления информации, поэтому сюда входят констатация, описание, повествование, характеристика, объяснение, рассуждение, типизация [12, 174—84]. Нашего внимания в подобном ряду заслуживает сейчас, пожалуй, лишь последнее.

Однако в отличие от типизации литературно-реалистической, допустим, особенно выпуклой, медийная почти не предусматривает установки на постижение характеров, отмеченных оригинальностью, своеобразием, самостоятельностью, — напротив, акцентируются именно универсальность, родственность, коллективность качеств. Решая — среди прочих — задачи нравоописательные, журналисты почти везде выполняют их в неизбежно оперативном режиме, в спешке, сводя многосложные характеры даже не к типам, а к социальным ролям, едва ли не к типажам. На передний план выдвигается определенность чина, профессии, возраста, гендерной, политической, конфессиональной или иной принадлежности.

Руководитель, мать-одиночка, пионер, моджахед — фактически это амплуа, но не нравственно-психологические, как в мелодраме (где действуют почтенный отец семейства, интриган, простак), а нравственно-социологизированные. Типажность встречается, разумеется, и в искусстве: «У Мольера скупой скуп — и только» [18, 178], — как отмечал А. Пушкин. В самом деле, для классицизма, соцреализма, а в особенности для фольклора и масскульта, характерны формульность, то есть стереотипность [см. об этом: 9].

И все же у журналистики своя типологизация, еще более каноничная, скорее опирающаяся на модели восприятия, нежели претендующая на развитие его потенциалов. Поэтому, как сказано в одном из исследований массмедиа последних десятилетий, если там «что-то говорится о людях, то чаще всего о каких-то их общностях — студенты, эмигранты, новые русские, террористы, охранники, солдаты, избиратели, грузины, нотариусы, путешественники...» [19, 28]. Человек выступает как член группы, и характеризуется он по доминирующим качествам, общей направленности поведения. Возможно, он суммарен, потому что в силу принципиальной актуальности журналистской деятельности, во времени и пространстве располагается слишком близко к автору, существующему «здесь и сейчас», а ведь, как сказал С. Есенин, «лицом к лицу лица не увидать...» [7, 204].

Формируя представления аудитории о современном обществе, журналистика тяготеет к отображению определенному. По аналогии с художествен-

ными методами известные теоретики массмедиа вводят понятия «социального реализма СМИ» [11, 53] и «жизнеподобия» как сущности журналистики [см.: 10, 51, 94, 96—97]. Продолжая череду сопоставлений, отметим, что подобное роднит ее все-таки не столько с реализмом, сколько с натурализмом, наиболее очевидно заявившем о себе в XIX столетии на подходе к реализму в качестве школы, (в России — «натуральной», отличавшейся позитивистским реализмом [о чем см.: 2, 147, 149, 151, 152]), и на выходе из него — в качестве направления.

Натуралистическое познание мира художественными средствами отличалось эмпиричностью, недоверием к вымыслу и социологизмом. В писателях ценились именно те качества, которые теперь отличают качественный журнализм: расширение предмета изображения, внимание к деталям быта, фактологическая точность, нейтральность отношения. Недаром о мэтре отечественного натурализма П. Боборыкине и век спустя писали, что «он принципиальный наблюдатель и беспристрастный хроникер» [8, 60].

Соответственна и типизация, о которой литературовед говорит как будто бы об основном устремлении средств массовой информации, поскольку русские натуралисты предпочитали «фиксировать не столько физио- и психоаномалии современного человека, сколько новые, только еще нарождавшиеся типы и формы социальной жизни» [22, 151]. Это приводило к выше отмеченной нами в журналистике суммарности, стратификации, ограничению характеров доминирующими свойствами: натуралистический роман «был ориентирован на то, чтобы стать социологически точной и статистически выверенной “разверткой” определенного сегмента действительности, или, говоря иначе, “энциклопедией современной жизни”, сводом типажей, показательных для данной эпохи и для данного времени» [22, 152].

Исчезающая из типов характерность, конкретность сочеталась в романах, подобных боборыкинским [см. об этом: 22, 156—157], и до сих пор частично восполняется в репортажах и очерках, отличающихся установкой на познание реального, последовательно подробной обрисовкой условий действия и существования персонажей. Формула журналистской типизации вполне может выглядеть так: собираемые фигуры в специфических обстоятельствах.

СМИ довольно часто упоминают о множествах (людях, собравшихся в одном месте, трудовых коллективах, армейских подразделениях, народе или нации, наконец), но ведь и здесь характерность сосредоточенная, поэтому выделяющиеся лица в отдельном материале, как правило, единичны. И потому же затруднительно говорить о сходной с системой образов произведения художественного системе этих самых медийных лиц. Их круг даже в сравнительно объемных текстах почти всегда ограничен

главным персонажем и ньюсмейкером, а также автором. Причем первые два вполне могут совпадать, взаимозаменяться, а третий оставаться незаметным. Все остальные из перечисленных в публикациях еще более сливаются и составляют общий фон. Соответственно, и концепции человека предстают у журналистов в свернутом виде, либо вообще подменяются статусами. Исследователи контента современных городских газет составили такой список персонажей: обычные люди, руководители, специалисты, злоумышленники... [20, 14]. Сюда они приходят в качестве источников информации и представителей общественных трендов, выразителей повестки дня.

Конечно, события, в ней фигурирующие, обязательно привлекают и СМИ, и публику своей новизной, однако сюжеты прессы и телевидения тоже по преимуществу подводят актуальное к общему знаменателю, обозначая, например, террористическую опасность, неблагополучие в жилищно-коммунальной сфере, подъем патриотизма. А в сущности, медийные персонажи, подобно фольклорным, как это показано В. Проппом [17, 26—61], определяются исполняемой функцией. И дело даже не в том, что эта связь — жанровая, хотя наблюдается и такое (в заметках действующие лица лишь поименованы, в интервью они получают слово, в репортажах раскрываются уже многостороннее) — сам человек в СМИ представлен как функция.

И это тоже линия, идущая не от новейшей литературы, а от фольклора, не от романа, где, по словам М. Бахтина, человек «не может стать весь и до конца чиновником, помещиком, купцом, женихом, ревнивцем, отцом и т.п.» [3, 479], а, скорее, от эпоса, где «между его подлинной сущностью и его внешним явлением нет ни малейшего расхождения» [3, 476]. То есть как единство роман-газета не складывается: медийное мышление менее креативно, чем художественное, оно скорее отражающее, нежели преобразующее; мера пересоздания у писателей, имиджмейкеров, пропагандистов и журналистов разная.

Она сказывается прежде всего в соотношениях типа и прототипа, причем решающим оказывается отнюдь не номинальное наличие того и другого: в качестве исходных жизненных впечатлений последний как раз присутствует всегда, даже в случае с какой-нибудь сказочно-архаичной Бабой-ягой или фантастической Гостьей из будущего. И, наоборот, прототип обязательно превращается в тип повсюду, включая в этот ряд медийных авторов. И все же, по Аристотелю, историка (а ведь журналистику нередко называют историей современности) от поэта отличает то, что «один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть» [1, 655]. Противоположны, стало быть, не ресурсы способностей, а установки: на объективность у журналиста и на вымысел у художника. Поэтому образы в СМИ могут использоваться и прагматически используются, но

сам персонаж в образ не воплощается, будучи ограниченным по части авторского воображения.

Кажется, что именно о таком подходе к человеку писал Бахтин: «Его внутренний мир и все его внешние черты, проявления и действия лежат в одной плоскости. Его точка зрения на себя самого полностью совпадает с точкой зрения на него других» [3, 477]. Можно допустить, что журналисты не типизируют, а моделируют изображаемое, к тому же их модели, вслед за Л. Гинзбург, следует считать не искусственными, а натуральными [5, 6]. Для автора, читателя или зрителя и даже для самого прототипа медийные губернатор, работница, профессионал, преступник, жертва предстают и остаются губернатором, работницей и так далее — ровно по списку. Психологизм, который начинается с непредсказуемости, неожиданности [см. об этом: 5, 115, 118], здесь не в ходу: даже встречающиеся подчас попытки «очеловечить» персонажа — показать, допустим, чиновника без галстука — дают опять-таки фотографию, только на сей раз глянцево-цветную. Нам снова приходится возвращаться к тезису о репрезентативности журналистского подхода, отчасти объясняемого ориентацией многих текстов такого рода отнюдь не на художественность и интерпретацию, а на анализ, исследование, что отражено, в частности, в некоторых современных жанровых типологиях [см., например: 15, 139].

Моделирование и трактовка, разумеется, определяются по преимуществу позицией и степенью активности автора, а он даже в физиологическом очерке, по мнению А. Гениса, «всего лишь невидимый посредник между жизнью и читателем» [4, 104]. Автор-журналист продолжает быть координатором, принимает на себя разные роли [см. об этом: 21, 176—180], не останавливается на элементарном обозначении персонажей — практикует разнообразные формы характеристики персонажей (портретные, поведенческие, предметные, речевые, прямые, сторонние, взаимные...), и все же в данном отношении заметно скупее писателя или режиссера. Поэтому и сопереживания аудитории, обязательные для осуществления эстетической функции искусства, не слишком часто разворачиваются в сфере медийной.

Особенности и условия восприятия СМИ оказались у нас несколько в тени, однако именно они в немалой степени диктуют свою волю журналистам в периоды не только коммерциализации, но и политизации общества. Избыточная персонализация информирования, которое происходит теперь быстро и фрагментарно, вряд ли заслужила бы одобрение, зато типовая подача известных лиц в масскультуrom ключе, напротив, подавляющую часть публики вполне устраивает. Получается, что выявленная нами трактовка медийных персонажей, отличающаяся прежде всего публичностью и репрезентативностью, является результатом двоякого подчинения,

закономерно формируется с обеих сторон: и со стороны автора, действующего в рамках особой профессии, которая предполагает актуальное отражение, немедленное исследование действительности, и со стороны аудитории, желающей находить в журналах и газетах, в телепрограммах и на сайтах нечто адекватное собственным познавательным потребностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. — Москва: Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 645—680.
2. Афанасьев Э. Постклассический реализм Чехова / Э. Афанасьев // Новый мир. — 2017. — № 4. — С. 146—167.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. Бахтин. — Москва: Художественная литература, 1975. — 504 с.
4. Генис А. Иван Петрович умер: Статьи и расследования / А. Генис. — Москва: Новое литературное обозрение, 1999.
5. Гинзбург Л. О литературном герое / Л. Гинзбург. — Ленинград: Советский писатель, 1979. — 224 с.
6. Голованов Д. Не все фото одинаково полезны / Д. Голованов // Журналист. — 2016. — № 12. С. 86—87.
7. Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. / С. Есенин. — Москва: ГИХЛ, 1961. — Т. 2. — 315 с.
8. История русской литературы: в 4 т. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917). — Ленинград: Наука, 1983. — 784 с.
9. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Дж. Г. Кавелти // Новое литературное обозрение. — № 22 (1996). — С. 33—64.
10. Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение: Учебное пособие / С. Г. Корконосенко. — Москва: Логос, 2010. — 248 с.
11. Короченский А. П. Мировая журналистика: история, теория, практика: Сб. научн. и публицист. работ / А. П. Короченский. — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. — 240 с.
12. Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов / Г. В. Лазутина. — Москва: Аспект Пресс, 2004. — 240 с.
13. Мандельштам О. О собеседнике / О. Мандельштам // Собр. соч.: в 2 т. / О. Мандельштам. — Москва: Художественная литература, 1990. — Т. 2. — С. 145—150.
14. Назайкин А. Н. Как манипулировать журналистами: практич. пособие / А. Н. Назайкин. — Москва: Дело, 2004. — 240 с.
15. Основы творческой деятельности журналиста: учебник. — Санкт-Петербург: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. — 272 с.
16. Померанц Г. Фельетонизм и Кастанья / Г. Померанц // Журналист. — 1997. — № 12. — С. 51—53.
17. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва: Лабиринт, 2001. — 192 с.
18. Пушкин А. С. Table-Talk / А. С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. — Москва: Художественная литература, 1976. — Т. 7. — С. 174—179.
19. Севрюкова А. Личность без личной жизни / А. Севрюкова // Журналист. — 1996. № 10. — С. 28—29.
20. Свитич Л. Г. Коммуникативные характеристики контента городских газет (по результатам контент-анализа) / Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова, А. А. Ширяева, М. В. Шкондин // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 3—27.
21. Страшнов С. Актуальные медиапонятия: опыт словаря сочетаемости / С. Страшнов. — [Б. м.]: Издательские решения, 2017. — 236 с.
22. Чупринин С. «Фигуранты» — среда — реальность (К характеристике русского натурализма) / С. Чупринин // Вопросы литературы. — 1979. — № 7. — С. 125—160.

Ивановский государственный университет

Страшнов С. Л., доктор филологических наук, профессор

E-mail: sstrashnov@yandex.ru

Ivanovo State University

Strashnov S. L., Doctor of Philology, Professor

E-mail: sstrashnov@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭФИРЕ ПРИДНЕСТРОВСКИХ РАДИОСТАНЦИЙ

Ю. В. Ткаченко

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 19 октября 2017 г.

Аннотация: приднестровское радиовещание на протяжении всей своей истории отражало те общественные и социальные процессы, которые происходили в регионе. Статья посвящена опыту приднестровских радиостанций в освещении социальных вопросов.

Ключевые слова: социальная журналистика, Приднестровская Молдавская Республика, радиовещание, социальная проблематика.

Abstract: *transnistria broadcasting throughout all the history reflected those public and social processes, which happened in the region. The article is devoted to the experience of the Transnistrian radio stations in the coverage of social issues.*

Keywords: *social journalism, the Pridnestrovian Moldavian Republic, broadcasting, social issues.*

Понятие «социальная журналистика» весьма многогранно. По мнению И. А. Зацепиной, «её специфика до конца не осознанна, предмет не определён, а функции достаточно расплывчаты. Позиции в этом вопросе весьма разнообразны и противоречивы: они колеблются от утверждения о том, что вся журналистика социальна, до убежденности, что отдельного предмета социальной журналистики не существует» [1].

По определению А. А. Зайцевой, «социальная журналистика — это журналистика сферы социальных отношений, которая оказывает непосредственное влияние на жизнь общества, требует в работе высокой социальной ответственности и ставит своей конечной целью содействие положительным изменениям в социуме» [2].

Социальная проблематика в СМИ представлена, прежде всего, тремя основными тематическими группами:

1. Особенности и условия жизни незащищенных слоев населения (детей-сирот, многодетных и неполных семей, пожилых людей, людей с ограниченными возможностями).

2. Факторы, определяющие качественный уровень жизни населения, среди которых проблемы в трудовой сфере, области здравоохранения, образования, экологии, жилищно-коммунального хозяйства и др.

3. Социальные болезни: наркомания, алкоголизм, ВИЧ и др.

Все эти темы в той или иной степени освещаются на радио. Для этого используется широкий спектр жанровых форм и творческих приемов: от интерак-

тивных передач с участием представителей власти до портретных зарисовок, от коротких новостей в информационной программе до масштабных обзоров социальных событий.

Для приднестровского радио примером служат российские радиопередачи, освещающие социальную тематику. Это «Детский вопрос» [3] с Инной Зотовой на «Радио России», благодаря которому за 12 лет работы в эфире (и за пределами эфира) более 3000 детей из детских домов обрели семью; «Облака» [4] («Радио России») — программа о жизни заключенных; «Калина красная» [5] — конкурс песни среди осужденных; «Им нужна ваша помощь» [6] — коротенькая рубрика на радиостанции «Эхо Москвы», собирающая деньги на лечение детей; «Адреса милосердия» [7] («Радио России») — передача о благотворительных организациях; «Нужна помощь! Пропали люди» [8] — объявления под такой рубрикой на радиостанции «Эхо Москвы» организуют волонтеров на поиски пропавших. Все эти программы объединяет одно: их социальная сердцевина, их обращенность к обществу, попытка помочь людям в сложной жизненной ситуации.

Социальная проблематика на приднестровском радио представлена программами государственных радиостанций «Радио 1» и «Радио Приднестровья» [9]. Сам процесс становления и развития радиовещания в Приднестровье носит ярко выраженный социальный характер. Это обусловлено историческими процессами, приведшими к созданию республики.

Проблема языка в конце 80-х — начале 90-х гг. в Молдове из разряда сугубо политических перешла в разряд остросоциальных, а закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» [10], принятый Парламентом Молдовы 1 сентября

1989 года, запустил ряд общественных трансформаций и повлек за собой необратимые процессы: дискриминацию и увольнения по национальному принципу, сокращение числа русских школ и более глубинные, идеологические, такие как расцвет национализма в исконно полиэтническом регионе. Все это привело в конечном итоге к провозглашению в 1990 году Приднестровской Молдавской Республики.

7 августа 1991 года была создана редакция радиовещания, получившая название «Радио Приднестровья». Уже тогда приоритетом канала стало освещение событий на трех официальных языках республики: русском, молдавском, украинском. Социальный аспект этого решения заключался не только в возможности свободного доступа граждан к информации на родном языке, но и в укреплении добрососедских отношений между людьми разных национальностей.

В период вооруженного конфликта на Днестре в 1992 году в эфире появляется социальная программа «Поиск» (автор и ведущая Валентина Кочубей). Основной целью передачи был поиск людей, без вести пропавших в ходе военных действий. В передаче звучали интервью с солдатами и казаками, письма слушателей, оглашались списки погибших, сообщались телефоны и адреса беженцев. К тому же передача давала беспрецедентную возможность высказаться о происходящих в республике событиях.

Возникновение и развитие передачи «Поиск» было продиктовано большим количеством писем, которые поступали в редакцию (около четырехсот в неделю). В большинстве своем в письмах содержались просьбы разыскать пропавших родственников. Также писали люди, сочувствующие и сопереживающие приднестровцам.

У передачи не было четко определенного времени звучания в эфире. Журналисты работали с тем количеством материала, который удавалось собрать. Так что иногда программа продолжалась полчаса, а иногда длилась более двух часов. Такая форма работы в экстремально-военных условиях и при восьмичасовом трансляционном дне была оправдана. Передача прекратила свое существование, когда в ней отпала актуальная необходимость: беженцы вернулись домой, а пропавшие нашлись.

Дальнейшее развитие «Радио Приднестровья» во многом было определено циклом передач «Общественная приемная». Над программой работали Ольга Кондратьева и Анатолий Кириллов. Программа освещала социальные проблемы, в основном условия жизни неблагополучных слоев населения — ветеранов, инвалидов, пенсионеров. Их просьбы и откровения, поступающие в редакцию в виде писем, стали основой передачи.

Работая над «Общественной приемной», авторы занимались решением квартирных вопросов, посещали детские дома, медицинские учреждения, госадми-

нистрацию, разрушающиеся дома, непригодные для жизни. Это была первая программа на территории ПМР, которая проводила журналистские расследования. Передача, оказывающая людям вполне конкретную помощь, была весьма популярной.

Позже, в начале 2000-х гг., на волнах «Радио Приднестровья» появилась программа «Горячая линия». Слушатели могли позвонить в редакцию и рассказать о своей сложной ситуации. Журналисты разговаривали с чиновниками, специалистами и в эфире освещали заявленную тему, пытались найти решение проблемы.

На сегодняшний день на приднестровских радиостанциях довольно много программ социальной направленности. Они выполняют следующие функции.

1. *Информирование* о решениях и инициативах в социальной сфере. В информационных выпусках и итоговых программах «Радио 1» звучат заметки, интервью, репортажи, проводятся опросы на актуальные для социальной журналистики темы:

— социально-трудовые отношения и экономическая политика:

Сельским аптекам могут быть предоставлены налоговые льготы;

Подходящий налог для молодых сельских врачей и учителей могут отменить на пять лет;

Ситуация в социальной сфере Каменского района продолжает улучшаться;

Пенсию за часть стажа, не учтенного за пределами республики, предложено выплачивать в Приднестровье;

В Приднестровье будут внедрены новые формы контроля обеспечения безопасности граждан;

В столице обострилась проблема с занятостью населения [9];

— проблемы незащищенных слоев населения: *Российские надбавки к пенсиям выплатят при поступлении очередного транша гуманитарной помощи;*

В зимний период аварийно-спасательные службы традиционно проводят акцию в поддержку одиноких пенсионеров и малоимущих;

Необходимость участия безработных граждан в социально полезных видах деятельности с начала года отменена;

Нуждающиеся семьи Слободзейского района обеспечены дровами;

В Дубоссарах в рамках операции «Подросток» задержано 45 безнадзорных детей [9];

— состояние окружающей среды, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и др.:

Коммунальные службы Дубоссар продолжают борьбу со снежными заносами;

В Приднестровье в связи со снегопадами экстренные службы продолжают работать в усиленном режиме;

В Днестровске прошла экологическая акция «Посади своё дерево» [9].

К сожалению, не все темы, относящиеся к социальным, широко представлены в эфире. Крайне редко освещаются такие темы, как опыт работы некоммерческих организаций с населением, темы нравственного воспитания молодежи и здорового образа жизни людей.

2. *Выстраивание социального диалога.* Радио в этом контексте становится площадкой для обсуждения набравших вопросов и устранения недопонимания между обществом и властью. Эту задачу реализуют аналитические дискуссионные передачи с использованием обратной связи с аудиторией. Однако продуктивность и реальный эффект от подобных программ происходит только в случае обоюдного желания налаживать контакт. По утверждению В. Ф. Олешко, «в этот процесс должны быть включены не только профессиональные журналисты. Они, что называется «по умолчанию», в современных условиях включены в диалоговые отношения с реальной и потенциальной аудиторией. Без этого журналист находится словно бы и вне профессии. Но в том-то и дело, что социальная журналистика того же требует и от читателя газет или журналов, телезрителя, пользователя сетевых СМИ» [11]. На «Радио 1» в рамках утренних и дневных прямых эфиров поднимались такие социально значимые темы, как работа детских домов, усыновление, параолимпийское движение, молодежная политика, экологические проблемы, состояние жилищно-коммунальной сферы и др. И при наличии диалога многие из этих задач удалось решить.

3. *Распространение идей милосердия и взаимопомощи.* Такие передачи обращаются к нравственным и ценностным ориентирам общества. Этой цели служит программа «На стороне добра», рассказывающая о добрых поступках людей, и циклы передач на военную тему: «Летопись», «Место подвигу», «Города победы», «Истории военных песен», «Женщины — героини войны», «Имена и судьбы».

4. *Помощь конкретным людям в сложной жизненной ситуации.* Это, пожалуй, самое сложное проявление социальной журналистики, поскольку предполагает не только журналистскую реакцию на событие/явление, а требует реальных действий и усилий, выходящих далеко за рамки редакционной работы. Подходящей формой реализации этих задач можно назвать социальный проект. В Приднестровье наиболее ярким примером такой работы стала социальная кампания «Ищу тебя, моя семья» [12], стартовавшая в июне 2014 года. Ее организаторы — Приднестровская государственная телерадиокомпания совместно с Министерством по социальной защите и труду и Республиканским благотворительным фондом «Дари добро». Уже прошло три этапа проекта. Радиостанция «Радио 1», входящая в состав ПГТРК также принимала участие в освещении акции и рассказывала о ее участ-

никах, детях-сиротах. За время проекта многие из них обрели семью — были усыновлены или взяты под опеку. Кроме того, в рамках социальной кампании были собраны средства для нужд детских домов и интернатов республики.

По мнению И. А. Зацепиной, «идея социальной, общественной журналистики, вытесненная экономическими и политическими реалиями нашего времени, сейчас выходит на первый план. Это связано с необходимостью стабилизации общества. Без полноценной социально ответственной журналистики невозможно организовать общественный диалог» [1].

По утверждению Р. Г. Иванян, взаимодействие журналистики с институтом социальной работы происходит по нескольким направлениям: «1) СМИ отражают процессы и ситуации, складывающиеся в обществе; 2) журналистика выполняет интеграционную роль, помогая адаптироваться нуждающимся социальным группам, поддерживая стабильность социума, сглаживая внутренние противоречия; 3) СМИ содействуют формированию общественного мнения и гражданских инициатив; 4) влияние журналистов на управленческую деятельность власти помогает в лоббировании законодательства, необходимого для защиты наиболее социально уязвимых групп населения; 5) журналистика актуализирует социальные проблемы в сознании аудитории и, придавая социальной проблеме персонафицированный личностный характер, создает чувство сопричастности; 6) СМИ становятся инициаторами акций по оказанию социальной помощи нуждающимся; 7) СМИ участвуют в профилактике негативных социальных явлений; 8) СМИ могут выступать в качестве субъектов социальной, координационной, юридической, психологической помощи» [13].

Все эти утверждения в той или иной мере справедливы и для радиовещания. Конечно, и в приднестровском радиовещании наблюдаются тенденции, направленные на коммерциализацию эфира и упрощение анализа событий в угоду оперативности и коммерческой выгоде, повторение одних и тех же творческих подходов и приемов работы. Тем не менее сохраняются и развиваются программы социальной направленности, журналисты пытаются сделать их интересными.

Социальная журналистика, в том числе и радиожурналистика, обладает широким спектром возможностей для решения социальных проблем и оптимизации процессов, протекающих в обществе, в том числе процессов духовного и нравственного развития. Пытаясь смягчить взаимоотношения между людьми посредством привнесения в общественное сознание идей милосердия, толерантности, сострадания, взаимопомощи, социальная журналистика тем самым реализует важнейшую функцию духовного оздоровления общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зацепина И. А. Социальная журналистика как организатор общественного диалога / И. А. Зацепина. — URL: <http://elibrary.ru/bitstream/123456789/1044/1/1966—1969.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).
2. Зайцева А. А. Социальная проблематика в СМИ: приоритеты, проблемы и пути развития / А. А. Зайцева // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2010. — № 2. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-problematika-v-smi-prioritety-problemy-i-puti-razvitiya> (дата обращения: 12.01.2017).
3. Детский вопрос // Радио России: офиц. сайт. — URL: <http://deti.radiorus.ru/> (дата обращения: 11.01.2017).
4. Облака // Радио России: офиц. сайт. — URL: <http://www.radiorus.ru/brand/about/id/57151/> (дата обращения: 11.01.2017).
5. Калина красная // Радио России: офиц. сайт. URL: <http://www.radiorus.ru/brand/about/id/57205/> (дата обращения: 11.01.2017).
6. Им нужна ваша помощь // Эхо Москвы: офиц. сайт. — URL: <http://echo.msk.ru/doc/573500-echo.html> (дата обращения: 11.01.2017).
7. Адреса милосердия // Радио России: офиц. сайт. — URL: <http://www.radiorus.ru/brand/about/id/57168/> (дата обращения: 11.01.2017).

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Ткаченко Ю. В., старший преподаватель кафедры литературы и журналистики

E-mail: julia-polia@mail.ru

8. Нужна помощь! Пропали люди // Эхо Москвы: офиц. сайт. — URL: <http://echo.msk.ru/doc/712591-echo/comments.html> (дата обращения: 11.01.2017).

9. Радио 1 (Радио Приднестровья) // ГУ «Приднестровская государственная телерадиокомпания»: офиц. сайт. — URL: <http://radio.pgtrk.ru/> (дата обращения: 12.01.2017).

10. Закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» от 1 сентября 1989 г. № 3465 // *Veştire*. — 1989 г. — № 9. — Ст. 217

11. Олешко В. Ф. Социальная журналистика: какой она должна быть в информационную эпоху?.. / В. Ф. Олешко // Вестник ЧелГУ. — 2012. — № 5 (259). — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zhurnalistika-kakoy-ona-dolzha-byt-v-informatsionnuyu-epohu> (дата обращения: 11.01.2017).

12. Социальная кампания «Ищу тебя, моя семья» // Министерство по социальной защите и труду Приднестровской Молдавской Республики: офиц. сайт. — URL: http://minsoctrud.org/soc_companiya_ishu_tebya_moya_semiya/ (дата обращения: 12.01.2017).

13. Иванян Р. Г. Журналистика и социальная работа: природа и опыт институционального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Р. Г. Иванян. — Санкт-Петербург, 2007.

Pridentrovian Shevchenko State University
Tkachenko Y. V., Senior Lecturer of the Literature and Journalism Department
E-mail: julia-polia@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 октября 2017 г.

Аннотация: в статье показано, какие ценности преобладают в современной спортивной журналистике, как порой нарушаются этические и профессиональные стандарты, что негативно отражается на эффективности и действенности журналистских выступлений.

Ключевые слова: спортивная журналистика, ценности, социальное признание, авторитет, долг перед окружающими, этические стандарты, профессиональные стандарты.

Abstract: the article shows what values prevail in modern sports journalism, how ethical and professional standards are sometimes violated, which negatively affects the effectiveness and efficiency of journalistic speeches

Key words: sports journalism, values, social recognition, authority, duty to others, ethical standards, professional standards.

Применительно к теме данной статьи из множества значений понятия ценностей мы выделим те, что ориентируются на «нормы, цели и идеалы, к которым стремится человек как к чему-то значимому, возвышенному и т.д.», а также те, которые имеют в виду соответствие того или иного явления, процесса, поступка или события «объективным общественным потребностям и интересам» [1]. При этом мы намерены рассматривать ценности как с позиции личности — конкретных участников спортивных состязаний, так и с позиции общества (в нашем случае — сообщества болельщиков). Учет также иерархичность значений ключевого понятия: есть общественная ценность спорта как важнейшего социального института с его воспитательным потенциалом и есть такие конкретные ценности, как ценности здоровья, физического совершенства, становления характера, честного соперничества, чувства коллективизма, справедливости. Заметим, что многое из перечисленного либо подкрепляется, либо корректируется ментальными национально-традиционными установками. Например, до сих пор в нашем обществе по-разному относятся к материальным ценностям. С одной стороны, россияне, зная, что спортивная жизнь коротка, вполне лояльно относятся к высоким заработкам спортсменов, с другой — они же, живущие на мизерные бюджетные оклады, не могут внутренне не протестовать против сверхвыгодных контрактов, заоблачно высоких призовых тех же футболистов, имеющих достаточно скромные спортивные результаты на европейской и мировой аренах.

В нашем обществе по-прежнему в приоритете «социальное признание и авторитет» и «долг перед окружающими», что находит отражение и в спортивной прессе. Так, петербургская интернет-газета рассказала об истории кенийского бегуна Абеля Мутаи, лидировавшего на своей коронной дистанции 3000 метров в соревнованиях с солидным призовым фон-

дом: «Но примерно за десять метров до конца дистанции кенийский бегун остановился, ошибочно решив, что он уже пересек финишную черту. Мутаи остановился и начал хлопать болельщикам, не понимая подсказок на испанском языке о том, что конец дистанции только через десять метров.

Бежавший вторым испанец Иван Фернандес Анайя настиг кенийца и мог бы легко закончить забег на первом месте. Но вместо того, чтобы использовать ошибку соперника, Анайя принялся толкать кенийца в спину и рукой показывать ему, где находится финишная черта. Испанский бегун упустил верную возможность победить, он фактически привел кенийца к финишу и не обогнал его.

Когда после окончания дистанции Ивана Фернандеса Анайю спросили, неужели он не хотел победить, то 24-летний бегун из Витории (чемпион Испании в беге на 5000 метров) ответил следующее: «Нет, я очень хотел выиграть. Но даже если бы на кону было место в составе сборной Испании для поездки на чемпионат Европы, я все равно поступил бы так же. Я не заслуживал победы — отрыв был велик, и я не имел шансов догнать соперника, если бы он не ошибся. Мне важнее сохранить достоинство, чем выиграть золотую медаль. Знаете, все мы видим, какие вещи порой происходят в спорте, в обществе, в политике... Люди слишком часто видят неправильные модели поведения. Я рад, что поступил иначе» [2].

В этом смысле обращает на себя внимание и материал Алексея Третьяка о примерах благородства в футболе. Журналист рассказал о том, как честь поднять победный Кубок Лиги чемпионов была предоставлена «французскому защитнику Эрику Абидалю, который за два месяца до того перенес тяжелую операцию по удалению опухоли в печени»; о том, как футболисты «Королевского клуба» вышли на очередной матч чемпионата Испании в майках со словами поддержки в адрес тренера команды соперника, перенесшего операцию по

удалению опухоли околоушной слюнной железы; о том, как немецкий нападающий Мирослав Клозе, забив гол рукой, признался в этом арбитру встречи и попросил отменить собственный гол. В заключение автор написал: «Если Клозе нашел в себе силы признаться арбитру в нечестно забитом голе в матче чемпионата Италии, то легендарный Игорь Нетто сделал это на чемпионате мира».

Это случилось на мундиале 1962 года во время последнего и решающего матча за выход из группы, сборной СССР противостояла команда Уругвая. При счете 1:1 сборная Советского Союза забила гол через дырку в боковой сетке ворот. Несмотря на протесты уругвайских футболистов, судья взятие ворот засчитал. И лишь после того, как Игорь Нетто подошел к арбитру и признался, что гола не было, тот отменил свое решение. Сборная СССР в итоге все равно выиграла, а поступок Игоря Нетто навсегда вошел в историю мирового футбола» [3].

К сожалению, в спорте немало фактов противоположного свойства. Скандалы нередко сопровождают и саму спортивную журналистику, представители которой нарушают и этические, и профессиональные стандарты. Так, интернет-издание *Meduza* сообщило о публикации во «ВКонтакте» записи не предназначавшегося для эфира разговора, в ходе которого известный комментатор Геннадий Орлов «рассказывает о банкротстве “Матч-ТВ”, он также называет главного редактора газеты “Советский спорт” Николая Яременко “дураком” и “идиотом”; заявляет, что “Матч-ТВ” делает “продукт, который не имеет отношения к телевидению”; наконец, признается, что ему неприятна Тина Канделаки» [4].

Sovsport поведал о потасовке в аэропорту «Шереметьево» между тренером сборной России по биатлону Павлом Ростовцевым и журналистом Дмитрием Губерниевым: «По мнению Ростовцева, причиной этого послужило то, что Губерниев в развязной манере позволил высказываться в отношении тренерского штаба российских биатлонистов. А конкретно тренеров женской сборной команды Волфганга Пихлера и самого Павла Ростовцева» [5]. Издание напомнило и о том, что в свое время тот же комментатор «позволил себе оскорбительные высказывания в адрес голкипера “Зенита” и сборной России Вячеслава Малафеева (не зная, что микрофон по-прежнему включен и он в эфире). Футболист подал на популярного комментатора в суд и выиграл дело».

Вспоминается и конфликт 2013 г. между футболистом Романом Павлюченко и Василием Уткиным, работавшим тогда на «Эхе Москвы»: «Уткин заявил о том, что может рассказать, в каком баре и в каком неприглядном виде поет песни под караоке потерявший голевое чутье нападающий. Вскоре Уткину позвонил

Павлюченко и, по словам комментатора, пообещал отрезать тому язык. В итоге Василий объявил награду тому, кто пришлет ему видео эстрадных выступлений Романа в непотребном виде. “Плачу 150 тысяч рублей за видео бухого или веселящегося Павлюка — с подтверждением даты,” — написал Василий в “твиттере”» [5].

Как видим, даже лексика порой не отличает распоясавшегося спортсмена и развязного журналиста, хотя и те, и другие должны пропагандировать лучшие стороны спорта, способствовать росту культуры спорта в самых разных его проявлениях. Между тем, как справедливо пишет Н. И. Формановская, для журналиста речевой этикет, под которым «понимаются регулирующие правила поведения, система национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [6, 69], особенно важен: ведь от этого зависит эффективность и действенность его выступлений. Призывая спортсменов к победам, спортивные журналисты сами также должны достигать высоких результатов в своей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ценности современного спорта в условиях различных социальных систем. — Режим доступа: <http://www.libsid.ru/sotsiologiya-fizicheskoy-kulturi/sovremenniesotsiologicheskie-problemi-fizicheskoy-kulturi-i-sporta/tsennosti-sovremennogo-sporta-v-usloviyach-razlichnichsotsialnich-sistem> (дата обращения 21.10.17).
2. Испанский бегун напомнил, что спорт может быть честным // Фонтанка.ру — Режим доступа: <http://blog.fontanka.ru/posts/123774/> (дата обращения 22.10.2017).
3. Третьяк А. Самые трогательные поступки в истории мирового футбола / А. Третьяк // — Режим доступа: Чемпионат.com. — <https://m.championat.com/article/sport/football/167537/> (дата обращения 22.10.2017).
4. Что опять не так с «Матч-ТВ». В соцсети случайно попало разоблачительное выступление его комментатора // Meduza. — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/05/26/chto-opyat-ne-tak-s-match-tv-v-sotsseti-sluchayno-popalo-razoblachitelnoe-vystuplenie-ego-kommentatora> (дата обращения 22.10.2017).
5. «Выскочил, плюнул — и был таков». 5 самых громких скандалов с участием спортивных журналистов // Sovsport. — Режим доступа: <http://m.sovsport.ru/boxing/articles/1005566-gassiev-ne-spravitsja-s-dortikosom-chto-pokazal-boj-murata-s-vlodarchikom?from=scroll> (дата обращения 22.10.2017).
7. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М., 1989.

ПРАКТИКА РЕДИЗАЙНА САЙТА СТРУКТУРНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВУЗА

В. В. Тулупов, И. А. Щекина, Л. А. Браславец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье рассказывается об исследовании содержания, формы и эффективности факультетских сайтов, а также о процессе разработки и обновления дизайна сайта факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Ключевые слова: дизайн, сайт, параметры оценки, техническое задание, бриф.

Abstract: the article tells about the study content, form and effectiveness of the faculty's sites and also about the process of developing and updating the design of the website of the faculty of journalism of Voronezh state University.

Keywords: design, website, evaluation parameters, technical requirements, brief.

Преимущества веб-сайта как инструмента обеспечения вузовской деятельности очевидны: информационная мобильность, общедоступность, а также мультимедийность. В настоящее время это наиболее эффективное средство позиционирования направлений и специальностей на рынке образовательных услуг, привлечения абитуриентов, спонсоров, партнеров, обеспечения узнаваемости «марки», оперативного разрешения проблем и обратной связи.

Несколько лет назад Рекламный центр ВГУ провел исследование сайтов всех восемнадцати факультетов с точки зрения их содержания и формы. Система оценки эффективности сайтов была разработана в соответствии с современными методиками [1, 2]; для определения индекса цитируемости, а также определения присутствия сайтов в каталогах был использован сервис CY-PR.com [3]. Эксперты определили такие группы актуальных оценочных параметров, как **контент; удобство пользования; дизайн; наличие полезной информации; технологический аспект и популярность**¹.

При рассмотрении контента исследовательская группа обращала внимание на *полноту, актуальность и качество информации* (история, достижения, направления подготовки, научная деятельность факультета; сведения о кафедрах и преподавателях; наличие раздела с информацией для абитуриентов — в том числе информацией об олимпиадах для школьников, о конференциях для учащихся и т.д.; раздел для студентов — расписание занятий, анон-

сы событий, конкурсов и т.д.; наличие информации о выдающихся выпускниках; регулярность обновления новостей). *Удобство использования сайта* предполагает логичность его структуры, легкость поиска нужной информации; *визуальное решение* — графика сайта, обеспечивающая пользователя адекватными средствами достижения своих целей (гармоничность и привлекательность дизайна; полнота иллюстративного материала, качество фотографий). К *полезным материалам* были отнесены: информация для абитуриентов и студентов; наличие на сайте документов для скачивания в форматах pdf (Adobe Acrobat PDF), doc (MS Word), наличие размещенных на сайте научных публикаций преподавателей и сотрудников вуза и ссылок на публикации. Группа «*Технологический аспект и популярность*» включила такие параметры, как «видимость» сайта в поисковых системах, присутствие в каталогах; число ссылок (индекс цитирования); корректность внутренних и внешних ссылок.

В результате были отмечены как достаточно эффективные сайты, так и те, что нуждались в существенной доработке, требовали реорганизации и редизайна. Исследовательская группа сформулировала общие рекомендации по повышению эффективности факультетских сайтов ВГУ, и первая из них — необходимость регулярного обновления новостей. При этом новости должны были отвечать требованиям оперативности, эксклюзивности, значимости для конкретной целевой группы. Среди других — периодический контроль за тем, чтобы ссылки работали и работали правильно; максимально полное представление профессорско-преподавательского состава, а также лучших выпускников; постоянная актуализация информации для студентов и абитуриентов (при этом информацию об актуальных мероприятиях для абитуриентов, которые проводит факультет — об олимпиадах, конкурсах, лекциях,

¹ Корректнее было бы четвертую группу параметров присоединить к первой, а технологичность (пятую группу) рассматривать в рамках третьей группы параметров.

конференциях — было предложено дублировать на главной странице). Отмечено, что важно не только размещать на сайте учебные и методические материалы, но и делать их доступными для копирования. Было рекомендовано соблюдать баланс между «академичностью» факультетских сайтов и их нацеленностью на молодежную аудиторию: не делать дизайн слишком консервативным или слишком фривольным (не следует мельчить со шрифтами; разделы с большим количеством текстовой информации необходимо иллюстрировать документальными фотографиями, аудио- и видеоматериалами; желательно использовать дополнительные средства привлечения внимания, например, тренажеры по ЕГЭ, форумы, ссылки на официальные и неофициальные профили, группы факультетов в социальных сетях и т.д.). Дополнительно администраторам сайтов было предложено разместить контент, нацеленный на иностранных студентов: разработать полную или сокращенную англоязычную версию сайта факультета, создать вкладки на разных языках с основной информацией или разместить на главной странице ссылки на иноязычные сайты университета.

Сайт факультета журналистики в этом исследовании был отмечен как один из лучших в ВГУ, но и он нуждался в обновлении, что и было сделано в 2017 году. Заказчик к заключенному договору приложил техническое задание, составившее около 20 страниц, поэтому приведем здесь лишь наиболее важные его пункты.

Сначала были обозначены *термины*, используемые в техническом задании (страница, браузер, URL-адрес, проект, веб-страница и т.п.), далее шли разделы «Общее описание проекта», «Формат предоставления материалов», «Требования проекта»:

«1. *Требования к дизайну.* Дизайн официального сайта должен быть современным и эстетически оформленным, не перегруженным лишними элементами, интуитивно понятным и удобным как для новых посетителей, так и для постоянных пользователей. Расположение информационных материалов должно соответствовать оформлению, применяемому в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для официальных сайтов порталов, минимум оформительской графики, фотографического и видеографического материала, информационная насыщенность; каждый графический, фотографический, видеографический элемент должен выполнять свою функцию. Дизайн должен ориентироваться на разрешение экрана 1200x800. Дизайн должен быть адаптивным под иные разрешения браузера. Фирменные цвета: оттенки синего, желтый.

2. *Требования к верстке.* Официальный сайт должен просматриваться в браузере без горизонтального направления вверх или вниз при ширине экрана материально-технических средств посетителей или пользователей от 1024 пикселей по горизонтали. Изо-

бражение текстовых и графических (фотографических и видеографических) материалов должно быть фиксированным (не тянуться при большем разрешении экрана материально-технических средств у посетителей или пользователей). Сайт должен быть кроссбраузерным и корректно просматриваться в популярных веб-браузерах.

3. *Технические требования.* Для корректной работы официального сайта на материально-технических средствах (сервере разработки) исполнителя либо на материально-технических средствах (хостинг-сервере) хостинг-провайдера требуется определенное программное обеспечение (ОС *nix; СУБД MySQL версии 5.0.x или старше; веб-сервер Apache версии 1.3.xx или 2.x.x или связка front-end и back-end br кеширующего сервера и веб-сервера Apache, с загруженным модулем mod_rewrite; PHP версии 5.1.0 и выше, установленный как модуль веб-сервера Apache).

Для корректной работы с официальным сайтом посетителей или пользователей требуется IBM-совместимый компьютер с установленным браузером IE8.0 и выше, или Opera 9.0 и выше, или Firefox 9.0 и выше. Рабочее разрешение экрана материально-технических средств у посетителей или пользователей должно быть не ниже 1024*768 пикселей. В браузере должно быть разрешено использование файлов cookies (как из информационно-телекоммуникационной сети Интернет, так и хранящихся на материально-технических средствах пользователя) и выполнение клиентских скриптов».

Описание проекта включило «Систему администрирования», «Управление структурой официального сайта и контентом», «Структуру сайта». Так, о главной странице в техническом задании написано было следующее: «На главную страницу выводится лента новостей (вернее, две ленты — “Новости” и “Анонсы”); анонс материала представляет собой заголовок + 1-2 первых фразы (лид) + миниатюра изображения (требуется возможность закрепления анонса наверху списка и задания времени актуальности материала, по прошествии которого он автоматически скрывается; желательна возможность настроить количество анонсов в списках на главной странице; также желательно, чтобы анонсы органично смотрелись и без изображения, если в основном материале их нет).

Также на главной странице должен присутствовать блок фиксированных объявлений (заголовок + само объявление), количество которых может варьироваться (теоретически) от 0 до 6 (они должны демонстрироваться одновременно, не в виде слайдера, но желательно, чтобы они были компактнее, чем нынешние).

Ещё один обязательный блок — «Фотофакт» — содержит заголовок и мини-галерею (3 изображения, возможно, слайдер, но не анимированный, с ручным перелистыванием изображений)».

Помимо технического задания был создан бриф на разработку сайта, на который принимающая сторона опиралась при контроле процесса и корректировке предлагаемых решений. Приведем примеры замечаний текущего контроля:

«Дизайн не соответствует брифу в следующих положениях:

1. Нет блока фиксированных объявлений, что было обязательным требованием в брифе.

2. В ленте «Анонсы» не предусмотрена возможность опубликовать материал без изображений: в анонсе материала заложена миниатюра. Вариант изображения-заглушки по многим причинам не подходит.

3. Миниатюра закреплённого в ленте «Новости» материала имеет иные пропорции, чем в анонсах других материалов. Из этого следует, что материал нельзя будет просто закрепить наверху ленты: для этого придётся готовить отдельную публикацию или, как минимум, отдельную миниатюру. Также для закреплённого анонса предусмотрено особое оформление вплоть до другого формата даты. Между тем предполагалось, что закреплённый наверху ленты анонс не должен ничем отличаться от остальных анонсов.

4. В блоке «Фотофакт» не 3, а 4 изображения, не слайдер, а карусель, заголовок не один для всего блока, а дублируется под каждым изображением.

5. В брифе не было ни единого слова о том, что на странице должны быть отдельные пустые блоки «Издания», «Студентам», «Абитуриентам» и виджет «Вконтакте». Их быть и не должно. Адрес страницы в ВК — не то же самое, что полноценный виджет сети.

6. Изменен порядок пунктов меню. Понятно, что он может быть потом изменён вручную, однако всё равно это неприятный сюрприз».

Приемщикам заказа также не понравились некоторые дизайнерские решения:

«Общая аляповатость, несоразмерность, неуместность. Уменьшенный до полной нечитаемости логотип и гигантский шрифт в «шапке» (в «шапке» два разных кегля, в подвале — три). Крохотные иконки возле контактной информации, которые не читаются и выглядят грязно. «Пляшет» размер пробела в контактной информации (например, при полностью одинаковой ширине номеров телефона слова «декан» и «деканат» не выровнены относительно друг друга). Нет визуальной иерархии шрифта (в тех же выходных данных телефоны и e-mail набраны большим кеглем, чем адрес — между тем это информация одного порядка)».

После нескольких недостаточно удачных вариантов макета, в которых была сделана лишь часть исправлений, мы были вынуждены прибегнуть к иному способу донесения до студии нашего видения дизайна сайта. Было принято решение изобразить схему расположения информационных блоков на

главной странице сайта в условных цветах, но в реальных размерах, сохраняя пропорции и расстояния. За основу взяли ту же сетку, что и в предложенном студией макете: 4 колонки в основном содержании страницы. Верхний горизонтальный блок страницы, следовавший сразу после «шапки» и главного меню, состоял из блоков «Новости» (заголовки свежих новостей), «Фотофакт», который затем получил название «Событие» (фоторепортаж в виде галереи: фото среднего размера со стрелками для перелистывания и три миниатюры снизу для ориентации в галерее), и «Важно» (два анонса наиболее важных событий). Следующий блок, занимающий всю ширину главной страницы, — «Анонсы» (4 шт.). Здесь была использована идея студии сделать блоки анонсов материалов этого раздела квадратными: верхнюю половину квадрата занимала миниатюра иллюстрации к материалу, нижнюю — его заголовок. Далее следовал блок ссылок на важнейшие разделы сайта («Расписание», «Заочникам», «Вопросы декану», «Издания», «Научно-практическая конференция», «Студенческая конференция»), дублирующий меню, но более удобный для навигации с мобильных устройств. Ниже следовали баннеры собственных проектов и партнёров факультета и подвал, содержащий контактные данные и карту сайта.

Для оформления «шапки» сайта был использован модифицированный полный логотип факультета, в котором был увеличен кегль шрифта и перегруппирована надпись «Факультет журналистики». Остальную часть шапки, простирающуюся за пределы ширины основного контента страницы, занимал фирменный узор — мозаика из квадратов разных оттенков синего и одного желтого, отмечающего левый верхний угол.

Для внутренних страниц сайта макет был изменен. Левую колонку занимало меню раздела, три остальных — основное содержание страницы. Проблема заключалась в том, что не во всех разделах есть подкатегории, а значит, не на всех страницах будет выводиться боковое меню, и колонка останется пустой. В качестве «заполнителя» студия предложила добавить в колонку блок «Расписание» с главной страницы. С нашей стороны поступило предложение добавить вместо этого блок «Важно». Таким образом была решена еще одна проблема: этот блок стал демонстрироваться на всех, в том числе и внутренних страницах сайта.

Дизайн мобильной версии сайта был разработан студией на основании дизайна полной версии. В ней появились полностью адаптивные изображения (плавно изменяющие размеры вместе с изменением размера окна просмотра), в том числе адаптивным стал и логотип в «шапке» сайта. В версии для смартфонов главное меню было скрыто и разворачивалось по нажатию стандартной для мобильных приложений и мобильных версий сайтов «иконки-сэндвича».

В числе проблем, с которыми мы столкнулись в процессе доработки дизайна сайта, самой серьезной оказалась проблема с галереей изображений, вернее, с областью полноэкранного просмотра (т.н. лайтбоксом). Она заключалась не столько в том, что стрелки перелистывания и крестик для закрытия области просмотра загромождали часть изображения, сколько в том, что реакция области просмотра на действия пользователя была нестандартной. Стандартное поведение заключается в том, что при щелчке на самом изображении демонстрируется предыдущее или следующее изображение в галерее (в зависимости от того, на левую или правую половину изображения нажал пользователь), а закрывается область просмотра не только при щелчке по крестику в углу изображения, но и при щелчке на любую область за пределами изображения. В первоначальном варианте весь экран делился на две половины, и при щелчке за пределами изображения оно перелистывалось, а закрыть область можно было только при клике по крестику. Однако нам удалось донести до студии наши пожелания,

касающиеся области полноэкранного просмотра изображений, и в настоящее время ее поведение соответствует поведению аналогичных областей, функционирующих на многих сайтах, и не ломает пользовательский опыт.

В течение полугода происходила «доработка» сайта (<http://jour.vsu.ru>), она продолжается и после его запуска, ведь необходимо обновлять весь контент старой версии сайта, просуществовавшей около десяти лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полтавец А. В. Веб-сайт вуза как эффективный инструмент обеспечения вузовской деятельности / А. В. Полтавец // Научно-информационный журнал «Вопросы управления». — № 3. — 2010. — URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2010/03/03/> (дата обращения: 30.11.2017).

2. Webometrics Ranking of World Universities. — URL: <http://www.webometrics.info/en/Methodology> (дата обращения: 30.11.2017).

3. CY-PR. com. — URL: <http://www.cy-pr.com/analysis/www.vsu.ru> (дата обращения: 30.11.2017)

Воронежский государственный университет

Тулупов В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики

E-mail: vlvtul@mail.ru

Щекина И. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью

E-mail: Iveta_corres@mail.ru

Браславец Л. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры рекламы и дизайна

E-mail: braslavets@gmail.com

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Advertising and Design Department

E-mail: vlvtul@mail.ru

Shekina I. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Advertising and Design Department

E-mail: Iveta_corres@mail.ru

Braslavets L. A. Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Advertising and Design Department

E-mail: braslavets@gmail.com

ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ОТ КИЖА К ГИЖУ, ОТ ИНСТИТУТА К УНИВЕРСИТЕТУ

И. А. Фатеева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 2 января 2018 г.

Аннотация: статья (вторая из серии об институте журналистики в Ленинграде) посвящена в основном последним годам функционирования вуза. Автор уделяет особое внимание преподавателям института, истории его ликвидации и влиянию института на последующие этапы развития журналистского образования в Ленинграде.

Ключевые слова: Ленинградский государственный институт журналистики им. В. В. Воровского, Ленинградский коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского, Ленинградский государственный университет, газетоведение.

Abstract: the article (the second article from the series about the Journalism Institute in Leningrad) is mainly devoted to the last years of its functioning. The author pays special attention to the teachers of the Institute, the history of its liquidation and its influence on the subsequent stages of the development of Journalism education in Leningrad.

Keywords: Leningrad State Journalism Institute named after V. V. Vorovskiy, Leningrad Communist Journalism Institute named after V. V. Vorovskiy, Leningrad State University, newspaper science.

Ленинградский институт журналистики, второй в стране по хронологии создания вуз, призванный обеспечивать квалифицированными кадрами советскую прессу, образованный, как было показано нами ранее [1] в 1930 г. на базе газетно-журнального отделения Государственного техникума печати (1925—1929), несколько раз менявший свои названия, просуществовал в общей сложности более одиннадцати с половиной лет — до 28 августа 1941 г. В данной статье мы рассмотрим вопрос о преподавателях и студентах института, изложим историю его ликвидации и скажем о влиянии института на последующие этапы развития журналистского образования в Ленинграде.

За все время существования Ленинградский институт журналистики дал стране более тысячи специалистов. По годам данные о выпускниках представлены в одном из документов [2], обнаруженных нами в сохранившемся, но доселе не привлекавшем внимания исследователей архиве института, следующим образом (звездочками помечены ошибки в арифметических подсчетах составителя документа):

1931—88 чел.;

1932—217 чел., из них Вечерний сектор — 72, Областное отделение (срок обучения 1,5 г.) — 24, разные курсы — 121;

1933—62 чел., из них Радиоотделение — 14, Основное и Комсомольское отделения — 48;

1934—164* чел., из них Основное и Комсомольское отделения 40, Разные курсы 114;

1935—86 чел., из них Комсомольское отделение — 26, Основное отделение — 3 группы, 60 (ориентировочно);

1936—125 чел., из них Основное и Комсомольское отделения — 99, Заочное отделение — 26;

1937—21 чел. (Основное отделение);

1938—125 чел., из них Основное отделение — 83, Заочное отделение — 42;

1939—124 чел.;

1940—251 чел., из них Основное отделение — 184, Заочное отделение — 67.

Всего 1175* чел.

В 1941 году выпуск не планировался, так как с 1940—1941 уч. года вуз перешел на 4-летний срок обучения [3].

В институте сменилось несколько директоров: это А. М. Муравьев, профессор О. А. Лидак (с 06.03.1931), доцент М. Е. Шамес (с 1933 г.), Н. В. Бочаров (в 1940 г.), в момент расформирования института (1941 г.) — Куракин. Что касается профессорско-преподавательского состава, уже в 1931 году в институте была создана кафедральная система. По состоянию на 17 августа того года кафедр было 10: всеобщей истории; истории ВКП(б); истории народов СССР; политэкономии; теории советского хозяйства; ленинизма; печати в социалистическом наступлении и основ большевистской печати (председатель — Сыркин); диалектики; русского языка в связи с литературным оформлением газетных материалов (председатель — Хавин); военного дела и военного журнала (председатель — Овчинников). Кроме того, функционировали предметные комиссии, их было

8: литературы; математики; иностранного языка; технического оформления (председатель — Вяземский); мирового хозяйства и политики, экономики отраслей производства (промышленности, сельского хозяйства и транспорта), экономики районов СССР; истории Коминтерна; физкультуры; основ техники [4]. Через 3 года (11 сентября 1934 года) кафедр было 14 [5]: истории ВКП(б), ленинизма, политической диамата, экономической политики, всеобщей истории, истории народов СССР, экономической географии, сельскохозяйственного цикла, русского языка, литературы, общеобразовательного цикла (химии, биологии, математики), военной кафедры и, наконец, кафедра печати. По соотношению нежурналистских и журналистских кафедр (13 к 1) можно судить о характере учебного плана середины 1930-х годов и роли в нем специализированных дисциплин.

Перечислим весь состав кафедры печати [6] на начало 1934—1935 уч. года (к сожалению, в цитируемом документе нет инициалов): профессор Турок (заведующий), Хавин (заместитель заведующего), профессор Вяземский, доценты Чудновский, Рабинович, Ардашников, зав. кабинетом печати Брусничкин, а также Файнштейн, Крейнович, Таубер. Далее в документе стоит слово «Резерв», и перечислены Каннер, Урлауб, Файнштейн, Шур, Гиль. Если сравнить это со списком преподавателей первого года работы института, то окажется, что от первоначального состава специалистов в области печати за четыре года остались только П. Я. Хавин и Б. А. Вяземский, остальные фамилии новые.

Самая значительная по количеству человек потеря произошла еще ранней весной 1931 года: тогда 4 марта директор (еще Муравьев) издал распоряжение № 53, которым «за проявление формализма и техницизма в преподавании литературного оформления и протаскивание буржуазных теорий газетоведения, что было установлено обследовательской комиссией ЦК ВКП (б)» [7], были уволены «с сего числа» преподаватели Корыхалов, Штейнер, Шульман (Шуан) и Журбина. Любопытно, что Журбина к моменту издания данного распоряжения уже в вузе не работала — была уволена с 1 марта распоряжением от 28.02.31 [8]. Так что от нее избавились дважды.

Евгения Исааковна была связующим звеном ленинградского КИЖа с московским, где собственно газетоведческая школа и зародилась: она входила в Москве в секцию литературно-публицистических жанров Научно-исследовательского кабинета, специальной научной структуры ВКИЖ им. «Правды», призванной развивать газетоведение как научную школу. Во второй половине 1920-х годов данная школа была господствующим, официально принятым направлением в зарождающейся отечественной науке о журналистике и массовых коммуникациях, именно на ее постулатах строилось преподавание в газетных учебных заведениях. Она получила признание и за

рубежом, в результате чего ее представители были приглашены на первый Международный конгресс научных деятелей в области печати в Кельне [9]. Конгресс, в котором участвовало 96 человек из десяти стран, состоялся в августе 1928 года, и ведущий доклад от советской стороны на нем сделал Ю. М. Бочаров, который и возглавил в начале 1930 года тот самый Научно-исследовательский кабинет, к которому была причастна Е. И. Журбина. Но уже через год в обстановке резкого ухудшения общественно-политической атмосферы вся газетоведческая школа была разгромлена как не соответствующая догматам марксизма-ленинизма (в сталинской интерпретации), а некоторые значительные ее члены (включая Ю. М. Бочарова) в конце концов погибли в годы «большого террора». К счастью, Е. И. Журбина избежала этой участи, сумела в более благоприятные для науки времена продолжить начатые в эпоху газетоведения исследования, а ее книги по публицистике, такие как «Фельетон в газете 40-х гг.» (М., 1930), «Искусство очерка» (М., 1957), «Искусство фельетона» (М., 1965), «Теория и практика художественно-публицистических жанров» (М., 1969) и др., навсегда вошли в сокровищницу отечественной медиалогии.

Что касается науки в самом ленинградском вузе, который с июня 1931 года носил название Ленинградского коммунистического института журналистики им. В. В. Воровского, аспирантура в нем была уже в момент переименования — некоторые выпускники 1931 года были рекомендованы для обучения в ней и дальнейшей подготовки диссертации [10]. Однако через несколько лет вышло распоряжение о закрытии аспирантур в КИЖах. В связи с чем такое решение было принято, непонятно. Если же говорить о штатных единицах с научным функционалом, то нам только однажды встретились в штатном расписании института должность научного сотрудника (и то по методике) — это был документ за июнь 1931 года [11]. В Москве в институте журналистики с этим дело обстояло получше, но тоже далеко не беспроблемно.

В конце 30-х годов институт был приличным по размеру специализированным учебным заведением: по состоянию на январь 1940 г. в нем училось 413 чел. [12]. Знаменательно, что подавляющее большинство студентов были не ленинградцами, по крайней мере, в общежитиях, по состоянию на 7 октября 1940 г., жило 330 человек: на первом курсе — 164, на втором — 91, на третьем — 75 [13]. Число утвержденных штатных единиц работников на январь 1940 г. — 148, однако представителей профессорско-преподавательского состава среди них всего 42 чел., причем 30 из них — совместители [14]. 1940 год оказался для Ленинградского института чрезвычайно важным: тогда ему были возвращены его первоначальное название и статус, т.е. из КИЖа он вновь стал ГИЖем.

В принципе, чем закончилась история института, известно: он перестал существовать в первый год Великой Отечественной войны. Проблема в том, что неизвестно, как именно это случилось. К тому времени московский КИЖ был уже три года как ликвидирован, а наиболее жизнеспособные из остальных КИЖей (например, в Свердловске и Алма-Ате) в начале войны вошли в состав местных госуниверситетов на правах факультетов. «Такое решение готовилось и в Ленинграде, но в военные годы здешний институт был отправлен в эвакуацию и эшелон с ним попал под бомбежку», — писал известный петербургский исследователь С. Г. Корконосенко [15]. На основании изучения архивных источников удалось выяснить, что решение о слиянии ЛКИЖа с ЛГУ не только готовилось, но и было принято. 28 августа 1941 года народный комиссар просвещения РСФСР В. Потемкин издал приказ № 637, в первом параграфе которого значилось: Ленинградский государственный институт журналистики им. В. В. Воровского преобразовать в факультет журналистики Ленинградского государственного университета [16]. Следующими параграфами предписывалось директору ЛГИЖ им. В. В. Воровского в 10-дневный срок сдать (соответственно, ректору ЛГУ принять) все дела и имущество института, а планово-финансовому управлению НКП РСФСР внести соответствующие изменения в штаты и смету ЛГУ.

Но в условиях военного времени и смыкающегося кольца ленинградской блокады реализовать решение не удалось: видимо, произошло рассогласование действий центральных и местных органов власти. Как раз к концу определенного наркомом 10-дневного срока относится еще один хранящийся в архиве института документ, совершенно противоречащий предыдущему. Это письмо и.о. директора ГИЖа Куракина и зав. хозяйством Егорова в Октябрьский районный совет депутатов трудящихся Ленинграда, в котором сообщается, что, «согласно решению горкома ВКП(б)», вуз «сливается с институтом им. Герцена, а поэтому все хозяйство, в том числе и автомашина, передается по месту перевода института» [17]. Насчет всего хозяйства — проблематично, но информация о том, что библиотека института действительно попала в фонды книгохранилища ЛГПИ им. А. И. Герцена, содержится на странице библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена и поныне [18]. По воспоминаниям первого декана факультета журналистики ЛГУ А. Ф. Бережного, из этой библиотеки на журфак «потом с большим трудом удалось вернуть лишь кое-какую специальную литературу и комплекты журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» [19].

На этом историю института можно считать завершенной, как и историю институтских форм образования журналистов вообще: с военного времени и особенно после войны основным местом его дислокации становятся университеты. Но в том-то и проявилась ленинградская специфика, в отличие, скажем,

от московской, что здесь опыт и достижения предшествующего этапа развития оказались востребованы. По замечанию историка журналистики Г. В. Жиркова [20], «соединение в подготовке журналистов опыта университета и Коммунистического института журналистики» было зафиксировано в лице заведующих первыми двумя кафедрами отделения журналистики ЛГУ, созданными в 1946—1947 уч. году. Действительно, приказом Министерства высшего образования заведующим кафедрой истории русской журналистики был назначен профессор В. Е. Евгеньев-Максимов, трудившийся в Ленинградском университете с 1924 года, а заведующим кафедрой теории и практики партийно-советской печати — кижевец П. Я. Хавин, приглашенный в ЛГУ только после войны, причем для этого ректор А. А. Вознесенский письменно обращался в политуправление Львовского военного округа с просьбой демобилизовать из рядов Красной армии и направить в его распоряжение бывшего доцента Института им. Воровского.

«Прибыв на филфак, Хавин проявил себя настоящим организатором. Ему пришлось заниматься отладкой учебного процесса, учебными планами и программами журналистских дисциплин, набором кадров, работой со студентами. Он подготовил первую в стране программу курса «Теория и практика партийно-советской печати», утвержденную Министерством высшего образования 26 августа 1947 г. и рекомендованную всем отделениям журналистики филологических факультетов государственных университетов. Она получила гриф Министерства и была отпечатана в университетском издательстве тиражом в 3 тыс. экземпляров», — вспоминал бывший студент отделения Г. В. Жирков [21]. Ему вторит А. Ф. Бережной, тоже отмечавший, что главная тяжесть организаторской работы на отделении лежала именно на Хавине [22].

Его помощником в «возрождении на университетской основе приемлемых форм, методов и традиций КИЖа» [23] первый декан журфака называл еще одного бывшего преподавателя института им. Воровского — Б. Вяземского. «Он стал заметной фигурой отделения журналистики, его знали в каждой ленинградской редакции, а после выхода в свет его «Справочника журналиста» (в соавторстве с Н. А. Богдановым), трижды переиздававшегося большими тиражами (последний — 300 тыс. экземпляров), — по всей стране. Вяземский учил филологов в буквальном смысле азам журналистики: знанию ее производственного процесса, шрифтов, макетирования газеты и журнала, редакционной работы и др.» [24]. И когда в 1968 году на факультете журналистики ЛГУ создадут кафедру техники производства и оформления газет и организации средств информации, ее заведующим станет именно Борис Аркадьевич, ибо еще десятью годами ранее именно он выступил автором первой в стране программы по курсу «Тех-

ника и оформление газеты», утвержденной министерством.

Были ли Хавин и Вяземский лишь примерами удачной адаптации преподавателей старой формации к новым университетским условиям? Или они активно влияли на складывавшийся в середине XX века тип журналистского образования, носивший отчетливые черты академически-ориентированной образовательной модели, корректируя его в сторону большей практической направленности? Чтобы не впасть в грех схематизации и подгонки ситуации под собственные теоретические выкладки, вновь обратимся к мемуарным свидетельствам очевидца. Студент отделения журналистики 1951—1956 годов В. С. Соколов (в будущем один из основателей кафедры международной журналистики журфака ЛГУ) прямо называл Вяземского «адептом узкой журналистско-практической подготовки, прагматизации журналистского образования» [25], а про Хавина («папу Хавина») вспоминал, что он «на своих занятиях сугубо филологического цикла (по современному русскому языку) уже на первом курсе выгодно выделялся среди всех других в первую очередь тем, что наставлял нас по языку и стилю в максимальном приближении к журналистской практике», «старался насколько возможно приближать нас к опыту советской журналистики» [26].

Безусловно, это не случайная перекличка. Конечно, это у Вяземского и Хавина от ГИЖа — от модели практико-ориентированного обучения, которая культивировалась в отраслевых учебных заведениях 20—30-х годов [27]. И на новом этапе развития образовательной системы они будут сохранять верность этой традиции, олицетворяя собой «свершения существовавшего до Отечественной приснопамятного Ленинградского Коммунистического института журналистики» [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатеева И. А. Институт журналистики в Ленинграде: от техникума к вузу, от ГИЖа к КИЖу / И. А. Фатеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. — № 4. — С. 133—136.
2. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 3. Л. 1.
3. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 74. Л. 42.
4. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.
5. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 11. Л. 156.
6. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 11. Л. 156.
7. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.
8. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
9. ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 18. Л. 19, 19 (об.).
10. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
11. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.
12. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 74. Л. 2 (об.).
13. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 74. Л. 42.
14. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 74. Л. 11.
15. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов / С. Г. Корконосенко. — Москва: Аспект Пресс, 2001. — URL: http://lineburg.ru/o/fty/osnovy_zhurnalistiki_-korkonosenko.html (дата обращения: 17.09.2017).
16. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.
17. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.
18. URL: <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/others/lib/history/> (дата обращения: 17.09.2017).
19. Бережной А. Ф. Отделение-факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1946—1985 гг. История. События. Факты. Проблемы. Люди в документах, публикациях и воспоминаниях / А. Ф. Бережной. — Санкт-Петербург, 2002. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/2867—3989.html> (дата обращения: 17.09.2017).
20. Жирков Г. В. Петербургская школа подготовки журналистов: три модели выпускника / Г. В. Жирков. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/296/297.html> (дата обращения: 17.09.2017).
21. Жирков Г. В. Указ. соч. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/296/300.html> (дата обращения: 17.09.2017).
22. Бережной А. Ф. Указ. соч. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/2867—3991.html> (дата обращения: 17.09.2017).
23. Бережной А. Ф. Указ. соч. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/2867—3991.html> (дата обращения: 17.09.2017).
24. Жирков Г. В. Указ. соч. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/296/300.html> (дата обращения: 17.09.2017).
25. Соколов В. С. Мой университет. Воспоминания филолога-журналиста / В. С. Соколов. — Санкт-Петербург: Факультет журналистики СПбГУ, 2004. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/2868—4024.html> (дата обращения: 17.09.2017).
26. Там же.
27. Фатеева И. А. Практико-ориентированное обучение журналистике: традиции и перспективы / И. А. Фатеева // Медиаскоп. — 2008. — № 1. — С. 24.
28. Соколов В. С. Указ. соч. — URL: <http://jf.spbu.ru/museum/2868—4028.html> (дата обращения: 17.09.2017).

Московский педагогический государственный университет
Фатеева И. А., доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры медиаобразования
E-mail: fateevafia@gmail.com

Moscow State University of Education
Fateeva I. A., Doctor of Philology, Professor of Media Education
Department
E-mail: fateevafia@gmail.com

ОБРАЗ АВСТРО-ВЕНГРИИ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИЗДАНИЯ «ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914—1917 ГГ.»

В. В. Фролов

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 3 июля 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается и анализируется образ Австро-Венгрии как врага Российской империи в годы Первой мировой войны, который формировали в сознании своих читателей отечественные дореволюционные журналисты на страницах периодического издания «Летопись войны 1914—1917 гг.» в первые годы этого военного столкновения (1914—1915 гг.). При написании этой работы было проанализировано более 50 выпусков «Летописи...».

Ключевые слова: Первая мировая война, информационная война, образ врага, общественное сознание, информационное воздействие, Австро-Венгрия, журнал «Летопись войны 1914—1917 гг.», история российской журналистики.

Abstract: the article discusses and analyzes the image of Austria-Hungary as an enemy of the Russian Empire during the First World War, which was formed in the minds of his readers to the pre-revolutionary Russian journalists on the pages of the periodical «Chronicle of the war of 1914—1917», in the first years of these military clashes (1914—1915). When writing this research, more than 50 issues of the «Chronicle...» were analyzed.

Keywords: the First World War, information warfare, the enemy image, social awareness, information influence, Austria-Hungary, the journal «Chronicle of the war of 1914—1917», the history of Russian journalism.

В представленной статье мы обратимся к рассмотрению образа Австро-Венгрии как врага Российской империи в период Первой мировой войны, создаваемого на страницах периодического издания «Летопись войны 1914—1917 гг.» в первые годы этого военного столкновения (1914—1915 гг.).

«Летопись войны 1914—1917 гг.» — военный журнал, являвшийся одним из основных официальных информационных источников Российской империи о событиях Первой мировой войны. Это еженедельное иллюстрированное периодическое издание выходило на протяжении большей части войны: до свержения монархии в России. Всего в свет было выпущено 132 номера «Летописи...». Главным редактором журнала являлся генерал-майор Д. Н. Дубенский. Печаталось данное издание в типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» в Санкт-Петербурге [1].

В современной научной литературе к изучению особенностей процесса формирования образа Австро-Венгрии в России в начале XX в. в той или иной степени обращались такие отечественные исследователи, как Э. Е. Абдрашитов [2; 3], А. А. Акопов [4; 5], И. К. Богомолов [6], Б. С. Котов [7].

Перед тем как непосредственно обратиться к реализации выше обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что в 1867 г. Австрийская империя трансформировалась в дуалистическое государство Австро-Венгрию, вследствие чего в стране была принята либеральная конституция. Благодаря

такой трансформации этому многонациональному государству удалось избежать распада, но пришлось столкнуться с рядом новых острых проблем, прежде всего с резким обострением национального вопроса. В Российской империи многие политические и общественные деятели, журналисты не верили в возможность сохранения единства Австро-Венгрии: «... бескровная операция разделения обеих половин империи должна была быть совершена рано или поздно» [8, 409]. Первая мировая война, по их мнению, должна была ускорить данный процесс.

В № 1 «Летописи...» за 1914 г. в заметке «До войны» (фактически первой публикации этого журнала. — В. В.) её автор С. Недачин обвиняет Австро-Венгрию в неблагодарности по отношению к России, которая в свою очередь неоднократно спасала империю Габсбургов от распада. «Наполеон Бонапарт обещал стереть с лица земли Австрию, не хотел оставить камня на камне от этого государства — и только русская кровь спасла австрийские земли... Император Николай I держал в своих мощных руках судьбу Австрии и её ныне царствующего императора (Франца Иосифа I. — В. В.). И то, что ныне Австрия не только существует, но и числится в списке великих держав, — опять дело великодушия русского монарха» [9, 6]. Журналист отмечает, что «не все народы считаются с историей, а ещё менее способны они сохранять не только благодарность кому следует, но и само воспоминание о прошедшей опасности, а также и о том, откуда шло спасение от этой опасности». К числу таких народов С. Недачин относит австрийцев. Автор

статьи укоряет данный народ в том, что он «как всегда тяготеет к бескровному вырыванию кусков из-под носа воюющих сторон». Журналист также указывает, что «Австрия, заявляя вслух о необходимости соблюдения в Европе политического равновесия, втайне неусыпно вела антиславянскую политику. В 1909 г. Австро-Венгрия самым наглым образом захватывает населенные славянами земли — Боснию и Герцеговину — и при гробовом мировом молчании аннексирует эти владения. На протесты по этому поводу со стороны мировых держав Австрия, по подсказкам из Берлина, не обращала никакого внимания» [9, 7]. «По нащёпыванию Габсбургской монархии Турция прижимала балканских славян и, чувствуя за собой поддержку, вызывающе вела себя по отношению к России, вовлекая её в неоднократные войны» [9, 6].

В № 3 за 1914 г. в рубрике «Обозрение войны (с 21 по 28 августа)»¹ её автор отмечает, что сама Австро-Венгрия не в силах дать никакой поддержки своим дерущимся армиям против русских войск. При этом Франц Иосиф I осознаёт, что разгром австрийских армий «явится окончательным разгромом двуединой монархии». В сложившейся ситуации у Австро-Венгрии оставался только один выход: умолять о помощи своего более могущественного союзника — Германскую империю [10, 42]. На страницах «Летописи войны 1914—1917 гг.» её авторы постоянно представляют Австро-Венгрию «младшим братом» Германии в рамках военно-политического блока центральных держав.

В разделе «Наша печать» (№ 3 за 1914 г.) журналисты «Летописи...» анализируют российскую прессу, пишущую о событиях войны. В частности, они обращают внимание своих читателей на одну из публикаций газеты «Вечернее время», в которой говорится о том, что «Австрия и Германия ведут войну исключительно за грубые шкурные интересы... Что добыли бы, если бы победили Австрия и Германия? Новые торговые выгоды и право насильничать на законном основании, так как они заставят мир признать их гегемонию... Нам не нужно никакой гегемонии, против насильников мы и подняли голос...» [10, 46—47].

В публикации рубрики «За границей»² (№ 4 за 1914 г.) её автор сообщает о том, что, «если “блестящая карательная экспедиция” Австрии продолжится еще некоторое время, то в стране начнётся голод». «Уже теперь там насчитывается до 250 тысяч безработных, и их число растёт с каждым днём. Все магазины и торговые предприятия закрыты. Жизнь замерла. Тревожные известия о положении дел на театре войны, несмотря на строгость цензуры, всё же проникают в печать и усиливают общую панику. Слышатся голоса протеста австрийцев против своего монарха» [11, 68]. Журналист акцентирует вни-

мание читателей «Летописи...» на том, что «среди такой тревоги австрийские власти усиливают свои зверства к русским. Несмотря на охрану врачебного персонала и Красного Креста Женевской конвенцией, 12 августа [1914 г.], австрийцы расстреляли не только четырёх казаков-санитаров, но и ветеринарного врача. Когда же последний, несчастный, тяжело раненный зверями-людьми, просил его добить, то по его телу “из милости” палачи проскакали на своих лошадях» [11, 69].

В № 6 за 1914 г. в рубрике «На Руси»³ сообщается, что «от “австрийской культуры” наиболее пострадала Люблинская губерния. Там где ранее красовались зажиточные селения, ныне всё сравнено с землёй, а их жители погибли в огне и на штыках австрийских и венгерских солдат. Будучи христианами, австрийцы не останавливались даже перед осквернением православных святынь... Они на конях, в шапках и с трубками в зубах, въезжали в храм и начинали стрелять в нем... Глумились австрийцы над пленными православными священниками и ксендзами, заставляя их испытывать нечеловеческие муки» [12, 93—94]. Автор данной публикации отмечает, что «такое гонение на православных уже давно введено австрийцами в систему» [12, 94].

В статье Л. Комеровского «Австрийская армия до войны» (№ 6 за 1914 г.) внимание читателей «Летописи...» акцентируется на том, что Первая мировая война для Австро-Венгрии — это «пропасть, в которую она неудержанно влеклась на туго затянутом аркане союза с Германией». По мнению этого журналиста, австрийская армия было совершенно не готова к войне [12, 101]. «Полуголодные австрийские солдаты не проявляли никакого почтения по отношению к своим выхоложенным начальникам... Офицерам также было не до солдат. Их интересы сосредоточены были на изумительно заглаженных складках брюк, на пестрой и шумливой толпе женщин...». По мнению Л. Комеровского, подобное отношение офицеров к своему долгу и службе обычно для австрийцев, так как они служат только потому, что им некуда деваться» [12, 102].

В № 18 за 1914 г. в рубрике «За границей» сообщается об обострении отношений между Австро-Венгрией и Германией. Правительство Австро-Венгрии требует «отозвать для защиты своих территорий австрийские войска, действующие совместно с германцами в Польше. В Кракове австрийские и германские офицеры не скрывают враждебного отношения друг к другу, не разговаривают между собой и не отдают взаимно установленной воинской чести». В Венгрии на этой же почве «усиливается агитация за заключение сепаратного мира с Россией, что также будет способствовать и отпадению её [Венгрии] от Австрии» [13, 295].

¹ Автор публикации не указан.

² Автор публикации не указан.

³ Автор данного материала указал себя как С. Н-чин.

В рубрике «Обозрение войны (с 8 по 15 января)» (№ 23 за 1915 г.) сообщается, что уже на начало 1915 г. Австро-Венгрия стала испытывать острый дефицит военных кадров. «Для формирования армии эрцгерцога Евгения против Сербии потребовались еще более солидные (более старые, чем в Германии. — В. В.) ландштурмисты (ополченцы) — 1878—1871 гг. (от 34 до 37 лет⁴)». Именно поэтому, по мнению автора данной рубрики, «не мудрено, что с такими винами выступление в поход всё затягивается и, вместо армии, в Сербию шлетя в почтовой посылке адская машина (снаряды или многоствольные орудия, предназначенные для массового уничтожения людей или причинения разного рода разрушений. — В. В.)...» [14, 363]. Использование австро-венгерской армией в ходе Первой мировой войны в своих целях «адской машины» ещё раз только указывает на её бесчеловечность.

В статье «К взятию Перемышля» (№ 31 за 1915 г.) прослеживается некая обречённость австро-венгерской армии. «Среди всевозможных средств поднятия духа австрийских солдат были смотры, на которых читались многочисленные награды и мифические сообщения газет о великих победах доблестной австрийской армии. Но им никто не верил... Во фронтовых газетах помещались не только телеграммы, но и стихи, повести, рассказы: скучающим [австрийским] офицерам абсолютно нечего было делать, и они рады были убить время хоть литературным занятием». В отдельных же частях австро-венгерской армии «цынга и тиф ежедневно косили сотни солдат, но власти это старались скрыть от населения» [15, 498].

Исследуя материалы «Летописи войны 1914—1917 гг.», нельзя не отметить и то обстоятельство, что на страницах данного периодического издания опубликовано достаточно большое количество фотодокументов. К их числу можно, например, отнести следующие фотографии: «Австрийские пушки в Галиции у Бохнии» [16, 450], «Австрийское осадное 12-дюймовое орудие» [17, 484], «Пленные австрийцы в Галиции» [18, 516] и др.

Рис. 1. Австрийские пушки в Галиции у Бохнии

⁴ В Германии в это время под знамена ландштурмистов призывались подданные, которым было 27—29 лет.

Рис. 2. Австрийское осадное 12-дюймовое орудие

Рис. 3. Пленные австрийцы в Галиции

Анализируя материалы, представленные на страницах военного журнала «Летопись войны 1914—1917 гг.» за 1914—1915 гг., мы можем отметить следующие отличительные черты образа Австро-Венгрии, создаваемого журналистами данного периодического издания: виновник развязывания мировой войны; угроза славянскому миру; «младший брат» Германской империи; нежизнеспособное государственное образование; нарушитель международного права.

Завершая рассмотрение образа Австро-Венгрии, созданного авторами «Летописи...», следует отметить, что он был в некоторой степени субъективен и подвержен идеологизированию. Это обстоятельство можно объяснить тем, что одной из основных целей «Летописи войны 1914—1917 гг.», как и многих других правительственных печатных СМИ того времени, было не только внушить «нелюбовь» и ненависть к государству-члену Тройственного союза (позднее Четверного союза), но и убедить население России в необходимости войны с этим врагом. При этом в самой Австро-Венгрии происходил похожий процесс по созданию образа врага в лице Российской империи и ее союзников по Антанте.

В заключение следует отметить, что в России уже в начале XX в. периодической печати отводилась

особая роль в информационном воздействии на умы людей. Правительственные СМИ на своих страницах могли формировать практически любой образ государства или народа («отрицательный», «нейтральный» или «положительный»), который был бы необходим в определенный момент истории действующей власти и соответствовал бы политическим интересам Российской империи. На современном же этапе развития мирового сообщества средства массовой информации окончательно превратились в один из эффективнейших инструментов ведения информационных войн, которые в свою очередь в XXI веке стали одним из ключевых элементов внешней политики ведущих мировых держав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов В. В. Журнал «Летопись войны 1914—1917 гг.» как информационный источник о событиях Первой мировой войны / В. В. Фролов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 26. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46436.htm> (дата обращения: 16.03.2017).
2. Абдрашитов Э. Е. Пленные россияне в информационной политике России в 1914—1917 гг.: внутриполитические и внешнеполитические аспекты: дис. ... д-ра ист. наук / Э. Е. Абдрашитов. — Ставрополь, 2015.
3. Абдрашитов Э. Е. Формирование образа врага в России в годы Первой мировой войны и проблема военнопленных

россиян / Э. Е. Абдрашитов // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 2. — С. 7—14.

4. Акопов А. А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук / А. А. Акопов. — Пятигорск, 2008.
5. Акопов А. А. Проблема пропаганды и формирования образа врага в периодической печати начала XX века: историографический обзор / А. А. Акопов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2008. — № 10. — С. 4—9.
6. Богомолов И. К. Образ противника в русской периодической печати 1914—1915 гг.: дис. ... канд. ист. наук / И. К. Богомолов. — Москва, 2015.
7. Котов Б. С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны, 1912—1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис. ... канд. ист. наук / Б. С. Котов. — Москва, 2014.
8. Вестник Европы. — 1906. — № 7.
9. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1914. — № 1.
10. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1914. — № 3.
11. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1914. — № 4.
12. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1914. — № 6.
13. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1914. — № 18.
14. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1915. — № 23.
15. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1915. — № 31.
16. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1915. — № 28.
17. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1915. — № 30.
18. Летопись войны 1914—1917 гг. — 1915. — № 32.

Псковский государственный университет

*Фролов В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики,
E-mail: frolov1406@mail.ru*

Pskov State University

*Frolov V. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Public Relations and Journalism Department
E-mail: frolov1406@mail.ru*

ТЕЛЕАУДИТОРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТЕЙ ТРЕХЛЕТНЕГО — ШЕСТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА В КНР

Цао Юй

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 21 августа 2017 г.

Аннотация: по результатам проведенного социологического опроса в статье рассмотрены предпочтения детей от 3 до 6 лет, касающиеся просмотра передач. На основании анкетирования даны описания и характеристики популярных программ для детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: детское ТВ Китая, телепрограммы для детей в КНР, рейтинг детских телепрограмм КНР, оптимизация сетки телевидения для детей КНР, характеристики детских популярных программ КНР.

Abstract: in the article researched the problems about 3—6 year olds children's viewing preference of TV programs in the People's Republic of China. Based on the results of the conducted sociological survey the popular children's programs were described and summarized.

Keywords: children's TV of China, TV program for children in the People's Republic of China, the rating of children's TV programs in the People's Republic of China, rationalization of broadcasting schedule for children in the People's Republic of China, the characteristic of children's popular programs in China.

Аналитики медиарынка в Китае выделяют различные сегменты возрастных групп в детской аудитории. Китайскими теоретиками и практиками в области медиа были неоднократно проанализированы проблемы создания передач для детей. Прежде всего, они выделяют понятие «возрастной группы» с точки зрения детской психологии. Согласно исследованиям китайских ученых Сюй Лихуа, Чжэнь Цзи [1, 48], Цзэнь Юань [2], Фан Фуси, Фан Гэ [3] и других, выделяются следующие возрастные группы: новорожденные (0—1 месяц), грудные младенцы (1 месяц — 1 год), младенцы (1—3 года), дошкольники (3—6—7 лет).

Для выяснения зрительских предпочтений обычно используется метод анкетирования. Это общепринятая методика, о которой, например, пишут в монографии «Основы воздействия СМИ» Д. Брайант и С. Томпсон. Они отмечают, что «опрос — удобное средство для определения связей или отношений между переменными» [4, 33]. Упомянутые исследователи полагают, что опрос — наиболее удачный способ для определения объема медиавоздействия на аудиторию. Но при работе с маленькими детьми возникает проблема: сами дети (в возрасте от 3-х до 6 лет) не могут заполнить анкеты.

Преыдушие исследователи обращались, естественно, к мнению родителей. Так, китайские ученые Пу Вы [5], Ян Чжонцзи [6, 30], Дэнь Хуэй [7] в 1993, 1994 и 2004 гг. исследовали психологические требования детей к телепрограммам. Общий результат их исследований можно сформулировать следующим образом: дети смотрят телевизор по разным причинам: в поисках развлечения, отдыха, обучения, об-

щения, эмоций, в стремлении к самопознанию и др. Телепросмотром один ребенок может удовлетворять сразу несколько своих потребностей.

Ученый Ли Чи исследовал способы и предпочтения детского телепросмотра в 2012 г. В его обследовании респондентами были родители. Следовательно, в этой работе отражены результаты существовавших тогда именно родительских мнений [8].

Однако со стороны аудиторных предпочтений самих детей исследований не проводилось. Автор представленной работы провела опрос мнения детей с помощью родителей. Опрос проводился в детском саду города Чжэньцзян. Население — 3176 млн. человек. Методом случайной выборки было опрошено 3 группы, 67 респондентов в возрасте от 3 до 7 лет. Анкеты были составлены из вопросов о предпочтениях детей по типам программ и времени их просмотра. Дети взяли анкеты домой как домашнее задание. Родители только фиксировали в анкетах мнения и ответы детей. Впервые отвечали сами дети, а родители вносили эти данные в анкеты. Чтобы проверить, как выполнены опросы, вопросы родителям были заданы воспитателями, и большинство родителей ответили, что дети лично участвовали в анкетировании.

В анкетах содержались вопросы о времени просмотра детской аудиторией телепрограмм и о предпочтениях по названию и содержанию. Анализ и обработка полученных данных позволили представить результаты в виде графиков, приведенных ниже. Кроме того, были представлены данные о телевизионных предпочтениях детской аудитории по дням недели.

Время телепросмотра передач детской аудиторией по дням недели (см. график № 1)

График № 1.

Время телепросмотра передач детской аудиторией по дням недели

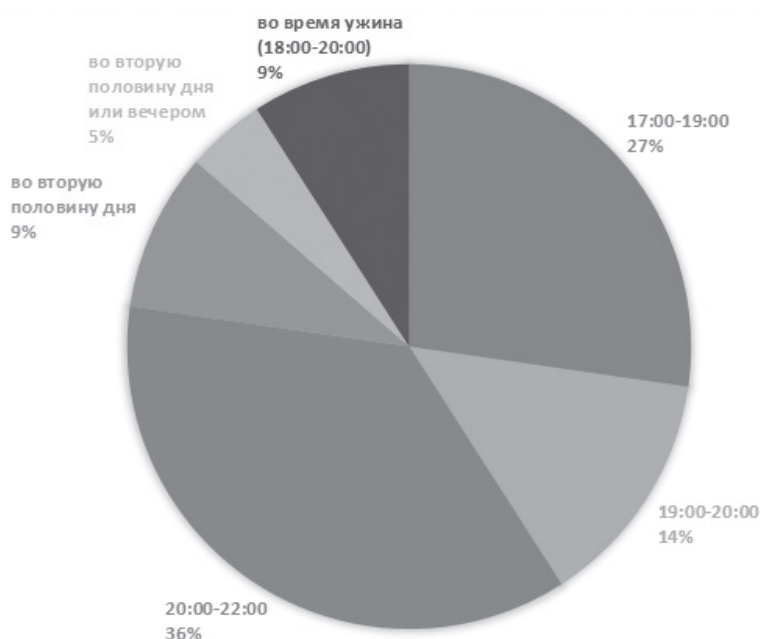
По результатам, представленным в графике № 1, можно увидеть, что 30% детей регулярно смотрят телепередачи, 27% опрошенных предпочитают субботу, а 20% детей — воскресенье. В итоге 47% респондентов смотрят телепередачи в выходные. Только 7% детей выбирают будние дни (пятницу), а 13% респондентов не имеют конкретной четкой привязанности к определенному дню недели для просмотра телепередач. 3% родителей не знают, в какой день их дети смотрят телепередачи. В целом, дети больше предпочитают смотреть телепрограммы в выходные дни. Но немалое количество детей смотрят телепрограммы каждый день.

ЧАСТОТА ТЕЛЕПРОСМОТРА ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ

18% респондентов смотрят телевизор меньше 2 раз в неделю, 6% смотрят телепередачи 2 раза в неделю, 9% респондентов смотрят телепередачи 3 раза в неделю, 7% респондентов — более 3 раз в неделю. В целом, всего 22% детей смотрят телепрограммы не меньше 2 раз в неделю. 30% детей смотрят телепрограммы каждый день, а 24% не смогли ответить точно. 6% опрошенных вообще затруднились ответить на этот вопрос.

Время телепросмотра в течение суток (см. график № 2)

График № 2.

Время телепросмотра в течение суток

Данные на графике № 2 показывают, что 27% респондентов смотрят передачи с 17.00 до 19.00. 14% детей смотрят телепрограммы с 19.00 до 20.00. 36% детей предпочитают смотреть телепрограммы с 20 до 22 часов, а 9% любят больше смотреть телепередачи во время ужина (время ужина в Китае с 18.00 до 20.00). 5% респондентов предпочитают проводить у телевизора какое-то неопределенное время во второй половине дня или вечером, а 9% респондентов смотрят телепередачи в неопределенное время во второй половине дня. Таким образом, почти все дети предпочитают смотреть телепередачи во второй половине дня или вечером.

По ответам, зафиксированным родителями, вырисовывается следующая картина телепросмотра детьми с 3 до 7 лет.

Дети в этот период обычно смотрят телепередачи 1—3 раза в неделю. У дошкольников больше свободного времени для такого вида досуга, многие смотрят телевизор каждый день.

Время и объем телепросмотра детьми младшего возраста изменчивы. Автор предполагает, что это может быть связано с тем, что у них еще не сформирована привычка смотреть ту или иную телепередачу. Кроме того, дошкольники не усидчивы, переключают внимание с телепрограмм на подвижные игры, помогающие им в познании окружающего мира.

Пик телепросмотра младшей группой респондентов приходится на временной отрезок с 20 до 22 часов. Также временной промежуток с 17.00 до 19.00, с 19.00 до 20.00 является для дошкольников популярным временем для просмотра телепрограмм. Однако многие дети из данной группы не имеют определенных временных рамок для просмотра телепрограмм и смотрят передачи от случая к случаю.

На китайском телевидении существуют разнообразные детские передачи, и это дает возможность детям выбрать подходящую программу. Для того чтобы выяснить программные предпочтения детей, были заданы соответствующие вопросы, однако не-

которые родители (10%) не спросили об этом детей. Сами дети назвали следующие программы.

РЕЙТИНГ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ДОШКОЛЬНИКАМИ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ ДЕТСКИХ ПРОГРАММ КИТАЙСКОГО ТВ

Дошкольникам интересны детские передачи «Умное дерево», «Цяо ху», «Маленькое умное дерево». Кроме того, пользуются зрительской любовью программы «Детский сад Каку», «Сумасшедший Мэги». В вопросе о любимых телевизионных СМИ респонденты упомянули два детских канала: CCTV-14 («Дети») и детский канал «Юмань». Также были названы и две детские программы — «Семицветный луч» и «Вертушка», но лишь один респондент упомянул «Семицветный луч» и один респондент — «Вертушку».

По результатам полученных данных, самой любимой программой детей является «Цяо ху» (35%). Программы «Маленькое умное дерево» и «Сумасшедший Мэги» отметили 15%, а 10% детей просто считают, что детские программы CCTV-14 («Дети») очень интересные, но не отметили, какие именно. Кроме того, еще 5% респондентов выбрали программы «Вертушка», «Детский сад Каку», «Сумасшедший Мэги», «Семицветный луч».

В таблице кратко представлены характеристики этих программ. Китайские детские программы отличаются от российских аналогичных программ по форме и жанрам. На китайском телевидении в целом нет четкого выделения жанров телепрограмм. Эту особенность отметил китайский ученый Сэн Маофан [9]. В Китае четко выделяется жанр информационной программы. В других типах программ отсутствует четкое выделение жанров. Автор данной статьи присоединяется к мнению российского исследователя С. Н. Ильченко, который к основным традиционным (информационным, аналитическим и художественно-публицистическим) жанрам предлагает для ТВ добавить и телеигру [10].

Т а б л и ц а 1.

Наиболее популярные детские программы китайского ТВ

«Цяо Ху» — имя сказочного персонажа, Тигра	Тележурнал. Есть рубрики для детей разных возрастов: 1—2 года, 2—3 года, 3—4 года, 4 года — 5 лет, 5—6 лет. Программа производится совместно с японским холдингом «Бенес Корпорейшн» [11]. В программе дети учатся готовить простые блюда, танцевать, петь и рукодельничать. Особое внимание уделяется познанию окружающего мира, обучению правильным гигиеническим навыкам
«Маленькое умное дерево»	Учебно-развлекательный и музыкальный тележурнал, включающий песни, загадки, танцы. Также знакомит детей с основами окружающего мира, геометрии [12]
«Сумасшедший Мэги»	Тележурнал. Первоначальное название — «Сумасшедший камень». Тележурнал включает семейную игру, викторины, «побег в реальность из тайной комнаты» [13]

«Вертушка»	Тележурнал. Раньше состоял из детских новостей, песен, рассказов, игр, мультфильмов и детских спектаклей [14]. В настоящее время программа перестраивается
«Умное дерево»	Телеигра. Содержит познавательные и развивающие программы. Ведет обучение детей навыкам кулинарии, а также элементам рукоделия. В журнале представлены семейные игры [15]
«Семицветный луч»	Телеигра. Дети делятся на группы и преодолевают препятствия, чтобы выиграть [16]

При изучении данных о просмотре этих программ мы отмечаем следующие закономерности:

Дети в этой возрастной группе предпочитают смотреть телепрограммы в жанре журнала или телеигры. В список любимых детских программ входят 4 тележурнала («Цяо Ху», «Маленькое умное дерево», «Умное дерево», «Вертушка») и 2 телеигры («Семицветный луч» и «Сумасшедший Мэги»).

Дети любят программы с веселыми песнями и танцами. Это «Цяо Ху», «Маленькое умное дерево», «Умное дерево», «Вертушка». Во время эфира в них показывают песни и танцы. Ведущие приглашают детей, сидящих у телевизора, петь и танцевать вместе с ними.

Игра — важнейший элемент. Игра как основной элемент входит в состав всех программ. Виды игр различны. Например, в программе «Цяо Ху» и «Вертушка» часто учат детей, как готовить или делать руками интересные поделки. В программе «Маленькое умное дерево» дети изучают, как делать фокусы. Во время эфира в формате реалити-шоу создаются команды детей, которые конкурируют в играх.

Следовательно, самые предпочитаемые программы — интерактивные передачи с разными играми, песнями и танцами. Лучший формат детских программ — тележурнал. Наиболее популярный жанр — телеигра.

Кроме того, был задан вопрос об оценке и пожеланиях детей по поводу телепрограмм. В целом дошкольники смотрят детские программы с удовольствием. 85,71% опрошенных были настроены положительно по отношению к просмотру детских программ. У 14,29% детей были жалобы, связанные в основном с тем, что везде показывают мир животных, а это для них очень скучно. Еще их не устраивает большое количество рекламы в промежутках между детскими программами.

Стоит отметить, что телепросмотр программ в Китае детьми ранней возрастной группы стал предметом нашего изучения. Используя метод анкетирования, мы получили более или менее объективную картину телевизионных предпочтений детей.

Таким образом, на основании собранных данных становится ясно, что многие дети смотрят телевизор каждый день, из них большинство смотрит телевизор от 1 до 3 раз в неделю. Час пик приходится на вечернее время с 20 до 22 часов. Многие дети не имеют

определенного времени для просмотра телепередач. Часы и продолжительность телепросмотра у них изменчивы. Эта группа готова в любой день с 20.00 до 22.00 смотреть свои любимые программы. И наиболее предпочитаемые телевизионные программы — тележурнал и реалити-шоу. Программы с играми, танцами, песнями и рукоделием также пользуются достаточно высокой популярностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжэнь Ци. Теория и практика по вопросу воспитания детей / Чжэнь Ци, Хюй Лихуа. — Ханчжоу: Изд-во университета Чжэцзяна, 2014.
2. Цзэнь Юэюй. The newest citizen practical law consulting handbook / Цзэнь Юэюй. — Пекин: Изд-во Политическая События, 2002.
3. Фан Фуци. Внутренний мир детей / Фан Фуци, Фан Гэ. — Пекин: Изд-во Пекинского университета, 1989.
4. Брайант Дж. Основы воздействия СМИ / Брайант Дж., Томпсон С. — Москва, 2004.
5. Пу Вы. Исследование требований к детским СМИ — на примере телевидения, книги, электронных игр / Пу Вы // Исследование СМИ. — 1996 (3). — С. 13—24. 卜卫: 关于儿童媒介需要的研究——以电视、书籍、电子游戏机为例/《新闻与传播研》.
6. Ян Чжонцзи. Исследование детского телевизионного просмотра в Гонконге / Ян Чжонцзи // Современное телевидение. — 1994 (5). 杨仲子: 香港儿童收视调查. «当代电视».
7. Дэнь Хуэй. Анализ развлекательных программ для детей с точки зрения психологии аудитории / Дэнь Хуэй // Научный журнал радиотелевидения Китая. — 2005. — № 10. — С. 71—75. 邓辉: 从受众心理分析儿童娱乐节目. «中国广播电视学刊».
8. Ли Чи. Особенность детского телевизионного просмотра в рамках многообразных СМИ / Ли Чи // Modern Audio — video Arts. — 2013 (2). — С. 66—70. 李琦: 多媒介环境下儿童收视特征分析. «现代视听».
9. Сэн Маофан. О телевизионном жанре / Сэн Маофан // Исследование народного искусства. — 1997. — № 1(10). — С. 3—12. 森茂芳. 电视体裁论. 民族艺术研究.
10. Ильченко С. Н. Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания: учебное пособие / С. Н. Ильченко. — Санкт-Петербург, 2006.
11. Передача «Цяо Ху» для дошкольников, 2015. — URL: <http://www.baofeng.com/detail/460/detail-794460.html> (дата обращения: 21.08.2017).
12. Официальный сайт телеканал CCTV, передача «Ма-

ленькое умное дерево». — URL: <http://tv.cctv.com/lm/xxzhs/> (дата обращения: 21.08.2017).

13. Официальный сайт телеканал MGTV, Передача «Сумасшедший Мэги». — URL: <http://www.mgtv.com/h/166260.html> (дата обращения: 21.08.2017).

14. Официальный сайт телеканал CCTV, передача «Вертушка». — URL: <http://www.cctv.com/life/kids/intro/>

introduce. html (дата обращения: 21.08.2017).

15. Официальный сайт телеканал CCTV, передача «Умное дерево». — URL: <http://tv.cctv.com/lm/zhs/> (дата обращения: 21.08.2017).

16. Официальный микроблог передачи «Семицветный луч». — URL: http://www.weibo.com/kakuqiseguang?is_all=1#_loginLayer_1494612827157 (дата обращения: 21.08.2017).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Цао Юй, аспирант кафедры телевидения и радиовещания

E-mail: pretty.nina1989@mail.ru

M. V. Lomonosov Moscow State University

Cao Yu, Postgraduate Student of the Television and Radio Broadcasting Department

E-mail: pretty.nina1989@mail.ru

ТУРИЗМ КАК СПОСОБ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ВЬЕТНАМА В НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ

Чан Ван Ле

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 октября 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются проблемы продвижения имиджа и бренда Вьетнама как туристической страны, живущей в условиях «демократического социализма». Подчеркнуты достоинства территориально-географического имиджа Вьетнама, показаны особенности освещения страноведческой специфики имиджмейкинга в специализированных изданиях и в Интернете. Сделан вывод о специфике продвижения туристических услуг с помощью медиарилейнз.

Ключевые слова: Вьетнам, туризм, массмедиа, географический имидж, климатический фактор, «демократический социализм», народная дипломатия.

Abstract: in this article the problems of promoting Vietnam's image and brand are analyzed. The article deals with media coverage of tourism topics in the country of "democratic socialism". Territorial and geographic traits and advantages of mediarelations are stressed. The conclusion is drawn about specific features of tourist industry in Vietnam.

Keywords: Vietnam, tourist industry, media, mass media, geographic image, climatic factor, "democratic socialism", people's diplomacy.

Туризм рассматривается руководством СРВ как важная часть экономики страны «демократического социализма» и как способ популяризации имиджа государства, которое стремится установить дружеские отношения со всем миром. Массмедиа Вьетнама принимают активное участие в продвижении имиджа демократической гостеприимной страны на международный рынок туристических услуг, рассматривая иностранных туристов как желанных гостей, представителей «народной дипломатии». Медиарилейнз также способствуют созданию образа открытого гостеприимного государства, ждущего туристов и делающего все возможное для комфортного отдыха и оздоровления граждан любой национальности. Изучение данного аспекта деятельности СМИ актуально, оно приобретает особое значение для вьетнамского народа в наши дни.

Целью данной статьи является характеристика вклада национальных СМИ Вьетнама в реализацию политики «открытых дверей», которая во многом связана с развитием туризма, а также характеристика «территориально-географического» имиджа Вьетнама, представленного в газетах и журналах рекламно-информационного направления.

Туризм, как специфическая форма оздоровительно-рекреативной деятельности, обусловленной потребностью каждого человека в отдыхе и новых впечатлениях, существовал всегда, но теория использования туристов в качестве создателей положительного образа страны и стратегия воспитания

граждан как носителей «национального бренда», возникла сравнительно недавно [1; 2; 3]. Осознанное создание международного имиджа Вьетнама как привлекательного географического места во многом опирается на PR-стратегии и приемы медиаменеджмента, маркетинга территорий и на другие тактические решения, разработанные в мировой практике PR-деятельности. Как известно, образ (имидж) государства опирается на долговременную репутацию, которую, по словам российского исследователя А. Лубянова, «приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром... В процессе описания образа нельзя игнорировать негативные тенденции в развитии страны, недостатки лидеров» [2, 38]. Данный признак политического имиджмейкинга важен для стран, где укоренились традиции партийной дисциплины и авторитета лидеров. Далее А. Лубянов уточняет: «Нужен целостный многоаспектный образ страны, иначе появятся обвинения в предвзятости» [2, 39]. Критические отзывы западных журналистов о лидерах «восточных» (южных) государств говорят о различиях в понимании демократии в Европе и Азии. А это сказывается на репутации, необходимой для экономического сотрудничества, в частности для притока инвестиций. Ученые подчеркивают: чем точнее характеристика и самооценка лиц, отвечающих за осуществление внутренней и внешней политики государства, тем больше доверия к лидерам и элитам в обществе, тем выше внешняя оценка имиджевого потенциала стран и территорий [4, 45].

Вот конкретный пример. На 2016 год был наметен рост экономики на уровне 6,7%. Хотели улучшить работу частных предприятий, сделать проще систему проверки деятельности бизнесменов. Глава правительства Нгуен Суан Фук не так давно признал, что намеченное не удалось выполнить в полной мере. Американские партнеры с пониманием отнеслись к этой информации, что помогло сохранить положительный имидж открытого и развивающегося Вьетнама, не боящегося временных неудач. А невыполнение плана, правильно освещенное СМИ, не повлияло на поток инвестиций и тем более на развитие туризма. Более того, как сообщает авторитетный американский журнал *The Little Saigon News*, издаваемый в Калифорнии и окрестных городах для вьетнамской диаспоры и всех, кто интересуется нашей страной, в последние годы к турам во Вьетнам проявили большой интерес ветераны войны, воевавшие там. Среди посетителей мест боевых действий приезжал и сенатор, бывший военный летчик Дж. Маккейн, сбивый когда-то вьетнамцами с помощью советской ракеты. Его судьба и счастливое возвращение в США также использовались для примирения и для пропаганды дружбы между народами.

Исследователь Ю. Быба уточняет определение имиджа государства, говоря о стереотипах восприятия: «...стереотипизированное представление, основанное на объективных характеристиках государства, с учетом исторических особенностей его развития, сформированное с помощью мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованное коллективным опытом народа» [5, с. 8], является общим представлением и самих граждан государства и других наций. Образ государства не равен образу страны, с первым связаны более официальные представления, а также системные усилия и профессиональная работа политиков, дипломатов и журналистов по созданию и улучшению имиджа, а во втором случае речь идет о более широких представлениях, о географии, истории, традициях и нравах людей, проживающих в данной стране. Психолог из США Гарри Левинсон, анализируя проблемы страноведческой имиджологии, обратил внимание на противоречия и конфликт в процессе «самовосприятия» имиджа и его оценки «со стороны». Часто имидж, конструируемый для «внутреннего пользования», не совпадает с мнением экспертов и граждан зарубежных стран. Г. Левинсон советовал в любой ситуации, в случае с любой организацией, в том числе и с правительственной системой управления, задавать критические вопросы для тестирования прочности имиджевых характеристик. Это особенно важно в странах с ограниченным правом на независимое мнение. В трудах Г. Левинсона показана стратегия уточнения внутреннего имиджа в условиях внешней возрастающей конкуренции на рынке: например, актуальны вопросы: «Какие действия

предпринимает руководство (страны) для улучшения своей репутации? Какими способами и в какой форме руководство страны доносит до населения принятые ими решения (убеждает, уговаривает, привлекает и прочее)? Какой граждане хотят видеть свою страну, каким видит имидж руководство страны и каким зарубежная аудитория?» [1, 17] и т.п.

Одним из наиболее известных определений имиджа страны является определение, предложенное Всемирной организацией по туризму, согласно которому имидж страны — это совокупность «эмоциональных и традиционных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа» [4, 46]. Добавим, что имидж, создаваемый официальными лицами в политике, ближе к полной и объективной картине, чем имидж этой же страны в отзывах туристов, но туристы, думая о небольшой сфере фактов, о привлекательной характеристике страны, принимающей гостей, глубже понимают образ жизни простых местных граждан и точнее оценивают сферу услуг, качество дорог и т.п. Гости видят то, к чему привыкли хозяева, не замечающие грязи на дорогах или отсутствие чистой воды. Географ из РФ Д. Н. Замятин пишет о восприятии географических образов как устойчивых пространственных представлениях, «которые возникают в результате какой-либо человеческой деятельности (бытовой или на профессиональном уровне). Они являются, как правило, когнитивными моделями определения окружающего географического пространства (или географической реальности), возникающими для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели» [6, 14], давая аудитории СМИ «совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо региональные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты...» [6, 15].

Туризм стал очень важной частью мировой экономики, что подтверждают следующие цифры: доход, зафиксированный с 2000 по 2010 гг. в мире (и это только официально учтенные деньги) составил 482 млрд. долларов, что вдвое превысило доходы туристической отрасли по сравнению с предшествующим десятилетием. Более 8% всех работающих в мире заняты в сфере туризма. Конечно, большинство туристов едут из западных стран, а с Юга на Север наблюдается чаще всего приезд гастарбайтеров. Но это обстоятельство также говорит о динамичном перемещении людей в последние десятилетия, что не может не влиять на имидж и бренд стран и регионов. Значительное снижение цен на экскурсионные туры позволили туризму стать формой массового развлечения именно в последние десятилетия. Туристический бум привел к увеличению потока не только отдыхающих, но и ученых, деловых тури-

стов, дипломатов, а также мигрантов и беженцев. Социалистический Вьетнам стремится сбалансировать эти тенденции, учитывая, что ВВП условных (среднестатистических) стран растет в среднем на 4% в год, причем число туристических «прибытий» (так фиксируется динамика мирового туризма) уже приближается к цифре 2 млрд. в год [3, 17].

Туристические компании во всем мире активно спонсируют не только рекламные издания, но и более объективную «трэвел-журналистику», просто рассказывающую о путешествиях и дальних странах. Медиатизация туристического бизнеса стала доминантой государственной стратегии в этой области, темой многих изданий и телепрограмм в СРВ. Прежде всего, говоря о периодической печати, связанной с туризмом, следует назвать журнал *Du lịch* (Туризм), который издается с 1980 г. под эгидой Министерства культуры, спорта и туризма. Журнал по направленности близок известному журналу «Вьетнам», издаваемому на вьетнамском и русском языках с 1954 г., но более объемный (70—80 страниц), лучше иллюстрирован. Журнал *Du lịch* с 2016 г. имеет английскую электронную версию, основой которой являются фоторепортажи о различных курортах страны, особенно о курортах Фукуок, Нячанг и Фантхиет [7]. Журнал *Du lịch* в сетевом формате напоминает иллюстрированный журнал «Вьетнам иллюстрированный», воскресный выпуск популярного журнала «Вьетнам», ставшего образцом имиджмейкинга и рекламирования достоинств традиционного искусства.

Многие газеты Вьетнама стараются запустить английскую версию, так как англоязычные туристы наиболее прибыльны с точки зрения прямой отдачи. Но количество туристов из России тоже растет, в 2017 г. их было 280000 человек за восемь месяцев. СРВ издает газеты на английском языке в рамках специальной структуры *Saigon Times*, главным изданием которой является ежедневная универсальная газета *Saigon Times Daily*, много внимания уделяющая популяризации имиджа страны за рубежом, используя жанр «трэвел-стори», т.е. рассказа о конкретных путешествиях журналистов или политиков.

О чем конкретно пишут газеты и журналы сегодня, говоря о туризме? В сентябрьском номере 2017 г. *Du lịch*, например, сообщалось о проведении выставки международной организации *International Travel Expo* в г. Хо Ши Мине. Ранее сообщалось о летней программе туристической деятельности г. Дананга, подробно описывались состоявшиеся и предстоящие фестивали, спортивные состязания, конкурсы и концерты известных артистов. СМИ Вьетнама подробно освещали летние Фруктовый и Винный фестивали на юге страны. Часто упоминается такое достоинство курортов Вьетнама, как обилие солнечных дней и климатические факторы, способствующие восстановлению здоровья (чистый воздух, обилие зелени, целебные грязи и т.п.).

Газета «Нянзан Онлайн» 17 июля 2017 г. сообщила, что в Ханое создана новая электронная газета «Мир и Вьетнам» (редактор Нгуен Тхи Минь Нгует) на английском языке, функционирующая как основной печатный орган Министерства иностранных дел. Здесь много официальной информации о визитах, съездах, дипломатической работе. Во время визита в Россию и Белоруссию президента Вьетнама Чан Дай Куанга в 2017 г., как и другие СМИ, «Мир и Вьетнам» дал обширные репортажи, имеющие косвенную и прямую рекламу образа страны. Туризм также является важным мотивом информационных сообщений. Предпочтение отдается описанию вьетнамских курортов и исторических мест, например описанию Муйне, Нячанга, Далата, Ханоя, Хюэ, Хошимина (Сайгона). Материалы часто связаны с красотой природы и морем. Морские пляжи считаются важнейшим имиджевым преимуществом. Это национальный бренд № 1. Подробное описание места, история городов и поселков, фото памятников и музеев, рекламные материалы на основе путеводителей стали привычным контентом в изданиях такого рода.

Журнал «Мир и Вьетнам» в последние месяцы 2017 г. особенно настойчиво рекламировал экологический туристический бизнес, который является, конечно, не дешёвым, так как связан с посещением заповедников, отдаленных географических зон, где живут редкие звери и растут экзотические цветы. Заместитель министра иностранных дел Ха Ким Нгок, выступая на церемонии открытия газеты «Мир и Вьетнам», сказал, что английская версия электронной газеты «Мир и Вьетнам» представляет собой мост, соединяющий внутренние и международные силы» [7]. Дизайн сетевого издания свидетельствует о возрастании роли визуализации в массмедиа Вьетнама.

Глянцевый корпоративно-универсальный журнал *Heritage* (Наследие) создавался, чтобы рекламировать госкорпорацию «Вьетнамские авиалинии» и чтобы продвигать образ страны как товар для международного туристического рынка. В журнале, как и в газете *Saigon Times Daily*, как и в интернет-газетах, ориентированных на правительственную «Нянзан Онлайн», как и в сетевых зарубежных изданиях, рассчитанных на иностранцев и вьетнамцев, работающих за границей, много фотоиллюстраций, других приемов визуализации (крупный шрифт, рисунки, графики, коллаж). И, анализируя характер рекламы журнала *Heritage*, можно сказать, что услуги и предметы, которые рекламируются на страницах издания, это предметы роскоши, либо бытовая техника, либо высокие технологии, которые связаны с компьютерной революцией. Но основной «товар», предлагаемый журналом, естественно, связан с образом страны, где можно хорошо отдохнуть и молодежи, и пожилым туристам.

Идеология народной дипломатии, обмена студентами и преподавателями продвигается в Интер-

нете с помощью популярных сайтов, например, таких как «Форум умных граждан Вьетнама» (www.dantri.com.vn); «Сайт вьетнамского молодежного союза» (www.thanhvien.com.vn); «Сайт коммунистического молодежного союза Вьетнама» (www.tuoiitre.vn); «Голос Вьетнама» (www.vov.vn) и др. Медиарилейшнз с использованием «получастных» сетевых и «совместных» мультимедийных площадок, а также либерализация корпоративных изданий — все это дополняет государственную агитацию и социальную рекламу в коммуникативном пространстве Вьетнама.

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты имиджмейкинга в СМИ Вьетнама, можно заключить, что социалистическая идеология не мешает развитию открытого общества, и сотрудничество государства с представителями «народной дипломатии» и организованного туризма приносит ощутимые плоды. Пресса Вьетнама постоянно освещает культурные и спортивные события с учетом имиджевых достоинств страны, целенаправленно создает и укрепляет бренд туристической державы, что делает национальные СМИ еще патриотичнее. Другой специфически вьетнамской чертой медиарилейшнз можно считать позиционирование образа государства как образа государства очень трудолюбивых и дружелюбных людей, как совокупности организационных структур и организаций, стремящихся

не просто к толерантности и мультикультурализму, но к взаимовыгодному сотрудничеству и многолетней дружбе, соединяющей деловое партнерство и личные дружеские контакты обыкновенных людей, в первую очередь — туристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина О. В. Метафорический образ политической России начала XXI века на материале англоязычных сайтов: дис. ... канд. филол. наук. / О. В. Антипина. — Иркутск, 2009.
2. Лубянов А. В. Имидж региона: концептуализация понятия и его основные компоненты / А. В. Лубянов // Материалы всероссийской научной конференции «Методология, теория и история социологии» (23—24 ноября 2012 г.). — Ростов-на-Дону, 2012. — С. 37—39.
3. Мирсаякова В. А. Значение туризма в мировой экономике / В. А. Мирсаякова // Молодой ученый. — 2016. — № 5 (109). — С. 17—19.
4. Панкрухин А. Имидж страны: смена парадигмы / А. Панкрухин, С. Игнатьев // Корпоративная имиджелогия. — 2008. — № 2 (03). — С. 43—47.
5. Быба Ю. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования / Ю. Быба. — Москва, 2008. — 186 с.
6. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва, 2004.
7. <http://www.vietnamtourism.gov.vn/english/index.php?cat=012040&itemid=5143>

Воронежский государственный университет
Чан Ван Ле, аспирант кафедры рекламы и дизайна
E-mail: bluestar19891989@gmail.com

Voronezh State University
Tran Van Le, Postgraduate Student of the Advertising and Design Department
E-mail: bluestar19891989@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РАДИО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е. А. Шевелева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 5 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье анализируется процесс эволюции формо- и стилеобразующих выразительных средств радио, выделяются принципы и приемы, освоенные сценаристами и режиссерами радио в ходе этого процесса, обозначаются перспективы его дальнейшего развития.

Ключевые слова: радио, выразительные средства, звуковой образ, мелодизм, арсакустика.

Abstract: the article examines the process of evolution of form and style forming means of expression of radio, principles and methods, which had been established by screenwriters and radio directors during this process, observes the prospects of its further development.

Keywords: radio, expressive means, sound image, melodism, ars acustica.

Звуковой образ¹ создается путем использования выразительных средств радио. Классифицируют две группы выразительных средств радио: формообразующие и стилеобразующие. К формообразующим относят слово, музыку, шумы, документальные записи. К стилеобразующим — методы и приемы, возникшие в ходе развития радиовещания и эволюции его технических средств (реверберация, прием «бурагино», звуковая мизансцена, монтаж и др.).

На раннем этапе развития радиовещания (1921—1927 гг.) возможности обработки звука были крайне ограничены. Шумы вводились в ткань радиопроизведения в студии, во время прямой трансляции. Неудивительно, что радиорежиссеры относились к ним с осторожностью, акцент предпочитали делать на звучащем слове и музыкальном оформлении (его было проще включить в партитуру). В первом радиоспектакле «Вечер у Марии Волконской» (в эфире 25 декабря 1925 г., режиссер — Н. Волконский) шумы не использовались, действия сопровождала музыка. Примечательно, что она не только отражала эмоциональную атмосферу события, разворачивающегося на радиосцене, но также раскрывала образы героев: вальс Грибоедова, марш лейб-гвардии Его Величества Измайловского полка (особенно интересна партия ударных, неизменно подхватывающая голос Николая I).

Как следствие, вначале формировалась логоцентрическая ветвь радиовещания (предполагает при-

мат слова), или аудиовербальная. А. Шерель выделял еще две — наивный натурализм (акустический конструктивизм) и мелодизм (равенство всех звуков). Однако чем старше становилось литературно-драматическое радиовещание, тем больше оно тяготело к мелодизму.

Технические возможности радио становились богаче — радиодраматурги и радиорежиссеры получали больше простора для творчества. Звукозапись оптическим способом открыла возможность многослойного наложения шумов и музыки, позволила вводить в звуковую ткань радиопроизведений документ. Появление в 1930 г. записи звука магнитным способом дало начало монтажу. Магнитную пленку, в отличие от носителей, которые использовались при записи звука оптическим способом, можно было резать и склеивать заново. Принципы монтажа частично были сформированы в рамках подготовки информационно-аналитических программ, но как художественный прием монтаж окреп лишь в литературно-драматическом радиовещании: «Монтаж есть прежде всего выражение идеологических и эстетических позиций автора, метод его художественного мышления, творческого осмысления действительности» [1, 145].

К концу 1930-х гг. качественная пленка выдерживала до пятнадцати совмещений. В контексте этого утверждаются принципы мелодизма. В частности, сопоставление или противопоставление (в зависимости от целей автора) ритмики литературного текста музыке и шумам [1, 99—100] получили развитие в творчестве В. Мейерхольда. При создании радиопостановок режиссер выявлял в речи и музыкальном сопровождении акценты, совмещение которых приводило к возникновению единой мелодии. Так в арсенале радиорежиссеров появился прием,

¹ Звуковой образ, согласно теории радиожурналистики, есть совокупность звуковых элементов (речи, музыки и шумов), создающих у слушателя посредством ассоциаций представление (в обобщенном виде) о материальном объекте, жизненном событии, характере человека.

который получил название «Принцип организации эмоциональной среды радиопредставления»: «При отсутствии пространственного и пластического изображения определяющую роль играет общее звуковое, интонационное решение, тональность, звуковой образ радиопостановки» [2, 126], — поясняет исследователь литературно-драматического вещания В. Кудрявцев.

Художественный потенциал шумов и музыки постулируется в творчестве главного режиссера детского вещания Всесоюзного радио Р. Иоффе. Она утвердила важнейший для литературно-драматического вещания принцип «Слушая — видеть!», согласно которому задача режиссера — не просто сообщить информацию посредством аудиального языка, но стимулировать воспроизведение конкретных зрительных ассоциаций: «... средства, которые существуют у режиссеров радио... — ... их немного. Прежде всего — это литература, затем актеры, музыка, шумы, звукоподражание и «натуральные звуки» живой жизни... Звуковой (только звуковой) образ по глубине и выразительности воплощения обязан вместить в себя и манеру двигаться, и грим, и костюм, и эпоху, и класс, и даже место действия» [3, 20].

После войны в Советский Союз привезли трофейную магнитофонную ленту. Свободный доступ к звукозаписи стимулировал творческие эксперименты. При создании радиоспектакля «Хозяйка медной горы» Р. Иоффе намеренно увеличивает скорость воспроизведения пленки на определенных отрезках: то, что раньше считалось браком, теперь становится средством придания сказочности голосам маленьких рептилий. Режиссер идет еще дальше, пробует замедлить пленку — и снова неожиданный эффект. Голоса приобретают низкий тембр, звучат пугающе. Эксперименты со скоростью воспроизведения магнитофонной пленки легли в основу радиоспектакля «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1948 г.). Все роли в этой постановке исполнил Н. Литвинов, но благодаря приему, открытому Р. Иоффе, его голос превращался то в звонкую скороговорку деревянного мальчика, то в рев Карабаса, то в напевное мурлыканье Лисы Алисы. Так появился уникальный художественный прием «эффект буратино», которой вскоре освоили и работники информационного вещания. Использовали его в основном для придания комичности речи.

В 1959 г. Ленинградский радиотеатр выпускает радиоспектакль «Время летних отпусков» по повести А. Рекемчука, где для выражения мыслей героя впервые применен «двухэтажный диалог», построенный на контрапункте. Это заметно расширяло потенциал проработки образа героя. «Радиотеатр, с его техникой записи на пленку, дает возможность одновременного существования героя в различных пластах времени, и это открывает перед радиотеатром неисчерпаемые возможности для психологического,

социального, историко-философского исследования человеческой личности» [4, 144], — подчеркивает известный теоретик радиоискусства Т. Марченко. Наиболее полно метод «двухэтажного диалога» реализован в радиоспектакле «Мартин Иден» А. Эфроса (1976 г.).

Торжество мелодизма провозгласила арсакустика — особое направление литературно-драматического радиовещания, зародившееся в Веймарской республике в первой половине XX века и получившее развитие во многих странах, включая Россию. Эстетические и философские корни этого направления, согласно мнению А. Шереля, надо искать в том же русле мировой культуры, что и корни сюрреализма в живописи [1, 571]. Арсакустика, как и сюрреализм в целом, ориентирована на максимальное расширение человеческой фантазии — апеллирует к подсознательным процессам человеческой психики с помощью звука, шумов. В России принципы и приемы арсакустики получили развитие в 1990-е гг., во многом благодаря творчеству радиорежиссеров Д. Николаева и М. Осипова.

С развитием цифровых технологий (2000-е гг.) специфика процесса обработки звука изменилась. Новые приборы, созданные на основе математического расчета размеров помещения и возврата хода звуковой волны, расширили палитру эффектов, а кроме того, существенно упростили работу радиорежиссеров, что в свою очередь позволило нарастить темп создания радиопостановок: в эфире стали чаще появляться премьеры.

«В ГДРЗ принцип был такой: огромное помещение — третья студия — там ставился микрофон, от туда брался объем помещения: звук с пленки посылался на колонки, и уже с эхом все это фиксировалось на другую пленку... А сейчас поставил плангинчик, и он смоделировал любое помещение: хоть Альбертхолл, хоть Ла Скала, хоть подвал, хоть маленькую комнату...» [5].

Эти возможности нашли выражение в радиопостановке М. Осипова «Жизнь насекомых» (2004 г.) по роману В. Пелевина. Сюжет оригинального произведения построен на сопоставлении мира людей и мира насекомых, как следствие, фабула реализуется в двух параллельных плоскостях. Аудиально М. Осипов выражает это через отождествление слушателя с главным героем. К примеру, звук сталкивающихся песчинок, неуловимый в мире людей, в мире насекомых звучит как взрыв бомбы.

Еще один пример использования новых возможностей обработки звука — более ранняя работа М. Осипова — радиосериал «Кысь» (2001 г.) по роману Т. Толстой, выдержанный в жанре постановочного чтения. Для создания постапокалиптической атмосферы режиссер использует ненатуральные шумы — скрип и скрежет, обработанные посредством многослойных наложений с использованием эквалайзеров.

Радиосериал демонстрирует все богатство эффектов, которое литературно-драматическое радиовещание получило в век цифровых технологий.

Эти эффекты расширили выразительные возможности, но не стимулировали развитие режиссерских приемов: они стали лишь новым, более ярким, воплощением принципов, разработанных сценаристами и режиссерами радио в XX веке. Очевидно, можно говорить о том, что в определенном смысле выразительные средства радио достигли предела своего самостоятельного развития. Это явление характерно и для других областей творческой деятельности журналиста, для многих направлений современной науки. Согласно докладу специальной комиссии, созданной Национальным советом по исследованиям (National Research Council), которую возглавил член трех национальных академий США Джозеф де Симоне: новые открытия предполагают междисциплинарное сотрудничество, черты которого мы можем наблюдать сегодня. Авторы доклада делают акцент на том, что взаимопроникновение дисциплин усиливается и приводит к ускоренной генерации инноваций [6]. Этот процесс получил название «конвергенция». Его черты отчетливо проявляются в современном литературно-драматическом радиовещании, в частности наблюдается сближение жанров и форм.

А. Шерель отмечал: «Звуковые сообщения способны производить в человеческой психике, подсознании и сознании потаенные, скрытые внутренние

эффекты, механизмы которых еще не до конца познаны наукой» [1, 241]. Дальнейшее развитие выразительных средств, на наш взгляд, возможно лишь в контексте конвергенции, в частности с областями лингвистического знания. Необходимо выявить особенности супервербального уровня синтеза (создания) произведений литературно-драматического направления и, как следствие, более детально изучить физиологические процессы, связанные с восприятием аудиальных текстов, строящихся по законам мелодизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерель А. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки / А. А. Шерель. — Москва, 2004.
2. Кудрявцев В. А. Радиодрама. Практика и перспективы / В. А. Кудрявцев // Радиоискусство: Теория и практика. Искусство: статьи, интервью, комментарии, радиопьесы. — Москва, 1981.
3. Иоффе Р. М. Слушая — видеть! / Р. М. Иоффе // Советское радио и телевидение. — 1962. — № 7.
4. Марченко Т. А. Радиотеатр. Страницы истории и некоторые проблемы / Т. А. Марченко. — Москва, 1970.
5. Личное интервью с радиорежиссером Д. Ф. Труханом (дата записи: 14 октября 2016).
6. NRC (National Research Council). 2014. Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond. Washington, DC: The National Academies Press.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Шевелева Е. А., аспирант кафедры телевидения и радиовещания

E-mail: e.shevelyova@gmail.com

M. V. Lomonosov Moscow State University
Sheveleva E. A., Postgraduate Student of the Television and Radio Broadcasting Department
E-mail: e.shevelyova@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию, краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.